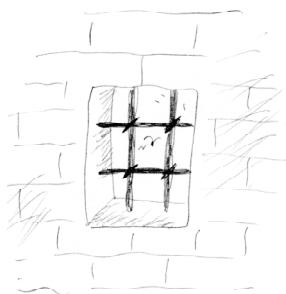

СЕРГЕЙ МИНИН

СИМУЛЯНТЫ

ТОЛЬЯТТИ 2012

ББК 84(2Рос - 4Сам - 2Тол) 6 - 4
ISBN - 85234 - 163 - 0

Редактор **Владимир Мисюк**
Художник **Марина Шляпина**

Сергей Минин. «СИМУЛЯНТЫ» –
Тольятти, Литературное агентство В. Смирнова,
2012. – 300 с.

© С. Минин, 2012
© М. Шляпина 2012
© Литературное агентство В. Смирнова, 2012

СИМУЛЯНТЫ

*Не дай мне бог сойти с ума,
Уж лучше посох и сума.*
А.С. Пушкин

Все идут, а мы канаем.
Поговорка

ЧАСТЬ I. ИДЕЯ ФИКС

Глава 1. Полет откладывается

Зная по некоторому собирательному опыту о том, что противостоять российскому следственному и судебному произволу зачастую можно только имея за плечами если не огнемет, то хотя бы рюкзак, набитый деньгами, мы с моим товарищем по несчастью Серегой Платоновым, будучи голлью перекатной и не располагая таковыми, решили «закосить» под психбольных, с которых, как известно, взятки гладки, о чем успели сговориться во время этапа, когда нас возили на закрытие дела и начало первых судебных заседаний автозаками из тюрьмы города Сызрани (где мы содержались на время всей процедуры «околпачивания») в ИВС¹ города Тольятти, где хоть и было подобное пенитенциарное учреждение, да только оно не один уже год находилось в состоянии долгостроя и никак не желало принимать своих первых постояльцев из числа задержанных. Вот и кантовали нас, как бездушный груз, за сто километров туда-сюда и обратно по всяческому поводу и без повода, из кутузки в кутузку. Разумеется, о своем намерении отправиться на психиатрическое освидетельствование мы тут же оповестили своих адвокатов, которым до наших проблем, в принципе, было, что называется, «до фонаря», так как вышеозначенные персоны по закону нам были предоставлены бесплатно и чисто формально выполняли возложенные на них обязанности – на экспертизу, так на экспертизу, что и позволило им, не задумываясь, поддержать заявленные нами в суде ходатайства.

Судья, сварливая шестидесятилетняя старуха маразматического вида, словно явившаяся из сказки про бабу Ягу, только без современных сопутствующих атрибутов – летающего унитаза, чистящего ежика и компьютера, подключенного к интернету (я то ли в мультике, то ли во сне такое видел), вначале заупрямилась и не хотела идти у нас на поводу, но молодой, пухлый, как младенец, прокурор с сальными глазками и торчащими, как у Чебурашки или Телепузика, ушами, прямо в процессе слушания пояснил ей, чуть ли

1 - ИВС – изолятор временного содержания.

не во весь голос, что в случае отклонения данного волеизъявления приговор неминуемо будет оспорен в процессе обжалования. Тогда она, поскрежетав от злости явно вставными зубами и покрываясь пурпурными пятнами, мгновенно выступившими на бледном сморщенном лице, согласилась удовлетворить наше ходатайство, прервав судебное заседание.

Стараниями работников милиции мой подельник Серега Платонов, двадцатисемилетний недоросль, как личность ранее не судимая, в душе еще надеялся на благополучный исход выпавших на нашу долю испытаний. Тогда как я, как человек бывалый и не раз уже подвергавшийся за вольнодумие всевозможным гонениям, несколько не сомневался в том, что мы получим срок, причем немалый, ведь статья-то у нас была хоть и 158 УК РФ (кража), зато с частью нам не повезло, часть нам вменили, как-никак, четвертую, а по ней по уголовному кодексу Российской Федерации годики исчисляются пятилетками – раз, два – хоть общего, хоть строгого режима, все равно ведь их еще отсидеть нужно, и, прошу заметить, не в комфортных европейских условиях с усиленным питанием, а в наших ново-гулаговских лагерях, на набитом вместо ваты клопами матрасе – на хлебе и воде. Поэтому, без всяких обиняков, я ему и предложил:

– Катим-ка лучше в дурку! Тем более что в истории подобных примеров было множество, возьми хоть Камо или Кампанеллу.

– Я боюсь

– Чего?

– Уколов.

— Да брось ты чудить. Это только первые пять лет страшно, а потом ничего — привыкаешь. Как наркоман, еще и закумаришь. Сам жопу медсестре подставлять будешь!

— Мама...

— Шучу. Я, между прочим, тоже этих уколов как огня боюсь с детства, но куда деваться? Не сегодня-завтра нам приговор зачищают, от которого точно с ума свихнешься. Кстати, ты и сам, похоже, это не хуже меня уже по настрою судьи видишь. Прокурор для порядка обвинение поддержит, а она, чтоб мало не показалось, тебе лет семь и мне лет девять «впаяет». Как теперь докажешь, что это не мы у ее подруги-судьи машину угнали, раз уж этот эпизод по делу проходит? Да и все остальные тоже...

— Мама...

— Что ты все заладил — мама, да мама. Едем. Авось «проканает»! А нет, так хоть на будущее опыта наберемся — как себя умалишенные ведут посмотрим. Мне лично это интересно. На психопатов в лице работников милиции, прокуратуры, судейских и пенитенциарных органов я уже насмотрелся — хватит! Пора бы уже для себя выяснить — чем они от гражданских лиц отличаются? А потом, кто знает, по какой статье мы в следующий раз сюда «заедем», если за убийство или торговлю наркотиками, то вообще можно не освободиться больше — страна-то у нас беспредельная, вон как крепят. И главное, что никаких конкретных доказательств для этого даже не потребуется — сойдут и домыслы. Ты, не ты — какая им разница? Дело «следаком» сфабриковано, в суд прокуратурой передано, судьей наскоро рассмотрено — и пошел на зону «тридцатый»! На вещи надо смотреть реально.

— Ма-ма-а-а!!!

Красноречие было из меня как из вскрытого на пожаре огнетушителя. Густая пена моих доводов напрочь забила Серегины уши. Еще секунда, и ему бы не потребовалось косить под дебила, дабы избежать несправедливого осуждения — пожизненная койка в одной из психиатрических клиник нашей необъятной родины была бы ему обеспечена. И тогда я сменил тактику, на какое-то время умолкнув, чтобы дать ему возможность собраться с мыслями и успокоиться, пока мы сидели в тесной судейской «превратке»² плечом к плечу среди таких же, как и мы с ним, узников, приводимых и уводимых под конвоем на назначенные на этот день слушания.

— Ну че, сколько дали? — без конца раздавалось со всех сторон.

— Десять.

— Пятнадцать.

— Двадцать.

— Теперь понял, — веско заключил я, обращаясь к Сереге.

2 - Превратка — камера предварительного заключения.

— Ага.

— Смотри у меня.

Время терять было нельзя. Скоро нас должны были отвезти обратно в изолятор, а там рассадить по разным камерам. Поэтому-то мы и приступили, не откладывая, к обсуждению деталей нашего стихийно возникшего проекта, скажем так, «по спасению утопающих силами рук самих утопающих», протиснувшись в уголок от галдящей без устали, как на базаре, публики, которая все никак не могла смириться с мыслью о том, что в этой жизни не только космонавтов запускают в космос. Обреченным на лагерный срок порой приходится и похуже!

Во всяком случае, мы были рады уже одному тому, что для нас старт на сегодня отменяется, но как нам добиться окончательного списания с этого гребаного космодрома, точно пока не знали. Но при этом сходились в главном, что направление от судьи на психиатрическое освидетельствование нами было получено, а это, по нашим представлениям, было уже полдела, ибо многим из стражущих, насколько мне было известно, и это не удавалось. Кто-кто, а я-то своими глазами видел, сколько по Самарлагу сидит ярко выраженных недоумков. Спрашивается, неужели служители Фемиды, когда их судили, этого не замечали? А вот нам, прежде чем попасть на стационарное освидетельствование, предстояло еще пройти первый кордон, или, как его еще именуют в обиходе, «пятиминутку», что, по словам бывальных зэков, является серьезным препятствием, на котором отсеивается основная масса поступающих туда обвиняемых в совершении, как правило, особо тяжких преступлений, и едва успевших назвать врачебному консилиуму свое имя и фамилию, и дать объяснение на классический в психиатрии вопрос, чем отличается самолет от птицы. На который мы с моим заметно воспрянувшим духом собратом по несчастью, честно сказать, едва ли нашлись бы, что пояснить, так как за всю нашу суммарную и не очень разнообразную на впечатления жизнью нас никто еще не озадачивал подобной ахинеей, чтобы не быть посланным в ответ на три веселых буквы.

— Может, им лучше в морды плонуть, — не очень уверенно предложил мне Серега.

— Нет, мы пойдем другим путем, — многозначительно заявил я, как это некогда сделал, видно, крепко осерчавший на царизм за казнь старшего брата будущий пролетарский вождь Ульянов (Ленин) и, подобно ему, не забывая об осторожности, я тотчас перешел на конспиративный полушенот, чтобы нас не могли услышать не переставая беснующиеся по камере «космические туристы», а то еще подражать вздумают, как только отйдут от пережитого шока. Впрочем, как говорится, поздно пить боржоми, когда уже почки отказали, ибо в отличие от нас с Серегой, всех их в тот день осудили, а по кассационной жалобе приговор редкий раз кому

отменяют, стало быть, им надо было уже, не забивая себе голову всякой ерундой, по серьезному собираться в зону. Не то что бы чемодан упаковывать, а хотя бы морально настроиться, ибо для многих, без преувеличения сказать, это ж «билет в один конец» будет.

— Тише, тише... все уедем, — параллельно пытался я их утихомирить, но это было тщетно.

Работать приходилось в экстремальной обстановке, приближенной к военной...

Нервы пошаливали...

Время поджимало...

Удивительно, как еще чувство юмора нам не изменяло?

И — о, эврика! Мы, кажется, нашли то единственное верное решение, о котором при желании можно будет узнать из последующих глав нашей многострадальной, как Родина-мать (которая вечно куда-то зовет), арестантской поэмы. Не упустите подходящего случая!

Глава 2. Город с неприличным названием

Перефразируя известные стихотворные строки Владимира Маяковского, быть может, не очень корректно в свое время отозвавшегося о захолустной крымской здравнице Евпатории и, по слухам, вспоминающиеся теперь, можно, забыв о приличиях, смело заявить то же самое и о расположеннном на отшибе самарской губернии «отстойном» городишке Сызрани, ибо кто не был в Сызрани, тот точно ничего не потерял.

Казалось бы, geopolитически лучше места и не подберешь – только процветай! Все сошлось в одном: и судоходная матушка-река Волга, и две железнодорожных ветки, принимающие поезда со всех направлений нашей обширной державы, и федеральная трасса Москва-Челябинск с пересекающим ее саратовским направлением, денно и нощно на пару обеспечивающим движение большегрузных фур, и находящийся по соседству в селе Курумоч международный аэропорт, представляющий на любой вкус бизнес и туристические круизы, – ан нет, точно какой-то нехороший человек взял, и столь перспективный во всех отношениях город, из одной только вредности, слазил. Ну, не прививается ему, разнесчастному, как надломленному саженцу, ни цивилизация, ни прогресс – и ничего уж тут не поделаешь! Прям хоть к гадалке иди и снимай порчу, а иначе, сколько ни вкладывай в него финансовых ресурсов и ни строй промышленных объектов, все одно толку от этого никакого не будет. Или, как в старину деды наши грубо заключали, псу под хвост пойдет. Однако люди везде живут, да еще и похваляют, как тот кулик свое болото. И ладно бы по скромному, в пределах допустимого, так, чтобы не резало слух, так нет же! У них так, видите ли, не получается, и если уж они разойдутся, так хоть стой, хоть падай, вот как, например, однажды в зоне, «на полном серьезе», уверял меня в том, что это, дескать, аж столица Поволжья, их местный преступный авторитет Санька «Тит», осужденный на семнадцать лет лишения свободы за организацию банды и убийство сотрудника милиции. А попробуй я, допустим, возразить ему, так он бы наверняка с пеной у рта начал доказывать свою правоту, а то и вообще бы затеял драку. Поэтому я уж не возражал, оставаясь при своем мнении, что Сызрань – это не что иное, как самая захудалая провинция, у которой весь городской бюджет складывается из денег, выделяемых ГУФСИНом на содержание следственно-пересыльной тюрьмы, и те, на чисто русский манер, по большей части беспардонно разворовываются будто вышедшими из романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» и по-кроличьи бессчетно расплодившимися «голубыми воришками». А точнее будет сказать – всеми, кому не лень. Тогда как остальные акционерные общества, разместившиеся на территории этого анклава бедности, такие, как предприятие по производству пластиковых изделий или сборочная линия по установке «на колеса» никому не нужных вазовских, а позднее, как судачил кто-то, и иностранных малолитражек, буквально сыплющихся на ходу, а также с коммунистических времен не модернизированный нефте-перерабатывающий завод и что-то там еще, только и делают последние десятилетия, что занимаются отмыванием чьих-то посторонних криминальных денег. Самим же сызранцам от них, как говорится, ни жарко, ни холодно; ведь на ту мизерную зарплату, которую им там платят, ничего весомого, конечно же, не купишь, а

теневыми доходами, понятное дело, с ними никто делиться не собирается. Хотя и этому, вероятно, каждый из них безмерно рад. Не зря же бытует поговорка, что на безрыбье и рак рыба, и чем вообще ничего, пусть хоть что-то да будет!

Здесь мужчины круглый год ходят в мохеровых кепках с начесом – а-ля мода пятидесятых – каких на базаре у бабок за сносную цену можно, что опять из ближайшего леска, хоть целую охапку набрать. Других, типа «лужковских», туда коммерсанты просто не возят и предприниматели-кустари сами не шьют – спроса нет! А относительно трудовой занятости, в основной массе своей бездельничают, преимущественно харизматично соображая на троих, если, конечно, всякой дрянью не колются. Зато женщины круглые сутки, с целью дополнительного, а то и единственного заработка, гоняются (не подумайте чего скабрезного! – не за сильным полом, потому как от «ихних» мужиков «акромя» пинка под зад и фингала под глаз им вряд ли чего-то стоит ожидать) за проходящими поездами, набив детские коляски всякой ларьковой снедью, в смутной надежде хоть что-нибудь из нее с небольшой «накруткой» навязать пассажирам дальнего следования. Эпохальное зрелище, между прочим, получается. Эпохально! Натурально, продолжение кинематографической классики «Броненосец «Потемкин» Сергея Эйзенштейна. Так сказать, часть вторая. Причем, судя по всему, далеко не заключительная. Ясно, что русского человека этим не удивишь, но вот любого проезжающего мимо интуриста, а особенно не привыкшего к такому отчаянному новаторству культурного изнеженного европейца, безусловно, это повергнет в шок. Он-то ведь, руководствуясь здравым смыслом, вначале подумает (глядя на берущие его в окружение быстроходные люльки), что его признали за отца, вместо куда-то уехавшего, да еще и не одного, а сразу нескольких любимых чад. И как тут быть? Докажи-ка попробуй обратное – перед таким напором по виду просто ошалевших баб. В общем, «пиши пропало» – волосы по всему телу дыбом, мысли в голове роем: сейчас, мол, в плен возьмут и до смерти, всем скопом, залюбят. А если не поделят и в азарте на части порвут? Короче, выход напрашивается один – откупаться! Так что, в любом случае, иностранцу эти поганые продуктишки всучат. И если он их, из чувства здоровой предосторожности, сразу же не выкинет, а по глупости осмелится еще и попробовать, то тогда его неподготовленный желудок как пить дать постигнет такая всепрорывающая диарея, в связи с которой уже не просто бегают в туалет, а летят, как справедливо подмечается некоторыми острословами, «сломя голову». И тут он, без всякого сомнения, поймет, почему сизранцы между собой, весьма недвусмысленно и вместе с тем ласково, именуют свой любимый трущобный рай не иначе, как городом «Засра...ю». Дорого же ему это встанет! Но, опять же таки, не дороже денег!

Жители же ближайших к Сызрани населенных пунктов, неожиданным и весьма плачевным образом оказавшиеся заключенными в дореволюционной эпохе и только что вышеупомянутом каземате, по официальной части числящимся как следственный изолятор № 1, сокращенно СИ-1, либо еще не успевшие удостоиться этой высокой чести, но однако же отчасти знакомые уже с местным менталитетом, как правило, называют свою, как диктует суровая реальность, чуть ли не вторую Родину более благопристойно, но и не без юмора при этом, а именно «Страна помидория». А ее горожан, соответственно, «помидорниками» – за неутомимое стремление вырастить на своих малопригодных для этой теплолюбивой культуры землях чудо-овощ, по-научному обозначаемый томатом, величиной с тыкву. И даже устраивающих ежегодно по этому поводу праздник, естественно, сопряженный со снятием урожая, собирающий на центральной площади города толпы заинтересованного люда и неизменно заканчивающийся массовой пьянкой, от которой, как водится, больше всего страдают маленькие «помидорники», их дети. Которых мне, честно сказать, до глубины души жалко. Они не понимают, где они родились и чего им это будет стоить, если вовремя не уберутся оттуда куда-нибудь подальше, где хуже им точно уже не будет, а так и останутся на «родной чужбине», если так, конечно, можно выражаться, коротать свой смолоду загубленный отсутствием всяческих перспектив век.

Станции-то в городе две – Сызрань-первая и Сызрань-город. Но вот уехать с насиженных мест, как это чаще всего складывается, по многим причинам обычно бывает очень и очень трудно. Обрастаешь, как это водится, социальными связями, а потом куда уж без них...

Из непредусматривающего окон автозака или из-за тюремных решеток всего этого, определенно, не увидишь и не уяснишь. Но я имел несчастье когда-то, будучи вольным человеком, посещать эти края по каким-то не столь уж важным делам, так что вполне ясно осознавал, в какие дремучие, чуть ли не сусанинские дебри меня отправляют власти на время согласования документов между различными инстанциями – судом и больницей. Где, сохранив характерную гулаговскую последовательность в устройстве, сызранцы-надзиратели содержат арестантов в битком набитых камерах, с расположенной в метре от обеденного стола уборной, у которой, ко всему прочему, круглые сутки теснится очередь из тех, кто уже имел неосторожность отведать здешней кухни, в меню которой в качестве основного блюда, едва ли не на завтрак, обед и ужин, входит жиденький супец из кислой, очевидно, передержанной в тепле капусты, по ассоциативному признаку, обитающими там в разнородной массе, среди пьяниц и спортсменов, наркоманами, метко прозванный ангидридом (за такой же, как у

него, едкий своеобразный запах) и на котором они, пока их не посадили, варили себе опий для внутривенного употребления.

А то некоторые говорят – африканизация России. Как же, как же... Обмен опытом – еще куда ни шло.

Побыстрей бы съездить обратно в Тольятти, на назначенню нам с Серегой Платоновым, как это уже прежде разъяснялось, судом «пятиминутку», чтобы уж внести в наш по-кафкиански затянувшийся процесс хоть какую-то ясность. А там уж – будь что будет. Неопределенность, она же похлеще любой азиатской пытки, любого человека на корню изводит – это давно всем известно. А потому, когда это наконец-то произошло, то нашей с ним обоюдной радости, стало быть, не было предела. Пусть и испытывали мы ее порознь, а делились впечатлениями о пережитом по линии межкамерной почты – «в мульках»³, с чем тюремная администрация борьбы была просто не в силах. Хотите узнать обо всем этом поподробнее? Значит, читайте дальше.

Глава 3. Город по имени Пальмиро

Тольятти, Тольятти – мой родной и любимый город. После показавшихся десятилетиями двух-трех месяцев разлуки, мы снова вместе. И пусть меня опять, как какого-нибудь заправского урку, незаслуженно прячут от тебя маргиналы при должностях и погонах по жутким, окруженным со всех сторон, высоченными заборами темницам, определяя то в одну, то в другую, как им благорассудится. И мне не пройтись, как прежде, по твоим «пьяным дворам», как их в шутку зовут в народе (но, как известно, в каждой шутке есть доля правды). Пусть мне не удастся вдохнуть полной грудью этой омерзительной автомобильной гари, к которой, впрочем, мои слабые легкие приучены с детства, не зайти в полу-мрак знакомого до слез подъезда, чтобы подняться на восьмой этаж на исписанном детьми допотопном лифте, не позвонить в квартиру, где живет, одна-единешенька, моя старушка-мама, чтобы в кои-то веки увидеться с нею.

Доставленный в глухом автозаке, я буду сидеть в одной из камер ИВС, что находится на улице Садовой, и ждать, когда меня повезут на психиатрическое освидетельствование, чтобы наконец-то выяснить, кто я есть на самом деле – умный или дурак, раз до сих пор живу в этой безумной стране под названием Россия, где меня то и дело сажают в тюрьму по каким-то сомнительным обвинениям и откуда по освобождению у меня все никак не хватает мужества уехать куда-нибудь в более добропорядочные города и страны, как это сделали многие из моих соотечественников, не

3 - Мулька – записка.

пожелавших сложить тут голову за свои убеждения или за свой же, вроде бы, легальный и охраняемый законом бизнес. Хотя, что уж тут скрывать, такового в нашем уникальном государстве просто-напросто не имеется, и ты работаешь либо под теми, либо под этими – будь то менты или бандиты. А если нет, то неминуемо оказываешься, в назидание остальным, временно отправленным на покой, до окончания выписанного тебе подконтрольным судом приличного лагерного срока, или же навечно, на чудом пустующих еще трех метрах земли на одном из окрестных погостов, которые, стоит заметить, просто не в состоянии принять всех прибравшихся по естественным или насильственным причинам и требуют срочного если не переноса, то расширения. Но и с этим неотложным вопросом постоянно происходят вполне закономерные для нашего суверенного бардака неувязки: только чиновники из городской администрации продадут кому-нибудь из коммерсантов этот выгодный «тендер», как этого самого «счастливчика» тотчас взорвут или застрелят конкуренты, желающие единолично поучаствовать в этом сулящем немалые прибыли проекте. И так без конца – жмурики есть, а кладбища нет! Как и крематория, в общем-то, тоже.

Так что жить на этом едва заметном на развернутой российской карте пятачке земли, обозначаемом как Тольятти, выясняется, не очень-то и безопасно. А о таких, как я, ловцах удачи знающие люди обычно говорят, что нас тюрьма спасает. Посидишь вот так вот в зоне годик, другой, третий... «откидываешься», а на свободе

из твоего ближайшего окружения, изъясняясь высоким стилем, — «иных уж нет, а те далече». Тут-то и призадумываешься невольно, кому повезло больше — тебе или им? — в этой злополучной жизни. Классический пример, когда нет худа без добра, только вот как-то не поворачивается язык поблагодарить судьбу, как и ныне правящую власть, за это. Тем более, как показывает жизненная практика, ни мало не беспокоясь о твоем благополучии, последняя только и радеет о том, как бы тебя всячески и далеко не правовыми способами законопатить туда, откуда ты только что вышел. То есть в тюрьму. Для чего? Да так, на всякий случай — чтобы не думалось. И так, мол, стране вон как нелегко на одних только нефтедолларах, когда экономика ни черта не работает, по их же выражению, еле-еле с колен-то поднимается. А тут сразу, одним махом, все вопросы решаются! И ни трудоустраивать, ни пособия по безработице выплачивать тебе уже не надо, а если, дескать, не протянет долго на хозяйственных харчах кто-нибудь из таких как я, не приносящих никакой материальной прибыли граждан, так что ж теперь — одним больше, одним меньше... Когда это у нас человек сам по себе, как личность, в цене-то был, а? Да никогда! Была бы такая возможность, так и сейчас русских (как в свое время, поговаривают, тех же чувашей Петр Первый на гвозди) на что-нибудь поменяли. Ну не на гвозди, так на что-либо иное, как обошлись недавно, по утверждению радиостанции «Эхо Москвы», со ста сорока тысячами русскоязычных жителей Туркмении, оставшимися там после развода Советского Союза, но имевшими, однако же, двойное гражданство. Помимо их желания лишившихся его и обреченными тем самым на полное рабство. Это ли не предательство? Характерный пример, правда? А подобных ведь немало...

Словом, хорошего не предвиделось...

А точнее, вырисовывалась самая что ни на есть пессимистичная картина...

Да и сама поездка, говоря начистоту, была чисто формальная, не предвещавшая никаких существенных изменений и подвижек к лучшему. Единственно, в чем мне, бесспорно, до сих пор везло — это в том, что я пока что арестован, а не убит в числе прочих, не поддающихся подсчету моих дорогих горожан, бесславно, а главное, бессмысленно сложивших головы в борьбе за выживание в нескончаемых уличных разборках, охвативших страну с начала девяностых годов прошлого века, да и по сей день, собственно, продолжающихся. Хотя, по правде сказать, и я едва не преуспел в этом нехитром деле — ведь стреляли же мне однажды в живот в подъезде, как некогда (уж извините меня, пожалуйста, за такое нескромное сравнение) в такой же самой «хрущбной западне» безжалостные и тупые современники тыкали Венечке Ерофееву шилом в горло. А Пушкина с Лермонтовым, по аналогичной бес-

предельной глупости, приняв за ровню, выражаясь на нынешнем тарабарском языке, «замочили» на дуэли...

Стоп, стоп, это одно, а вот пришедший мне сейчас на ум известный жизнелюб Мандельштам, адресовавший душегубу Сталину вызывающие, обличительные строки и сгинувший потом в пересыльной тюрьме, – не играл ли он, таким образом, сознательно со смертью, как обезоруженный тореадор, не могущий уронить лицо перед замершей в ожидании публикой и дразнящий на арене обезумевшего быка – до последнего, до победного? Эх, объясненыице-то, знать, кроется в личности, а не в эпохе! Как и не в державе, в общем-то. Потому как у каждого из нас, независимо от нее, свой путь – либо в бунтари, либо в приспособленцы.

Кстати, мой соучастник по симуляции и второй фигурант по уголовному делу Серега Платонов, опередив меня, неделей раньше уже прошел эту нехитрую процедуру, съездив, по установленной схеме, на автозаке, в составе еженедельно по четвергам подбиваемой из десяти-пятнадцати человек группы. И хотя с результатом его еще не ознакомили, о чем он мне вкратце излагал по возвращении все в той же бесконвертной форме, но самой возможностью, как я понял, развеяться от однообразных тюремных будней был весьма и весьма доволен, ибо, по складу характера, увальнем он никогда не был и находиться длительное время взаперти, с проистекающей от нее бессменностью обстановки, являлось для него совокупно с неопределенностью, мучением в чистом виде. Ко мне же власти отнеслись в данном вопросе чуть посерьезнее, отделив меня от общей массы и, в индивидуальном порядке, как сейчас помню, в среду, утром положенного дня, прислав за мной в «приотивший» меня после Сызрани тольяттинский изолятор двух уже встречавшихся мне на следствии оперативников, которым, стоит заметить, специально не задаваясь этой целью, я, видимо, успел когда-то изрядно потрепать нервы. Едва завидев меня, выведенного из камеры и идущего им навстречу из сумрачной глубины коридора спецзаведения, они с плохо скрываемым ехидством дружно воскликнули в один голос:

– А, Васек, давно не виделись!

– Еще бы столько, – недвусмысленно ответил я на это дурацкое приветствие, стараясь не ступить на валявшегося на полу гражданина в потрепанной одежде и с вывернутыми за спину и заковаными в наручники руками, который, надрывая глотку, без перерыва и в одной тональности орал первую букву алфавита:

– А-а-а-а, – вероятно, даже и не думая переходить на вторую и невольно напрашивающуюся: б-б-б-б.

– Вот автоугонщик Ветров знает, где надо косить, а где не надо. А это что? Смех один, – комментировали оперативники, выводя меня под роспись в журнале за ворота учреждения и уже в машине спрашивая: «А ты там что собираешься делать? Лаять илимяукать?»

– Цитировать по памяти Европейскую Конвенцию прав Человека, которую наша горячо любимая Родина в 1998 году имела смелость ратифицировать и наглость, по сей день, не соблюдать, – заверил я их, не отводя взгляда от прикрепленного по центру лобового стекла зеркала, где поочередно отражались их небритые физиономии, хорошо видные мне с заднего сиденья.

– Ишь ты.

Безусловно, они поняли, что на процедуре психиатрического освидетельствования я обязательно что-нибудь вытворю, вот и взялись за меня персонально, желая воспрепятствовать этому, а иначе «ни в жизнь» бы за мной не приехали, размышлял я по дороге, даже и не думая посвящать их в свои, пока что не подлежащие широкой огласке, планы – пусть, мол, это будет для них сюрпризом. Скорее всего, озадачивающим.

Город, город... мой ровесник, у которого, помимо фамилии Тольятти, есть еще и имя Пальмиро. Так он был назван, а точнее, переименован властями из Ставрополя-на-Волге в начале шестидесятых годов прошлого века исключительно из популистских побуждений в честь итальянского коммуниста Пальмиро Тольятти, потому как в то, теперь уже далекое десятилетие, «макаронники», а именно так их в обиходе зовут по всему миру, строили для нашей, вероятно, как и сейчас мечтающей об индустриальном прорыве страны, автомобильный завод.

Отечественные партократы, подобрав для него подходящую территорию, по этому случаю вспомнили про ихнего партократа, но вряд ли даже удосужились выяснить, была ли вообще у этого человека сохранена как девственность – при его-то напряженной политической деятельности – честь, как бы даже возбраняемая на этом жизненном поприще. И это уже не говоря о его, по сути, утопических марксистско-ленинских взглядах, от которых, как от завалявшихся на складах и вышедших из моды (и если еще и не подпорченных к тому же) товаров, в наше просвещенное время, пожалуй, только ленивый нос не воротит.

Столько они, эти самые коммунисты, в неравнозначный противовес хорошему, всяких гадостей за свою семидесятилетнюю экспансию успели понатворить для государств и народов земного шарика, что аж, как молвится, до сих пор у всех сидят в печенках.

Итак, ближе к полудню погожего дня мы проезжали знакомыми улицами – Лесная, Мичурина, Южное шоссе. Как я отвык от всего этого вольного великолепия: «навороченные» машины, одна шикарнее другой – десятками, сотнями, так и мелькают мимо по проезжей части... А по тротуарам дефилируют в коротких юбочках, приблизительно в равном количественном соотношении и будто не спешащие никуда улыбчивые девушки, и что примечательно, все как на подбор – красавицы! Голову, глядя на них, свернешь.

Боже ты мой, Боже ты мой! – восторгался я от всего сердца, пока мы колесили, маневрируя, с превышением скорости, с разделительной полосы на разделительную, к намеченной цели.

– Лучше калымить в Гондурасе, чем гондурасить на Колыме, – вещал по вмонтированному в панель радио знакомый голос Николая Фоменко.

– Это уж точно. Не к тебе, Васек, относится?

– Разве только ко мне? От тюрьмы и от сумы, как говорится, не зарекайся. Кто его знает, как еще жизнь у каждого из нас сложится? Ваших БэрэМовцев⁴, между прочим, тоже не меньше, чем нашего, не замаранного на этой паскудной стезе брата, на кладбищах покоятся, по подвалам бомжует и в лагерях сидят.

– Это ты к чему клонишь, сучий потрох? А?

– За дорогой смотри. Приехали, – осадил я его с ходу.

На такой повышенной ноте, заглушающей звук мотора, мы и вкатили, едва не врезавшись в бетонное крыльцо, на старенькой «восьмерке» во двор многопрофильного заведения, чтобы через минуту уже идти на запланированное судом мероприятие по первоначальному выяснению моей вменяемости в рамках уголовного производства и нашей, не укладывающейся ни в какие бюрократические формальности, вольнолюбивой поэмы. Тем же составом: я, конвой и читатель следом. Вперед же, вперед!

Глава 4. Пятиминутка

Накалившиеся в машине страсти несколько поостыли, пока мы, покинув машину, сидели на обтянутой дерматином скамейке в ожидании приема перед двумя кабинетами с совмещенным входом – начальника психоневрологического диспансера и его заместителя, пребывая в неведении, кто из означенных светил науки нас примет, и мирно беседуя на отвлеченные темы. Впрочем, это было не так уж и важно – главное, чтобы само мероприятие состоялось и прошло без всяких эксцессов, а не было отложено, не начаввшись по каким-то непредвиденным причинам. И пусть даже, если уж хорошенко вдуматься, никому из нашего ничем не примечательного трио, в общем-то, торопиться особо было некуда: все одно им шла зарплата, а мне автоматически учитывающийся в почти верной судимости срок – так что лишний раз мотаться не хотелось.

Пожилая секретарша в белом халате, но без колпака, с прической Мерлин Монро, упавшей с самосвала в нетрезвом состоянии, невзирая на то, что дата и время приема были заранее назначены и о нашем прибытии было своевременно доложено кому следует моими, видимо, не раз уже там бывавшими по долгу службы кон-

4 - БэрэМовец – бывший работник милиции.

воирами, как дрессированная крыса вбегала и выбегала из административного «предбанника», выясняя какие-то дополнительные детали, а также выписывая круги по коридору и попутно заглядывая в соседствующие с ее канцелярской вотчиной по правую и левую сторону кабинеты, прежде чем обратилась к нам с очевидно традиционным для данного мероприятия вопросом:

— Кто из вас Ветров?

Но так как ответа не последовало, она удивленно оглядела нас по очереди, выстреливав глазками-бусинками по каждому из трех лиц в отдельности, с радиусом поражения, заканчивающимся чуть ниже пояса.

Мои застегнутые в наручники кисти были прикрыты длинными рукавами куртки, и это явно затрудняло ей поиск.

Вопрос повторился.

Сидящие по бокам личности в «гражданке», с припрятанными в карманах ширпотребных кожанок красными корочками, не ожидающие от меня подобного фокуса, недоуменно переглянулись, при этом как непревзойденные комедийные артисты, грубо говоря, «мандяча» козы морды.

— Он, — заблеяли они в один голос, указывая в направлении моей отмалчивающейся личности согнутыми вкопыта пальцами передних конечностей.

— Вот козлы! — негодовал я внутренне, сохраняя внешнюю невозмутимость и воздерживаясь от крутящихся у меня на языке словесных изысков, дабы не выходить из виртуально созданного в минуты долгих размышлений и доподлинно воплощаемого теперь в реальность образа глухонемого идиота. «Да, я такой», — убеждал я себя мысленно. И не надо мешать мне в этом.

— Ты Ветров? — ехидно улыбнувшись, переспросила медсестра, одновременно выполнившая еще и обязанности секретарши, конечно же, ко всему привычная в силу выбранной первоначальной профессии, не стала дожидаться, пока я нарушу обет молчания, а отрывисто бросила мне в лицо с нескрываемой насмешкой: «Ну, не хочешь, не говори», — циркулем развернулась в одной точке и убежала в свою служебную обитель, опять напомнив мне белого стерильного грызуна, изуверски используемого медиками в подопытных целях. Чтобы через минуту появиться снова, загородив свет, льющийся из окна, и разорвать тишину пронзительным писком.

— Пройдите. Кабинет направо.

Выведенные из равновесия оперативники, позабыв про меня, вскочили с насиженного места и дружно прошествовали в указанном направлении. Я же, не медля, устремился в сторону центрального выхода.

— А обследуемый? — взвыла сиреной престарелая крыса.

— Вот бестия, — подумал я, когда меня уже хватали под руки подоспевшие соглядатаи.

— Стоять... Ты куда?

— Да так... пописать.

— Потом пописаешь, — вцепились они мертвой хваткой в мои подмышки и, описав мной полукруг по безлюдному холлу, куда я успел удалиться, понесли меня обратно, приподняв в воздухе, на прием к ожидавшему нас врачебному консилиуму.

— Чуть ноги не нарезал, гляди-ка?

В дверной проем мы явно не помещались, и пришлось протискиваться боком, боком...

— Что вы его на весу-то держите? Опустите, — посоветовал им один из ученых мужей, которых в помещении с двумя большими окнами (видимо, в целях предотвращения побега укрепленными снаружи узорными решетками) почему-то оказалось только двое вместо ожидаемого собрания.

Не знаю, как так получилось (может, я слишком сильно подогнул ноги, чтобы меня было удобнее нести и не цепляться ими за что ни попадя во время движения), но в результате их неумелых действий, внезапно потеряв две надежных, как костили, точки опоры, я упал на пол и чуть не разбил себе голову, больно ударившись о стоявший позади меня стул на металлическом каркасе, произведя неимоверный грохот.

— Чистейший Галоперидол, — смачно выругался, вскочив с кресла, рыжий и худой доктор. Тот, что находился к нам ближе. А тот, что восседал от нас в отдалении на желтом старомодном диване, толстый и круглый, принялся, хватаясь за живот, гомерически хохотать, теряя всяческое приличие:

— Вот насмелиши, вот насмелиши...

— Сан Саныч, ну что вы, право? — вежливо одернул его худой, полуобернувшись и продолжая стоять, как зарапортовавшийся оператор, которому давно уже пора уходить с трибуны.

Мне помогли подняться. Доктора изобразили серьезные мины. Только у того, дальнего, как я успел исподволь заметить, харя была как у вылитого дауна, и теперь уже мне захотелось, глядя на него, смеяться так, что от натуги у меня даже начало покалывать в брюхе.

Однако я, как человек воспитанный, все-таки пересилил себя и сдержался. К тому же нужно было сохранять имидж, изображая из себя полного олигофрена, а иначе зачем же я тогда сюда приехал?! Вся надежда была на дальнего дебиловатого типа с дивана. Глядишь, и признает во мне своего собрата по несчастью. Но он-то как раз как нарочно и отмалчивался, не проронив в ответ ни слова.

— Что ж, приступим. Фамилия, имя, отчество, — официально обратился ко мне, опускаясь на «пятую точку», худой и рыжий. Потянулась пауза и он, в меру выдергив ее, продолжил:

— Значит, не хотите отвечать? Добиваетесь, чтобы мы вас признали невменяемым, — правильно я вас понял? Хм. Н-да. Хм.

Я сидел ни жив, ни мертв на пододвинутом под меня стуле, опустив глаза и про себя считая до ста (один даун, два дауна...), чтобы не обращать ни на кого внимания. Оперативники стояли, как истуканы, рядом.

«Горе-оратор» пораспространялся еще пару минут на интересующие только его темы и, не сумев «развязать мне язык», опечаленно и как бы извиняясь переключил внимание на моих официальных сопровождающих из силового ведомства.

— Ну что я могу поделать? Раз он не разговаривает... Привозите через неделю.

Глава 5. Лик иного рода

Подобно Пьеру Безухову, с которым я дружен со школьной скамьи, я волей-неволей начинал уже сомневаться в разумности мироустройства: с одной стороны, власти проявили несвойственную им сообразительность и не стали ради недельного перерыва этапировать меня обратно в тюрьму города Сызрани, а оставили в ИВС дожидаться дня повторной экспертизы, а с другой — не подумали о том, что нормальному человеку в этой, бьющей все рекорды полнейшей антисанитарии, и часу находиться невозможно. Если, конечно, он не какой-нибудь там грязный садо-мазо извращенец, или же не философ, как Диоген. Хотя какой там, к дьяволу, философ? Дурак был ваш Диоген, уважаемые греки, как ни пренепри-

яtnо мне сообщить вам об этом. Подумаешь, — как я припоминаю из исторических книжек, — добровольно забрался при благоприятных климатических условиях и политически вольготной обстановке в бочку, у которой, вроде бы, не было даже закрывающейся крышки, и издевательски отгонял от себя подошедшего к нему из любопытства Александра Македонского, требуя не загораживать ему солнце. О, великий гуманный век, складывавший о безумцах легенды.

Наш местный сатрап из ГУВД или прокуратуры, на месте их-него античного, ничтоже сумняшеся, приказал бы своим подчиненным заколотить его за хамскую выходку для начала на пару месяцев в эту самую бочку, подобрав к ней поплотнее крышку и поставив туда «для удобства» проживания парашу и питье в непосредственной близости к продуктам питания, спальному месту и органам обоняния. А прогулки сочел излишними: мол, для этого нет специального оборудованного дворика. Ну, в точности, как у нас в Тольятти в изоляторе на улице Садовой. И тогда, по истечении определенного времени, на стандартной процедуре по продлению санкции на арест вплоть до полугода (а потом еще и еще, и так до бесконечности) сразу бы выяснилось: какой он философ? И не передумал ли, случаем, дальше упорствовать, проверяя себя на прочность.

Так вот, если исходить из этих критериев оценки личности, то можно со всей ответственностью сказать, что не тот стоик, кто без постороннего воздействия и по собственной глупости заточает себя в истязающие душу и тело клети, а тот, кто с честью выдержал выпавшее на его долю испытание, сохранив при этом свое лицо, не идя на поводу, как взнужданный конь, у привычно бесчинствующих органов.

На основании вышеизложенного, как пишется в казенных бумагах, я бы лучше попросил у его Величества Провидения присвоить мне звание магистра философии досрочно (ибо я, несомненно, его достоин!) и взамен «корячащегося» мне срока, а то уж очень мотать его в очередной раз не хотелось, с учетом того, что я не какой-нибудь там позер или аскет, чтобы по собственному желанию – да еще и в расцвете сил и лет – залезать в затхлую яму, даже близко не стоящую с диогеновской бочкой. К тому же, за чужие прегрешения, будучи невиновным.

Сейчас в том одноэтажном здании, со всех четырех сторон обнесенном трехметровым бетонным забором и опоясанным по всему периметру колючей проволокой, прячущимся, как жалкий уродец, от глаз людских в тишине фруктовых деревьев частного сектора Центрального района, говорят, сделали евроремонт. Поменяли прежние, с разбитыми стеклами и оголенными внутри них стальными прутьями, оконные рамы на современные и пока еще целые стеклопакеты. Подвели вместо жуткой смрадной бадьи (параши) канализацию и срезали приставленный к сифонящему сквозняками окошку двойной ярус третьей нары, сделав камеру из шести – четырехместной, лишив тем самым всех ее новых обитателей определенных преимуществ, ибо раньше, взгромоздившись туда, мы, прежние ее узники, могли часами общаться с приходившими к нам по велению сердца и вопреки официальным запретительным мерам, родственниками и друзьями, даже не напрягая голосовые связки и хорошо видя их со своего возвышения, стоящих в нескольких метрах от ограждения. Милиционеры, конечно, препятствовали этому, но не так, чтобы очень... Согласитесь, было бы крайне глупо этим не пользоваться. Тем более что никаких других способов мгновенной связи (тот же неразрешенный, но вполне доступный теперь сотовый телефон) у нас тогда еще не было. Свидания не всегда давались, а адвокат не к каждому еще подопечному изъявлял желание ехать в такой отдаленный «курмыш» – заплатят заинтересованные люди, в таком случае пожалуйста, а иначе нечего было и рассчитывать даже на то, что кто-нибудь из этой продажной касти лишился раз поднимет задницу. Так что спасибо тем, общающимся на расстоянии бесстрашным и отзывчивым визитерам, которые не отказывались позже созвониться и с нашими близкими, и сообщить им о том, что, дескать, их любимые чада или же дорогой муженек прибыл из страны «Помидории» и с нетерпением ждет встреч.

Вот и я, тем же днем и ближе к вечеру, вернувшись с амбулаторного освидетельствования, смог проинформировать, правда, уже зная о том, где я нахожусь и чуть ли ни ежедневно навещавшую меня родительницу, о точной дате и месте повторной экспертизы, куда она любезно вызывалась приехать, чтобы не упустить тот нечасто выпадающий шанс, без всяких разрешений от судьи и после стольких месяцев разлуки, еще раз увидеться друг с дружкой прежде, чем меня упрут «возвратом» в Сызранский Централ. А потом, возможно, на Казанский или еще куда-нибудь к черту на кулички.

Так что у разрухи перед комфортом тоже есть свои преимущества. Теперь-то там едва ли вот так вот запросто с родными свидишься, как это удавалось нам в прошлые годы. И не прочтешь, по всей видимости, давно уже замазанное краской замечательное четверостишие самодеятельного поэта Семена «Чалого», неизвестно за какие «заслуги» оказавшегося в здешних застенках и нацарапанное, что называется, «на душевном вопле» чем-то острым над глазком входной двери:

Спасибо, Родина, тебе,
Что ты меня не позабыла,
Как Новый год, так я в тюрьме,
Любуюсь на твое свиное рыло.

Вслед за автографом, который, я полагаю, можно и не воспроизводить, так как в нем не было ничего примечательного, стояла дата: 31.12.2002 года. Вот с нее-то самой, между прочим, с боем курantов, в новейшей истории, благодаря меткому замечанию народного трибуна Семена «Чалого», на гербе российском вместо двуглавого орла для всех (кто даже и не состоял в числе почитателей его бесспорного поэтического таланта, но, однако же, посредством какой-либо связи, «от голосовой» до интуитивной) людей, в это посвященных по сей день, четко стал проглядываться лик иного рода, по всем приметам – поросячий! Похрюкаем же ему довольно, ибо все мы, как ни крути, только его, за свое прежнее «пофигистское» отношение к политической жизни страны, и заслуживаем! Но не будем долго распространяться об этом, а то еще вдруг передачками завалят (есть же у задержанных такая примета: хрюканье в «кормушку» – к сросту), а лучше приступим, не откладывая, к знакомству с еще одной главой нашей детально повествующей обо всем, что с нами приключилось тогда с Серегой Платоновым и прочими, поэмы. А в частности, к назначенному мне повторной «пятиминутке» – неделя близилась к завершению, а другая, стало быть, начиналась, а это, безусловно, означало, что не сегодня-завтра следовало ожидать конвоя, с которым я туда, как и в первый раз, с ветерком, на их раздолбанной «легковушке», видимо, и поеду.

Глава 6. Аллегро с Ютой

Бывают такие события в жизни каждого человека, о которых можно писать только как о ныне происходящих и несомненных, ибо они никогда не переходят в разряд уже исчезнувшего и минувшего, а настолько отчетливо сохраняются в памяти, что следуют за нами по пятам эдаким хвостиком или реально существующим многомерным изображением, а то и неотвязным дежавю под малейшим усилием мысли вплетающимся в картину любого последующего дня, так что вызванный мозгом импульс невольно замирает на пути, так и не дав сигнал руке сообщить об этом на бумаге в прошедшей форме и написать «стояла», вместо «стоит» или «было», вместо «есть», и, более того, будет присутствовать с тобой до самой смерти, везде и всегда. Это ли не своеобразный, непреднамеренный тест на значимость, безошибочно расставляющий все на свои места на звездной карте нашей жизни, где есть и сразу угадываемые четко выраженные галактики, и едва различимые черные дыры. Скажете, красивость? Ну, так что же! Это я к тому, что не стоит удивляться, если ниже, в данной главе, повествование будет вестись только в настоящем времени, а дальше разберемся.

Так вот, мне несказанно повезло: главврач больницы, которому надлежало принять меня, задерживался в суде, где, очевидно, подтверждал ранее сделанное им экспертное заключение, в подобном с нашим с Серегой Платоновым уголовном деле, что позволило мне целый час, во всяком случае, не меньше, спокойно сидеть на кушетке в холле и разговаривать с мамой, по которой к тому времени я успел сильно соскучиться, как только можно соскучиться по самому дорогому на целом свете человеку. Одно дело – разговоры на расстоянии, через забор и решетки на ИВС, а другое, – вот так вот, находясь совсем рядом и когда слова лишь дополняют нахлынувшую гамму чувств, но не играют существенной роли, как на музыкальном спектакле, где они проходят отдаленным, вторичным фоном.

Как ни горько было это сознавать, но за то время, пока я ее не видел, мама сильно постарела и как бы сделалась меньше во всех пропорциях: росте и объеме, и, расположившись вблизи меня, как птичка на жердочке, с трудом достает до моего плеча, вынуждая меня держать голову наклоненной, так как из-за обусловленной обстоятельствами предосторожности мы общаемся полушепотом. На лице появилось много новых морщин, но она по-прежнему молодится, осветляя волосы, чтобы на них не была видна отливающая инеем седина.

Весна еще не вступила в свои права, и на маме надета тонкая демисезонная курточка черного цвета, на голове громоздится что-то немыслимое – то ли кепка, то ли берет, какие обычно носят пожилые женщины. На ногах – вот-вот сами собою развалятся –

стоптанные полусапожки. Я готов расправиться единолично со всеми диктаторами мира за один ее внешний вид, но стараюсь не показать этого. «Тебе не холодно?», — спрашиваю я ее участливо, на себе ощущая прокрадывающуюся под одежду прохладу, царящую в плохо отапливаемом помещении с большими витражами и полами, покрытыми плиткой, сделанной из мраморной крошки.

— Да нет, — отвечает она мне, слегка поеживаясь, как могут изъясняться только лишь наши дорогие сограждане, а именно: да, и в то же время нет, в смысле, не очень (все предельно просто, но только не для иноземца, о которого хоть все палки обломай, все одно, это как правила добра для черта, будет ему необъяснимо). И тотчас допытывается у меня, внимательно при этом оглядывая, как я одет и выгляжу: «А ты себя как чувствуешь? Не болеешь?»

— Да нет (опять — да нет! Как, видно, яблоко от яблони недалеко падает!). Все нормально, — заявляю я не подлежащим сомнению баритоном. Не жаловаться же ей, в самом деле, на то, что меня мучает изжога, иногда болит нижний коренной зуб — крайний по правому ряду, а из-за отсутствия регулярной «связи» с какой-нибудь привлекательной особой противоположного пола я давно уже по ночам лезу на стену, так как пид...ы меня не привлекают. Я же, в конце-то концов, не дурак, чтобы говорить ей об этом...

— А теплые вещи у тебя есть?

— Навалом. Ты же привозила их мне тогда на КПЗ в первые дни ареста. Уже забыла?

— А ходишь в чем? — не унимается она, — может, тебе сапоги зимние передать?

— Летом? Тогда уж лучше валенки, в них меня быстрее дураком признают.

— И зачем тебе это надо? Тоже придумал.

Я пытаюсь объяснить маме всю куртуазную подоплеку нашего с Серегой начинания, стараясь говорить еще тише, чтобы не быть услышанным окружающими нас полукольцом секьюрити с помятыми от пьянок и не выражавшими наличия интеллекта лицами, но, однако же, с чутко торчащими, как самонаводящиеся локаторы, ушами. Тут уже, видимо, сказывалась длительная тренировка. Так называемый профессионализм, вследствие которого даже от животных добиваются определенных успехов и, в общем-то, не способные на это, они прямо-таки чудеса при выполнении команд проявляют. Ну там, на велосипеде ездят, или же через огненный обруч скачут — кормили бы и не били только! К одному из этих выдрессированных служак я пристегнут кисть к кисти наручником, и он сидит, клюя носом, по правую от меня сторону, а мама по левую. По всему видно, что он в перерывах сна ухитряется нас подслушивать. Это я понимаю, скорее, не умом, а каким-то задним чувством, но, тем не менее, время от времени искоса, изучающее, поглядываю на его бледное молодое лицо с

огромным шнобелем и скошенным подбородком, однозначно определяя в нем прячущуюся за притворным благодушием неумелую оперативную хитринку. Но, по большому счету, мне это безразлично, и я продолжаю разговаривать с мамой. Мне гораздо важнее, чтобы она меня поняла и не очень-то расстраивалась из-за того, что сын у нее вырос таким непутевым и содержитя сейчас под стражей. А она в связи с этим вынуждена, напрягаясь из последних сил, тащиться к нему на свидание, да еще куда – в психиатрическую клинику, тогда как рядом слоняются, надзирая, едва ли блещущие большим умом тупоголовые мордовороты, от которых за версту разит перегаром и каким-то нечеловеческим, конским потом, но при этом они носят под мышкой «макаров», на шеях золотые цепи, а по окончании каждого месяца получают за это чуть ли не праздное времяпрепровождение приличную зарплату, а мама, бедная, так и будет, возможно, до конца своих дней выкраивать с пенсии своему отпрыску-уголовнику деньги на передачку. О, Боже, как тяжело все это осознавать и, в тоже время, не иметь возможности хоть чуточку что-то исправить. Разве что сгладить...

– Не сиделось тебе дома, не пилось пиво, – сочувствующе выговаривает мама, не сознавая даже, что непроизвольно воспроизводит этим самым, в материнской обработке, известное изречение Паскаля (кажется, вычитанное мною в «Войне и мире» у графа Льва Толстого), что все беды человечества происходят от того, что ему не сидится дома.

– Ты же знаешь, что я не употребляю спиртное.

– Нашел чем похвастаться. Пил бы как все, так глядишь, сейчас и не сидел бы!

Железная, конечно, логика. Возразить что-либо трудно. Тем более маме. Я беру ее сложенные на поясе руки в свою свободную пятерню и нежно сжимаю, как бы извиняясь за все те страдания, которые я принес ей своей не то чтобы беспутной, а скорее какой-то не очень удачливой жизнью.

– Прости меня, Христа ради, мама. Прости! – повторяю я одиними губами. Еще немного, и мы с нею расплачемся.

Но тут вдруг все резко меняется, а точнее, оживляется – это, как уже слышится отовсюду, наконец-то появляется главврач диспансера. Почему наконец-то? Да потому, что несмотря на непередаваемую радость родственной встречи с моей милой старушкой, трудно уже становится скрыть, что радоваться-то нам с ней, в общем-то, нечему – не та ситуация, не то место. На всякий случай, прощаясь, я спешно целую ее в щеку и виновато улыбаюсь – а то еще не дадут нам это сделать после – от них ведь, от этих ментов (только по кинофильмам добрых и душевных, а в действительности, зловредных и черствых), всего ожидать можно!

– Не переживай, все хорошо будет.

— Куда уж лучше.

Секунда, другая, и конвой ведет меня на прием вглубь здания по знакомому мне коридору. Кстати, за мной сегодня приехали оперативники УВД, должно быть, не доверившие на этот раз столь ответственное мероприятие «Центральникам». Как-никак, это же они нас с Сергеем Платоновым задерживали, и это потом, по известным им одним соображениям, дело было передано в районное отделение милиции на улицу Чапаева — от одного следователя к другому, так сказать, со сменой шила на мыло, — что тот занимал обвинительную позицию, фабрикуя по указанию свыше против нас доказательную базу в уголовном производстве, что другой.

«Все равно странно. Чем же это вызван такой повышенный интерес к моей сугубо заурядной личности?» — размышляю я, совершая крюк в направлении кабинета теперь уже, соответственно, не зама, а самого начальника психушки, которого я так долго ждал, неслабно контролируемый от недопустимого шага вправо или влево сопровождающими меня официальными лицами, правда, одетыми не по форме (хотя, с учетом неординарности случая, в общем-то, могли бы), а в нестиранном сэконд хэнде. Почему-то не попадалась на глаза ранее примелькавшаяся секретарша-«крыса». Ну, не закон ли это подлости! Так конкретно «подгадила» мне неделю назад с побегом, будто ей больше всех надо, а на этот раз вообще взяла да и куда-то, с тем же успехом, подевалась. Хотя вот сегодня-то, между прочим, и могла бы, безо всякого вреда, — ведь нынешние мои конвоиры далеко меня от себя не отпускали, — выписать парочку цирковых кругов для поднятия настроения — ну, не скрочь! — впрочем, о женщинах так отзываться негоже, пусть она меня даже и не слышит (что-то только вспомнил я об этом очень уж поздно — мысленно не раз уже назвав ее крысой).

Ведя чуть ли не под руки, менты сходу сажают меня на заранее подготовленный стул, как противотанковый еж впившийся в исходную позицию в метре от входа, а сами встают по обеим сторонам рядом. По указке доктора отстегивают наручники. Видимо, для того, чтобы я не чувствовал себя напряженно.

«Как все, однако, продумано у этих светил науки», — констатирую я про себя невольно. «Держиморды» возвращаются в исходную позицию. Я опускаю глаза и стараюсь не разглядывать торчащие из белых халатов людские головы, но, тем не менее, подмечаю, что одна из них принадлежит представительнице прекрасного пола! Во как я исправился! (могу же, значит, когда захочу я о даме отзоваться прилично)! Остальных я детально не различаю. Дневной свет из просторных окон бьет мне в лицо сплошным потоком, внезапно пробившимся сквозь затягивавшие до этого небо тучи. Время словно остановилось. Я ощущаю себя расплавленным, будто кусок масла, брошенный на сковородку. В глазах у меня рябит, уши закладывает, и я откиды-

ваюсь на спинку стула, как при взлете. А еще мне нестерпимо хочется сходить по малой нужде, потому как я не сообразил это сделать в ИВС из-за стремительности сборов перед поездкой – вроде бы не хотел спросонья. Впереди меня происходит какая-то возня – это, как я, украдкой сфокусировав взгляд, успеваю понять, пожилой мужик с седой шевелюрой и в очках «телесякопах», очевидно, тот самый «хозяин» учреждения, который долго отсутствовал, будучи, скажем так, нарасхват, перебирает наваленные на его столе папки с уголовными делами, скорее всего, отыскивая наши с Серегой, для изучения. У единственной в данном «присутствии» женщины, под черной, брошенной на лоб вороньим крылом челкой, зелеными глазами и аккуратным носиком, шевелятся, отливая жиром, крашенные бесцветной помадой губы. Но что она говорит, я не воспринимаю, точно мой мозг, как компьютер, «завис», а уши набиты ватой. Отчего это? Даже не представляю. Рядом с ней в деревянной кадке, как бурьян в овраге, разрослась экзотическая пальма – юта, копия такая же, какую я в свое время дарил, по-моему, даже не приурочивая это к какому-то торжеству, а просто от избытка нежного чувства, как цветы или конфеты, своей сожительнице Татьяне, которая после первой моей судимости, сразу же, отказавшись от меня, ушла к другому. Что и к лучшему. Прозорливая женщина, надо признать, чтобы не сказать жестче.

Паранойя какая-то...

Настоящее и прошлое накладывается одно на другое...

Я уже с трудом терплю столь продолжительное издевательство над моим мочевым пузырем и, оставаясь в сидячем положении, машинально заплетаю в узел дрожащие от натуги ноги. Если герой романа Альбера Камю «Посторонний» стрелял в своего противника из-за одного движения как бы пронзившего мозг и временно помутившего его сознание солнечного зайчика, то я, как мне сдается, от вызванного проволочкой истязания способен был совершить и не такое. К тому же, как я угадываю по импульсивным, сродни электрошоковым, позывам вдруг активизировавшихся рефлексов, мне в срочном порядке нужно что-то предпринять, чтобы прекратить эту как моральную, так и физическую муку, которая длится и длится...

Это приводит к тому, что потеряв всякое терпение, я с ловкостью фокусника расплетаю связанные узлом конечности, поднимаясь со стула и иду на сближение с Ютой. Как ни странно, но меня никто не останавливает. Мне представляется, что я нахожусь, как Робинзон Крузо, на необитаемом острове, а что думают другие, меня, получается, мало интересует. Быстро приблизившись к «реликтовому» древу, я расстегиваю ширинку и мочусь в его иссыхающие корни. «Вороново крыло», – ничего, что я опять за старое? – как ошпаренное отлетает в сторону и, должно быть, орет благим ма-

том. Но я по-прежнему ее не слышу, а лишь догадываюсь об этом. Я получаю кайф, не сравнимый ни с одним испытанным ранее, и блаженно распłyваюсь в улыбке, постепенно возвращаясь к действительности, которая, нельзя не заметить, как многоголосое наше-ствие дикой орды, прямо-таки таранит мои ушные перепонки.

И только после этого я начинаю улавливать отдельные звуки.

– Заберите его, – истерично командует женщина-птица моим конвоирам и, наблюдая, как они меня подхватывают под руки и выволакивают из кабинета, добавляет мстительно на прощание: «В Казани тебя быстро разоблачат. Посмотрим, как ты там выкрутас-ничать будешь!»

– А вы что, тоже со мной туда поедете? – хочу я спросить, но не успеваю. И слава Богу, а то это скопище умников вмиг бы свое решение пересмотрело и, за излишнюю болтливость, меня, как безвизового пассажира, до дурдомовского тура не допусти-ло. Но все обошлось благополучно, и на этом смехотворном про-исшествии вторая, дублирующая «пятиминутка», была закончена. Меня проперли по коридору к оставленной у подъезда машине, не дав даже (очевидно, из мести за собственное, потерпленное на экспертизе, фиаско), как я того хотел, на минуточку задержаться у мамы, чтобы перед предстоящей долгой разлукой еще раз ска-зать ей что-нибудь подбадривающее. Хотя, казалось, чего бы им это стоило... И о чём я, безусловно, жалею гораздо больше, чем о

некоторых непристойных эксцессах нашей ни в коей мере не желающей эпатировать публику поэмы, за которой, определенно, не угонишься: она уже умело перешагнула и зовет нас в иную событийную плоскость (вот где воистину самостоятельное дитя!). Читаем же дальше!

Глава 7. Сердцу не прикажешь

Кто-то проводил лето на турбазе, кто-то на даче, кто-то услаждал слух в обществе приятных девушек на Грушинском фестивале бардовской песни под Самарой, в районе Федоровских лугов. В общем, все развлекались, как могли, а мы с Серегой Платоновым, этапированные обратно в Сызрань, методично тупели, глядя на окрестные деревенские виды из тюремного окна. Ладно, хоть щит железный с него недавно сняли в рамках гуманизации пенитенциарной системы, а то бы и этого удовольствия у нас не было. Правда, местные жители, из состава вышедших по выслуге лет на пенсию, либо еще не дослужившиеся до этого льготного возраста сотрудники изолятора или, как их в старину правильнее называли, надзиратели (которым в незапамятные времена выделили по соседству с трехметровой кирпичной стеной кутузки по клочку земли со сколоченным на нем из смехотворных материалов – шифера и прессованных опилок – домика на двух хозяев и используемой под приусадебное хозяйство клумбой) были этим новшеством весьма и весьма недовольны, так как «постояльцы» некогда изолированного от них объекта активно внедрялись теперь в их частную жизнь, доподлинно зная, куда и во сколько они уходят и в каком неадекватном состоянии порою возвращаются в свое семейное гнездышко. И это еще что, некоторые особенно неугомонные арестанты пытались даже вступить с ними в близкое родство, день и ночь охмуряя их дочерей, торопящихся в фокусе их непосредственной видимости с учебы домой или наоборот, что, собственно, без разницы. Либо эффектно выпокивающих каблучками по асфальтовым дорожкам после танцулек. Словом, страсти вокруг накалялись нешуточные. «Не надевать же на девочек паранджу», – роптали отчаявшиеся что-либо изменить отцы подрастающих красавиц, в одночасье оказавшиеся, как на телевизионном реалити-шоу, предметом непрестанного внимания многоокой, развязной публики. Опять же, до определенного предела. Сами они, разумеется, в сексуальном плане были не в счет – мы же не какие-нибудь там извращенцы. А выбор, вместе с тем, и без этих оговорок представлялся шикарный. По мне так симпатичнее других была тугозадая вертлявая Олеська, давно уже, надо сказать, перезнакомившаяся со всеми «охочими» до этого дела обитателями централа, но которой я по возрастному цензу вряд ли в женихи годился. К тому же

тема «старпера» и Лолиты в мировой литературе, если мне не изменяла память, была давно уже досконально исследована (если не самим Набоковым, то его подражателями). А мне, как отъявленному бумагомарателю, видимо, хотелось «поманьчить» над каким-нибудь более свежим сюжетным раскладом, не размениваясь на всякие повторения.

Вот я и ограничивался, не имея пока такого, благостными умиротворенными вздоханиями, соответственно, не переходящими за грань приличия, дабы, упаси Боже, не потревожить чистую юную душу в самом начале ее жизненного пути. Ну, почти что как Дон Кихот Ламанчский, который, возрождая на испанских просторах традиции достославного рыцарства, слагал дебелой крестьянской девушке чудные элегии, даже не ставя ее в известность об этом. Да и мой вдохновенный попутчик на стезе симулятивного противостояния, Серега Платонов, задерживаясь, как и я, частенько и только в своей камере у окна и обмениваясь со мною, благодаря их близкому расположению, впечатлениями об увиденном, тоже вскоре нашел свою симпатию среди, если, конечно, так будетлично выражаться, сонмища надзирателевых дочек, в лице наибóлее пригляднувшейся ему Олеськиной сестры – Юльки, которая, для сведения, была чуть постарше, долговязая и светловолосая.

Напряжение, естественно, требовало выхода: вот он и отправил ей как-то в огород любовное послание (и не как-нибудь, а по древнему африканскому методу; единственno, с использованием современных подручных материалов, а именно: с помощью свернутого из старых газет в форме обыкновенной трубки-ружья и слепленного из хозяйственного мыла воланчика-пульки), которое и несло в себе рукописный заряд нежности, устремлявшийся точно в цель, благодаря небольшой сноровке и сконцентрированному усилию легких.

На что я, по отношению к брюнетке Олеське, скорее всего, вряд ли когда отважился, по ранее указанным причинам. Однако и у Сереги все вышло не так гладко, как ему, вероятно, хотелось. Посланная им таким экстравагантным способом любовная записка была в тот же день найдена на помидорной грядке вечно угрюмым Олеськиным папашей, в недавнем прошлом, как я слышал, воспитателем малолетки, который, прочтя ее, долго потом в исступлении тряс кулаком в направлении сотен высывавших из тюремных окон уголовных рож, наверняка консолидировавшихся для него в одну-единственную – улыбающуюся и ненавистную.

Такие вот дела! Любовная история набирала силу и, вероятно, могла бы иметь самые что ни на есть непредсказуемые последствия, до которых нынешним всяким там «мыльным операм», как говорится, «курить да курить», не получи он как-то по почте письмо от загадочной Елены, на двух тетрадных листах объяснявшейся ему в своем пресерьезнейшем чувстве, и утверждавшей при

этом, что она является секретарем суда. И что она с первого взгляда воспылала любовью к нему, как только его завели в судейский кабинет, в феврале месяце, на продление санкции на арест. Где она, следовательно, сидела чуть в сторонке за письменным столом и фиксировала весь этот процесс.

Серега был поражен и очарован, и, конечно же, тотчас забыл о своем безответственном увлечении Юлькой, под воздействием довольно-таки определенной заявки на столъ многообещающий «амор». А заодно и о предыдущем – некой Ольгой, администратором продуктового магазина, которая стала его законной женой, но, не дождавшись даже выяснения судом степени его вины и, тем более, психиатрической вменяемости, по процедуре уголовного преследования – махом развелась с ним и выписала со своей жилплощади; что не обошлось, как он предполагал, без участия его всесильной тещи, работавшей большой начальницей в горадминистрации, о чём он, в свою очередь, «прожужжал мне все уши».

Теперь, сидя «на киче»⁵ и не довольствуясь одним «голосовым» общением, регулярно извещал в «мульках», так как мы по-прежнему, как подельники, содержались по разным камерам, но тем

5 - «Кича» – место заключения.

не менее, что уж тут скрывать, были в курсе всех наших индивидуальных телодвижений и сердечных тайн.

«Юный Казанова» был настолько заинтригован неожиданным обращением к нему таинственной и, несомненно, прекрасной незнакомки, что первоначально, помнится, даже засомневался в его правдивости, полагая, что это какой-то неудачный розыгрыш. И предлагал мне, как единственному близкому ему человеку, выслать по арестантской «дороге», состоящей из многочисленных натянутых между нашими жилыми помещениями вязочек («коней»), это самое любовное послание, чтобы я, дескать, убедился в его подлинности и составил на этот счет свое мнение. На что я, хорошенъко подумав и отказавшись его читать, по тем же каналам связи предложил ему не теряться в догадках, а написать очарованной им судебной работнице по указанному на конверте адресу ответное письмо и подождать от нее подтверждения серьезности ее намерений в виде второго письма. На все про все, по моим расчетам, должно уйти максимум две недели, и разве же мы ими не располагали?

С чем Серега благоразумно согласился и пропал из зоны досягаемости, как абонент – опять же, вынужден уточнить, редкойной в те годы в камерных условиях – сотовой связи, ровно на сутки, похоже, сочиняя ей какую-нибудь эпистолярную арию в том же духе, что сотворила и она.

Тогда как я, тем временем, не находя себе занятия и поостыв немного к вечно мельтешащей под окнами Олеське, принялся просматривать чудом не использованные еще на самокрутки и какие-нибудь прочие повседневные потребности обрывки старых газет, которые, кстати сказать, были в большом дефиците и редко когда обновлялись, так как администрация СИЗО города Сызрани в категоричной форме отказывалась принимать от родственников с передачками прессу, причем никак не аргументируя свое очевидное самоуправство. А та, что у нас имелась, в основном привозилась самими же заключенными с этапом – оттуда, где режим содержания был чуть послабже, – обычно из ИВС, и где, по идее, он должен был быть, как раз наоборот, намного строже. Но, как говорится, каждая метла метет по-своему – и особо-то с этим не поспоришь.

«(...) Нет пожалуй, ни одной такой страны в мире, где бы власти так беспардонно обманывали свой народ, как это делается в России (...) Разве что в какой-нибудь банановой республике, живущей по законам джунглей», – упоенно читал я статью журналиста Вячеслава Костикова в газете «Аргументы и факты», бережно собирая ее по клочкам, как подвергнувшуюся разрушению реликвию. А отсюда, не имея семи пядей во лбу и природного дара к аналитическому мышлению, не трудно было догадаться, почему заправили здешнего новогулаговского мирка так целенаправленно обolvанивали нас, лишая доступа к какой бы то ни было не подвергнувшейся цензуре информации, а вместо нее методично подсовывали нам в специальном приспо-

собленное для всевозможных нужд дверное окошко-«кормушку», рафинированную газетенку карательных органов под глумливым названием «Тюрьма и воля». По-зэковски – «сучка». А то еще вдруг, мол, невзначай прозреем, пока сидим. Вот ведь как! Но, невзирая на все это нелегкое для нас из-за отсутствия движений и мыслительной нагрузки времяпрепровождение (не все же любят в карты резаться и по нарам прыгать), мы с Серегой Платоновым stoически продержались все три летних месяца, ушедших на согласование документов между инстанциями, прежде чем были препровождены в город Казань на стационарное освидетельствование, так как на «пятиминутке» мы повели себя, как и договорились, отчаянно отмалчиваясь, то есть как надо! И врачи, разумеется, недовольные этим, даже не скрывали своих последовательных шагов «по выведению нас на чистую воду», о чем, как помнится, персонально ставили и его, и меня в известность, в весьма неуравновешенной форме. Сдавали, сдавали у них нервы (а то еще, говорят, не заинтересованные лица – ну-ну…)! Психиатры, тоже мне – один в один психопаты-менты.

Но это из области внешних отношений, а в личном плане, ответив на первое письмо прекрасной незнакомке по имени Елена, которую, к своему великому сожалению, Серега все никак не мог вспомнить, с нетерпением ждал второго, с подтверждением серьезности ее любовного чувства. Но такового, увы, все не было и не было, и как ему представлялось, исключительно по вине тюремной цензуры, которая его просто-напросто, как это звучит на здешнем сленге, «морозит».

Поэтому этап, по его словам, путал ему все карты.

В связи с этим, когда ему уже сообщили об отведенном часе на сборы, он меня очень просил, чтобы я перед отъездом захватил это самое буквально мифическое письмо в Татарию, если оно все-таки придет, и передал оное там, на месте.

Так ему, стало быть, не терпелось разобраться в этой чудной загадке; и он, надрываясь кричал мне об этом во весь голос в «решку»⁶: мол, он свою «хату» в известность поставил, и что, дескать, корреспонденцию от Лены мне тут же переправят «контролем»⁷, как только получат.

Честно сказать, я думал, что этот неудержимый поток доскональных подробностей никогда не кончится. Но он все же милостиво перекрыл его, как сантехник прорвавшийся водопроводный кран, при чем так же резко, как и обрушил.

– Ясность полная… прогон принят, – не щадя голосовых связок, орал я ему в свой черед тюремными словечками, на глазах у вертящей бедрами Олеськи, мысленно отмечая для себя: «Значит, едем!» – с внезапно нахлынувшим волнением, что даже не удер-

6 - «Решка» – тюремное окно.

7 - «Контроль» – корреспонденция, груз, передаваемый с повышенной требовательностью и соответствующий записью в специально заведенную тетрадь («тачковкой»).

жался и помахал на радостях высунутой наружу ладошкой исподволь следящей за нашим разговором провинциальной приме, которая, как ни поразительно, мне ответила – да еще каким расчудесным образом – воздушным поцелуем!

Ой, ты моя маленькая!

Дульсинея Тобосская – «Засра...кая»...

То биши Олеська «Помидорная».

Надзирателева дочь, – слагал я в уме первые строки посвященной ей изумительной элегии, которую как-нибудь на досуге собирался обязательно завершить.

А через неделю и меня назвали на этап, и я принял спешно укладывать «сидор»⁸, в который, помимо «мыльно-рыльных» принадлежностей и «насущного»,⁹ попали две совершенно замечательные книги из тюремной библиотеки, которые по возвращении – честно-честно! – я намеревался туда вернуть. А вот какие это были книги и вернул ли я их в тюремную библиотеку, как и многие другие, произошедшие с нами в пути немаловажные подробности, можно будет узнать уже в последующих главах пишущейся, так сказать, «на колесах» патриотически-неотложной (как репортерская «злободневка» и, в тоже время, «классически-нетленное» произведение) поэмы, которая, есть шанс, быть может, научит власть предержащих люд бесправный уважать!

Глава 8. Склонность к побегу

Не очень-то это приятное занятие – этап, хочу я вам заметить. К тому же унизительное. Но после трех месяцев пребывания в бетонном склепе, куда меня по возвращении с процедуры амбулаторного освидетельствования, можно считать, что замуровали живо (а в общей сложности набралось около полутора лет, и это только по последнему обвинению), предстоящая мучительная пертурбация поначалу воспринималась как величайшее благо, как легкий экстрем или развлечение.

Едкий специфический запах железнодорожной насыпи на первом же вздохе бил по мозгам, как стакан из распитой с кем-то за компанию в привокзальном буфете бутылки дешевого портвейна, от которого, впрочем, через пять минут начинало мутить и желудок сводило, как после порции сильнейшего яда, вот-вот все обратно полезет. Причем на виду у пассажиров дальнего следования, судя по их раскрепощенному поведению и свободному летнему одеянию – курортников, ссыпавшихся с подножек тамбура, как горох из надорванного мешка, и прохаживающих по узкой (ви-

8 - «Сидор» – сумка.

9 - «Насущное» – чай, курево, сладкое.

димо, по известной сызранской бедности), заменяющей перрон асфальтовой дорожке, разминая затекшие без движения конечности, или, как еще говорится, для кратковременного променада перед возобновлением хоть и, наверняка долгожданного, но несколько утомительного путешествия, которое по всем признакам должно было вызывать только приятные эмоции.

А тут вдруг мы – этапники, одним своим измученным, нелицеприятным видом всю благообразную картину мира портящие. Это сразу же было видно по их брезгливо-сконфуженным лицам, которым, не иначе как по причине отсутствия должного воспитания, они просто не умели придать выражение чопорного английского безразличия. И хотя расстояние между нами было приличное, и зрелище для нашего российского менталитета привычно-заурядное, они глазели на нас неотрывно, будто и посмотреть было больше не на что. Таращились, как на ранее невиданных изгоев, либо разодетых кто во что горазд, бомжей, которых только что выловили по подвалам и, вместе со всем их нехитрым скарбом, отправляли теперь, под конвоем из собак и автоматчиков, куда-нибудь подальше от глаз людских, за город, на свалку, да бог знает куда еще. Ладно хоть не в лютый мороз!

Рассказывал же мне как-то в спецприемнике один бездомный татарин по имени Рашид схожую историю о том, как омоновцы периодически вывозили его из Казани на милицейском «Пазике», заодно с другим подобным ему отрепьем, и бросали там, за ее пределами, предварительно отвесив приличных тумаков, дабы окончательно отбить всякое желание возвращаться обратно и засорять своим присутствием кичающуюся процветанием тысячелетнюю мусульманскую столицу. Якобы, такое зверское распоряжение отдавал своим подчиненным их непосредственный начальник, а ему кто-то свыше. Только все это было без толку, бомжи ни в какую не хотели становиться кочевниками. Не торопились, пугая сусликов, обживать исконно принадлежащие им степи. Их, как мух на мед, тянуло назад, в родные городские трущобы, дабы заселиться в них по новой, во временно пустующие, обустроенные какой-нибудь выброшенной на помойку богатеющими на очередной нефтедолларовой волне квартирье семщиками рухлядью, – летом чердаки, зимой нулевые этажи либо недостроенных, либо заброшенных зданий и подвалы. Где они, по его словам, сбивались в разнополые сообщества и коротали долгие беспросветные вечера за бутылкой горячительного и веселыми байками о прошлой успешной жизни, которая у каждого из них, несомненно, не сложилась по каким-то чисто фатальным и, разумеется, не зависящим от их личных качеств обстоятельствам. «Но все это поправимо», – верили они, намеренно не касаясь страшных тем из современных реалий, где они чудом не были убиты озверевшими ментами или скинхедами. И никому, вроде бы, своим никчемным существованием не меша-

ли и не причиняли никакого вреда... Пока силовики в очередной раз не вытравливали их из тех самых, только что описанных «прихватизированных» ночлежек, как в достопамятные коммунистические времена власти выселяли всех неугодных из Москвы за 101-й километр...

И вот однажды, как продолжал рассказывать Рашид...

И вот однажды, как продолжал рассказывать Рашид, проделали это, как нарочно, в сорокаградусный крещенский мороз, в темень, когда на трассе Казань-Чистополь не ходила ни одна случайная машина. И многие из них в ту злополучную ночь позамерзали насмерть. А он, благодаря Аллаха и своего крепкого закаленного организма, выжил, и на первой же предрассветной попутке отбыл в направлении Самары, откуда собирался добираться «зайцем» на проходящем поезде куда-нибудь поужнее и где, стало быть, так безжалостно не губит людей ночная стужа и ни с того ни с сего, взъевшаяся на них республиканская администрация. Но был «отловлен» на железнодорожном вокзале вездесущими «царскими опричниками» и посажен — за неимением «тугриков» на откуп — в спецприемник, где, кстати, и познакомился со мной, задержанным и содержавшимся в нем за мелкое правонарушение — якобы, я выражался нецензурной бранью у местного отделения милиции — ну, в общем, все как обычно у нас в стране, а на самом деле за участие в правозащитной деятельности. Словом, оказался я не в том месте, не

в тот час, ибо, как убежденный антиглобалист и нейтральный миро-созерцатель, специально никогда не лез в политику.

Так вот, а к полудню следующего дня мы с ним оттуда уже бежали, «закосматив», – по его же оригинальному выражению, – под острое инфекционное заболевание. В народе именуемое поносом, а по-научному, значит, диарея. Не сразу, конечно, а дождавшись, пока нас отвезли на скорой помощи в больницу. И, так как конвой «суючникам» не полагается, мы тут же оттуда и сбежали – я в Тольятти, к мамкиным беляшам, а он в Анапу к виноградной лозе и морю. Сотрудники спецприемника, как сейчас помню, перед посадкой в «мапузовскую» колымагу озабоченно спрашивали меня: «А ты не слиняешь оттуда?» «Как же, не дождется!», – без тени сомнения отвечал им я. – У меня же тут остаются изъятые у меня при аресте дорогие вещи – очки от «GUCCI» и ремень от «BOSS». «А-а-а», – понимающе кивали они с глупыми выражениями на лицах. Очки с ремнем, конечно, жалко. Фирменные были. Ну да хрен, как молвится, с ними, зато лето погулял, пока меня по новой, теперь уже по-серезному, как бегающего от охотника зайца, не изловили. Знай себе, не унывай, не сегодня-завтра из тебя рагу изготовят! Однако и эта головокружительная история с мнимым расстройством кишечника и обманом наивных сержантов и сердобольных врачей не прошла для меня бесследно – местные тольяттинские оперативники из УВД откуда-то про нее прознали. И уже по этому, как и по тому административному, шитому белыми нитками, уголовному производству, предусмотрительно зачислили меня в разряд «побегушников», колоритно прочертив их неотъемлемый символ – красную полосу жирной биссектрисой из угла в угол и поперек моего личного дела, хранящегося в толстой канцелярской папке с соответствующим вкладышем внутри. А потому, когда нас высадили из автозака, то мне одному из всего нашего разношерстного спецконтингента тут же нацепили на руки «браслеты», при этом даже не подумав о том, как же я теперь буду тащить свою необъятную пропилевовую сумку, путающуюся под ногами и тянувшую меня мертвым грузом, как пудовая гиря утопленника, на всем протяжении пути. Был бы я овчаркой, я бы сообразил и взял ее в зубы, но я-то, как-никак, родился человеком и не мог отрешиться от этой глупой иллюзии, прямо-таки не зная, как мне дальше быть. Пока другие этапники, видя мое замешательство, не пришли мне на помощь и не подхватили сумку за обе ручки, любезно взявши ее до места посадки. Я шел рядом с ними налегке, поглядывая по сторонам и не только легкими, а буквально всеми фибрами своей истосковавшейся по воле души впитывал в себя этот казавшийся мне сладким-пресладким вокзальный воздух. И не удивительно, что уже через пару минут ходьбы в обход стоящей перед нами сплошной стеной зеленої гусеницы вагонов, к четвертому пути, у меня возникло острое желание воспользоваться

ся ситуацией и дать деру, бросившись наперерез идущему навстречу нам по левую сторону локомотиву. Я даже мысленно обыграл эту стремительную сцену в действии. Вот я протискиваюсь между ковыляющими рядом со мною гуськом бедолагами в телогрейках, отталкиваю от себя конвойра, который от внезапности может потерять равновесие и завалиться на рельсы за секунду до того, как по ним простучат тяжелые, все перемалывающие на ходу колеса неудержимого и бездушного в своей многотонной инерции состава. Раздастся пронзительный человеческий вопль и возникнет паника, но я уже буду бежать вперед, мало что соображая, задыхаясь и покрываясь потом. Надолго ли меня хватит? Вряд ли. Я далеко не тот, каким был раньше, и за все эти будто проведенные в невесомости дни и месяцы малоподвижной жизни мышцы мои настолько атрофировались, а легкие ослабли, что я задыхаюсь после пяти минут ходьбы, как дряхлый старик, страдающий астмой или болезнью сердца. То есть нечего было даже и думать ни о каком рывке или кроссе, в этом-то я как раз отдавал себе четко отчет. Зато можно было, проскочив перед носом стремительно приближающегося состава, тотчас же запрыгнуть на одну из его многочисленных подножек, ухватившись руками за поручни, — тешил я себя другой мыслью, но опять же ненадолго, прекрасно сознавая, что проделать столь виртуозный трюк мне будет не по силам, даже если бы я был таким же ловким и прыгучим, как, допустим, китайский киноактер Джеки Чан, как известно, не терпящий замены каскадерами. Так как руки мои были предусмотрительно закованы в наручники, мне не стоило забывать об этом ни на минуту, тем более, в таком ответственном намерении как побег, о котором, как выясняется на деле, я неустанно подсознательно думал. «Снять бы их?» — мелькнуло у меня под черепной коробкой. Только каким образом? Да и знай я даже, к примеру, как это делается, — что потом? — также молниеносно размышлял я о последствиях и приходил к выводу, что в этом-то и заключается весь фокус неоправданной рискованности данного предприятия, потому как деться-то мне в этой проклятой стране в общем-то некуда. К родственникам в Самару? Да они меня на другой же день, из-за создаваемых мной вынужденным присутствием неудобств, сами в милицию сдадут, мотивируя это подленько решеньице благими целями, невзирая на то, что я у них разъединственный племянник, и они мне приходятся, по материнской линии, дядей и тетей. В отчий дом, в «хрущобу»? Так там через пару часов после успешно осуществленного побега все обложат менты. И везде, где бы я ни появился, по прошлым адресам, меня будет поджидать круглосуточная засада. Пуститься наутек за кордон, где у меня никого из родных и знакомых нет? И где жить мне точно будет не хуже, чем в этом типичном Майданеке или Освенциме, иначе именуемом Российской Федерацией. Это, конечно, можно. Но вот автоматачика этого

проклятого жалко. Его ведь, как в мясорубке, со всей его амуницией и патронами перемелет. А вдруг у него дети? Это вечное «вдруг», разочарованно вздыхал я, глядя вслед идущим впереди девчонкам, постоянно удерживает меня от решительных действий. Короче, я повязан с этой «гребаной» отчизной по рукам и ногам, погряз в предрассудках и, к тому же, арестован. Я весь в противоречиях, но при этом, правда, до сих пор еще, как ни странно, не сошел с ума, и в моих венах по-прежнему, как в хорошо отлаженной радиаторной батарее, циркулирует горячая кровь, порождая в мозгу неизбытную тягу к свободе и неиссякаемую ностальгию по родному дому. Вплоть до того, что, по возвращении, я готов упасть перед ним на колени и в отчаянии расплакаться и взмолиться Богу. В которого я, кстати сказать, никогда особо-то и не верил. И не потому даже, что воспитывался под бдительным оком партии и комсомола, правящим больше полвека умами масс и нетерпимо относившимся к религиозным настроениям каждой отдельной личности. Нет! Не поэтому. Просто не испытывал потребности и все тут, хотя сам за собою частенько замечал, что нет-нет, а соотношу свои, выстроенные в словесный ряд, помыслы с именем Господа. Причем, даже не знаю, по какой причине я это делаю. Так уж, наверное, у русского человека принято, подобно многим другим, тянувшимся к вере, народам и малым народностям – сопоставлять свои поступки и волеизъявления с устоявшимися нравственными ценностями, в данном случае, делая это через проповедующий их религиозный символ.

Эх, как там сейчас, интересно, поживает мой бездомный приятель Рашид, чудом уцелевший при окончательном изгнании из Казани, куда я теперь почти добровольно еду. Надо мне это больно! И почему я вместе с ним тогда не свалил, по его выражению, бродяжничать в Анапу, а вернулся в свой недружелюбный Тольятти. Говорил же мне этот провидец-бомж, говорил... и почему я его в тот раз не послушал? А другого уж, конечно, случая не будет. Валялись бы мы сейчас с ним дружненько на горячем южном песочке, любовались оголенными фигурками девчонок, плевали виноградными косточками в небо. Эх, что сделано, то сделано, и нечего теперь горевать об этом.

Занятый этими тревожными мыслями, надо сказать, так я ни на что отчаянное и не отважился. Благоразумие возобладало. Глупостей-то всегда успеть понаделать можно! Мою неподъемную сумку (вроде, ничего такого тяжелого и не положил в нее?), спасибо им – так и донесли до «столыпинского» вагона мои случайные попутчики. А я, глядя на это, еще раз пожалел о том, что тюремные шныри наотрез отказались оставить ее до моего возвращения в каптерке, прикрываясь каким-то сомнительным предписанием, которое, якобы, не позволяет им хранить вещи пусть даже и временно отбывающего оттуда спецконтингента.

Конвоиры, держа оцепление, приказали нам присесть на корточки и дожидаться дальнейших распоряжений. В то время как кто-то старший из них, видимо, принялся оформлять документы по передаче нас своим коллегам, специализирующимся строго на железнодорожно-надзорительной деятельности, находящимся внутри вагона, внешне ничем не отличающегося от других, относящихся к основному пассажирскому составу. Только окна у него были укреплены изнутри стальными прутьями, но разве это разглядишь с первого взгляда? Да еще снаружи. Едва ли! Вся эта неприглядная сцена по-прежнему разыгрывалась на глазах у курортной публики, которая, просто из любопытства, так и крутилась возле нас, копошась, как цыплята в дорожной пыли, по обеим сторонам путей на захудалой станции Сызрань-город, явно не оправдывавшей эту заложенную в название широко идущую перспективу. Деревня – она, как говорится, и в Африке деревня! «Барышни» живописали дряблыми, цвета куриных окорочков ляжками, выпиравшими вниз из-под узких обтягивающих коротких юбочек и шорт, а их кавалеры, будто беременные бабы, прикрывавшие свои неразрешенные от бремени животы одетыми навыпуск футболками, блуждали возле них, очумело попивая из горла бутылочное либо баночное пиво. Безусловно, я сознавал, что это не девятнадцатый век, когда этапируемых по Руси каторжников во всех населенных пунктах встречали с состраданием и участием, повсеместно оказывая им посильную помощь – кто табаком, кто хлебом, кто добрым словом. Вертухай, обычная солдатня, ругаются, но разве же это кого-то остановит! И это, опять-таки, если верить нашим гуманистам-классикам, которых при всем моем к ним уважении, на свою беду, я начитался за свою бытность, похоже, несколько чрезмерно.

Но тут началась погрузка, и мне уже некогда было «накручивать» – из любимых речевых штампов моей мамы – себя дальше этим, как бы начинающим уже входить в привычку, пессимистичном анализировании. Хотя я все же успел всему этому вольному жестокосердному сословию, плявившемуся на нас с высока своего независимого положения, на прощание состроить такую препротивную звериную гримасу, что они, как мне показалось, в ужасе «ломанулись» от меня и чуть не попередавили друг друга, прячась кто куда может. Доктор Лектор из американского триллера «Молчание ягнят» против русского эзка теперь им пай-мальчиком покажется, – пусть они только себе для сравнения этот DVD-диск включат. Размечтался я, удовлетворенный достигнутым результатом. Но и это, как нетрудно догадаться, далеко не все еще мои проделки на этой, если, конечно, можно так выразиться, арестантской ниве. Были и другие. Но о них, скажу я вам, предстоит узнать, только заглянув в продолжение нашей, не терпящей отлагательств и, надо отдать ей должное, раскрывающей себя всегда с самых неожиданных сторон хулиганской поэмы. Любопытно? Вот и читайте.

Глава 9. Первые жертвы

Наручники с меня сняли, и я почувствовал себя свободнее. Только ненадолго. Под окрики и взмахи дубинок свирепых вояк все полетело наверх одним потоком – люди и сумки. В итоге я в очередной раз за свой четвертый десяток лет усомнился в правоте дарвинской теории, как мне сдается, безосновательно утверждающей, что человек произошел от обезьяны. По-моему, наоборот. Как бы мне еще преуспеть в этом! Я подкинул сумку как можно выше и полез вслед за ней, хватаясь за поручни, в железное нутро вагона, замершего, будто в чистом поле, на площадке, не обустроенной перроном. Двадцать первый век, Сызрань-город! Какой там, к черту, город?! Батька Махно в сопровождении татаро-монгольской орды, путая территориальные и исторические параллели, вот-вот из-за ближайшего угла на оголтелой коннице вырулит – подспудно померещилось мне, когда я вдруг почувствовал, что моя тяжелая пропилевовая сумка, по всей видимости, не доброшенная мною, перевесившись, навалилась на меня всей своей непомерной тяжестью и увлекла восьмояси на жесткую, как грунтовая дорога, насыпь между путями. В первую секунду я даже подумал, что меня парализовало – так сильно я ударился спиной о что-то островерхое. Скорее всего, о камень, из каких, собственно, и состояло данное покрытие. Но нет, на этот раз, кажется, все обошлось – «клешни» мои исправно действовали. Сумка перелетела через меня и слегка оглушила ничего не подозревавшую овчарку, судя по всему, суку, которая покорно стояла в оцеплении – чуть позади моего распостертого тела – рядом с держащим ее на поводке конвоиром и, должно быть, о чем-то самоуглубленно мечтала, так как на мое в общем-то упреждающее, для заложенной в нее природой сметливости, падение, да еще и произошедшее в непосредственной близости от органов ее чувств, как-то: осязания, обоняния, «аэродинамики» и т.д. и т.п., никоим образом не прореагировала. И напрасно! Что ни говори, а нельзя – пусть даже ты не человек, а всего лишь собака – так безалаберно относиться к своим непосредственным обязанностям, нельзя! И все приключившееся в дальнейшем было тому наилучшим подтверждением: ее тяжело дышащая разинутая пасть от пришедшегося в лобную кость удара мгновенно прикрылась, безжизненно издав отчетливый металлический звук защелкивающегося «компостера». Поклажа отлетела ко мне обратно. «Компостер» расщелкнулся, овчарка взвизгнула и, метнувшись резко вправо, тяпнула за икру ближайшего от нее увальня в солдатской форме. Тот от боли панически взмыл и запрыгал на месте, пытаясь при этом в отместку пнуть ее в брюхо тяжелым армейским ботинком. Однако, зря он только старался: животины рядом уже не было. «Гуси» у нее в голове, несомненно, перепуганно разлетелись, и она тотчас побежала их ловить, увлекая за собой

фактически привязанного к ней этапного вертухая, а тот, в свой черед, еще кого-то... Вследствие чего вся эта ватага из людей и, так сказать, братьев наших меньших, навалилась на меня одним скопом. Укушенный за икру автоматчик, в конце концов, потерял равновесие и тоже составил им компанию. Получилась каша-мала. Карабин поводка, затвор автомата и собачьи зубы лязгали, как скорострельный пулемет, без перерыва. Во жара где была, во жара! Иначе и не скажешь.

Словно невидимая паутина стягивалась над нами. Мы пытались выцарапаться из нее, но от этого только запутывались еще больше. А те, кто как Чип и Дейл из американского мультфильма, шли нам на помощь, делали еще хуже, невольно сами попадая в эту потасовку и окончательно разваливая ряды оцепления. Одежда разлеталась на нас в клочья – овчарка безумствовала, сдирая ее с нас чуть ли не вместе с кожей. То и дело слышались страдальческие возгласы: О-у-а! Больно же, больно! В довершении ко всему, очевидно, снятый с предохранителя чьей-нибудь нервно дернувшейся рукой или лапой взведенnyй автомат начал палить короткими очередями. И ладно хоть, дуло его было задрано в воздух, а то бы без трупов, несомненно, не обошлось. Высыпавшая было поглязеть на эту бесплатную «клоунаду» и все еще не покинувшая прямо-таки «боевой плацдарм» курортная публика по новой, после моего недавнего устрашающего рыка на них, «наложила в штаны» и чуть не свалила на бок поезд, пока, тесня и отталкивая друг друга, взбиралась обратно по вагонам. Нашу же, как бы завязанную узлом «гоп-компанию», это последнее проишествие со стрельбой, похоже, только отрезвило. Да и силы нам на тот момент заметно изменили. Потому как, перестав отчаянно биться и выверяя движения, мы постепенно высвободились и поднялись на ноги – я, пять конвоиров и собака, все перепачканые в дорожной пыли и изодранные, ну точно пугала. Я полагаю, что в другой ситуации мы стали бы предметом всеобщего веселья, но только не сейчас, когда страсти предельно накалились. И те из случайных очевидцев, у кого минуту назад пули свистели над головами, а адреналин кипел в крови, вели себя несколько по-другому: одни глазели на нас из-за толстых стекол отходящего поезда, разинув рты, будто до смерти перепуганные дети, а другие боялись выглянуть из-за своих лотков-колясок, прячась за ними, как за баррикадами. А что они думали, что они в сказку попали что ли?! Этапирование зэков, как-никак, мероприятие серьезное!

– Эй, пехота, вы что там, белены объелись? Давайте грузите его быстрее, – нетерпеливо гаркнули сверху.

– Баул забирай и вали отсюда, чтобы наши глаза тебя больше не видели, – поторопливали меня опомнившиеся служаки. А еще говорят, что беда сплачивает людей? Куда там!

От пережитого я, вероятно, тоже, не хуже собаки, отчасти сбрендил, раз уж вместо своей сумки машинально схватил что-то гуттаперчевое и податливое – натурально напомнившее мне ее ручки, но на поверку оказавшееся крестцом и холкой понуро стоявшей поблизости твари и, одним рывком, закинул ее – родимую! – в тамбур. А когда уже понял, что натворил, чтобы хоть как-то сгладить оплошность, шутливо крикнул вдогонку: «Получай, фашист, гранату!» Результат, правда, вышел совершенно обратный... Своей новой выходкой я только подтвердил, что с моей стороны это была форменная подлянка. «Граната» разорвалаась без задержки. У овчарки как бы открылось второе дыхание, и она остервенело принялась отщелкивать резцами по мясистым чреслам застигнутого врасплох железнодорожного конвоя. Беспечность и высокомерие были наказаны. Сумасшедший рев повторился: о-у-а! Помогите! Только теперь он был усилен акустикой тамбура – как бы громкоговорителя, для полноты звучания и охвата горизонта, подвешенного над землей. Эффект был невообразимый. Пришествие антихриста, наверняка, наделало бы меньше шума. Греческий бог Зевс разил бы в гневе молнией ослушавшихся его людей, вне всякого сомнения, не с такой всесокрушающей силой. Знаменитая собака Баскервилей в этом плане скажем так, рядом не стояла с непревзойденной летающей сукой. По всем прогнозам она должна была победить. Но и вольнонадменная солдатня не сдавалась, и овчарка скакала под их пинками и ударами, как каучуковый мячик, или залетевшая откуда-то крутящаяся старинная бомба. Разве что не дымила. Так и сиганула, не выдержав ответного натиска, служебная псина оттуда, на всей скорости, в сторону зевак из соседнего, медленно ползущего по рельсам, как раненый удав, турсостава, и прямо на слабый женский пол, вздумавший было разобрать стихийно сооруженную оборонительную линию из набитых диареей торговых люлек и, в связи с чем, не успевших унести подобру-поздорову ноги – и только после этого собака потерялась из виду. Возможно, доведя тех и других до кондравши, бросилась под поезд.

– Найда, Найда... куть, куть, – жалобно звал ее хозяин, пристально оглядывая округу. – Может, еще вернется? – терялся он в догадках.

- Свят-свят, – крестились жертвы ее нападения.
- Много срока дали? – поинтересовался у меня самый любопытный из них, с торчащими дыбом усами.
- Пока еще ничего не дали, только хотят...
- А куда тогда едешь?
- Едешь? Кабы так... везут, старшой, везут... в Казань на экспертизу.
- В дурку что ли?
- В нее самую.

— Признают! У тебя все задатки есть, помяни мое слово. И как я это сразу не понял? Ты же на маньяка похож. Ну вылитый Чикатило. Только вот без очков, поэтому я, должно быть, и не разглядел тебя сразу. Это значит, что где-нибудь через месяц ты возвратом попрещь? — соображал он «по ходу пьесы». — Тогда я увольняюсь с работы! Ноги моей здесь больше не будет. Мне жизнь дороже...

Бот и поговори с таким, невольно напрашивался вывод.

Растерзанный железнодорожный конвой злорадно поджидал меня наверху. Я опасался попасть к нему в руки и всячески хитрил, оттягивая эту, не сулящую мне ничего хорошего, встречу. То у меня ступня на скользкую ступеньку, как зуб на зуб, не попадала, то кисть с поручня соскальзывала, то я поклажу свою никак не мог отыскать, обманно виня во всем внезапно обострившуюся близорукость. Гордость не позволяла мне признаться в собственной трусости. Так что, обманывая других, я одновременно обманывал и себя самого. Кстати, вполне успешно. Правда, только в последнем случае. А вот в первом... короче, меня быстренько раскусили, и потерявшая терпение наземная стражка, понукаемая «разъездной», просто-напросто взяла и закинула меня, предварительно раскачив, как ватный тюк, вдогонку за все-таки брошенной мною пропилевой сумкой, а конкретно — в пышущее, как доменная печь, гневом жерло.

«Там, бум, бам», — посыпались на меня со всех сторон удары.

— Это не наши методы, братцы! — пытался я образумить в перерывах между сдавленными воплями вымешавших на мне зло конвоиров, и на что они, ничуть не унимаясь, отвечали:

— Еще какие наши!!!

Метров десять я летел вглубь вагона, не касаясь пола, и только очутившись запертым в камере-купе, заодно с другими, такими же, как и я, этапниками, смог немного прийти в себя и отдохнуться.

(А может, вся эта история со стрельбой и овчаркой мне лишь померещилась? Хотелось бы, конечно, чтобы так оно и было, да вот только мои ушибы, как и рваная одежда, говорили как раз об обратном...)

Примерно минут через десять, просмотрев сопроводительные документы, всех нас, принятых на станции Сызрань-город заключенных, начали одного за другим выводить в коридор для шмона и пересадки в другие помещения подобного типа. Так я оказался в узком закутке размером с телефонную будку и по мрачности в точности напоминающем чулан, в каких живет Бармалей — вымышленный персонаж, промышляющий киднепингом и которым без устали, помнится, меня пугала моя добрая садистка (ручаюсь за это сопоставление!), бабушка, в детстве. Каково же было мое удивление, когда я убедился в том, что она была абсолютно права и нисколько меня не обманула, ибо там их обнаружилось сразу

двоем. И думаете, как их звали? Ни за что не догадаетесь! Не по-«мультяшному», не заморочено: одного – Димка, а другого Коля. Во всяком случае, так они мне представились, в свою очередь, услышав и от меня мое как обиходное, так и паспортное обозначение: Василий.

– Ветров, – по инерции уточнил я, хотя они меня этого и не спрашивали.

Вроде, люди как люди, только очень уж диковаты, на первый взгляд, – подсказывал мне внутренний голос. И выходит, зря я, было, приготовился отбиваться от них, как от японских камикадзе, на которых они тоже были удивительно похожи. Я таких в кино видел. Но поняв, что они сами меня испугались и даже и не планировали проявлять никакой агрессии, а при малейшем натиске с моей стороны, вероятно, готовы были сдаться в плен без боя, я и в дальнейшем повел себя мирным образом, окончательно успокоившись и приняв непосредственное участие в коллективном обустройстве.

Ко всему прочему, мне не мешало переодеться, так как вследствие недавней стычки с овчаркой вещи на мне были безнадежно подпорчены – фуфайка-то бог с ней, но вот «трикошки»... порыввшись в «сидоре», я быстро нашел замену – снял кроссовки и влез в старенькие поношенные джинсы черного цвета (которые, в случае провала нашей с Серегой задумки с психушкой, сообщу по секрету, берег в лагерь), а затем достал оттуда же и обулся на время дороги в сланцы. «Бармалеи» последовали моему примеру – им, видите ли, тоже захотелось домашнего комфорта! Натурально, как людям...

Выбросить неподлежащие починке «трикошки» было некуда, и я наугад кинул их на дно баула — сгодятся на какие-нибудь тряпки. После чего, заранее не согласовывая свои действия, мы все по очереди запихнули сумки под нижнюю полку, перед этим вынув из них аккуратно сложенные одеяла, и принялись расстилать их по жестким деревянным поверхностям «плацкартных» диванов, чтобы помягче было сидеть или лежать на них в течение предстоящего тряского пути, и кому где показалось удобнее, конечно. Я, особо не задумываясь, предпочел вторую, среднюю полку. По правде сказать, к тому времени меня слегка приморила вся эта этапная маэста, и мне захотелось с полчасика прикорнуть в относительно спокойной обстановке. Полумрак закутка, лишенного привычного окна, всячески располагал к этому. Димка решил остаться внизу, а Коля, неожиданно объявившись «обиженным», что по тюремным представлениям совсем уж плохо, спросил у нас позволения забраться на третью, верхнюю полку, скривив для видимости такую жалкую безнадежную гримасу, что мы не решились отказать ему в этом. Тем более что сами не собирались пользоваться той запредельной верхотурой.

— Залезай. А ты, кстати, куда направляешься? — попутно спросил его Димка.

— В Татарию. На освидетельствование.

— Надо же? И я тоже...

— И я.

— И ты? — вылупившись на меня, безмерно поразился попутчик, у которого, в отличие от Коли, «по жизни все было ровно». Во здорово, во здорово!

— Что здорового-то? Тут плакать нужно.

— Почему?

— Столько дураков собралось в одно время и в одном месте.

Я за схожую ситуацию сижу сейчас, между прочим.

— А-а. А тебя как звать? — утратил он нить нашего разговора, а заодно, если судить по его глупому вопросу, и свою память. Удивляться тут, в общем-то, было нечему — хотя и среди чокнутых, по слухам, встречаются интеллектуалы...

— Я же тебе пять минут назад говорил — Вася Ветров...

— Разве? Да ты гонишь!

— Неужели? — видя столь тяжелый случай, решил я с ним не спорить, переводя разговор с серьезной на шутливую форму. — Наши кони, как говорится, быстро скачут. Знать бы, куда только?

При этом Коля уже не слушал нас и полез на верхнюю полку, а вот у меня, с таким навязчивым собеседником, как второй «Бар-малей» по имени Димка, по ходу, со сном намечались серьезные проблемы.

— Фамилию не говорил, — как бы в подтверждение моих ожиданий, донимая меня, соврал он с невозмутимой мордой. Чтобы

тотчас, очевидно, осененный редким проблеском мысли, выражаясь по-нашему, по новой «вцепиться мне в ухо». – Значит, погоняло у тебе «Ветер». Это ты Сереге «Платону» в 117 камеру писал?

– Я. Это мой подельник.

– А я – «Бешеный пес». Читал обо мне в газетах?

– Нет.

– Так я тебе сейчас покажу!

– Не надо! – категорично воспротивился я, твердо решив для себя, что на сегодня «Бешеных псов», будь то этапный кобель или та конвойная сука, мне уже вполне достаточно будет – одних штанов на них не напасешься. Что я, миллионер, что ли? Или имею его дочку?! Единственно, что меня в этом разговоре заинтересовало, раз уж мы о нем вспомнили, это где сейчас этот арестант энд герой любовник, с которым, по сведениям «Бешеного пса», я поддерживал в сызранской тюрьме регулярную переписку. Должно быть, с врачами в республиканской клинике, изъясняясь его же любимыми словечками, «стояка» держит! Как и в случае с «пятиминуткой», опять первопроходцем пошел и раньше меня на неделю туда отбыл, уже как бы отсутствуя для окружающих, довольствовался я общением с самим собою. «Хотя от Сереги Платонова это, естественно, не зависело», – прекрасно понимал я, в глубине души радуясь тому, что мы с ним, волей-неволей, сделались сподвижниками в попытке перетянуть на себя чашу весов не вызывающей доверия Фемиды, только на античных статуэтках выглядящей слепой и беспристрастной, а на деле, как подкупленный крупье в шуллерской игре в карты, давно уже «шипящей» на руку безжалостной и лихой на расправы системы. А вот удастся ли нам это или нет, рискует никогда не узнать тот, кто не прочтет до финала нашу сногшибательную бунтарскую поэму, которую мы с моим напарником-символистом, если помните, задумали как-то после закрытия дела, совместно переправляемые из тольяттинского изолятора автозаком обратно в сызранскую тюрьму и настроились только было воплотить ее на бумаге по прибытии, а то и по освобождении, что называется, в художественной форме, как вдруг из малоразборчивых каракулей, проделанных карандашом между ровных печатных строчек обвинительного заключения, неожиданно выяснили для себя, что нас определил уже в этом деле какой-то никому не известный Минин. Когда он только успел? Ведь «объе...он» пишется следователем, утверждается прокурором, после чего вручается для ознакомления обвиняемым, всем до одного, сколько бы их там ни проходило по уголовному (а нередко и тому же закамуфлированному политическому) производству, ну и, разумеется, передается вместе со всеми рассортованными по томам материалами дела на рассмотрение в суд. Видимо, на этом отрезке. Вот проныра! Спасибо ему, между тем, за это! Хоть он и плагиатор! Будем же справляться, как это ни горько признавать, с оригиналом. Ох, и увлекает...

Глава 10. Экскурс в детство

«Бешеный пес» тянулся ко мне всей душой – поговори с ним да поговори, – тогда как на меня уже навалилась дрема, и я был не в состоянии воспринимать его. А когда проснулся, то не сразу смог сообразить, сколько я отсутствовал в реальном времени и тот еще продолжается день, или уже наступил следующий, утренний час или вечерний? Полная прострация, напомнившая мне схожее состояние из раннего детства.

Мы жили тогда с матерью и отчимом в однокомнатной квартире на улице Ленина, все в том же, уже упоминаемом ранее, городе по имени Пальмиро. Мать моя, видимо, была на работе, отчим по каким-то причинам остался дома. По каким – я определенно теперь не скажу, как и то, почему меня не отвели в тот самый день, сделав исключение, в садик. Летнее солнышко заманчиво пробивалось сквозь тонкую паутину тюля, и пару раз выйдя в познавательных целях на балкон, уже умытый и накормленный, я отпросился у взрослого члена семейства и своего надсмотрщика пойти поиграть во двор со сверстниками. Было мне тогда лет пять-шесть, характер я имел взбалмошный, озорной, непоседливый и крайне инициативный, и отчим мой, должно быть, на многочисленных примерах успевший убедиться в этом, отпуская меня, строго-настрого наказал мне никуда не отлучаться и быть все время в поле его зрения, так, чтобы, взглянув с высоты четвертого этажа, он каждый раз мог лицезреть, как я полным дурнем прохаживаюсь туда-сюда вдоль узорчатой ограды по асфальтовой пешеходной дорожке. Нетрудно догадаться, что это была за прогулка для такого живого, как я, ребенка – это было истинное мучение. В итоге, ну раз он высунулся из окна или же с того же балкона – я вышагиваю, ну два – слоняюсь, как свободолюбивая зверюшка по вольеру, повесив от скуки нос и едва ли не цепляясь им за коленки. А на третий раз, когда он решил проконтролировать мое поведение, понятное дело, что меня там уже не было, потому как со свойственной мне безоглядной прытью я поддержал бесшабашное начинание местной детворы по осваиванию будто бы заброшенной как пустырь и притягательной, как ковер-самолет, крыши нашего много квартирного пятиэтажного дома; и куда нежданно-негаданно был обнаружен лаз, представлявший собой по чьей-то опрометчивости незакрытый люк с ведущей к нему с подъездной площадки чердачной лестницей. Да я бы не простили себе этого никогда в жизни. Я бы лучше согласился никогда больше, до самой старости, не пить лимонад и не есть мороженое, но чтобы стерпеть такое искушение и ползать по земле дождовым червяком, в то время, когда прочие мои одногодки парят, как птицы под облаками – нет! – это, определенно, было выше моих сил. Поэтому примерно на счет раз, два, три... после того, как я был окликнут сверху моими друзьями-

малолетками, кстати сказать, чихать хотевшими на все запреты взрослых и игравшими там в свое удовольствие – я, подражая им безоглядно, преодолел расстояние, разделявшее нас по, как не трудно догадаться, досконально знакомым мне подъездным лабиринтам, которые я, несмотря на всю строгость моих родителей, имел уже неосторожность – из чистого любопытства – тщательно исследовать, не остановившись и на темных и загадочных глубинах подвала, ибо в душе я был, конечно же, в одном лице, и несравненным Геккельбери Финном, Томом Сойером, Вождем краснокожих, и Тимуром, у которого была своя команда, ну, а в недостижимом идеале, златокудрым пупсиком Володей Ульяновым, потому как это был, по утверждению взрослых, не ребенок, а чуть ли не ангел небесный!

Как сейчас вижу, игра в тот погожий безоблачный денек сразу же удалась на славу. Я подхватил бесхозно валявшееся на плавящемся от жары рубероиде, которым, как водится, сплошь была покрыта крыша всего дома, увесистое полено, должно быть, ранее приспособливаемое кем-то из жильцов для подпорки телевизионной антенны, и когда уже отпала в нем необходимость, по лености там же и оставленное, а не выброшенное на помойку. Затем ухитрился, изображая из себя богатыря, поднять его во всю длину хиленьких ручонок над головою и, прилизившись с нарочито-воинственным видом к краю карниза, дабы, не имея никакого злого умысла, дать вполне доходчиво понять мелюзге, резвившейся тогда под нами в песочнице, кто из нас на сегодняшний день бесспорный лидер.

Вот тут-то и произошло самое курьезное.

Шутка моя была по достоинству оценена всеми, кроме моего отчима, который, вместо того, чтобы сидеть себе преспокойно дома и тепеливо ждать, что следопыт на боевом дозоре, когда же я вернусь обратно гулять по оговоренному маршруту и в пределах его видимости, взял-таки и нарушил нашу взаимную договоренность, скорее всего, посчитав, что ему, как старшему по возрасту, так и по социальному статусу взятой надо мною опеки, это позволительно было сделать, тогда как мне, как подконтрольному ему малолетке, в его понимании, рассчитывать на это не приходилось. Слов нет, хороший же у меня был наставник. Нет бы, напротив, взять и отличиться личным примером...

Не гляделось ему в окно дальше...

В результате, выйдя во двор и быстро обнаружив меня в другом от оговоренного, он выпучил глаза и разинул рот так, что в него без всякого сопротивления, со свистом, легко бы влетело вышеозначенное полено, и не одно, поддержи меня, допустим, лихая детвора в этом начинании. Что он там кричал, я уже не слышал. Наверное, майна-вира, он же по профессии был крановщиком, трудившимся на стройке, и вполне довольствовался привычным ему языком и во внераработочее время.

Только я его и без слов отлично понял и послушно спустился вниз, по запарке не расставаясь с неодушевленным предметом нашего одушевленного раздора и, видимо, отдаленно еще надеясь, что не из меня, а из него сейчас начнут стругать Буратино и испуганно хватаясь за эту спасительную соломинку. Однако избежать наказания мне все-таки не удалось, и получил я от своего «папы Карло», так сказать, по первое число, ибо длань у него, стоит признать, была увесистая, и он не всегда рассчитывал силы, колотя ей по моей крохотной, величиной с яблоко-ранетку, заднице, да так, что бел свет мне показался, на сей раз, не мил, и я не рад уже был, что на него родился. Зареванный, я был уложен в приказной форме спать в свою детскую кровать, каким-то чудом вмешавшуюся в нашей крошечной, размером с песочницу во дворе, однокомнатной хрущевке, а когда разлепил высохшие от слез глаза и очнулся от полного беспамятства, то первое, что я, увидев в приоткрытую балконную дверь меркнувшие красные лучи заката, спросил у дмочадцев, было: «А что, я сегодня опять не пойду в садик?» – тогда мне показалось, что наступило утро следующего дня, и я никак не мог допустить, что все происходящее вокруг является продолжением нынешнего. И взрослый человек спросонья, что уж говорить, вполне бы мог во всей этой временной чехарде запутаться, а уж ребенок, для которого солнце – оно и есть солнце, независимо от того, с какой стороны света оно восходит и за какую с той же

периодичностью заходит, тем более. И за такую незначительную для его формирующегося мировоззрения оплошность, несомненно, заслуживал всяческого оправдания, но это я сейчас понимаю, а тогда-то для меня это было полной неожиданностью, как, предположим, в пору становления человечества известие о том, что Земля держится не на трех китах, а имеет круглую форму, и не светило вращается вокруг него, а оно само занимает, по отношению к нему, такую вот, что спутник, второстепенную позицию.

Мать моя, пришедшая с работы и с порога посвященная отчимом во все произошедшее (разумеется, представившим все в выгодном для себя свете и умолчавшем об учиненной надо мною жестокой экзекуции), мило улыбнулась и, наклонившись, поцеловала меня в щеку, обдав при этом своим прекрасным свежим дыханием.

— Завтра пойдешь... завтра... А теперь вставай, умывайся и иди ужинать. Я купила тебе кое-что вкусненькое.

И как тут, для пущей ясности наших внутрисемейных отношений, не коснуться того, что родительница моя так и осталась для меня, по сей день, самым дорогим на всем целом свете человеком, и что, соответственно, никак нельзя сказать о взявшемся заменить мне отца ее горе-муженьке, с которым она, пожив еще недолго, развелась, мол, в связи с тем, что они не сошлись характерами, и за что я ей, в свой черед, надо сказать, премного благодарен.

Эх, бедная, бедная моя мама, как она там сейчас, интересно, поживает? Ждет ли меня? — мысленно задавал я себе вопрос, постепенно отрещаясь от ранее описанного и в какой-то степени ностальгического видения. Пытаясь, по мере сил, как взрослый человек, обладающий уже определенным кругозором, сориентироваться в реальной обстановке, в которой во все сильнее сгущающихся сумерках все так же зачарованно шуршал подо мною, на нижней полке, «Бешеный пес» своей бесценной газетой, возможно, обидевшийся на меня за то, что я, выбрав сон, отказался, по его предложению, ознакомиться с тем, что же там все-таки про него пишут. А вдруг, да и правда, интересно? А уж охранял-то он ее ревностно — ну точно дантеvский пес Цербер врата ада. Невольно сложится впечатление, что мы туда и держали путь. Читатель, тебе не страшно?

Глава 11. Бешеный пес

Сомнений не оставалось. Мы ехали в ад. Шум в вагоне стоял потусторонний. Это только для вида нас прицепили к пассажирскому поезду. Так упырь заметает свои следы, следя тропинками ночи (впрочем, я уже где-то читал подобную фразу). Компания подбилась что надо — мы-грешники и охранники-черти. Только еще неизвестно, кто из нас и кого на конечном отрезке поджарит, ибо, невзирая на то, что мы были заперты в клетки, безоружны и

практически беззащитны, но, однако же, при всем при этом, «слугам тьмы» никак не удавалось завладеть инициативой и воздействовать на нас своей злой и непреклонной волей. Их никто не боялся и не слушался, и лишь из субординации мы обращались к ним уважительно – «старший», для сглаживания и без того напряженной обстановки, и как это принято в большинстве российских тюрем. А вот чтобы их по-киношному звали, «гражданин начальник», я, честно скажу, ни разу не слышал. Да и какие они, опять-таки, были нам начальники, как и старшие, в общем-то, тоже – так, чистой воды условность, – потому как, рассадив этап по «обезьянникам» специализированного транспорта и отгородившись довольно надежной преградой из железных, сетчатых дверей, снабженных крепкими запорами, они как бы добились совсем противоположного, одновременно утратив на нас свое влияние, распространявшееся на период сверки документов и полагающегося в таких случаях досмотра. Потому как для дубинок мы теперь были недосягаемы, а «орошать» зэков в усмирительных целях слезоточивым газом было весьма и весьма проблематично, так как после этого им самим пришлось бы тотчас убираться куда подальше, причем надолго – пока вагон не проветрится! Ну, на ходу-то ладно, поезд длинный – есть куда им спрятаться, а вот если, предположим, по расписанию намечается станция, которую, соответственно, не проскочишь, а на ней в срочном порядке надо принимать и саживать очередную партию таких же, как и мы сами, неугомонных «отморозков», что им делать, спрашивается, тогда?! Другими словами, у нас было более выгодное положение по сравнению с ними, и с этим ничего не поделать – жизнь, как говорится, диктовала свои правила игры, и в связи с этим весь наряд смены ограничивался в нашем утихомириении лишь формальными одергиваниями и фактически закрывал глаза на многие недозволенности, предоставляя нам некоторую свободу действий. Естественно, в пределах разумного. Чем мы, опять же, не преминули тотчас и воспользоваться, общаясь вполголоса с расположившимися по соседству девчонками и передавая им через коридор, просунув пальцы в узкие отверстия, все, в чем они нуждались – сигареты, спички и конфеты – желая этими самыми, пусть даже и довольно разорительными для нас самих знаками внимания, хоть немного скрасить им дорогу и поднять настроение, при этом дав почувствовать, насколько сильно мы в них нуждаемся и что красота и очарование их отнюдь не утрачены вследствие выпавших на их долю и терпеливо переносимых тягот. А уж заслуженно и в рамках закона, или нет – это, так сказать, дело третье. Нас оно ни в коей мере не касалось – в себе самих бы хорошенько разобраться. Кстати, именно от них мы узнали, что добрую половину вагона занимали поселенцы из Владикавказа, которых везли отбывать наказание по ГУФСИНовской разнарядке в Кировскую область, а также, что конвой у нас был

волгоградский, а не какой-нибудь там самарский или вологодский, у которого была далеко не добрая слава. А каким образом наши милые попутчицы успели все это так быстро выведать, составляло их сокровенную тайну. Видимо, перед прекрасным полом даже в арестантской жизни все двери открыты.

Как я ни уклонялся, мне все же таки пришлось побеседовать с «Бешеным псом» на его излюбленную тему, а именно, если это уже успело забыться, о нем самом, представшим во всей красе со страниц бульварной прессы. И не то чтобы он взял меня изморм, а просто в моем понимании надо быть последней свиньей, чтобы остаться совсем безучастным к столь сильным переживаниям другого человека. Ведь когда я, как это в предыдущей главе писалось, отрещившись от кромешного, что ночь, сна и последовавших за ним красочных, что рассвет, воспоминаний, спустился со второго яруса вниз ощутимо отдохнувшим и бодрым, то застал его все в том же, предшествовавшем нашему расставанию, упадническом состоянии, очень уж, на мой взгляд, приближенном к тому, какое, не имея на то специального образования и, как я с чьих-то слов знаю, в психиатрии называется ступором. Надо было срочно спасать человека! Связанное нашим с ним знакомством оживление быстро прошло и он все так и сидел, как я его оставил, задумчиво понурив голову и не отрывая остекленевший взор от разложенной у него на коленях и, безусловно, не заслуживающей такого пристального внимания весьма поверхности газетенки «Тольяттинское обозрение». «Зри в корень» – данное бесспорное высказывание Козьмы Проткова, это было, конечно, не ее амплуа. Наплести всякую околосицу, сыграв на низменных чувствах читателя, в погоне за тиражом, не более того. И как бы в подтверждение этому, с ее лицевого листа на меня скалило зубы озверелое создание, в общем-то, ничем не походившее на лучшего друга человека – собаку, а тем более, на моего кроткого попутчика Димку, пусть и показавшегося мне поначалу «Бармалеем». Собака, как известно, друг человека. Там же, вероятно, скачанный из интернета и размещененный во всю ширь на шероховатой бумаге, это был уже неукротимый хищник, в любую секунду готовый наброситься на тебя, чтобы рвать, терзать, грызть и расчленять. Б-р-р. Впечатление складывалось вполне реальное, а слабый свет с продола, проникавший в нашу по-монашески скромную обитель, только усиливал это ощущение. Эх, были бы мы добровольными схимниками, а то ведь по принуждению, что, разумеется, всегда во стократ хуже. Но это я уже отвлекаюсь, а вот Димке, похоже, это вряд ли удавалось – мы были точно в ночном лесу, где нам и повстречался этот вселяющий лютый ужас огромный зверь, и не было у нас под рукой никакого оружия, чтобы от него отбиться, или путей отступления, чтобы от него убежать. Мы были загнаны в угол, вот он – перед нами!

— Ох, — испуганно вздохнул я, оглянувшись. Умеют же нагнать жути на доверчивых респондентов эти пройдохи-журналисты.

Спасибо хоть однотипный и непрятательный сельский вид, открывающийся по ходу движения поезда сквозь приспущенную шторку окна напротив, незаметно вернул меня к мирной, благополучной действительности. Аж не верилось, что такое бывает, настолько сильно я отвык от воли. А вот в самой камере-«купе», том же «обезьяннике», окна, к сожалению, не было (предвижу, как кто-нибудь, прочтя это, воскликнет — мол, размечтался!), более того, оно там даже и не подразумевалось, а на его месте во всю стену тянулся серый фанерный лист, плотно подогнанный на стыках, ну точно в непотопляемой субмарине или в бункере Сталина или Гитлера, хотя, если немного подумать, то может и это не совсем верно — ведь я там никогда не был. Просто мне пришли тогда на ум эти случайные, надуманные сравнения, и я не удосужился напрячь мозги, чтобы поменять их на более подходящие. Да и не до того мне, признаться, было. Для этого необходимо спокойствие, а в нашем «столыпинском» общежитии постоянно что-нибудь случалось, не давая мысли развиться как следует. Так, дополняя в кровь адреналин, к уже имеющемуся, к нам неожиданно влетели три летучие мыши, сделали быстрый, стремительный круг и вырвались наружу — это были тени от тянувшихся вдоль железнодорожного полотна бетонных столбов. Я вот успел это быстренько осмыслить и не удариться в панику, зато «Бешеный пес» перепугался до смерти, прикрывшись от них той самой, с изображением оскалившейся псина (то бишь, по мнению редакции, его точный аналог) печатной продукцией.

— Что это было? Что?

— История твоей болезни. Ну-ка, покажи-ка лучше, что там про тебя четвертая власть пишет? Похвально! — начал я заговаривать ему зубы. — Весь лицевой лист тебе одному отдан. «Бешеным псом» тебя называют. Ну это, допустим, уже ни для кого не новость.

Вероятно, от нечего делать я бы позубоскалил об этом гораздо дольше, но тут вдруг «обиженный» Коля, неудачно повернувшись во сне, упал к нашим ногам с верхней, третьей полки. Сам-то не пострадал, зато зацепился растопыренной пятерней за так и не убранную еще после ознакомления газету, которая — каюсь! — к моему превеликому удовольствию разлетелась на клочки, что конфетти из взорванной хлопушки. Я думал, что «Бешеный пес» убьет его за это — такая невосполнимая утрата, как же...

— Ты что, придурок, вообще «оффонарел»? Привязываться нужно, — накинулся он на него быстренько снятым с ноги тапочком, так как подобную категорию арестантов-отщепенцев, по тюремным, «воровским» понятиям, порядочному люду бить кулаками не полагается — вроде как не мараться чтобы. А ногами, стало быть, жестоко очень.

— Тише, тише... Только без живодерства. Со всяким бывает. Кстати, я вспомнил, мне попадалась уже раньше в руки эта статейка. Я тебе сейчас расскажу, о чем в ней пишут, — попытался я в очередной раз отвлечь его внимание, ну и заодно разрядить обстановку.

— Правда?

— Да. Сейчас только этот «Чебурашкин» уберется отсюда. Ты не ушибся случайно, господин хороший? Или не очень хороший. А то и совсем не хороший, — как тут обратиться точнее, даже не знаю. — Так что, живой, что ли?

— Вроде да.

— Ну, тогда давай «чехли» куда подальше — видишь сам, что развернуться негде, — напутствовал я его, особо не церемонясь.

После чего, выполнив свое обещание, я подтвердил «Бешено-му псу» вкратце свою осведомленность касательно того, за что он был привлечен к уголовной ответственности, некогда почерпнутую мною из местной прессы, в которой, в частности, с излишним, пожалуй, пафосом разъяснялось, что житель нашего города Дмитрий М., находясь в изрядном подпитии, совершил противоправные действия в отношении представителя власти, пытавшегося его призвать к порядку, и далее все таким же казенным текстом и, как говорится, в том же духе, отчего через пять минут уже на зубах начинал скрипеть песок, а в голове жужжать бормашина. Читать, конечно, невозможно, а потому я попытаюсь это несколько сгладить. Добросовестного литературного перевода, с учетом отсутствия у меня такового навыка (ибо, как писал Пушкин в «Евгении Онегине»: мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь), правда, не гарантирую, но все, что зависит от меня, для этого сделаю. Итак, начнем все сначала: двадцатишестилетний безработный нашего города Дмитрий М., проживающий в однокомнатной «хрущевке» по адресу улица Карла Маркса, дом такой-то, в поисках случайного заработка «сшиб» себе сторублевую купюру, в народе «сотку», поучаствовав, как это следовало из материалов уголовного дела, в разгрузке овощей на близлежащем от места его постоянной прописки «Колхозном» рынке. На что приобрел там же, в одном из продуктовых павильонов, бутылку самой дешевой и, по всей видимости, «паленой» водки, а вместе с ней и полкило вареной колбасы, которая, если судить, при нынешних-то «кусающихся» ценах на продукты питания, по ее весьма условной стоимости была приблизительно того же, что и спиртное, низкого качества. В пользу этой версии говорило и то, что на все про все ему хватило только что появившейся у него и истраченной до копеечки современной «Катеньки», на которую теперь в приличном магазине и минералку себе не купишь. Но распивать «сорокоградусную» где-нибудь по соседству, в ближайшей подворотне, в компании таких же, как и он сам, алкашей, тем не менее, не стал, что в принципе не

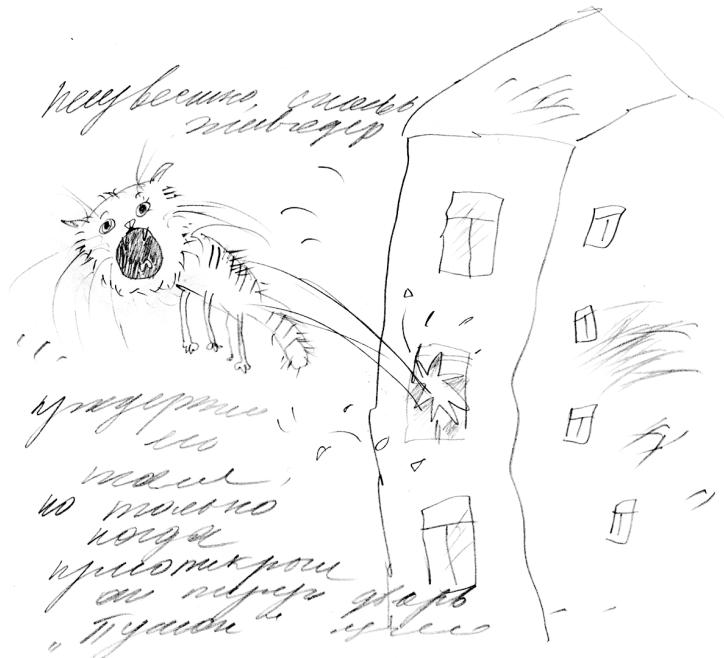
вяжется с его антисоциальным образом жизни, а отнес «поллитру» и «закусон» к себе домой, на радость ютящемуся с ним на одних квадратных метрах и порядком оголодавшему коту по кличке «Пушок», заведенному еще в те, прошлые, однако, светлые и стабильные, по сравнению с настоящими, годы, и который, очевидно, в связи с тем, что решительно не употреблял спиртного, но как неотъемлемый член семьи четко осознающий свое право на определенную долю в скучном аскетическом питании, умело компенсировал одно другим, мигом распределив добычу поровну и воспользовавшись тем, что хозяин ненадолго удалился мыть в ванную комнату руки, просто взял и снянул с кухонного стола колбасу, моментально учуяв ее на запах. А запах, по его представлениям, скорее всего, у нее был обворожительный, стойким дурманом пробивающийся даже через плотную целлофановую обертку, которую он, потерявший разум комнатный хищник, разодрал, прямо на ходу, без всякого затруднения, клыками и когтистыми лапами, что тигр шкуру какой-нибудь несчастной газели, добытой им во время удачной охоты. Правда, и возмездие последовало незамедлительно. Или почти незамедлительно, так как предусмотрительный «Пушок» успел все же смыться со своей добычей под бельевой шкаф, стоящий в соседствующей с кухней комнате, откуда его не так-то и просто было выгнать обнаружившему пропажу хозяину даже с помощью специально прихваченной для этого в туалете всепроникающей швабры. Озлобившийся кот ни в какую не хотел с ним делиться. Он уворачивался, прячась за массивной ножкой допотопной мебели, stoически превозмогая боль от приходившихся по его спине, хвосту и лапам ударов, и все ж таки ни на йоту не сдавал своей оборонительной позиции, упорно продолжая поедать колбасу, даже если за это ему пришлось бы заплатить ценой собственной жизни. Жрал, грубо говоря, «в одну харю» — так, по мнению хозяина, могла поступить только редкостная сволочь или отъявленный эгоист, которого он, можно сказать, рано оторванного от матери, вынянчил на своих руках, кормя его, как человеческого детеныша, чуть ли не из соски. Но теперь, конечно, такого больше не будет — баста! Так он решил для себя. А кот, даже не подозревая об этом, так и не вылез оттуда, чтобы хоть как-то загладить свою вину, пока не съел ту злосчастную колбасу всю без остатка, и при этом, едва не подавившись поразительно прочной синтетической оберткой, используемой явно не по назначению, потому как такие высокотехнологичные материалы, безусловно, удобнее было бы применять где-нибудь в военно-космическом комплексе, либо же в производстве презервативов, но никак не в пищевой промышленности. Короче, обычная для России история. Вот и пришлось Дмитрию М. опохмелиться без закуски, так как на хлеб у него заработанных в тот день денег не хватало, а в доме такового просто-напросто не было. Не идти же, в самом

деле, спрашивать его у соседей? И время сейчас не то, и люди не те, что были раньше – добрые, радушные, отзывчивые и гостеприимные, с которыми «бывало» если и гуляли, то месяцами напролет, «не просыхая» и всем подъездом. Только все они, стоит заметить, с этой проклятущей «паленки» поприбирались как-то уж очень быстро, или же были выселены «черными риэлторами» по тому же небесному адресу, что и первые. А те, что «въехали» в их квартиры после, разве же они способны на такой размах, на такие широкие жесты! А точнее, пьющему соседу не дать с голоду умереть, все эти, как он их за глаза называл, только изображающие из себя новых русских, обыкновенные мелкие бизнес-сошки. Ибо по-настоящему богатый человек, в его понимании, конечно же, предпочтет себе для жизни элитное жилье, которого, кстати, немало уже возводилось по городу, а не будет, как они, размениваться на фактически подлежащее сносу ветхое строение, да еще и затевать в нем евроремонты. Другими словами, люди совершенно ненадежные, от которых ничего хорошего ожидать не приходилось.

Сам же хозяин «Пушки» был, по аналогии с индейскими племенами, последний из «могикан» того, некогда цветущего и под воздействием неумолимого рока постепенно выродившегося поколения. Жена от него давно ушла и, хотя замуж ни за кого больше не вышла, но все одно даже на порог его к себе не пускала, когда он приезжал, чтобы увидеться с малолетней дочкой, и, скорее всего, правильно делала, потому как той лучше было бы не видеть отца в таком непрезентабельном виде. Вот он и коротал, заливая горе алкоголем, свои беспросветные, полные скрытой печали дни вдвоем с облезлой масти (едва ли отвечавшей тому, будто данному ему в насмешку и уже сообщенному читателю прозвищу) котом, который, как ни неприятно было это признать, после стольких лет их совместного проживания оказался тем еще отпетым типчиком.

Невзирая на то, что Дмитрию М. было всего ничего – двадцать семь лет отроду – выглядел он на все сорок. А в приступе «белой горячки», которую он ласково называл «белочкой», и того больше – дед-пердет – триста лет, констатируя на фольклоре. Только это было ошибочное впечатление. Любой другой бы на его месте, опорожнив стакан за стаканом на пустой желудок бутылку сорокаградусной, несомненно, упал бы замертво, но только не герой нашего повествования, потому как безостановочно измываясь над своим организмом вышеописанным способом, он все же сумел сохранить в нем определенную выносливость. И, когда изрядно обожравшийся и утративший бдительность кот вылез наконец-то из-под оборонительного укрепления – шкафа, затаивший обиду и близкий – от количества выпитого спиртного – к безумию хозяин, в качестве возмездия, не мешкая, поймал и запер его в пустующей, по известным причинам, духовке, в которой вдобавок еще и включил на полную газ, а затем поднес зажженную спичку. Неизвестно, сколь-

ко живодер продержал его там, но только когда приоткрыл тутую железную дверцу, видимо, на тот момент прилично уже поджарившийся «Пушок» вылетел оттуда стремительнее кумулятивного снаряда или трассирующей пули.

Причем, прямиком в закрытое окно.

Пробив при этом двойное стекло, прямиком на улицу.

Да так, что только его и видели...

А вернее будет сказать, что совсем уже больше не видели.

Пропал страдальц-кот, и если не умер от полученных ожогов где-нибудь в муках, то, значит, просто не пожелал вернуться к такому нерадивому, как Дмитрий М., хозяину. Который, правда, на следующий же день, осознав всю тяжесть содеянного и по случаю где-то опохмелившись (возможно, что вместе с дружками-бомжами все на том же «Колхозном» рынке), отправился искать его по дворам и закоулкам Центрального района города. Вследствие чего, порядком утомившись, забрался на голубую ель у мэрии, видимо, чтобы получше оглядеть округу, и затем уже, задержавшись на ней сверх всякой меры и будучи замеченным, укусил за палец пытавшегося его снять оттуда представителя правопорядка.

Это уже второго, а первого, пришедшему на помощь своему коллеге-сослуживцу, пнул со всей силы в лоб ботинком. Отчего тот потерял сознание, перед этим невзначай проглотив портатив-

ную рацию, которая долго еще, на радость понабежавшим отовсюду зевакам, выкрикивала позывные из его брюха, будто поселившаяся там квакушка.

Впрочем, утверждать не буду, вполне возможно, что она просто завалилась ему под рубашку, а то и в трусы, отчего и складывалось такое впечатление о месте ее нахождения.

Короче, сие так и осталось тайной. Милиция в тех же СМИ, очевидно, блюя честь мундира, от комментариев по этому поводу категорически отказывалась, а газетчики ограничивались догадками, не без иронии поясняя, что на хозяина пропавшего «Пушки» за в общем-то не такое уж и значительное и только что пересказанное правонарушение было заведено уголовное дело, в рамках которого его и отправили на психиатрическое освидетельствование, в связи с тем, что основную часть содеянного он решительно не помнил (и получается, не отдавал отчет своим действиям), по дороге куда этот широко распиаренный газетчиками дебошир нам и повстречался, и где не ясно еще кем его признают – вменяемым или умалишенным, и какое за этим последует наказание? То есть, почти как у нас с Серегой Платоновым, с той лишь разницей, что он-то был вполне реальный пациент, а мы с моим подельником всего-навсего к этому стремились или, как будет правильнее сказать, под этот спасительный диагноз самодеятельно симулировали, добиваясь, чтобы и нас с ним признали таковыми и, защитив от предвзятого правосудия, временно определили в какую-нибудь из психиатрических клиник. Пожизненно мы туда, конечно же, не собирались. Впрочем, я уже повторяюсь, и дабы избежать этого, не лучше ли будет перейти к прочтению следующей главы, а перерыв, допустим, использовать как телевизионную рекламу, которая, как известно, «двигатель прогресса». Как «План Путина», в общем. Была же, помнится, такая рекламка! А как бы она, к примеру, на «столыпинском» вагоне актуально смотрелась! Не сиди я тогда, сам бы повесил. Все же прекрасно понимали, что это откровенная ложа, а, стало быть, там ей и было самое место!

Глава 12. Лелик

Удачно спикировав с верхней полки (в том смысле, что сам остался целым и невредимым) и приведя в негодность единственный экземпляр газеты «Тольяттинское обозрение», наш «столыпинский» сокамерник Коля вдруг передумал брать эту высоту по новой, объяснив это тем, что, дескать, он не самоубийца и вряд ли выдержит такое падение дважды, а если, мол, ему когда еще захочется испытать себя на прочность, то он предварительно застрахует свою жизнь миллионов на две стопы, чтобы, в случае несчастного случая, хоть на инвалидную коляску и сиделку с лекарствами де-

нег хватило, потому как от нашего расчудесного государства такой великой щедрости, конечно же, никогда не дождешься. Закопать, как паршивую собаку, где-нибудь за три рубля под забором – это пожалуйста! Хоть живого! А вот на большее рассчитывать не приходилось, и в отношении этого, по его словам, он себе иллюзий никогда не строил. Якобы и чужого печального опыта вполне хватало, а на своем, значит, пусть дураки учатся. А то, что он в настоящий момент на предмет освидетельствования в психушку едет – это, выходит, еще ничего и не значит.

Вот этакую воодушевленную тираду нам с «Бешеным писом» и пришлось от него выслушать. Мы, как помнится, не настаивали на том, чтобы он именно туда, в явно не принимающие его «альпинистские» высоты, опять удалился, а просто – пусть и в несколько повышенных тонах – потребовали от него, чтобы он после недавнего и чуть не закончившегося трагедией случая с газетой нам под горячую руку пока лучше не попадался. Тем более что он сам, если уж на то пошло, этот спальный трамплин себе выбрал, а потом нам же еще и выговаривать начал. И что ему, по его «обиженней» масти, собственно, делать вообще-то не полагалось. А потому мы с Димкой, как люди, умудренные жизненным опытом и

сдержаные, с улыбкой переглянувшись, одергивать его велико-душно не стали, отнесясь к нему как к Моське, лающей на слона, или же зарвавшемуся малолетке. И тогда, окрыленный достигнутым «взаимопониманием», он попросил у нас позволения освободить пространство под нижней полкой, переставив сумки на верхнюю – третью, а самому забраться на их место, устроив там себе удобное ложе из старенького одеяла, отнюдь не нового и не толще его же телогрейки. При этом свой собственный небольшой багаж, приспособив, в виде пухика, под голову.

– А поместишься?

– Еще бы.

Отговаривать его было бесполезно.

– Ты на двадцать девятой в двухтысячном году, когда там общий режим был, случаем, не сидел? – не отвлекаемый уже больше Колей, полюбопытствовал я у Димки, который, кстати, опять как-то подозрительно притих, вероятно, что-то там по новому кругу про свое потаенное вспомнив – может, про жену, дочку, ну и, разумеется, про бесследно исчезнувшего кота «Пушки» – как уж без него-то?!

– В пятом отряде. Я туда с малолетки «поднялся».

– Ты к Сашке «Горбатому» в наш барак чифирить ходил – я тебя помню!

– И я тебя.

– А что молчал в таком случае?

– Так когда это было… я уж, по наивности своей, думал, что никогда уже «к дяде на поруки» и не попаду больше… а оно ведь вон как вышло-то, а! Да и знал бы ты, по правде сказать, как мне ваши мерзкие уголовные хари, тем еще сроком, надоели, – отшутился он устало. – Век бы вас не видеть!

– Такая же ерунда. Но я все равно чертовски рад тебя встретить, братэла.

– И я! Вы что, меня не помните? Я же «Лелик». Я тогда же, одновременно с вами, когда вы «мурку» в «жилке» пели, там, на санчасти, шнырем был, – высунулся из под «нар» человек-«катапульта».

– Лелик, ты? – безмерно удивился я, с высоты своего роста стараясь рассмотреть его попристальней. – Ну и помотала тебя жизнь, зас…ца. Теперь-то, спрашивается, за что «угрелся»?

– У бабки моей в Жигулевске поросенка украли, вот она на меня «телегу» и накатала.

– Так ты же, вроде, и в прошлый раз тоже за хрюшку сидел?

– То-то и оно, я то ее не крал, но из-за этого самого докажи-ка теперь, попробуй, что это не я сделал – бесполезно!

– Ну ты поплачь еще, поплачь… сразу станет полегче, – оборвал я его, поступив, быть может, не очень-то и корректно, но желая тем самым сразу же дать ему понять, что все мы там, по существу, находимся в одинаковом положении и нечего, стало быть, если уж

мы считаемся от природы мужиками, распускать нюни, уподобляясь бабам. Однако не удержался и только сильнее развел эту муторную тему. – Слов нет, трогательная встреча… Будто и не освобождались из лагеря вовсе.

Потянулась недолгая пауза, за время которой мы (не побоюсь сказать за всех) невольно вспомнили, что любая зона – это точная модель общества, только в уменьшенном размере, где есть власть в лице администрации и народ, в данном случае, ээки, которые либо ее поддерживают и всячески укрепляют, либо оппозиционируют к ней и, если в открытую не конфликтуют (не «шатают режим»), то и не идут у нее на поводу, а выполняют лишь некоторые, не чуждые их убеждениям, требования. Первые из них активисты, вторые – блатные, но есть и третий, и четвертые – это «мужики», которые никуда не лезут, живут сами по себе и работают, и «обиженные», которые обслуживают и первых, и вторых, и третьих – убирают за ними, моют, стирают, а порой и выполняют гомосексуальные услуги, выступая в роли женщин. Все это, соответственно, происходит с ведома администрации колонии, которая, отчаявшись что-либо изменить в данной социальной расстановке, довольствуется тем, что, поддерживая постоянный контакт с их лидерами, «рогами» и «смотрящими», умело рулит ситуацией, как в кукольном театре, дергая за ниточки и держа все под своим контролем, дабы избежать каких-либо эксцессов и волнений, за которые, как нетрудно догадаться, с них самих потом вышестоящее начальство по-серъезному спросит. Зона, конечно, может «покраснеть», либо «почернеть», это когда фактический перевес сил возникает в пользу «козлов» или же блатных, но в корне эту ситуацию не поменяет. Руководство, по низам, так и будет, как раньше, осуществляться по тому же принципу, что и на воле – как народными избранниками, так и назначенцами. За лагерным забором это полпреды президента, губернаторы и мэры, а под охраной вертухаев, где власть находится в руках начальника колонии или попросту «барина», это председатели всевозможных секций и «положенцы». И если по Ленину государство – это орудие подавления одного классового сословия другим, то вот еще один тому характерный пример – российская пенитенциарная система.

Мы с утра ничего не ели и почти одновременно проголодались. Пришлось опять снимать с верхней полки наши сумки, чтобы достать оттуда выданные нам на сутки продукты – кильку в томатном соусе, пятидесятиграммовый кулечек сахара и булку белого хлеба. Причем кильки нам причиталось по две банки «на нос», а это означало, что мы могли шиковать, употребив одну в дороге, а другую по прибытии. Дело оставалось за малым: надо было ухитриться ее чем-нибудь открыть? Не зубами же! Ибо вспомогательных приспособлений, относящихся к запрещенным предметам, типа «заточки», да и той же «открывашки», ни у кого из нас с собой не было, поэтому, идя по пути наименьшего сопро-

тивления, наобум – откажет, не откажет? – мы спросили консервный нож у маячившего по продолу конвоира с тюленьей шеей, а заодно и поинтересовались, в какое примерно время мы прибудем в пункт назначения – город Казань, столицу Татарии.

– Вам по Москве или по Воркуте? – схомил он, доставая из бокового кармана камуфляжной куртки, видимо, всегда находящуюся у него под рукою открывалку и подавая ее нам в предварительно открытую «кормушку».

– По Сингапуру, – что называется, в кон ответил ему Димка и, должно быть, по давно отработанной привычке, как я заметил, на всякий случай подглядев («стриганул») время с циферблата часов, болтавшихся на чуть задержавшейся в районе дверного окошка мохнатой, как у обезьяны, руке. Нам же самим, как подследственным, по идиотским тюремным предписаниям иметь часы не полагалось (честное слово, не вру – это так!). Осужденным, значит, можно, а вот подозреваемым в совершении преступления и чья вина еще не доказана почему-то нельзя. И в чем тут логика, понять, конечно, непросто.

– Ну, надеюсь, не отравимся, – запричитал, пробуя прямо из разинувшей огненную пасть банки явно просроченную кильку, «Бешеный пес».

– У меня кот «Пушок», даже с голодухи такой откровенной гадостью побрезгал бы. Светлая ему память, – прибрался где-нибудь уже, наверное...

– Ты о нем как о человеке, – заметил я, закидывая назад, наверх, поклажу и стараясь случайно в тесноте не задеть его, сблизости необходимую дистанцию.

– А как же иначе-то, знаешь, какой он был умный! А ты что, с едой в отказе?

– Да я вот думаю, не подождать ли мне, на всякий случай, пару часиков, пока она у тебя переварится, а там уже видно будет?

– Ну ты и сволочь! Не гони, продезинфицируем потом на всякий случай эту отраву чифром, чтобы уже не думалось. Есть-то все одно что-нибудь нужно...

– А по-моему, с него и следовало бы начинать, – сумничал я, присев рядом и так и не решаясь пока что приняться за дело, – эх, была не была, давай «открывашку».

– Сам возьми. Сел на нее и не чувствуешь, что ли?

– Мог бы и предупредить. Тут же ни хрена не видно.

– Может, мне еще и пыль начать сдувать с твоей обувки? – Шныря себе заведи в таком случае.

– Ладно, ладно, обратишься еще ко мне за чем-нибудь... – чуть не поссорились мы с ним из-за этого по-серезному. Было бы из-за чего, конечно.

Консервный нож, ну, тот самый серп и молот, на деревянной ручке, с незапамятных времен узнаваемый даже наощупь, наконец-

то был найден, и надо же, — я еще не разучился за время ареста им пользоваться, в три счета разворотив, что взрывной волной, свою «положняковую» банку.

— Эх, напугали, как говорится, бабу высоким каблуком, — последовал нашему примеру и вылезший было из под нулевого яруса «Лелик». С единственной разницей, что, пойдя тем же путем, что и мы, и аналогичным образом получив доступ к содержимому выданной ему в дорогу банки, он тотчас забрался туда обратно, как волчонок в нору, и поедал кильку уже там, в положении лежа, вблизи наших ног и хорошо если ложкой, а не по-дикарски, рукой. К тому же, наверняка, без хлеба, за которым он мог и полениться лезть по новой в сумку. Не знаю, как Димку, но меня это смущало. То ли сам «Лелик» был чем-то, как старый знакомый, дорог, то ли я еще не успел совсем очерстветь за долгие тюремные годы и повидав на своем веку всякое, душою. Хотелось бы надеяться, что так! Я предложил ему выбраться оттуда, присесть в уголке и поесть по-людски, нормально, но он так уверенно заявил, что ему и там, дескать, неплохо, что настаивать я уже не стал, ограничившись тем, что угостил его доброй порцией крепко заваренного чая, который, не дожидаясь согласия, плеснул ему в его, будто специально приготовленную для этого и выставленную на виду, на полу, индивидуальную кружку-«трехсотку» из своей пластмассовой бутылки из-под кетчупа, которую я предусмотрительно успел наполнить, перед отъездом, заварив в большом «кругале» на Централе, пока меня провожали на этап мои разлюбезные сокамерники, все как один, кстати сказать, неизлечимые наркоманы. Как ни послушаешь их, то все разговоры у них об одном и том же: как они барыгу «крыли», варили и «пырялись». Хоть бы на минуту, учитывая серьезность происходящего, заткнулись, что ли. Но — куда там! — так и галдели, так и галдели, что вороны или сороки при виде кошки, подбирающейся к их гнезду с птенцами.

— А, Васек, так ты поехал... Ну давай, счастливо тебе... так вот, катим мы, значит, как-то на тачке в Зубчаниновку к цыганам за ангидридом, — «ширево» есть, а его, как назло, нет, везде обыскались, нервоз такой... и т.д. и т.п., — нет-нет всплывали у меня в сознании фрагменты этого расставания, во время которого я их напоследок хорошенько поддел, просто-напросто взяв и крикнув, намеренно искаженным и как бы чужим голосом, уже в закрывшуюся дверь: «Наркоманы! Кто на контрольную закупку, шаг вперед», — и не сомневаюсь, что большинство из них этот импульсивный перебор ногами сделали, имея уже практический опыт сотрудничества с оперативниками, осуществляемый по нехитрой схеме: ты им наркоторговца, а они тебе героин в виде бонуса.

Но это в прошлом, а в настоящем, немного подкрепившись, мы вернули предмет былого раздора с Димкой, открывалку для консервов «тюленю» в омоновской форме, а впридачу к ней и опо-

рожненную «тару», которую он потребовал от нас обязательно сдать, как нежелательный металлический предмет, видя в нем потенциальное оружие и опасаясь, как бы мы не заточили обо что-нибудь вскрытые края банки и не пустили ее затем в ход, по наступательному сценарию. И то правда, в умелых руках и обычный канцелярский карандаш порою бывает опаснее боевого пистолета – и ему ли, в силу избранной им конвойной профессии, да и, скорее всего, по образу жизни в целом, было не знать этого, когда, по-ребячески изъясняясь, одна «слива» на его мелком оттопыривающемся пуговкой носу чего стоила, а фингал под глазом, а штук пятнадцать шрамов на коротко стриженой, с залысиной, голове, очевидно, от жениной сковородки, недвусмысленно сочетающиеся с пивными, отвисшими щеками и т. д., и т. п. О, это, вероятно, был профессионал широкого профиля, давно боявшийся даже собственной тени. Я аж перекрестился, когда он ушел. Не в том смысле, что он нам очень уж надоел, а в том, чтобы он, случаем, как-нибудь не порезался этой злополучной банкой по пути до мусорного бака! А то еще нас, как это сплошь и рядом бывает, возьмут, да и обвинят потом в этом.

– «Лелик», ну ладно, к «пид...ам» ты, по твоим рассказам, «по обкурке» попал, это я вспомнил, – не давал я ему спокойно подремать на сырый желудок, или, как еще говорят, «плющить морду», в облюбованном им «нулевом пространстве». – А вот каким макаром ты добился того, что тебя по обвинению в краже какого-то заурядного поросенка в Казань, в республиканскую клинику на психиатрическое освидетельствование отправили – это уже любопытно? Просвети пожалуйста?!

– По политическим мотивам, – сразу же откликнулся он, высунув наружу свою презабавную мордашку, сам как тот фигурант происшествия, за которое его и преследовали, – розовый, молячный, прыщавый, со вздернутой пятачком, так называемой «носопыркой».

И как тут, глядя на него, было не подняться настроению!

Даже поезд, что шаловливый, только научившийся ходить малыш, как мне показалось, побежал по рельсам от такого его нелепого заявления веселее. Так что я, естественно, не удержался от того, чтобы не подначить его в продолжение разговора.

– По политическим, говоришь – это еще как?

– Я же рисую хорошо, – обстоятельно похрюкивал двадцатилетний отщепенец. – А когда освободился, то решил на татуировщика выучиться. А на ком мне себе руку набивать? Спрашивается, на ком? Вот я на бабкином поросенке, оттачивая мастерство, и тренировался. Вместе с немецкой каской ему на голове имя и фамилию нашего фактически бессменного Президента выколол – Вовка Путин. Бабка увидела, для порядка, конечно, поорала – и все! Урона-то ей от этого, как-никак, не было никакого. К тому же,

глава государства ее этим грабительским законом о монетизации льгот конкретно «обезжирил», не давая отложить даже на похороны ни одной копеечки. Фарфоровую копилку, с этим повышением цен на все тарифы, и ту недавно вскрыла. Так что она на нынешнюю власть, всецело сконцентрированную в его руках, можно сказать, что на всю оставшуюся жизнь обиду в душе затаила. Только, оценивая мое творчество, причитала все: «Кабы из этого какой беды не вышло, кабы не вышло...» Вот и накаркала, выходит. И когда поросенка из расположенного у нее во дворе сарай украли, то тогда-то скандал по-настоящему, как гром среди ясного неба, и разразился. Воры-то вначале, наверное, в темноте эту прикольную, расположенную ближе к рылу и чуть ниже изгиба каски, надпись у него на лбу не увидели, а когда уже вынесли на свет и прочитали, то, должно быть, прия в ужас, сразу же и выгнали куда подальше этого своего окаянного пленника. И то правильно – зачем им такой бес в доме нужен, которого, может, уже все силовые структуры страны через спутник-шпион ищут. Система Глонас называется, я про это читал в газетах. Да и «крадуны», видимо, тоже о ней уже проинформированы были, раз уж перестраховаться решили, вероятно, подумав, что это такая специальная, подопытная свинья, с помощью которой наши военные отечественный аналог американской GPS до ума доводят. Тем более, что они, если верить тем же СМИ, так опростоволосились с распиариванием чудо-ошейника, подаренного президентской собаке-лабрадорше по кличке «Кони», который, как выяснилось, ни хрена-то не работает, вот и перешли, мол, на нанотехнологичные наколки. Про такие я тоже где-то слышал. Ведь не за саму же царственную особу они его приняли... а так-то, кто его знает? Все может быть, конечно! Но теперь этого, естественно, не узнаешь. Одно можно с уверенностью сказать, что я на месте горе-похитителей поступил бы точно так же, поскорее постаравшись избавиться от всего, что каким-либо боком-припеком связано с гребаной политикой, потому что, все давно поняли, что никому, кроме самого В.В.П., у нас в стране ей заниматься не позволительно.

– Во, заладил. Хорош тянуть резину. Это мы и без тебя знаем. Что дальше-то было? – не хватило терпения у Димки, до этого спокойно сидевшего со мною рядом на нижней полке.

– Что, что... поросенок-то, не будь дураком, и без всякой системы спутниковой навигации, освобожденный воришками, пошел назад в бабкин сарай, который, по определению, и был его собственным домом. Но вот ведь напасть! По дороге его пьяные менты на пешеходной разметке «УАЗиком» сбили. Он-то, понятное дело, как всякий законопослушный гражданин (пусть даже и животина) своей страны жил по правилам, а они, как лица, наделенные властью, как обычно, вне их... Может, все бы еще и обошлось, не узнай про это откуда-то журналисты (собственно, как откуда? От самих же про-

дажных ментов!) и не растрезвонь потом, преподнося это, в общем-то, вполне заурядное происшествие, как невиданную сенсацию, по всем газетам. Я сам читал, когда меня арестовали, у следачки на столе эти паршивые статейки, начинавшиеся примерно так: «На трассе М-5 Челябинск-Москва был сбит милицейской машиной татуированный двойник второго Президента России, который, по заключению эксперта-криминалиста, при жизни был обыкновенной свиньей, по каким-то неустановленным причинам выдававшей себя за человека...», и все в том же духе. Такая вот ерунда. Теперь-то, надеюсь, ясно, почему по политическим? Опера мне так и сказали: «Ты у нас, голубчик, на этот раз одной статьей за кражу не отделаешься, мы тебе теперь, как отъявленному экстремисту, целый «букет» таковых «повесим» – и за подрыв основ государства первым делом», – так, кажется, у них это деяние в уголовном кодексе теперь формулируется. А следачка, моя ровесница, мы с ней, между прочим, за одной партой когда-то в школе сидели, даже нисколько, по старой памяти, не сопереживая мне, только прыскала со смеху и знай себе, как ленту в косу, всю эту ахинею в мое обвинение по делу, строчка за строчкой, старательно «вплетала». А я, наивный дурак, дело прошлое, жениться на ней хотел... во втором классе, – такая, скажу я вам, дрянь, обидно даже! Зато судья, опять же, довольно-таки молодая еще баба, к тому же умная и спокойная, как сова, сразу во всем разобралась, почитала дело, посмотрела на меня и, после первого же заседания, когда я заявил, что суду российскому не доверяю, отправила меня на психиатрическую экспертизу, а сама в отпуск ушла, чтобы, значит, не мотать себе нервы, как мне по секрету сообщила ее секретарша. А вы еще спрашиваете, почему на психиатрическую? Теперь-то, надеюсь, понятно.

– Нагородил ты, конечно, огород.

– Можно подумать, у тебя лучше, – с нескрываемой обидой огрызнулся на замечания «Бешеного пса» «Лелик».

Я же, воздержавшись от комментариев, и как при морской болезни, укачиваемый дорогой, полез по новой, за восполнением сил, на верхнюю полку, и уже оттуда, позевывая и что-то бубня себе под нос, махнул им субтильно ручкой.

– Ну, не поминайте, как говорится, лихом. Утро вечера мудрее, ложились бы и вы спать лучше.

Продолжение следует.

Глава 13. Новые знакомства

Итак, путешествие трех запертых в «чулан» «Бармалеев» продолжалось.

(Это я, как понимаете, и о себе самом так, в числе других — самокритично и с юмором.)

А вот предложенный, помнится, как панацея от всех бед сон почему-то никому из нас не шел — обчирились, наверно. Впрочем, в отличие от меня, мои попутчики предаваться ему и не собирались, заинтригованные не прекращающимся шебуршанием, происходящим за правой стенной перегородкой. За левой-то находились очаровательные этапницы, это мы уже давно для себя выяснили, а вот там кто, мышка завелась, что ли?

— Эй, есть кто живой? — постучав по разделяющей нас крашеной фанере, полюбопытствовал Димка.

— На эй, вообще-то лошадей кличут, а мы — Света и Катя, к вашему сведению, — моментально откликнулся оттуда приятный женский голос, — а тебя как звать?

— Вениамином.

— Брешешь, наверное? — с ходу перешли они уже на ты, вероятно, даже сами того не заметив.

— Почему же сразу брешу-то, меня, между прочим, родители так и хотели назвать вначале, это бабушка уже настояла, чтобы, значит, Димкой. Из чего следует, что у меня сразу два имени, одно в миру, а другое по паспорту. Оба вам теперь известны, так что представляю вам выбор: как хотите, так меня и зовите, — выкручивался он, можно сказать, мастерски.

— Вень, а ты женат? — рубанули с плеча девчата. А вернее, та из них, что сразу и взяла инициативу, как мы поняли — Света, а другая, по неустановленным пока причинам, предпочитавшая загадочно отмалчиваться, выходит, что Катя.

— А кто-нибудь из мужиков когда-нибудь говорил тебе, что да?

— Только утром...

— Тогда нет.

— Это потому что сейчас вечер?

— Нет, потому что такую дурочку, которая бы за зэка замуж пошла, еще не встретил. Вот ты бы, например, сказала мне да?

— Конечно.

— А Катя?

— Сейчас спрошу? (пауза) Тоже.

— Тогда считай, что я вам обеим уже сделал предложение.

А дальше больше: они такого о себе друг другу понаврали, что я аж не выдержал и с режущей болью в области живота, от с трудом сдерживаемого смеха, спустился вниз, чтобы хоть немного успокоиться, а также, будучи посвященным в то, что Димка флиртует не с кем-нибудь, а с двумя официально признанными астраханскими дурочками, якобы направленными оттуда, решением суда, в Казансскую психиатрическую клинику, на принудительное лечение — исключительно за то, что они добили багром валявшегося на берегу осетра, чья жизнь, как оказывается, в свете последних правительенных постановлений приравнивается к человеческой. Если не дороже, конечно.

— Привет от меня девчонкам, — запанибратски сказал я, спрыгивая со своей полки, «Бешеному псу», припавшему к стене ухом.

— Привет вам.

— От кого? — заинтересовалась Света.

— От соседа.

— А как его зовут?

— Старик Хоттабыч, кажется. Да и древний он, как мамонт, зачем он вам такой нужен? За внуками ухаживать если только... так у вас их пока, как я понял, нету. Так что, получается, лет этак на двадцать смело можно отложить с ним знакомство. Иди, иди, дедушка, — дохихив, заржал он, как конь, весьма ретиво.

— Врет, врет... Я голубоглазый блондин... два метра ростом... молодой и красивый! — специально погромче крикнул я, дабы опровергнуть его слова.

Успех был очевиден: слабый пол ответил мне жизнерадостным понимающим смехом.

Даже «Лелик», и тот под ногами у меня на это дважды уважительно хрюкнул.

Мы бы еще, конечно, с удовольствием поболтали с ними на все ни к чему не обязывающие и по большей части фривольные темы, но тут поезд сбавил ход и остановился на одной из, видимо, проме-

жуточных станций. Из чего можно было заключить только однозначное – то, что сейчас неминуемо последует какая-нибудь внутристолыпинская пертурбация. Конвоя она, скорее всего, не коснется, а вот наши как бы уже сплотившиеся ряды так называемого спецконтингента либо пополнятся, либо поредеют. Так оно и вышло. Скажу без ложной скромности, моя природная сообразительность мне на сей раз опять не изменила, и это, прошу заметить, при том, что я уже и не помнил, когда в последний раз в своей жизни и каким сроком подобным видом транспорта этапировался. Хотя что я, впрочем, бахвалюсь, ведь такое запоминается надолго, да еще и с учетом того, что в России как бы созданы идеальные условия для того, чтобы раз только рассорившийся с властями гражданин регулярно отправлялся на такого вот рода «курсы повышения квалификации» – по малейшему, а то и совсем без повода. Не верите мне, посмотрите на Ходорковского с Лебедевым. И если уж наши горе-правители с не самыми бедными людьми страны взяли моду расправляться, не считаясь с общественным мнением и по самым что ни на есть сомнительным обвинениям, то что уж тогда говорить о таких как я бессеребренниках и прочей никому не известной мелюзге. Извиняюсь, опять же, за это вынужденное отступление.

– Мальчишки, счастливо вам. Не забывайте нас, может, когда еще и увидимся, – прощались с нами, удаляясь по коридору, развозимые по лагерям представительницы прекрасного пола, те самые, которых вместе с нами и повезли с полдня назад из сызранской тюрьмы до «столыпина».

– Спасибо. И вам также...

Я аж чуть не расплакался, переживая это. И не потому, что, настрадавшись, человек становится крайне сентиментален, а в связи с тем, что, по-моему, со времен инквизиции ни одна объявленная ведьмой красавица, приговоренная к сожжению и проводимая к месту казни, не молила так о пощаде на виду обступившей ее со всех сторон тупой и бесчувственной черни, с такой душераздирающей интонацией в голосе, как это делали они. И когда сам смысл слов едва ли имеет отношение к истинному их содержанию, ты слышишь и понимаешь нечто большее, как при чтении между строк, то есть сокровенное и единственно важное, что неминуемо задевает любую мало-мальски способную мыслить и не до конца еще одеревенелую личность за живое, вызывая чувство невольного здорового сострадания.

– Тут поблизости этих женских лагерей, что в Ульяновской области, что в Мордовии – не счастье. В какой-нибудь из них они сейчас путь держат. У меня тут когда-то поочередно и бабушка, и мать сидели, – озвучил свои мысли Димка, выведя меня из временного транса, в котором я чуть было не отметился в истории, подвергнув корректикам лютующее средневековье. Добрая сотня безвинно загубленных душ была бы спасена как минимум.

Поезд тронулся. Минут пять еще гремели открываемые и закрываемые двери соседних «обезьянников», уплотняемых подобранными на станции этапниками. Из чего можно было заключить, что все они были осужденными, так как к нам, как к подследственным, никого не подсадили, руководствуясь на этот счет, как я откуда-то знал, специальным предписанием. Да и отсутствие свободных мест конвой, разумеется, от этого невеликодушного шага едва ли остановило бы. А потом все затихло. Не совсем, конечно — просто стук колес сделался привычным фоном.

— Старшой, — окрикнул я, приблизившись вплотную к решетке, вразвалку прохаживающегося из конца в конец по коридору конвоира в черном спецназовском берете. — Как бы нам в туалет сходить, а то ведь до сих пор, с самой Зас...ни, нас туда так и не сводили.

— Позже, — безразлично отозвался он, не задерживая на мне своего высокомерного взгляда.

— А все же?

— Я же сказал, позже.

И даже упрашивания поддержавших меня из соседнего купе дурочек, Светы и Кати, не разжалобили его — он так и остался непреклонным. Хотя, казалось бы, что ему это стоило, пусть не нас, мужиков, проводить туда, так хотя бы девчонок. И чтобы, невольно напрашивался вывод, мы его не донимали с этой просьбой больше, пропал из виду до самого приезда, — а на сколько уж там, на час или два, сказать, не имея часов, было трудно. По ощущениям — вечность! А на станции, опять же, пользоваться туалетом не разрешается, ко всему прочему, это была Казань — конечная. Вот такая вот столыпинская романтика...

И все ведь, главное, молчком — хоть бы предупредили, чтобы мы готовились к высадке.

Тут надо отметить, что в предоставленном всем нам на время следования вагоне, таком же сквозном, как и обычный пассажирский, для посадки и избавления от человеческого груза использовался только один тамбур. Причем, находящийся от нас в противоположной стороне продола. Поэтому пока не освободили, все по порядку, десять или пятнадцать имевшихся там камер, начав эту процедуру с ближайших от выхода, мы сидели и терпеливо ждали своей очереди, чтобы вслед за ними, под сердитые окрики конвоиров — быстрей, быстрей — гуськом покинуть наше временное пристанище и, ощувив упляывающую под ногами щебенку, суметь удержаться на ногах и не упасть, нарывавшись на зубы стоящих с автоматчиками в оцеплении и чуть ли не на пару с ними кидающихся на тебя злобных овчарок. Мне лично было страшно! Вот я и припустил, прикрываясь носильными вещами и чудом не споткнувшись о пустые пути, до ожидающегося метрах в пятнадцати от состава автозака. Тот еще бывалый сприн-

тер, которого традиционно, на финише, заключает в свои объятия ликующая толпа...

Не разбиться бы только! Ибо по плотности и жесткости щебенка едва ли уступала разлитому по формам и моментально стынущему бетону. Ровненько в два отсека. Поэтому нам с Димкой, забравшись по откинутой лестнице вовнутрь, пришлось порядком поднапрячься, потеснив в одном из них этапников, чтобы разместиться, да плюс еще сумки...

А вот Коля на подобный подвиг не отважился, попросив конвой оставить его где-нибудь там же, возле них, в «предбаннике» — все равно, мол, не пустят: я же «обиженный».

— Ладно. Баул свой вон туда, в угол брось, и сиди на нем. Только тихо, — во избежание массового протеста вынуждены они были удовлетворить его просьбу.

Правая нога у меня была зажата, как в тисках или пыточных колодках, и я не знал, как ее оттуда вытащить. Лоб от бесполезных усилий покрывался потом. Поверх шапки на голове лежала чья-то сумка, которую тоже надо было умудриться как-то оттуда скинуть, чтобы начать чувствовать себя покомфортней.

За всеми этими заботами по обустройству мы чуть было не проглядели тех двух замечательных дурочек, с которыми успели познакомиться в поезде и которые, как оказалось, шли за нами до автозака следующей партией.

— Гляди-ка, гляди-ка, примадонны какие, а! — зашушукал разом весь «воронок».

— Вон та, светленькая, наверное, и будет — Света, а темненькая, как мне сдается, Катя, — не очень-то уверено предположил «Бешеный пес».

— Не факт, — не согласился я с ним из вредности. А то и из ревности? — Догола разденешь, может и наоборот быть. Будто ты этих женщин сам не знаешь.

— А что ты смеешься-то, она мне сама говорила, что она блондинка, когда я еще только начинал знакомиться с ней, — смертельно обозлился он.

— Тогда, тем более, что тебе гадать-то...

Хотел я уже было дальше развить свою мысль, но он, однако же, не дав мне договорить и, вероятно, уже не слушая меня, припал к запертой сетчатой двери и сам во всем, получше любого рентгена, разобрался, не дожидаясь того, пока скоровистый автоматчик не проводит их куда-нибудь подальше от наших алчных мужских взоров. Предположительно — в специально оборудованный, невдалеке от входа, так называемый «стакан». А по сути, самый настоящий металлический гроб, который только и хороши был тем, что в нем надо бы перевозить не живых людей, а уже окоченевших покойников. А так он, стало быть, использовался не по назначению.

— Светик — это я, твой «столыпинский Ромео», — с приторной улыбкой окликнул ее Димка. А, вдобавок, еще и Вениамин, как уже упоминалось ранее.

- Я поняла. Привет!
- Привет. Я люблю тебя!
- И я.

— А меня? — возмутилась тут задержавшаяся у решетки Катя.

— Спрашиваешь. Безумно.

«Мама дорогая», — слушая их, невольно воскликнул я, полагая, что весь мир сошел с ума.

— А вон та, в красном… брюнетка ниче… Эй, Ромео, не подскажешь, как ее звать-то?

— Сам спроси. Чу то тебя, языка что ли нет! — защищая свой этапный гарем, отбивался он от соперников.

— Я бы на ней, дело прошлое, хоть щас… женился.

— Ничего удивительного, ты бы сейчас, пожалуй, на весь свой «нехилый» срок и с куклой надувной узаконить отношения не отказался, — подняли на смех потенциального жениха невидимые наблюдатели из соседнего «кармана». Если судить по кавказскому акценту, такие же, как и он сам, добирающиеся транзитом из Владикавказа до Кирова поселенцы.

Но вот, наконец-то, все двери захлопнулись, завелся двигатель, и наш полуночный экспресс, с минуту посопев приводимой в норму тормозной системой, размеренно раскачиваясь, как спущенный на воду баркас, медленно отчалил от отправной точки — образного причала, постепенно набирая скорость и вливаясь в привычную ему полноводную стихию. Тоже мне, с иронией подметил я, выискался лермонтовский парусник, которому, видишь ли, только в бурях видится олицетворяющий свободу покой. Хоть и невольничья железяка, а понимает в этом толк!

Однако, ехать молча было скучно, вот я и попытался заговорить с окружающими меня со всех сторон, а точнее по бокам и напротив, не считая Димки, небритыми кавказскими физиономиями. Правда, чтобы видеть большую часть из них, мне приходилось по-жирафы крутить и вытягивать шею, без конца маневрируя ею меж наваленными повсюду баулами, как какому-нибудь скупердядю-«челноку», экономящему на приличном транспорте и с целой бандой товарищей и единомышленников добирающемуся через все регионы страны до Москвы ради отвоевывания торговых мест на некогда прославленном Черкизовском рынке. И где равных нам, разумеется, не было бы! При одном нашем появлении конкуренты, как мне думается, тотчас разбежались бы, приняв нас за террористов. А уж для покупателей и побираться можно было бы, но чуть попозже. А что? Кроме шуток, осуществи там, к примеру, кто-нибудь тогда скрытую видеосъемку и покажи ее по телевидению, то у не прошедшего этой тюрьмой школы зрителя, с четко сфор-

мированным, благодаря тому же «голубому экрану», стереотипом о том, как должны выглядеть подвергаемые этапированию арестанты, которые на лиц, не закованных в кандалы и не облаченных в специальную, оранжевую, как у железнодорожников или же полосатую, как у смертников, робу, были, соответственно, совсем не похожи. Разве же могло бы сложиться о нас тогда какое-либо иное мнение – нет, конечно! Террористы и террористы...

(А ногу я, кстати сказать, к тому времени уже благополучно освободил из «тисков», уперев ее в чей-то подбородок, да и сумка сама собою как-то перелетела на чужую голову, позволив мне расправить шею. А что еще российскому этапнику для полного счастья нужно? Да ничего, в туалет бы только кому-нибудь из соседей, невзначай, по малой нужде, в карман не сходить, вот ведь что – скандалу же тогда не оберешься!)

– Опачки, как говорится, на манеже опять все те же. По ходу, вы и будете те самые аварийщики, которых за это «прут» теперь из Владикавказа на поселение в Киров? – проявил я догадливость.

– Откуда знаешь?

– А то не видно.

– А-а-а, – раздельно и почему-то грустно парировали они, давясь сигаретным дымом.

«Настрадались, бедолаги, настрадались», – мысленно подытоживал я, наблюдая за ними. В «столыпине»-то им не давали курить, вот они тут и отрывались – это сразу было ясно по одним их жадным, чуть ли не до фильтра, затяжкам. Хоть противогаз надевай или хотя бы респиратор, особенно таким, как я, некурящим. Но ничего подобного нам, к сожалению, не выдавали, а то бы я надел, честное слово! Естественно, не для прикола. Тут становится не до него, когда речь идет о спасении собственной жизни.

– Е-мое, вы что там, фуфайки свои курите, что ли? Так надымили... – недовольно, сверкая в нашу сторону черными угольками глаз, закашлялся сидящий за решеткой отсекателя на каком-то выкрашенном синей краской деревянном ящике, видимо, с автоинструментом, молодой, смуглолицый надзиратель. Вероятно, татарин.

– Бросайте чадить, я вам говорю, бросайте! Надымили, аж дышать нечем, – повторил он уже требовательно.

– Сержант, два дня табака не видели, пойми нас правильно... сейчас мы быстро... по одной только сигаретке, – тотчас выискался тонущий, как нордштейновский «ежик в тумане», парламентер от поселенцев.

– Нет, я сказал! – непроизвольно направил он на него дуло маленького и короткого «Калашникова». Только одного не учел – того, что в тех краях, откуда они были родом, такие «цацки», как эта, испокон веков взрослые детям, что игрушки на День рождения, дарят, и, естественно, никого из них ими всерьез уже не удивишь и не напугаешь.

— Хочешь, стреляй, давай, стреляй... — гневно заикаясь и выпячивая грудь, подскочил на месте пожилой и седобородый осетин. — Только все равно, пока мы не накуримся, не бросим...

Чтобы покойники да еще и курили, это уже новость, подметил я для себя, предпочитая оставаться в роли слушателя — дескать, разберутся сами. Правда, в следующей главе.

Глава 14. Владикавказские негры

Молодой конвоир «автозака», пытавшийся урезонить вверенных ему и не на шутку раскурившихся поселенцев, оказался довольно-таки сообразительным парнем, впридачу не лишенным чувства юмора. Видя такую непреклонную реакцию на свои слова пожилого кавказца, до того настрадавшегося в «столыпине» без табака, что готового ради последней затяжки пойти на очевидную глупость, повторив подвиг героя Отечественной войны прошлого века Александра Матросова, как известно, заслонившего грудью автоматическое оружие. Этот, фактически в сыновья ему годящийся представитель власти не стал с ним пререкаться, а хитро сощурив и без того узкие азиатские глазки и улыбнувшись одними краешками, как это зачастую среди здешнего «истеблешмента» словесно живописуется, вытянутых писей губ, нарочито торжественно, с явным уклоном на публику, провозгласил:

— Хорошо, ты можешь курить, а все остальные пусть бросят.

Юмор его был оценен по достоинству.

Напряжение, возникшее между исполнительной властью и ее не самыми послушными сынами, мигом улетучилось, как эфир из разгерметизированной емкости, попавшей на открытый воздух.

Измученные многодневным этапом поселенцы, как бы устыдившись собственной несознательности, один за другим, сделав еще по затяжке, начали тушить кто обо что горазд, включая подошвы задремавших было товарищей и хорошо хоть, надо заметить, как это иной раз в спешке бывает, не об их бороды, свои недокуренные сигареты.

А выскочивший было, как чертик из табакерки, бесстрашный осетин, недоуменно похлопав глазами, безвольно опустился на прежнее место за наваленными тут и там сумками, вообще пропав из виду.

— Была бы вентиляция — другое дело. Уж потерпите еще немного — скоро приедем, — придя к согласию, вдогонку увещевал их заметно успокоившийся автоматчик.

В Казани две тюрьмы: «первая» и «вторая». Это было мне заранее известно от побывавших в них задолго до меня эзков. Единственно, что они не уточняли — какое по официальным бумагам они имеют аббревиатурное обозначение. Хотя это меня, если

уж на то пошло, на тот момент не очень-то и интересовало: во-первых, мы еще ни до одной из них не доехали, а во-вторых, в посылаемых время от времени с «воронка» моей дорогой мамульке телепатических письмах не требовалось указания обратного адреса, как это делается на обычных почтовых конвертах и, следовательно, с выяснением такового пока что можно было и не спешить. Кроме того, среди отличительных особенностей этих двух оплотов государственности я помнил то, что наиболее древняя из них, по утверждению самих же арестантов, была не иначе как «екатерининская» (хотя, как мне кажется, с последним они заблуждались все же. Ибо Екатерине Великой вечно не за свои грехи незаслуженно достается – что за продажу Аляски, что еще за что-либо...). А располагалась эта условная арифметическая единица и носительница старины, как не сложно было в этом, путем как того же социологического опроса, так и собственного логического размышления разобраться – в самом центре города – ведь все они, по большей части, из века в век разрастаются. Первая, в основном, принимала под свою крышу местную криминальную публику, тогда как «вторая», судя по всему, не так давно отстроенная и более современная, обосновавшись где-нибудь на окраине, в районе новостроек, преимущественно ориентировалась на ближайшие к республиканскому центру провинции, не отказывая, правда, во временном гостеприимстве и посланцам из других субъектов Федерации, добиравшимся через нее по железнодорожной ветке до пункта своего непосредственного назначения и вынужденных порой по неделе и более ожидать разнарядки на следующий «столыпин». Другими словами, выполняла функцию «транзитной».

Из тех же обобщенных источников, которым вратить, в общем-то, не имело смысла, я уяснил для себя, что нашу честную компанию «Бармалеев» повезут на «первый» Централ, а вот обреченных на длительные скитания южан, скорее всего, высадят во «втором», где они и будут томиться, как щи в печи, до своего «спецрейса» в Киров. А вот как поступят в этом отношении с теми двумя подбившимися с нами в один этап распрекрасными дурочками, об этом оставалось только гадать как по ромашке, потому как во «второй» тюрьме их вряд ли разместят из тех хотя бы соображений, что до своего конечного пункта – «принудительной психушки», которая, по существу, является тем же самым казенным домом, только с больничным уклоном – им всего-то необходимо было какой-нибудь десяток лишних километров по широким городским проспектам чуть ли не на «нейтралке» докатиться, а «первая», как исключительно мужская, их не примет тем более. Значит, невольно напрашивался вывод, что их впоследствии могут повезти направляемую в стационар, и тогда уже точно мы потеряем с ними на неопределенное время друг друга из виду.

А может быть, даже и навсегда! Я ставлю тут восклицательный знак, потому что я-то, допустим, это переживу, да и «Лелик» – тоже, а вот «Бешеный пес», как человек серьезно влюбленный, определенно, будет не способен перенести равнодушно эту, равную критической, эмоциональную нагрузку и, бьюсь об заклад, отреагирует на нее крайне несдержанно или, как это еще по-иностранныму обозначается, неадекватно – возьмет, к примеру, и пнет опять в лоб кого-нибудь из лиц, находящихся при исполнении, своим массивным «сорок пятым», или же ненароком за что-нибудь не то, из той же плотской части, это самое должностное лицо укусит, в итоге попадя в очередной раз на страницы желтой прессы и заработав дополнительную «раскрутку». А то и вообще судьбу себе (не говоря уж о его потенциальной жертве) испортит, ведь среди жизненно важных органов у каждой полноценной особи мужского пола, как известно, наличествует имеющий свойство вечно не по делу выпирать отвлеченно обозначаемый двадцать первый палец, покушаться на который, пусть даже он и принадлежит злейшему врагу, по неписанным арестантским законам строго-настрого не рекомендуется, и даже состояние аффекта не послужит тут никому из тюремных самураев оправданием. Со своим делай, мол, что хочешь, а вот от чужого лучше держись на безопасном расстоянии, как при езде на любом из скоростных видов транспорта по скользкой и заполненной машинами трассе, вот и вся местечковая мудрость. «Со-

блудай дистанцию» то есть. Ну и здесь также впору хоть обзывались аналогичной наколкой! Если ты не гей, как наш «Лелик», конечно. Минуточку, а где он, кстати? А-а, вон он притулился на сидорах, в милицейском «предбаннике», заметил я, неожиданно вспомнив. И тотчас чуть было не прикусил себе язык, трясясь на кочках. Вот тебе и город с его хваленым асфальтом, одно слово — деревня. Причем, будь то в России или в Татарии — какая-то державная болезнь прямо! Из серии «дураки и дороги», и, стало быть мы — за исключением поселенцев — были тут к месту. Хоть это утешало...

— «Ветер», а «Ветер»...

— Что тебе?

— Послушай, только сейчас до меня дошло, а ведь это и есть самая настоящая скрытая форма работоговли, — видимо, решив вначале не привлекать всеобщего внимания, вкрадчиво заявил «Бешеный пес», слегка ко мне наклонившись, но все больше при этом распальяясь.

— Ты это о чем?

— А ты не понял? О поселенцах, конечно.

— Тогда о ком.

— Не умничай, пожалуйста, а...

— Да это я себе сказал.

— Неважно. Опять меня из себя выводить начинаешь, — совсем уж безосновательно накинулся он на меня.

Так как я хорошо помнил, что никакого прецедента для столь категоричного заключения в наших с ним отношениях не было, и это я, выходит, впервые вызвал в нем столь бурное раздражение. Вероятно, просто постепенно накопившаяся дорожная усталость сказалась, отнесся я к этому с пониманием. Хотя и в стилистике устоявшихся здешних выраженьиц, про себя недовольно подумал: «Тоже мне, золотой пи...ы колпак выискался», но виду, правда, не подал. И правильно сделал. И так все «пассажиры» «воронка», привлеченные нашим происходящим на повышенных тонах разговором, стали уже коситься на нас, как на настоящих умалищенных, удивленно разинув свои по-стариковски беззубые пасти. Почему беззубые? Да потому что, если вдруг кто не знает, в этой системе, за отсутствием квалифицированных специалистов, вылечить зубы обычно бывает целая проблема, — не хотят белые халаты за предлагаемую им низкую зарплату идти сюда работать, не хотят... да и стоматологического материала, как правило, нету, — а вот вырвать, хоть полчелости разом, всегда пожалуйста, запившись на прием только! Впрочем, это я уже отвлекаюсь от начатого разговора, потому как Димку, занятого другими мыслями, похоже, все это на тот момент мало волновало, и он знал себе продолжал уже взахлеб горлопанить, изрядно эпатируя этим, кстати сказать, как-то сразу притихшую транзитную публику:

— Ну чем они, спрашивается, отличаются от негров? — по-операторски жестикуировал он, рискуя проткнуть чью-нибудь из вертикально возвышавшихся к потолку сумок (а то и глаз, допустим на кочке), выставленным вперед указательным пальцем, при этом задавая вопрос и сам же себе на него отвечая. — Да ничем. Как тех когда-то сотнями тысяч американские работогробы и эксплуататоры привозили, не спросив, хотят они этого или нет, из Африки, рубить сахарный тростник на своих плантациях, так и этих теперь наши заправилы теневого бизнеса от ГУФСИНа в несметных количествах насилино направляют с далекого Кавказа через всю страну валить лес в Кировскую область. «Поменять на лес», называется. Между прочим, давно уже узаконенная практика в нашем псевдodemократическом обществе. Или, как еще говорят, «стране двойных стандартов».

— Все-то ты знаешь! — трудно было не изумиться его просвещенности, как и тому, с чего это его так понесло только? С цифира, что ли? Так мы его когда уже пили...

— Так вот, что я хочу сказать, — не успокаивался он, — на мой взгляд, колонизаторы Дяди Сэма по отношению к неграм все же были гуманнее наших выпестованных безнравственным обществом коррупционеров. Во всяком случае они, учитывая тепло-любивые организмы африканцев, не отправляли их этапом гнуть спину на Аляску, где, насколько мне известно, климат во многом с нашим северным будет схожим: у нас в Кировских лесах морозы под минус сорок и снег чуть ли не круглый год по колено, и где они неминуемо бы замерзли. А наши своих заклейменных приговором суда рабов целыми партиями насилино помещают в этот земной морозильник, в тоже время нимало не заботясь о том, как они будут переносить холод. Ты когда-нибудь морозотерпимых попугаев видел? И я нет. Они их, между тем, знай себе из года в год огромными популяциями, будто в насмешку природе, выводят, сами, к тому же, небось, поражаясь — как, дескать, они еще не передохли?

Тут ему потребовалась непродолжительная пауза, видимо, на передышку. Я же удивлялся, как за время ее никто из «Владикавказских негров» — это я, значит, идя у него на поводу, так прозвал их для себя мысленно — еще не набил ему в отместку морду. Я был лично на их месте вряд ли удержался. Особенно за попугаев, ибо тут уже он их обзвал до обидного напрямую. То ли они его просто не поняли, то ли за откровенного дурака принимали, с которым, как люди благоразумные, просто связываться не хотели. Скорее всего, второе, конечно.

— Вы хоть лес-то когда-нибудь вживую видели? — не удовольствовавшись, видимо, замешательством поселенцев, атаковал их Димка по новой.

— Видели.

— Я не про пальмы говорю и про школьные репродукции, а про сосну высотой с девятиэтажный дом — корабельную, про кедр неохватный, а заодно с ними и про тугую и хлесткую, как сабля в бою у казака, вековую ель. Не видели? А что валить их тогда, спрашивается, туда, почти добровольно, как стадо баранов, едете?

— Э-э, ты не борщи, — тут уже еле слышно возмутился кто-то из них, — везут же...

— Везут? Так повскрывались бы, в знак протesta, всем этапом, прямо в «превратке» — и все тут! Чтобы ни один «столыпин» вас уже не принял. Хочь не хошь, им пришлось бы, в таком случае, свое решение менять. Или думаете, что, кроме вас, там мошкуру кормить больше некому, что ли? Конкуренцию хотите составить местному зверю, да? Молчите. Слушайте тогда мой совет: при первой же возможности связывайтесь как-нибудь со своими родственниками и настропалите их на то, чтобы они в срочном порядке ехали в Москву и вставали у Министерства юстиции с транспарантами: «Свободу баранам, то бишь попугаям!» (ну, это я шучу, конечно, а остальное серьезно). «Верните, мол, наших сыновей, мужей и прочее живыми на Родину!» — и так далее, и тому подобное.

— А если не получится? У нас же власти упертые, — никогда не прислушиваются к общественному мнению! Или, допустим, за кого, — вон, как я, сирота, — похлопотать с воли некому?

— Сам отказывайся от работы, — немедленно сосредоточился он на одном, сидевшем напротив него и как бы украдкой выглядывавшем из-за наваленного между ними багажа, совсем еще юном собеседнике. — Ну отловиしゃсь пару-тройку раз за это хорошими, мягко выражаясь, тумаками, а потом делать им будет нечего. Пересмотрят тебе в судебном порядке режим — с поселкового на общий, и отправят обратно в твою родную Осетию, в лагерь, до конца отбывать наказание. Все лучше, чем шастать, пугая медведей с волками, по таежным лесам и болотам. И где, между тем, если заблудишься, то никогда уже оттуда целым и невредимым не выберешься, будь у тебя с собою хоть компас, хоть навигатор, потому как они все там, как правило, непроходимы. Невольно сам от отчаяния на луну по-звериному завоешь: у-у-у!

С последним, правда, Димка явно переборщил, все они, как-то разом, причем нас обоих (хотя я и рта не раскрывал) недвусмысленно спросили:

— А вы случайно не в дурку чалите?

— В дурку.

— Тогда понятно. Повезло вам...

— А как же.

На этом разговор был окончен.

Да и автозак, на котором мы ехали, видимо, наконец-то достиг намеченной цели и, ненадолго притормозив перед (как не трудно было догадаться по издававшемуся снаружи металлическому скре-

жету) открывавшимися к его появлению раздвижными воротами, безраздельно завладел нашим коллективным вниманием, вкатившись во двор тюрьмы. Какой вот только? «Первой» или «второй»? Впрочем, определить это было совсем не сложно, по одному тому, кого в ней начнут высаживать – поселенцев, или нашу легендарную троицу – меня, Димку и Колю, при этом, опять же, не боясь во внимание девчонок, которых, по всему, должны были повезти напрямую в психушку.

Оставалось только набраться терпения.

Я и набрался. Откуда вот только, из астрала, наверное? Чтобы через минуту-другую уже убедиться в верности своих суждений, прощаясь с оставляемыми во «второй» пенитенциарной «крепости», исчисляемыми не одним десятком, замечательными «Владикавказскими неграми». Иначе, «морозотерпимыми попугаями», но это уже как кому нравится. И готовясь, не знаю уж на этом ли, или же на каком другом «воронке», продолжить наше, эдакое развеселое, арестантское путешествие.

– Давайте, не болейте! Пишите мне, если что, по электронной почте, – шутливо напутствовал их неисправимый балагур и мой дорогой тольяттинец Димка, – мой сайт в интернете легко запоминаем: «Бешеный пес», точка RU, так и знайте. Но это, соответственно, если у вас там в лесу компьютер будет. В противном случае, пробивайте мне по сосне чем-нибудь тяжелым морзянку. Можно каской. А за не имением таковой, шулюмкой, которую многие из вашей поселенской братии, как я слышал, виртуозно вшивают в целях безопасности прямо в шапку-ушанку. Чтобы сучком от падающего дерева не убило, значит. Так что покеда. Я отзовусь, не сомневайтесь.

– Привил ты им невроз, надо сказать, конкретно, – заметил я ему, когда мы с ним остались одни в пустом «кармане». – А так-то, вероятнее всего, правильно сделал. Пусть лучше к худшему будут готовы, а лучшее, как говорится, само придет. Ведь там, на поселении, как известно, «закон – тайга, а медведь – прокурор», и ни писать, ни жаловаться будет некому, любой «кум», любая хамская рожа при звании полнейшую власть над тобой имеет – что захочет, то и сделает. Я сам это слышал неоднократно от тех, кто через эту земную преисподнюю прошел. А люди, надо думать, зря болтать не будут. Соврать может кто-нибудь один, ну, от силы двое, трое, но не все же сразу!

Все шло своим чередом, и вслед за определенными под казенное лоно поселенцами тотчас весь наш разрозненный спецконтингент, в силу независящих от нас обстоятельств и злого рока, подбившийся на одном жизненном отрезке и содержавшийся, за исключением нас с Димкой, порознь, друг за дружкой пересадили в стоящий поблизости автозак, оказавшийся не таким вместительным, как «Камаз» и, в некотором смысле, из-за своей низкой посад-

ки и более менее приглядного вида, представившийся мне даже уютным. Так, после бессонных ночей, подложенный под голову камень может показаться мягче любой пуховой подушки, а сырая земля под открытым небом удобнее и приятнее самой воздушной на свете перины, постеленной под королевским балдахином. Это был неприметный серенький «ГАЗон», в каких чаще всего по городу перевозят продукты и малогабаритные грузы, только изначально предназначенный и оборудованный для иных целей. Именно в нем, в результате вышеуказанного перемещения, особи женского пола очутились в одном «кармане», мужского в другом, а в предусмотренный там, как и в других автозаках, изолированный каземат вскоре привели «прыжка». То есть, осужденного на по- жизненное заключение, которого, как мы впоследствии, поговорив с ним, выяснили, звали Валидом. Везли его одновременно с нами в «столыпине» из одной тюрьмы особого режима, в обиходе «кры- той», в другую, как он сам предполагал в Чистополь, но о чем его вполне понятно в известность не ставили. Он то и дело кашлял, без всякого желания отвечал на наши вопросы и, так как передавать ему было ничего нельзя – ни чай, ни сигареты, ни конфеты, а попутно беспокоить не хотелось, то, в дальнейшем, из заложенных в каждом человеке эгоистических наклонностей, мы просто перестали обращать на него внимание, возобновив словесную пикровку с заключенными через тонкую железную перегородку от нас неунывающими дурочками и, по очевидному недомыслию своему, поддер- жав этим самым добрую старую традицию пиро-во время чумы, непроизвольно перенесшуюся в нашу духовно очерствелую совре- менность из метавшейся в тупой безысходности древности. Думае- те, преувеличиваю? Да нисколько. Ведь рядом-то как-никак содер- жался уже фактически живой труп, чрезвычайно жестоким обраще- нием методично сживающий со свету, а то и недвусмысленно под- талкиваемый к суициду. Ох уж мне эта мода на показушный гума- низм, только отсрочивающая исполнение смертного приговора!

И тут началась самая настоящая чертовщина: оказывается, конвой «воронка»-КАМАЗа, на котором мы туда приехали, или же параллельно следовавшего от вокзала до Централа – еще одного, такого же (это уже, что называется, было покрыто мраком), впо- пыхах увез с собой ключи от отсеков принявшего нас «ГАЗона», а может быть, даже и от замка зажигания, потому как наша пере- движная темница с той самой минуты, как мы в нее пересели, так и стояла во внутреннем тюремном дворике, будто прикованная, и никто из служак не пытался, взломав замок, завести двигатель и сдвинуть ее с места. Это была истинная пытка. Ведь в туалет-то нас так до сих пор и не сводили, и все наши надежды по скорому разрешению этого как физиологического, так и технического ос- ложнения, связанные с быстрым переездом до следующего казе- мата, моментально рухнули, тем самым вынуждая нас ориентиро-

ваться, как девственников на первом свидании, строго по обстановке. А вернее, методом тыка. Тем более, что обстановка вполне это позволяла: рации шипели, конвой, вышагивая снаружи, переговаривался между собой, пытаясь выйти из этой, прямо скажем, патовой ситуации, но никто из них уже и не думал, заглядывая оттуда во внутрь, контролировать нас – хоть что там делай! Но после довольно таки продолжительной радиоперебранки, сопровождающейся взаимными обвинениями на двух языках, русском и татарском, мало, конечно, отвечающей требованиям строгой воинской дисциплины и этическим нормам, и больше напоминающей заурядную склоку каких-нибудь подвыпивших уличных «бакланов», ну и тех самых, какие в достопамятные времена, обычно происходили у каждой дешевой пивнушки, здравый смысл все же возобладал над «твердолобым» упрямством и эмоциональным безумием, и подложившему нам такую откровенную свинью автозаку решено было вернуться обратно, чтобы исправить досадную оплошность и возвратить номинальным хозяевам вверенную им государственную собственность, без которой, как поется в одной старой и развеселой песне, «и не туды, и не сюды». А все потому, что «бешеной собаке», как водится, лишних сто верст не крюк (но ее, между тем, почему-то, в отличие от нашего «Бешеного пса», который ей по сути является родственной душой и тезкой, за это не подвергали уголовному преследованию и не везли на обследование в психушку?). А, если судить по киношной продукции последних лет о наших горе-вояках, то гонять им вхолостую боевую технику давно уже было не привыкать, и это еще хорошо, что они не на истребитель или не на подводной лодке с ключами от нашего «воронка» куда-нибудь в неизвестном направлении проследовали. Ищи их тогда, свищи! А тут все как бы укладывалось в норму, и нечего нам, выходит, было понапрасну за чужую безголовость расстраиваться. Предстояло только, относясь ко всему по-философски, постараться протянуть там, в ожидании, как-нибудь повеселее время, тем паче, что, как людям подневольным, торопиться-то нам и вправду было некуда – срок идет и ладно! А то, что он документально и численно еще не определен, так это же для нашего чисто полицейского государства, прошу извинить меня за очередное повторение, сущий пустяк! Потому как доказательная база тут и не требуется – любая сфабрикованная ментами абракадабра на ура пойдет! И суд, безусловно, являющийся продолжением следствия, уже фактически выписал каждому из нас обвинительный приговор – оставалось только, после соблюдения некоторых формальностей, зачитать его. Эх, неужели и дурка нас не спасет? У девчонок же, вон, получилось. Чем же, спрашивается, мы тогда, мужики, будем их хуже? – устал я уже об этом в сотый раз размышлять. Попутно думая о том, как бы всей нашей благолепной, содержащейся в одном «кармане» троице, не позорясь, с учетом весьма

условного бытового разделения, перед представительницами прекрасной половины человечества «с честью» выйти из того затруднительного положения с малой нуждой. Будь мы там одни, безусловно, милицейский «предбанник» давно бы уже превратился в большую канализационную запруду, и раз уж за приставленными к нам «семи няням» в погонах, как показывала неумолимая действительность, за самими уход требовался, а мы как были, так и оставались без присмотра.

Я заглянул под лавку и, к великой своей радости, сразу же обнаружил там пустой двухлитровый «ваучер», по-другому бутылку, с плотно завинченной пластмассовой крышкой, отвернув которую мы тотчас ею и воспользовались для своего спасения и приведя потом в первоначальное герметичное состояние. А саму заметно потяжелевшую емкость, соответственно, оставил на память всему военизированному казанскому конвою щедрым сюрпризом, засунутым назад под довольно вместительный прогал под сиденьем. Один в один лимонад по виду – не перепутали бы случайно!

«Мысли в воздухе витают», – уверяют умные люди, и точно не ошибаются в этом, потому как наши великолепные дурочки, прежде одолевавшие сопровождающих нас служак-контрактников одной и той же настоятельной просьбой сводить их на оправку, теперь, воспользовавшись их отсутствием и пошуршав через стенку от нас целлофановыми пакетиками, как-то разом подозрительно притихли, не пытаясь даже каким-нибудь задорным отвлекающим пением заглушить журчание откуда-то взявшегося на их половине громогласного ручейка. «А че это вы делаете там, а?» – невольно напрашивался вопрос, который, разумеется, мы не стали им задавать, как истинные джентльмены и просто вежливые «по жизни» парни, по существу недоразумению находящиеся пока под арестом и только поэтому не дарящие им цветы и не приглашающие на ужин в какой-нибудь дорогой ресторан. Вместо этого, можно сказать, совместно и аскетически скромно коротающие время в новеньком автозаке на промежуточном Централе, из которого даже не в состоянии, по независящим от нас причинам, были выехать на «рандеву-прогулку» по тысячелетней Казани, перед тем, как нас с ними разлучат на веки вечные, развезя и поместив кого куда – предположительно, повторюсь, нас в « первую » тюрьму, а их в « принудиловку ». Это как мы, так и они, по-моему, прекрасно понимали, однако, не желая вешать носа перед судьбой-разлучницей, с полчаса еще весело балаболили, как хорошие добрые знакомые, на разные темы. Отделяющая нас друг от друга железная преграда была в этом не помеха. И пока, наконец, наше «полуночное такси» не тронулось и не повезло нас с незабываемым «шиком» по ночному и призрачному городу, который, к сожалению, при всем старании мы не смогли бы толком разглядеть через забрызганное снаружи грязью и укрепленное изнутри стальными прутьями окно входной

двери, вдобавок еще и размещенное не так уж и близко от нас, а точнее, за отсекателем и в паре метрах, с правого бока. Но и это, при наших-то разнообразнейших талантах, было вполне решаемо, и то, что не представлялось возможным увидеть, стоило только постараться и легко можно было домыслить и с восхищением заключить, как же он все-таки прекрасен – этот ярко освещенный мегаполис с тысячью жилых домов, культовых сооружений и культурных центров, которые в часы досуга посещают милые добрые татарстанцы; опять же до тех самых пор, пока их «не за здорово живешь» не подвергнут, как и нас самих, аресту и не отправят лет этак на несколько по изоляторам, лагерям или же психушкам. Власть-то везде установлена одна – демократическая, а значит, – если вспомнить последние слова того же Димки М., антинародная, двуличная, преступная, и рассчитывать на то, что здесь, как в обособленном национальном конгломерате, с людьми обращаются как-то по-другому, согласно, допустим, тем же мусульманским догмам, гуманно и человечно, было по меньшей мере глупо! За два срока диктаторского правления страной полковника ФСБ Путина правовой беспредел повсеместно принял узаконенные формы и мы сами (что уж тут кого-то винить!), граждане России, не препятствуя его перманентному правлению, докатились до того, что давно уже одновременно существуем в двух социальных формациях, когда с одной стороны не отвергается еще движение вперед и технический прогресс, а с другой, у нас уже давно во всем господствует застой, и как при Иване Грозном, что не чиновник – то опричник! Такое понятие как гуманизм, стало непопулярным, люди ожесточились, и неудивительно, что за все эти годы не было проведено ни одной масштабной амнистии, акты помилования погрязли во всевозможных бюрократических проволочках, что равно полному их аннулированию, а условия содержания подследственных и осужденных, из-за неизменной переполненности тюрем и зон, только ухудшились. Издревле мудрецы говорят, что «каждый народ имеет ту власть над собой, которую он заслуживает». Получается, что на данном этапе мы достойны путинской диктатуры. А там посмотрим...

Не знаю, что бы я там себе еще на этот счет надумал, но тут вдруг, к моему преображеному удовольствию, в полутемном контуре единственного окна, отчетливо проявилась прославленная казанская мечеть, – так хорошо она отовсюду освещалась, напоминая собою волшебный дворец изумрудного города, величественно вознесшийся в поднебесье и словно скопированный с рисунков из книжек детского писателя Волкова, той еще, советской эпохи, со сменой которой на жесткий вульгарный капитализм теперь уж и не берусь сказать, читаемого ли вообще нынешним подрастающим поколением... Как их ни послушаешь, то все у них на языке один Гарри Поттер с его заплесневелым Туманным Альбионом. Сомнительная замена, конечно.

Ах, детство, детство, вроде, вчера еще было, а не вернуть... Я так размечтался, что даже не заметил, как мы доехали.

— Прощайте же, наши милые девчонки, прощайте! И берегите там «в дуркे» от «бульюх» уколы свои расчудесные нежные попки, — посылали мы им сквозь дверную клетку воздушные поцелуи, задержавшись на секунду у их отсека, перед тем, как спрыгнуть с «воронка», сбросившего газ и заехавшего во внутренний дворик, для нашего пропуска, лишь на метр — раздвинувшихся массивных железных ворот, готового нас принять «первого» Централа. И с очевидным намерением везти наших писаных красавиц и этапных попутчиц дальше — в психбольницу закрытого типа, — в точности, как я и предполагал ранее.

Слезы сами наворачивались на глаза — ну, как тут не разрыдаться, такая получалась душеподавляющая сцена! И будто жизнь в разлуке с ними теряла для нас уже всякий смысл. Глупо, но приятно.

— Эх, гудбай, Америка (тыфу ты, оговорился), наши милые подружки!

Между тем, все было не так уж и плохо, ведь затеянная мною прохиндиада продолжалась. Правда, с переменным успехом. Но об этом чуть позже.

Глава 15. Вечный огонь преисподней

Если послушать всезнающих зэков, судящих обо всем с беспардонной категоричностью, как римский центурион в достославную не «нашу» эру, то живший на переломе прошлого и позапрошлого века Ульянов (Ленин) был таким же обиженным, как и наш попутчик «Лелик», а погоняло у него было Лена. И вполне возможно, что произошло это бесславное определение будущего вождя мирового пролетариата в отдельный от порядочного люда и поближе к параше угол не где-нибудь, а на первом Казанском Централе, где он, по утверждению все тех же не терпящих возражений источников, в свое время сидел, и куда мы только еще прибыли. И, по всему, что-то там «накосорезил». А иначе как же? Ведь не за одну же рыжую козлину бородку и женоподобную пухлую внешность обошлись с ним по всей строгости арестантской жизни дотошные до выяснения всех первопричин произошедшего и не склонные к применению крайних мер урки. Конечно, можно сказать, что все это было не так, и попытаться выгородить Ильича по прошествии стольких лет под каким-нибудь веским обоснованием, но только вряд ли это удастся. Потому как один сомнительный эпизод из его биографии, не одно десятилетие старательно скрываемый историками марксизма-ленинизма и недавно обнародованный пронырами журналистами, сведет все разговоры

об этом на нет и оставит покоящегося в гранитном дворце под ультрафиолетовыми лампами Ильича под вечным сомнением. И, если уж на то пошло, то дело, по-моему, даже не в том, что вдруг неожиданно всплыло, что в разливовском шалаше он, находясь, говоря на фене, в «бегах», ночевал бок о бок с верным соратником по партии и, как судачат, сомнительным связям с немецким генштабом, Зиновьевым, а в том, что он натворил в дальнейшем, увлекшись кровавым террором, с царской семьей и прочим инакомыслящим людом, не пожелавшим подвергать Россию-матушку дичайшему, причем, далеко не робингудовскому эксперименту по социальному переустройству общества. Тот хоть отнимал у богатых и отдавал бедным, а этот, вообще, непонятно кому – на сло-вах государству, а на деле, как у уголовников, в воровской об-щак! Это же уму непостижимо, – ради, вроде бы, благих задач столь жестокую резню учинить, когда отец шел на сына, а брат на брата. И за что в него, как мне сдается, не стрелять, как Каплан в свое время, надо было бы, а книгами какого-нибудь великого моралиста, вот хотя бы того же Достоевского, как в школьные годы, по лысой башке взять со всей силы да и треснуть, тогда, глядишь, он что-нибудь да понял. Хотя, едва ли, ведь, по существу, это было бы ничуть не лучшим ответом на насилие насилием, что, как мы уже имели возможность убедиться на бесславном большевистском примере, приводит только к плачевным результатам. Впрочем, я опять отвлекся.

Тюрьма как тюрьма, ничего особенного. Только округлые фор-мы заостренных на макушках, как отточенные карандаши, башен делали ее похожей на монастырь или старинную крепость. Внутри же все было как везде – сплошные лабиринты.

После весьма поверхностного досмотра, производивший его, подзывая каждого из нас поочередно, добродушного вида, лысоватый и с брюшком, надзиратель указал нам на дверь туалета, за которой мы могли наконец-то, как люди, в нормальных условиях и не торопясь справить любую, хоть малую, хоть большую нужду и умыться. А то и пошалить, пользуясь избытком времени, оставив, солидарно с другими побывавшими там до нас в несметном коли-честве и не дружащими с законом Васями и Петями, свой соб-ственный индивидуальный автограф, накорябанный чем-нибудь ос-трым на одной из стен с желтеющей и шелущающейся на уровне глаз и выше белоснежного кафеля побелкой.

А что еще? Других вариантов нет!

Ну не предаваться же нам от нечего делать, предположим, онанизму, на воспоминаниях о слабом поле и под стать невоздер-жанным, за что ни возьмись, малолеткам. И с которыми, к слову сказать, «Лелика» оставлять было бы прямо-таки страшно. Так что ему, выходит, очень даже повезло, что их тогда там с нами не было.

Первые, кому тюрьма
ничто неизвестно, в окнах

А потом тот же самый пожилой надзиратель, что и занимался нашей приемкой, убедившись в том, что мы уже привели себя в порядок и слоняемся по коридору в ожидании дальнейших распоряжений, отвел нас коротким путем вглубь незнакомого нам помещения и рассадил по разным «превраткам». А точнее, меня с Димкой в одну, а Колю отдельно, должно быть, уже успев расспросить последнего, кто он есть по арестантской жизни. При этом, с простотой, которая, как известно, зачастую бывает, согласно поговорке, хуже воровства, уведомил нас о том, что нам там придется просидеть до утра на голом бетоне, не имея доступа ни к санузлу, ни к электричеству.

Короче, возражать было бесполезно, а ориентироваться приходилось по обстановке, и хорошо хоть мы с «Бешеным псом», полоскаясь в умывальнике, догадались запастись питьевой водой, набрав ее в довольно вместительные пластмассовые бутылки красного цвета с зеленой откидывающейся и отворачивающейся крышкой, из-под кетчупа, а в дальнейшем освободившиеся у нас из-под крепкого чая, заваренного перед этапом и выпитого еще в поезде. Вот и слушай после этого подлых зэков, которые по всем «превраткам» рассказывают, что, якобы, казанская братва с порога тюрьмы встречает транзитчиков традиционно заваренным чифром. Может, они и про Ильича мне тоже наврали? А я ведь им как последний идиот поверил!

Как бы там ни было на самом деле, опускать руки из-за этого, естественно, не следовало и, будучи уже запертыми на замок, мы первым делом тщательно обследовали предоставленное нам тюремщиками для ночлега помещение и, не без огорчения, конечно, убедились в том, что оно было глухим. В нем отсутствовала всякая связь, как с внешним, так и с внутренним миром, а из этого неизбежно следовало, что, в плане выживания, рассчитывать, кроме самих себя, нам уже было больше не на кого.

На единственном окне плотно приваренный, толщиной с танковую броню, стальной щит и тройной ряд решеток, обитая железом дверь, «шуба» на стенах, два выступающих по внутренним сторонам от них бетонных лежака, тусклая лампочка в углублении над входом — вот и все удобства, которые нам были предоставлены заботливым псевдодемократическим режимом после длительного путешествия. Ну, ничего, нам не привыкать, особо-то мы, надо сказать, и не расстроились, сноровисто принявшись кипятить воду для чая в имевшемся у нас литровом «кругале», тотчас соорудив костерок из скрученной в «древину» и подожженной спичками туалетной бумаги. Конечно же, никем там для нас заботливо не приготовленными, а нашими собственными, как и все остальные необходимые в хозяйстве бытовые мелочи, наряду со сменными вещами, предусмотрительно припасенными и прихваченными в дорогу. «Все свое ношу с собой», вот он неизменный лозунг любого эзака, блуждающего по НовоГУЛАГовским пересылкам, что, гонимое ветром, степное растение — «перекати поле». Это мы уже давно для себя уяснили.

Однако же, как ни старайся, а все равно всего не предусмотришь и об элементарной «открывашке» нам только мечтать приходилось. В поезде ее хоть можно было у конвоира спросить, а тут, при наличии выполняющих схожие функции надзирателей, как в заброшенных катакомбах, — ори не ори, все одно, никого не дозовешься. Нечего было даже и пытаться.

Зато «Бешеный пес» научил меня добираться до содержимого консервной банки без использования каких бы то ни было механических приспособлений, начиная от специального ножа и заканчивая примитивной заточкой, а точнее, просто положив ее плашмя на бетонный пол и с минуту интенсивно потерев упертой в нее ступней. Даже разуваться для этого не нужно. А я ведь и не предполагал раньше, что это происходит так быстро. Как пить дать, что на воле никто из моих знакомых ну ни за что бы до этого не додумался, окажись он в условиях, приближенных к тем, в которых содержались мы. Допустим, в каком-нибудь еще не заселенном квартиросъемщиками новострое. Наверняка так бы и лег спать, при наличии такого легкодоступного рациона, голодным. Хотя бетонный пол, скорее всего, имеется в любом подъезде. Освобожусь, обязательно обучу этому методу всех своих ближайших по дому соседей, на случай ареста, войны или экономического кризиса, той же разру-

хи. И много еще чему, из теории выживания, полезному. Пусть не расслабляются и не забывают, что у нас самая уникальная страна во всем мире, и она, как стоящее в поле дерево, прямо таки притягивает искрящиеся в грозовые дни по небу молнии. Вот, много вы найдете на свободе людей, которые, лиши их привычных прогрессивных достижений, не спасают перед первыми же трудностями? Едва ли. Зато зэки, как повествуют книги отечественных и зарубежных авторов, разрабатывающих подобную тематику, не пропадут нигде, помести их хоть в самое пекло планеты или же в ее ледниковый холод. Одно не пойму, на кой черт мне-то все это нужно? Жил бы и жил себе по-своему, грешил бы и грешил по мелкому, да только не судьба...

Так и пришлось тогда жрать вместе с одним из этих непревзойденных вундеркиндлов, бдительно охраняемого сообщества отверженных, подпорченную кильку, и запивать ее противным «лабазным» чаес, вприкуску с отдающей уксусом конфетой-«подушечкой», а потом увалиться спать на постеленные на бетон одеяла и фуфайки, которыми нам подфартило разжиться, «чисто из проявленного участия», у таких же, как и мы сами, бедолаг-урок в Сызранской тюрьме перед этапом.

И ладно бы хоть поспать еще как следует дали, а то ведь я и глаз не успел сомкнуть, как нас уже подняли и зачем-то перевели в другую, прячущуюся в лабиринте переходов, «превратку», где предложили спозаранку на завтрак постную кашу сечку и спитой чай. Но мы и от того, и от другого отказались, взявшись (так как нам уже перебили сон) опять варить на «дровине» чифир. А если вдруг аппетит с него разгуляется, то нам, мол, как мы решили, и одной хлебной пайки утолить голод хватит. Исключительно по шансону: «А сечку жрите, мусора, сами...»

Часам к десяти утра, видимо, по одному с Москвой местному казанскому времени, мы уже знакомились с татарской братвой в камере номер семь, так называемом карантине для строгого режима, расположенному на первом этаже трехэтажного здания старой, по всему, той еще, дореволюционной постройки, и куда нас с «Бешеным псом», может быть, и зря, определили пришедшие ни свет ни заря на работу оперативники, ибо обмен был явно не равнозначный, и на душе оставался такой осадок, как будто нас в очередной раз обдурили. Так получив доступ к воде, канализации и электричеству, мы тотчас столкнулись с тем, что всякий раз добираться до них приходилось буквально шагая по головам – столько там постоянно содержалось в ожидании распределения по другим камерам или же, как мы с Димкой на экспертизу, приводимого и уводимого народу. Как во время войны на переполненном вокзале, когда билетов в кассах нет, проходящие поезда чрезвычайно редки, но все одно все жаждут побыстрее уехать. И так изо дня в день, по неделе и больше.

Ну о чём можно поговорить с такими людьми, когда они, непрерывно думая о своем связанном с арестом несчастье, слушают тебя в пол-уха, глядят вполглаза, а то и вообще как бы отсутствуют, лишь машинально кивая головой при общем обмене впечатлениями на предмет условий содержания и арестантской взаимовыручки, сравнительно с теми местами лишения свободы, откуда ты прибыл. А где-нибудь через час, столкнувшись лоб в лоб с тобой в этой сплошной, словно вышедшей фаршем из мясорубки биомассе, вероятнее всего, тебя уже и не узнают, имени твоего, и подавно, не вспомнят. Будь мы с «Бешеным псом», предположим, ворами в законе, тогда, согласно их зачастую конъюнктурным представлениям о величии мира, другое дело. Но, как это чаще всего у нас в родном отечестве происходит, по недоразумению подвергаемая репрессия даже не криминальная, для общей массы, ровня, никакого особого интереса, что вполне объяснимо, ни у кого не вызывает. Поговорили – и ладно!

«А может и хорошо, что так», задумывался я частенько, а то ведь чернь, как явствует из мировой истории, никогда же не была по-настоящему преданна и благодарна. Все только в угоду моменту. Христос, уж на что был мессия, и того «под всеобщий одобрямыс – по выражению какого-то из современных сатириков – в конечном итоге, предали и распяли». Каждый, конечно, решает сам за себя и, потому я уж не берусь говорить за Димку, но мне категорически не хотелось посмертной славы, пусть даже и самого иногда пробивало на правозащитные проповеди, – впрочем, об этом чуть позже.

Не в лучшем положении, видимо, оказался и выведенный тем же утром, почти одновременно с нами, из соседней «превратки» «Лелик». Если уж тюрьма перенаселена (хоть это, наверное, и не самое точное слово), то это, как правило, отражается на каждом ее обитателе, причем независимо от криминальной масти, – и «обиженные», следовательно, тут не исключение. Деньги и политические мотивы, разумеется, тоже играют свою роль, но сейчас-то мы пишем о простых людях.

И, как его отделили в который раз от нас, поместив, так сказать, «к своим», то ли в первую, то ли во вторую камеру – теперь уж, по прошествии лет, я точно не помню – то больше мы уже нигде с ним не пересекались. Потому как, даже в известный «час пик», когда весь Централ, поэтапно, минут на сорок выводится и распределяется по разным прогулочным дворикам и есть шанс, придерживаясь здешних метких словечек, «словиться» где-нибудь по пути, как-то – вне корпуса или же в коридоре, то и с таким совпадением нам как-то не подфартило. В силу всего этого немудрено, что я на время о нем забыл. И не то, чтобы его жизненная драма совсем уж меня не заинтересовала, и сам он как человек, потерявший свое лицо и скатившийся на самое дно арестантской

жизни, не заслуживал сочувствия и внимания, а просто из-за постоянного засилья целого букета отвлекающих факторов. Ну не до него мне как-то тогда было. И все тут!

Да что там до него, пусть и обитавшего со мною в стенах одного учреждения, но все-таки на отдельной, разграниченной территории, когда с моим непосредственным сокамерником «Бешеным псом» в том, круглосуточно кишащем человеческом муравейнике, обозначаемом как камера номер семь – «карантин», и то, мы чуть было не потеряли друг друга из вида. С первых же дней приноровились спать и бодрствовать в разное время суток – я днем, а он ночью. И не потому, что нам так хотелось, а просто к этому вынуждали диктующие свою волю суровые жизненные обстоятельства: понаварила в камерах «заботливая» администрация на сорока квадратных метрах и при трехметровой высоте потолков, пять ярусов нар, но все одно – тем самым проблему с нехваткой спальных мест не решила и всех нуждающихся ими не обеспечила. Вот и приходилось, выходя из положения, отдыхать строго поочередно. Словом, права наши как всегда нарушались и вместо десяти человек, как это положено по всем международным нормам (с учетом обеспечения четырьмя квадратными метрами жилой площади каждого задержанного) нас натрамбовывалось, с каким-то неукоснительным постоянством, аж под добрую сотню. Да и температура воздуха по шкале Цельсия в помещении достигала приблизительно той же самой, что и число заключенных отметки, то есть по градусу на каждого. И как мы еще заживо не сварились, прямо не знаю! Пот лил с нас градом и вещи пропитывались им моментально, словно попавшие под непрерывный тропический ливень, или вечно кипящий котел преисподней. Вот она, самая настоящая прожаровка!

Казалось бы, кровососущие насекомые, эти неизменные спутники всех тюрем, должны были бы в этой губительной для всего живого атмосфере разом погибнуть. Однако же, ничего подобного не происходило, и они, видимо, давно приспособившись, успешно плодились, питаясь нашей арестантской кровью, в неимоверных количествах – что вши, что клопы. И вывести их было решительно невозможно. Ничем! Каким бы ты ни был уникальным чистюлей. Да и численно они нас, людей, значительно превосходили и бегали, сметая все на своем пути, что стада напуганных пожаром бизонов по девственным американским прериям, каких теперь уж, конечно же, и со спутника не сыщешь, но хорошо знакомых каждому читателю по книгам Фенимора Купера и прочих, снискавших себе мировую славу на этой литературной ниве, авторов.

Дело шло к зиме, и оба из двух имевшихся в камере окон, во избежание сквозняков и в связи с близким расположением от них спальных мест, были плотно завешаны запихнутыми по краям внутренней решетки одеялами и, как-то уж так повелось, что для провет-

ривания помещения никогда не снимавшимися. А сними их, спящие сразу бы завозмущались, продрогнув до последней косточки, будто приводимые в чувство ледяным душем в вытрезвителе. «Жар костей не ломит», — частенько успокаивали себя многие с тяжелым вздохом этой, произносимой вслух расхожей мудростью, тем самым как бы мирясь с создавшимся непростым положением. Да и мне самому ничего не оставалось как следовать их примеру. Известно же, что один в поле не воин, а со своим самоваром в чужой калашный ряд не ходят. Единственное спасение в свежем воздухе! Пусть доступном по сорок минут в сутки на заплеванном и прокуренном дворике, но все же! А иначе и сам не заметишь, как откажутся работать зараженные туберкулезом легкие, ведь среда для размножения палочек Коха была здесь более чем идеальная. Понимая это, я-то прогулочным мотционом никогда не пренебрегал, а вот «Бешеный пес», в отличие от меня, редкий день не халтурил и, как тут не отметить, что еще и поэтому мы с ним практически не виделись, рискуя как-нибудь при встрече просто-напросто не узнати друг друга.

Дело уже шло именно к этому. Но тут как-то под вечер среди толкующихся у электрических розеток сокамерников, собирающихся с помощью воткнутых в них кипятильников довести до нужной стадии приготовленную под чай в больших и маленьких алюминиевых и эмалированных кружках воду, я вдруг мимоходом разглядел знакомые, обросшие многодневной щетиной, черты, бесспорно принадлежащие моему земляку Димке. Как же я обрадовался, не выразить словами.

— Привет, дружище! — от избытка чувств похлопывал я его по плечу весьма энергично. — А я-то думал, что ты давно уже на экспертизу «отчалил».

— А, это ты, Ветер, — узнал он меня, как мне показалось, не сразу. — Куда там... все еще здесь... «купца» будешь?

— А как же!

— Тогда присоединяйся.

И вполне объяснимо, что сильно настрадавшись от духовного одиночества, я сделался по-родственному сентиментален и излишне откровенен и, в процессе совместного чаепития, посвятил его в наши с Серегой Платоновым планы по введению врачей в заблуждение относительно наших умственных способностей. Отчасти уже, кстати, как описывалось до этого, весьма успешно реализованные на амбулаторном психиатрическом освидетельствовании и, стало быть, настоятельно требовавшие своего дальнейшего воплощения в стационарных условиях, как самое, по нашему с ним обоюдному мнению, эффективное средство противостояния следственному и судебному произволу, который мало того, что незаслуженно, как мы считали, заключил нас под стражу, но и обрекал в дальнейшем, судя по всему, на довольно продолжительный лагерный срок, согласно статьям уго-

ловного кодекса, которые нам тогда вменяли (да простит меня читатель, за некоторое занудство!).

Это была с моей стороны естественная потребность живого человека поделиться с близкой душой своими горестями. Некоторые в таких случаях, как я помню из хрестоматийного чеховского рассказа, разговаривают с лошадью. Мне же оставалось только надеяться, что я не докатился тогда до подобного абсурда. Да и «Бешеного пса» как-то не хочется сравнивать с той «гривотрясной» животиной. В этом отношении мы с ним, несомненно, были друг для друга настоящей находкой. Хоть и говорят, что спасение утопающих дело рук самих утопающих, но и взаимовыручка тоже никогда не помешает. Пусть и моральная только. Да и время за оживленной дружеской беседой бежит куда быстрее...

Есть же такая сказка про лягушонка, продолжавшего упорно барабататься в кувшине с молоком и в конце концов сбившего его в масло и выбравшегося наружу, в то время как попавший вместе с ним товарищ по несчастью, отколовшись от борьбы, немедленно утонул. А ведь могли бы остаться живыми оба, да и добиться положительного результата полегче было... Действуй они tandemом. Поучительная, в общем, история.

Да и хорош я был бы фрукт, если бы со своим свежеиспеченным другом не посчитал нужным поделиться полезными наработками, могущими в дальнейшем пригодиться и ему. Нет уж, пусть пользуется – я не жадный! – решил я и, думается, правильно сделал.

На утро (а мы проболтали всю ночь) его увезли.

А меня, безо всяких объяснений и не посвящая в истинные причины, оставили там, в тюремном карантине, на какое-то неопределенное время, приведя тем самым в полнейшее недоумение: почему сложилось именно так, если мы с Димкой приехали в казанскую тюрьму дней десять тому назад одним этапом и из этого как бы само собою разумеющимся образом следовало, что и в республиканскую психиатрическую клинику мы тоже должны были бы отбыть вместе. Но, однако же, этого не случилось.

Сокамерники из числа татарстанцев, которым я в двух словах объяснил свою ситуацию и которые, как я рассчитывал, должны были быть более сведущи, чем я, в этих административных «заморочках», так как они все как один являлись завсегдатаями этого учреждения и, стало быть, таких, как я, этапников, держащих путь через него на обследование в «дурку» (и, соответственно, уже пройдя его обратно), повидали на своем веку немало. Они были убеждены в том, что это произошло из-за того, что у меня в том самом, по их словам, 18 отделении республиканской психиатрической клиники, куда я и ожидал день ото дня своего распределения, содержался подельник (если еще не забыл, конечно, читатель – Сергей Платонов), определенный туда ранее, и психиатры, выходит,

не желая по тем либо иным соображениям, чтобы мы с ним там встречались, специально тянули время до его выписки.

Но я все равно, принимая во внимание эти соображения, терялся в догадках. Так продолжалось еще две недели и грозило уже перерасти в фобию, причем в ее самой тяжелой и запущенной форме, с которой даже врачам с мировым именем ни за что было бы не справиться, так что и «косить» под дурака для избежания незаслуженного осуждения мне было бы, разумеется, не нужно. Тут уже и так все стало бы предельно ясно, и всем, включая моих товарищей по несчастью и сподвижников по симуляции – Сереге и Димке, которые, ко всему прочему, вероятно, навсегда потеряли бы в моем лице надежного партнера по упорному отстаиванию своих прав и свобод, потому как мне это было бы уже, как и все вокруг, глубоко безразлично и, выходит, не нужно.

Но тут вдруг боженька, видимо, надо мною, – возможно, из сочувствия к нашей общей, коллективной задаче, – смилиостивился, и мне наконец-то надзиратели велели укладывать манатки и отправляться на экспертизу.

– Давай, давай… конвой уже ждет, – буквально выгоняли они меня из камеры. – А то, гляди, «воронок» без тебя уедет (ну, это уж они, конечно, загибали!).

Другими словами, при подходе с юмором, это была обычная писательская командировка для сбора материала к написанию второй части книги, в которой все хорошо, вот только ее названию пришлось придать обратную последовательность букв, чтобы не отходить от смысла и соблюсти при этом определенные приличия, пусть даже и кому-то, в свете последних бескомплексных литературных тенденций, это и покажется излишним. Ну да что тут рассусоливать – читайте!

ЧАСТЬ 2. АПОЖ

Глава 1. Роман с сульфазином

Мои успехи превосходили все ожидания.

Старушка-санитарка в комнате для переодеваний приемного покоя, которой, видимо, надлежало поменять мой вольный гардероб на больничный, едва завидев меня, в сердцах закачала головой – «Ну и дурак!» – пребывая в полной уверенности, что я ее не понимаю, если даже и слышу. Это меня слегка приободрило. Ведь незадолго до этого, как я помнил, она проделывала то же самое с явным безумцем, у которого пена шла изо рта, глаза были стеклянные, и поведение оставляло желать лучшего, так как он был, к тому же, еще и агрессивен, что бык, реагировавший на красную тряпку. Однако такого она ему не говорила – это я для себя отметил.

И как мне было это не сделать, если происходил данный «ритуал» в непосредственной близости от меня, когда я еще сидел на кушетке в соседней комнате и упорно отмалчивался перед двумя врачами-психиатрами – мужчиной и женщиной, оформлявшими за

разными и стоявшими напротив и впритык друг к другу столами все необходимые для моего определения на экспертизу документы. А я, значит, в это самое время, с деланным безразличием, через щель в слегка приоткрытой двери наблюдал за «укутыванием» в смирительную рубашку предыдущего пациента, в котором, к слову, заодно с хрупкой бабулькой, участвовало два здоровенных санитара, и при этом очень надеясь, что со мной к подобным мерам прибегать не будут – ведь я-то, как-никак, вел себя смирно. Хотя видок у меня, похоже, и вправду был еще хлеще, чем у этого психбольного, раз уж многоопытная санитарка – и та не удержалась, чтобы не одарить меня таким неутешительным комплиментом, самокритично подметил я, дождавшись своей очереди и покорно вылезая из поношенных джинсов и, соответственно, продолжая себя вести так, будто меня это и не касалось вовсе. Хорош бы я был дурак, если бы, задетый ее замечанием, вдруг взял и проговорился, начав ей доказывать, что, дескать, мол, я не такой и, на самом деле, вполне нормальный и только обстоятельства вынуждают меня придерживаться данной чудаковатой линии поведения, не предусматривающей вступления с окружающими в какие бы то ни было словесные контакты. А вот мимикой, так сказать, завсегда пожалуйста, если желающие, конечно, на таких условиях пообщаться со мной найдутся.

Театр, как известно, по Станиславскому, начинается с вешалки, вот и приходилось мне, взяв это в расчет, терпеливо следовать этому харизматичному правилу, если уж я хотел добиться успеха в своем благородном начинании и не позволить властям сделать из себя натурального дурака путем вынесения мне по сфабрикованному уголовному делу явно не правомерного приговора.

Метод, говоря начистоту, был, конечно, далеко не исключительный, но и других-то ведь, альтернативных ему, тоже, к сожалению, не имелось. Вернее, все они были давно исчерпаны и, как не давшие положительных результатов, поочередно отвергнуты. И раз суд трактует законы по-своему, идя на поводу у обвинения, да еще и постоянно шельмует, все переиначивая не в твою пользу, то будь ты хоть семи пядей во лбу и безупречно юридически подкован, все одно ты никому ничего не докажешь, и лишь посмеявшись над тобой, – да простит меня читатель за резкость выражения, – эти откровенные подонки, уполномоченные именем Российской Федерации вершить правосудие, вынесут отнюдь не оправдательное решение. Это было заранее ясно. Дабы потом не думалось, что вроде как был у меня еще один вариант в запасе, позволявший побороться за свою свободу, а я его, поленившись, не использовал (хотя, быть может, он-то как раз и был самым эффективным). Вот я и ударился в это откровенное лицедейство, с первых же шагов по прибытии вживаясь в образ полного идиота. Естественно, в меру и, если, не исходя из принципа, что все в этой жизни должно

доставлять тебе удовольствие, то хотя бы стараясь избегать откровенных перегибов, чреватых, как водится, большими, а то и вообще необратимыми издержками. Как в том, где-то мною вычитанном случае, произошедшем во вторую мировую войну с одним французским актером, вызвавшемся ввести немецкую разведку в заблуждение – сыграть генерала де Голля. И, по заданию генерального штаба, намеренно, периодически, скажем так, «нарисовывавшемся» в местах скопления якобы подготавливаемых к открытию второго фронта войск, на которое и надо было отвлечь дивизии противника, чтобы позволить с наименьшими потерями высадиться десанту союзников совсем в другой береговой зоне. Когда же операция была успешно завершена и наш мнимый генерал де Голль мог преспокойно отправиться восвояси, играть в театре или же в кино кого-нибудь еще, ну Гамлета там, или Отелло, то вдруг выяснилось, что он уже не мыслит себя в иной роли, до того он сжился с расставленными повсюду макетами танков и выданной ему на время генеральской формой. Так и отправили человека подлечиться в психушку! Не знаю уж, надолго ли?

Поэтому я хорошо продумал свое поведение и начал перевоплощаться (по Станиславскому) в намеченный образ прямо с порога тюрьмы и задолго до прибытия в приемный покой республиканской психиатрической клиники.

Так, будучи названным на этап и выведенным из камеры, я не стал отвечать на вопросы приехавшего за мною конвоя, которому не только хотелось услышать от меня по стандартной процедуре мои имя, фамилию и отчество, статью и год рождения, но еще и по-житейски расспросить, кто, мол, я, да откуда. Будто они от тюремных оперативников, якшавшихся с ними от нечего делать, как в служебной так и во внеслужебной обстановке, все это не могли, удовлетворив свое любопытство, выяснить, как говорится, в «пять сек».

Дальнейшие события мои опасения на этот счет только подтвердили.

– По какой статье сидишь? По сто пятьдесят восьмой. Что украл-то? Не хочешь отвечать, ну как хочешь! – поначалу пытались было меня разговорить врачи приемного покоя.

– Машины угонял, – охотно пояснял им за меня конвой, расположившийся поблизости на соседней кушетке.

– У нас?

– А то... Там, у себя, в Тольятти. Это нам уже знающие люди доложили. Тот еще, между прочим, мафиози.

– И из-за этого «косит»? Лучше бы нам подогнал какой-нибудь новенький «Жигуленок», а то уже на своих двоих на работу добираться надоело, мы бы ему точно тогда все как надо написали.

– Во-во.

«Прикольно», как выразился бы, послушав их, какой-нибудь оголтелый малолетка, решив для себя, что взрослые дяди и тети просто шутят. Хотя в действительности юмором-то тут и не пахло. Исходя из этого, к сожалению, приходилось признать, что в Казани медики ничуть не лучше наших, местных, из направившего меня туда на освидетельствование чудо-города с итальянским названием. Просто от глупости поразвязнее да побеспардоннее будут. Если тольяттинские «воротилы» от психиатрии о своей продажности прилюдно и не заикались даже, а неизменно старались «обстряпывать» такого рода темные делишки через посредника, обычно адвоката, то эти, стало быть, ничего уже не стеснялись, заявляя о своих намерениях в открытую, будто речь шла о чем-нибудь вполне обыденном и само собою разумеющемся – что о заключении договора со страховщиком по «автогражданке».

Об одном они не подумали – о том, что если бы за меня было кому с воли хлопотать, или же я, имея возможность, догадался отложить на черный день столь откровенно запрашиваемые ими внушительные суммы, то неужели же я бы стал доводить дело до суда? Да еще и поперся без протекции в такую даль, опять же, к кому – к психиатрам, когда это можно было бы с тем же успехом решить со следователем на месте. Или эта чиновничья прослойка общества на взятки менее падка? Куда там! Только предложи, и не подумают отказаться даже. Тем более, если речь пойдет о «конкретной цифре». Бывают, конечно, отдельные случаи, когда и «чешется и колется», но из-за боязни пострадать самим, они, при всем желании, ничем помочь тебе не смогут – допустим, если заказ политический и исходит из Администрации Президента; и то ведь, безусловно, попытаются – извиняюсь за еще один штамп – погреть на этом руки, потому как в нашу, с размытыми духовными ценностями и зацикленную на материальной выгоде эпоху, увы, но идейных патриотов, что уж тут лукавить, днем с огнем не сыщешь. А про общественное мнение и говорить нечего, когда они с ним считались, что-то я не припомню?!

Обращаются как с идиотами.

А идиотам где надлежит быть? Правильно – в дурке. Вот я, значит, хоть и несколько иным путем, все-таки сюда прибыл. «Все пути приводят в Рим». Так что мне можно было отныне, следуя этой максиме, смело считать себя патриотом. К тому же документальное подтверждение этому не требовалось – справки той же, или диплома. Хотя, разумеется, за деньги в нашем страдающем болезненной тягой к поборам обществе таковые приобрести, если понадобится, было бы совсем не сложно. А вот даром или, так сказать, за красивые глазки – это вряд ли! Как, впрочем, и в случае с диагнозом. А я еще тешил себя какими-то иллюзиями! «Эх, дурак, дурак, – корил я себя мысленно, – пусть и официально доселе таковым не признанный». Вон как, стало быть, быстро расстави-

лись все точки над «и» – не успел я еще дойти до отделения, прямо с приемного покоя. Выходит, нечего было сюда и ехать, как-то сам собою напрашивался вывод.

Но отступать я тоже не собирался. В моем понимании, это было бы просто не по-мужски – не ввязавшись в бой, признать свое поражение. А потому я так и продолжал по-прежнему переть напролом, строя из себя через раз понимающего что-либо и ни с кем не разговаривающего недоумка. В то же самое время втайне все-таки рассчитывая, по неисправимости человеческой натуры, на чудо – а вдруг да и получится, и я добьюсь желаемого результата.

После по-мертвецки однообразных тюремных будней, смена обстановки действовала на меня оживляюще благоприятно.

Любопытство мое разгоралось.

И открываящаяся передо мною удручающая картина переполненного психически больными людьми учреждения, с сопутствующим спертым воздухом, если и настораживала, то все же была терпима.

Я чувствовал себя студентом-медиком, вздумавшим во славу науки испытать на себе «все прелести» до сих пор не применявшиеся ни к кому экспериментального лечения. Естественно, не подразумевающего летального исхода. Для этого мне пока не хватало самой малости – «отмороженного» энтузиазма. Зато во всем остальном я преуспел немало, даже не напрягаясь и не прикладывая особых усилий.

Я будто был вовлечен в великий водный круговорот, и меня уносила за собой его ничем не удержимая и необъятная масса.

Все сделала за меня сама система, отлаженно подгоняя мою какую-никакую, а индивидуальность, под общую безликую однообразную массу. Так, должно быть, умелый лесоруб, вооружившись одним лишь топором, в считанные минуты способен превратить любое самое роскошное дерево в стандартное бревно.

В данной ситуации из меня выстругивали додоподлинного шизида. Я уже был приведен в казенное соответствие и ничем не отличался от больных, валявшихся на кроватях в огромных, как спортивные залы, помещениях, когда меня проводили мимо них из отделения в отделение. На мне были надеты тонкие брюки серого цвета, с оторванными пуговицами, которые более походили на широченные шорты и, если не придерживать их рукой, зловредно устремлялись на пол. Хорошо хоть толстая фланелевая рубашка, очевидно, долженствующая заменить мне пижаму, была как у Пье-ро, на три размера больше, а иначе, спади они вдруг с меня, то конфуз был бы неизбежен, так как трусы с меня почему-то сняли. А вот наручники, вынужденно отстегнутые на время переодевания, были возвращены на исходную позицию и могли бы выдать меня наблюдательному оку. Впрочем, такового там просто не было, а длинные рукава костюма Пье-ро успешно довершали эту нелепую

метаморфозу. Я шел, как по проходному двору: безразличие врачей, санитаров и пациентов было неизменным, как ко мне самому, так и к сопровождающему меня милицейскому конвою, который, по идее, одним своим видом должен был потревожить чью-нибудь расстроенную психику, и в связи с чем ему там, в общем-то, было совсем не место. Но, однако же, он не привлекал ничьего внимания, настолько, видимо, все давно уже привыкли здесь к подобным крайностям ущербного социума.

Странно, правда?

Я не имею в виду, конечно, тех безнадежных больных, которые были затянуты в смирительные рубашки и корчились тем временем в страшных муках на своих «прокрустовых» ложах. Это сразу делалось ясно по их искаженным, молящим о спасении и поща-де лицам, в которых напрочь отсутствовало всяческое отражение внешнего мира. А точнее, нынешних его проявлений.

Вот уж кому действительно не до нас-то было!

Ну, им-то, допустим, простительно, зато все остальные разлю-безные мои соотечественники, кто был в состоянии еще воспринимать все это буйное биологическое действие под названием «жизнь» во всех ее открытых и глубинных проявлениях, со всеми ее по-вседневными страстями и заботами, скачущими от горестей до радостей, как в переменчивую погоду шкала барометра то в одну сторону, то в другую, или что биржевой маклер, играющий то на повышение, то на понижение, но, при этом, не чувствующих в себе сил на активное взаимодействие и решительно отгораживающихся от всего, замыкаясь в ограниченном сдавленном пространстве собственного тела, по-другому изъясняясь, мирке, как улитка в раковине, будь то медицинские работники или больные; какие же они все-таки, если говорить напрямую, были откровенные сволочи.

Меня лишили свободы и вели под конвоем неизвестно куда: может быть, на пожизненную изоляцию от общества, а то и на процедуру по надрыву лобных долей и полную нейтрализацию мыслительных способностей мозга, а они и палец о палец не ударили, чтобы воспрепятствовать этому. Даже не соизволили повернуть головы и поинтересоваться у пленивших меня молодчиков – в, между прочим, сплошь и рядом используемой маньяками, грабителями и убийцами в своей преступной деятельности, милицейской форме – куда мы следуем и насколько это законно?

Им просто не было до меня никакого дела.

А начни я, опять же таки, орать и просить у них помощи, они, скорее всего, сочли бы меня за сумасшедшего и были бы только рады, если бы мне вкололи лошадиную дозу какого-нибудь подавляющего волю препарата и бросили на специальную койку «на растяжку», по примеру многих и многих уже там лежащих, лишь бы я только не покушался на их добровольное затворничество.

Хотя, что уж тут не договаривать-то, ведь и на свободе люди ведут себя точно так же, как и эти.

«Неужели наше общество – та же самая «дурка», только увеличенная в размере? Похоже, так оно и есть», – совсем уж расстроился я, когда меня подвели к оборудованной глазком и обитой на старомодный манер дерматином двери. Стоящий слева от меня детина с сержантскими погонами на кителе нажал на вмонтированную в косяк кнопку звонка и, насвистывая что-то себе под нос, с отрешенным видом, будто ему не было ни до меня, ни до своих коллег по работе никакого дела, терпеливо дождался, пока она откроется. Так мы оказались внутри небольшого, сваренного из металлических прутьев шлюза, в котором, в дополнительно отведенном закутке, девушка-милиционер, сидящая наподобие вольного вахтера на приставленном к письменному столу стульчике, вначале осуществила «фейс-контроль» по предъявленным моим конвоем документам, а затем уже, развернувшись к нам спиной и произведя необходимые записи, потянулась за лежащим у нее под рукой возле раскрытого регистрационного журнала, большим железным ключом, и только после этого поднялась и вызволила нас с его помощью оттуда, позволив пройти дальше за отворившуюся железную дверь-клетку, из которой самой ей, видимо, выходить не полагалось. На этом, вероятнее всего, ее обязанности заканчивались. Впрочем, как всякая представительница прекрасного пола, она их несколько превзошла, успев сразить меня, пока писала, очаровательным овалом выглядывающей из-под, разумеется, неспроста, как у всякой искусной соблазнительницы, укороченной юбки – обтянутой черным, тонким капроном икры.

«Бог ты мой, а я уже, грешным делом, и забыл о существовании подобных прелестей!», – приятно подивился я, буквально захлебываясь, как тот еще, пропащий кобель, при виде, по Есенину, «истекающей соком суки».

И чтобы не распалять себя, да и не расстраиваться попусту, дальше постарался как можно быстрее переключить внимание на поджидающих нас уже в выложенном белым кафелем холле пожилых низкорослых женщин, все как одна одетых в белые больничные халаты, которые как нельзя лучше выказывали их принадлежность к медицинскому персоналу и попутно отвлекали от всяких там ненужных мирских страстишек. А то ведь, как только один из конвоиров снял с меня наручники, и я убрал руки, машинально определив их в положение по швам, то неожиданно поднявшийся детородный орган тотчас предательски выпер у меня из-под плохенькой одежды наружу, представ во всей своей могучей красе ошеломленным старухам.

– Бабоньки, смотрите-ка, какой к нам завидный жених-то приехал, – не смущаясь, восторженно запричитали они, при этом давясь от смеха. – Сынок, ты, слушаем, не сексуальный маньяк будешь?

Ну что я мог им на это ответить? Да еще и с учетом заранее избранной безмолвной линии поведения. Конечно же, ничего! Ну и, чтобы не выказать своего смущения, видимо, залившего мое лицо огненной краской, а также дать успокоиться торчащему из ширинки виновнику массового переполоха, я предпочел от них побыстрее отвернуться. Было бы еще куда! Я по новой подверг себя воздействию все того же полового раздражителя, пиковой точкой которого были соблазнительно маячавшие в «предбаннике» прелестные женские коленки и которые, соответственно, только усилили в моем организме подъем кровяного давления, а значит и приток крови в причинное место. В итоге моя интуитивная попытка быстро выйти из неловкого положения потерпела неудачу и мне ничего не оставалось, как вернуться в исходную позицию, к своему великому стыду, повернувшись опять лицом — ну и не только им, естественно, — к зубоскалящим санитаркам. Хоть беги сломя голову, как от воинственных амазонок, куда подальше. Прикрыться и то было нечем — сумку с вещами я сдал или, как правильнее будет сказать, у меня ее забрали в каптерку, а ни на рубашке (ниже пояса), ни на штанах, как назло, пуговиц не было и в помине, а ладошками член, что фиговым листом, все одно не загораживался, так как чересчур был большой по размеру. Я машинально пытался это сделать пару раз. Иначе бы и не говорил. И все без толку! Впору хоть на корточки, по-девичьи, приседай, тем самым автоматически выдав себя за человека, вполне разумно оценивающего и реагирующего на происходящее. Нет уж, я решил держаться сколько можно, — а там, мол, само собой все успокоится и придет в норму. Только нервы у меня все одно сдавали, и я то и дело дергался, чуть ли не пускаясь в пляс и привставая на цыпочки, что балетный танцор, выглядывавший неподоспевшую к нему еще почему-то во время ключевого действия на сцене партнершу.

— Да не крутись ты так... а то еще ненароком своим «мечом» кого поранишь! — между тем, мешая мне собраться с мыслями и на что-нибудь другое, нейтральное отвлечься, галдели вокруг прямотаки осатаневшие бабки, — «медицинки» мне тоже! — Бромчику что ли ему наведите! (Ха-ха, да, ха-ха.) Привязать чем к ноге, что ли?

— Я вам привяжу. Тоже мне, раскудахтались. Будто мужика возбужденного никогда раньше не видели, — вступилась вдруг за меня подошедшая откуда-то средних лет медсестра с невыразительным, почти не накрашенным лициком, и увела за собой, взяв за рукав рубашки, в правое ответвление холла, со словами: «Пошли пока постельные принадлежности получишь, а потом я тебя провожу в палату».

— Ну, вот и отбила у нас жениха, — послышались нам вслед их однотипные плоские шуточки. — Столько ждали, ждали...

— Эх и хулиганки, — не оборачиваясь, посмеивалась и она, при этом, похоже, нисколько не злясь на них за это.

Вот, значит, какое оно, между тем размышлял я, это самое знаменитое в дурных головах по нашему поволжскому региону 18 отделение казанской психиатрической клиники, где, как правило, вершились судьбы спалившейся на мокром деле криминальной публики, так как по всем остальным и менее тяжким статьям уголовного кодекса сюда возят крайне редко – финансы, финансы...

Вот следственные и судебные органы и экономят на пусть даже и психически нездоровых задержанных, пытаясь уложитьсь в выделяемые им ежегодно на все про все денежные суммы, независимо от того, насколько это бывает оправданно и правомерно.

Так что я в этом отношении был большим исключением из правил. Хоть и не «шизик», а добился направления сюда! И если бы только я, так и мой второй фигурант по сфабрикованному против нас обоих уголовному делу Серега Платонов тоже.

Кстати, где он теперь? Может, застану его еще здесь? – крутилось у меня в голове. – Эх, и «нагреем» же мы с ним, если вдруг выяснится, что я и он на пару «косим, нашу «Бабу-Ягу», ибо председатель суда и ее непосредственный начальник точно не простит ей тех денег, что были потрачены на эту поездку, а если и простит, то обязательно выскажет – мол, Людмила Александровна, они-то – симулянты, а вы-то после этого кто теперь будете? А она уже, соответственно, отыграется на нас.

Это было понятно, а значит, не оставляло нам с Серегой возможности для отступления – хочешь не хочешь, а приходилось соблюдать последовательность. Неплохо было бы, конечно, поделиться с ним этими размышлениями, дабы довести до его сведения всю серьезность происходящего. А то, может, он вдруг по своей молодецкой инфантильности думает, что это все, так сказать, шуточки-прибауточки и, дескать, всю эту затеянную нами многоходовую комбинацию по введению в заблуждение судебных органов, пусть даже и предусмотренную законом в рамках отстаивания собственных прав и свобод, в любой момент есть шанс безнаказанно переиграть. Если бы! Тут как в поговорке: либо пан, либо пропал. Третьего, стало быть, не дано. Должен же он был это понимать? Хотя как знать, как знать...

Палата, в которую меня поместили, обозначалась номером 5. На целую арифметическую единицу не дотягивая до хрестоматийной чеховской. Что, по моему разумению, было хорошим предвестником для более оптимистичного развития последующих событий, чем тех, что заключала в себе пресловутая шестерка, которая сто с лишним лет уже в экranизированных и театральных постановках несет в себе отрицательный заряд, сконцентрированный в судьбах ее обитателей и зафиксированный в прозаическом жанре всеми почитаемым классиком.

Каково же было мое удивление, когда, войдя в нее, я обнаружил, что в ней никого нет. Или это мне только так поначалу

показалось? Ну да! За исключением таращившегося в потолок «Бешеного пса», который, между прочим, даже не соизволил обратить на меня внимание. Тоже мне, друг называется! А я еще имел неосторожность не так давно в тюремном карантине посвятить его в святая святых – симулятивную программу. Тумаков бы ему за это отвесить! Однако я благоразумно сдержался, и все потому, что за мною следом туда вошла та самая, доброжелательная медсестра, вызвавшаяся проводить меня до палаты, а перед тем помочь получить постельные принадлежности.

И тут случилось непоправимое.

Бросая на выбранную мною – среди аж четырех пустующих – койку матрац, я как-то упустил из виду фактически держащиеся на мне на честном слове штаны, которые тотчас и упали, обнажив мои по-обезьяньи волосатые, да еще к тому же и кривые, как у какого-нибудь не слезающего с коня монгола, ноги. Так-то ничего страшного, конечно, ведь мы же все-таки были не на подиуме, да и не на банкете, но все одно – неприятно!

Правда, я, проявив находчивость, постарался обратить эту досадную оплошность в свою пользу, сделав вид, что ничего не произошло и меня, мол, как дурака, это вполне устраивает – валяются, так чать и пусть валяются, что с того-то?

– Жопу-то че оголил? Бриджи-то свои подними, – игриво подделя меня медсестра. – Не хочешь? Ну, уж извини, мне за это не доплачивают, так что будь добр разбирайся со своим гардеробом сам, – и с той же фамильярной простотой, которая (если как-то и задевала мое самолюбие, то единственno своим полным безразличием) перевела разговор на «Бешеного пса», непреднамеренно напомнив мне уже слышанную где-то прежде его необычную фамилию. – Вот, Молчун, еще одного немого к тебе привела. Чтобы, выходит, не скучно тебе было. Будете теперь на пару молчать. Только он, судя по его фамилии – Ветров – должен еще и подывать периодически. Ты как думаешь?

В общем, болтушка она, похоже, была еще та, но так как отклика на эту ее импровизированную эскападу с нашей стороны не последовало, то вскоре, разочаровавшись в нас не только как в собеседниках, но и в слушателях, так как ей, видимо, даже не ясно было, понимаем ли мы ее, она, как-то по-утиному вихляя задом, вразвалочку покинула палату. После чего поджидавший ее на выходе милиционер, которого я и разглядеть-то толком не успел, поэтому уж, извините, описывать не буду, затворил за ней ничем не отличающуюся от тюремной дверь – тот же прикрывающийся снаружи резинкой глазок и обитое, как и она сама, металлом дверное окошко. А я так и остался, как покинутый всеми бедный родственник, стоять возле незаправленной кровати, да еще и в одной рубашке. Это меня так разозлило, что я, подняв штаны с пола, подошел и выбросил их наружу, в коридор, через оставленную открытой толь-

ко что упомянутую выше «кормушку». Пусть белые халаты впредь знают, что со мной у них такой номер не пройдет, и либо они обеспечат меня нормальной одеждой, либо пусть помогают мне, как человеку, может, даже напрочь невменяемому, таковые надевать. А уж доплачивают им за это или же не доплачивают – это меня не касается вовсе! Вот когда разоблачат, что я симулирую, тогда другое дело, а пока что я для них требующий к себе пристального внимания плохо соображающий пациент. Грубо говоря, дурак. Я понимал это так.

– Привет, – услышал я вкрадчивый шепот за спиной. Несомненно, это был «Бешеный пес». Я узнал его хрипловатый голос и, отходя от двери, на него повернулся. Обращенный ко мне жизнерадостный взор моего вновь обретенного друга говорил яснее ясного – он был вменяем.

– Ух-х-х, – облегченно вздохнул я, разобравшись в этом.

– Переволновался. Это ладно, скоро привыкнешь. Я тоже поначалу думал, что у меня ничего не получится, а потом пообыкся и вышло все олрайт, как будто немым и родился. Ты, кстати, тоже вполне реально держишься. Для начинающего очень даже неплохо «косиши», – менторским тоном оценил он мои усилия и, не повышая тона, сразу же стал посвящать меня в курс происходящего. – Тут до тебя все койки были заняты, еще четыре человека лежали, но их перед твоим приходом, одного за другим, перевели в другие палаты, как я понял, из-за того, что они, в отличие от нас с тобой, разговаривали. Неспроста это. Как пить дать, психиатры что-то задумали?! Так что, как бы там ни было, но впредь общаться надо осторожнее – медсестры то и дело подходят к двери и подслушивают. Ты лучше ложись пока, отдохни, а ближе к ночи, когда часть из них сдаст смену и по домам разбредется, а другая, выбившись из сил, где-нибудь по кабинетам спать завалится, я тебя поподробнее во все, до чего сам уже докумекал, посвящу. А я, между прочим, знал, что тебя сегодня привезут.

– Откуда?

– Потом расскажу.

Только он закрыл рот, как железная дверь с шумом распахнулась, и в камеру-палату ввалился целый консилиум судмедэкспертов во главе с заведующей. Ну, может не консилиум, конечно, но то, что одна из них была начальница, а остальные ее подчиненные, не вызывало никаких сомнений. Ну и ну! – от неожиданности я аж присел на ближайшую от меня и голую, как и моя задница, койку, у которой вместо привычной панцирной сетки во всю длину каркаса был вварен цельный лист железа. Краска на нем давно пооблупилась и отлетела, и лишь местами, редкими бежевыми вкраплениями на общем ржавом фоне, сообщала о своем некогда полновластном присутствии, как грустное напоминание о безвозвратно ушедшем золотом веке на развалинах какой-нибудь древней

Империи. Ощущение было такое, будто я напоролся на ежа, вдоба-вок – ледяного: сварочные швы в этом месте не были обработаны (ох уж мне эти халтурщики, умело вписывающиеся в любую эпоху), да еще и металл, как известно, сам по себе всегда поражает температурным контрастом при соприкосновении с обнаженным телом. Поэтому я по инерции подскочил и чуть было не сбил с ног уже успевшую приблизиться ко мне главу свиты – кстати, наименее симпатичную изо всех них, и это еще мягко выражаясь: лет эдак пятидесяти с хвостиком, всю в жировых складках и морщинах, а по поведению – ну, что гремящая секция мусоропровода, так что, признаться, я был не в большом восторге, обнимая, ради удержания равновесия, ее за даже не предполагаемую талию:

– О-о-о, – лишь на секунду растерявшись, как опытная руководительница, ну и повидавшая всякое гром-баба, быстро овладела она своими эмоциями. Чем, безусловно, только упрочила свой авторитет среди подчиненных и чуть не вогнала меня в краску. – Что же вы, молодой человек, на женщину-то так сразу бросаетесь – поухаживали бы вначале.

Медсестры на это, естественно, дружно прыснули со смеху.

О таких, как она, в народе обычно говорят, что на них пробы ставить негде. Точная характеристика, правда? Вот и я так подумал, в испуге отступая от нее на шаг.

– Так вы еще и без штанов! Где же это вы так понастрадались-то, молодой человек (опять смешки.)? Молчим? Не разговариваем, значит? И второй тоже? – строго взглянула она на притворяющегося спящим Димку, – сульфазина им вколоть… кубов по десять.

– Да что вы, Роза Зульферовна, это же много, – писклявым голосом посмела было возразить приготовившаяся уже записывать ее указания прехорошенская медсестра, так что я искренне пожалел о том, что, не далее как минуту назад, не к ней так тесно прижался. Эх, вот бы я тогда получил истинное удовольствие – не оторвать бы было! И пусть потом говорят, что я маньяк законченный, – промелькнуло у меня в голове.

– Ничего подобного. Колоть, я сказала, колоть… – получил продолжение отличающийся верхом бестактности их профессиональный диалог. Причем я сразу понял, что это они так специаль но на нас с Димкой, как это формулируется на жаргоне, «жути нагоняют». Но, все одно, было страшно!

– А если не выдержат и…

– Так им, стало быть, и надо!

– А если одумаются и заговорят?

– Вот тогда и отменим. Мы же не изверги, в конце-то концов, какие…

Стоит ли упоминать, что наше с «Бешеным псом» состояние, после того, как они удалились, с уверенно-оптимистичного молни-

носно трансформировалось в резко упадническое, так как мы оба с ним до смерти боялись уковов и уже заранее машинально прикрывали себе ягодицы руками, чуть ли не в слезах шепча друг другу ставшее уже привычным в наших долгих скитаниях умоляющее «мама!!!»

А я так даже и штаны, кем-то из сотрудников отделения подобранные с пола в коридоре и, без уведомления, положенные на открытое дверное окошко, со страху обратно на себя надел – будто мне это и в самом деле могло бы хоть чем-то помочь в дальнейшем!

– А говорили, на экспертизе не колют.

– Как же... Сам же слышал.

И каким же надо быть законченным садомазохистом, чтобы все это еще и досконально описывать. Я лично упраздняюсь. И с тем, что там понаплел про все это в следующей главе своей высокопарной поэмки этот известный литературный негр Сергей Минин, принципиально знакомиться не буду. Никаких нервов не хватит – чтобы по новой, да добровольно, пережить такое... Нет уж, увольте! Если только из чувства солидарности с тобою, книго люб? Тогда другое дело. Только при этом следует сразу договориться – чур, без всяких там сладострастных смакований, а читаем сразу – запоем!

Глава 2. Циклический сон

Нам было больно и смешно. Это был своеобразный контрастный душ из ощущений и эмоций, который мы с «Бешеным псом» не имели даже возможности прокомментировать в свойственной всякому русскому человеку матерной манере, пока доведшая нас до такого психопатического состояния преклонных лет медсестра не покинула палату с двумя опорожненными шприцами в руках, содержимое которых при резком попадании в ягодичную мякоть так безжалостно парализовало добрую половину наших доходяжных арестантских туловищ. Так что если мы и двигались какое-то время еще, то это была лишь инерция, какая, должно быть, бывает у курицы, когда ей отрубят голову и не удержат в руках, или же насмерть переломанная она выскочит из-под сбившего ее автомобиля.

И только мы остались вдвоем, и, будто не доверяя друг другу, поочередно выглянув в неизменно распахнутую, в отличие от тюрьмы, дверную лунку, убедились в том, что нас никто не подслушивает – разыгралась такая «буря в стакане», которую надо бы для точности отображения фиксировать на специальном сейсмическом оборудовании, а в скромном прозаическом монологе, будь ты хоть семи пядей во лбу и трижды гений, твою мать, ну ни за что не передать. Совместно – это еще другое дело. Допустим, так:

а) перво-наперво, диаграмма:

б) а потом уже подтверждение текстом:

– Суууукааа! Змей очковая! Спецом со всей дури ввела! – как подкошенный рухнув на койку, завыл, хватаясь рукой за задницу, «Бешеный пес».

Сам едва снося причиненное мне страдание, я все же, как мог (только не подумайте, что я себя хвалю), пытался перевести разговор на другую тему, чтобы хоть как-то отвлечься и перестать терзать свои и чужие нервы. Правда, успехом это не увенчалось. Складывалось впечатление, что мой порядком деморализованный товарищ меня совсем не слышит. Мы были с ним как два пораженных глухотой певца, по стечению обстоятельств очутившиеся на одной сцене и, вместо того, чтобы петь дуэтом, исполнявшие разный репертуар. Интуитивно догадавшись об этом, я бросил это пустое занятие, а он, очевидно, так и не поняв, в чем дело, упорно продолжал, таким образом, эмоционально разгружаться. Я ни разу в жизни не видел ужаленного осой и орущего в степи ишака, но умозрительно очень хорошо его себе представляю. Это даже не ассоциативный пласт. И не жалкая пародия. Это точная копия моего однопалатника в момент затянувшейся истерики – и-а, да и-а. Попробуй-ка, выдержи такое. «Нет, так он, пожалуй, никогда не замолчит», – сделал заключение я и начал сознательно перебивать его по новой.

– Видишь, как нам повезло с фамилиями: – у тебя – Молчун, а у меня – Ветров. Даже медсестра обратила на это внимание. Глядишь, так нас невменяемыми и признают. Оба, мол, без царя в голове! Зато у моей судьи, прикинь, фамилия – Плевко, а у прокурора – Тупиков, и это вряд ли сулит мне, как, впрочем, и всем остальным проходящим по одному со мною уголовному делу подсудимым, что-либо хорошее. Думаю, что фамилии людям просто так не даются, и за каждой из них кроется емкая характеристика целого рода. Ничего смешного, между прочим. Не знаю, с чего это ты разугорался-то так? Истерика что ли у тебя? – возмутился через какое-то время.

– Моя жена тоже очки носила. Так я после этого всех баб в очках ненавижу. Один в один, такая же стерва, как та медсестра, что укол нам сейчас сделала. Я теперь таких за версту вижу. О, меня уже в жар бросило. И боль не отпускает никак. А-а-а, – так и не прекращая разговаривать сам с собою, какпущенный волчок, изъерзая всю кровать, не находил он себе места.

И это при том, что симптомы у нас, похоже, были одинаковые: я и сам почувствовал, что на лбу у меня выступает пот, а онемевшая после перенесенного укола правая нога до сих пор не хотела слушаться. И чтобы немного размять ее, пересиливая себя, я продолжал ковылять из стороны в сторону по палате, молчком оглядывая ее крайне запущенный и странный вид, будто до этого скрытый от моего придирчивого взора каким-то невидимым пологом и только впервые открывшийся. И если облупившаяся на стенах штукатурка говорила о давно не деланном ремонте, то, при слабом освещении, терявшийся приблизительно на шестиметровой высоте потолок порядком озадачивал меня своей нежилой пещерной несуразностью. Поэтому, даже не рассчитывая на то, что, замкнувшись на своих, спровоцированных физической болью, душевных переживаниях Димка мне ответит, я все же спросил его об этом, проявив тем самым, собственно, нормальное здоровое любопытство для любого, попавшего в непривычную обстановку, новичка. Ведь он, теперь уже старожил отделения, недели на две раньше меня переведенный из тюрьмы, вполне возможно, поинтересовался у бывших наследников, что это, дескать, за такие архитектурные чудеса – приезжие-то ладно, но вот местные, наверняка ведь, должны были бы знать это?

И я, стоит сказать, не ошибся: мой заметно успокоившийся к тому часу союзник по симуляции охотно пояснил мне, что до революции в этом пристрое располагалась царская конюшня. Ну не совсем царская, конечно, а, мол, относящаяся к прежде занимавшему это здание какому-то серьезному госучреждению. Какому, он точно пояснить не возьмется, ибо этого не мог уточнить и посвящавший его во все эти тонкости казанец, то есть такой же, как и мы с «Бешеным псом» обследуемый, где-то примерно за

день до моего появления выписанный отсюда, и за свои слова ручавшийся головой. Как и за то, что впоследствии все это экспроприированное большевиками хозяйство было отдано под республиканскую психиатрическую клинику.

Звучало, конечно, убедительно. Я бы даже сказал, зrimo. И как ему тут было не поверить.

Живо представлялось и то, как новые власти, в конце концов отказалось от гужевого транспорта и пересев на автомобили, но так и не найдя этому своеобразному помещению лучшего применения, отдали его под экспертизу, администрация которой даже не сочла нужным заниматься перепланировкой помещений, поселив в каждом бывшем стойле свой подопытный контингент, прировняв таким образом жилые нужды одной лошади к пяти человеческим. Видимо, в расчете на объем тела, а иначе как?

— Ты что, так и не будешь заправлять кровать? Для чего тогда постельное белье-то получал? Когда еще поспишь на таком — тут тебе и пододеяльник, и наволочка с простынью. Пусть не новые и местами штопаные, зато по-домашнему отбеленные и выглаженные. Не чета тем, серым и тонким, как марля, тюремным покрывалам, — увалившись на голый и далеко не новый матрац, начал похлеще любого самого опытного рекламного агента обрабатывать он меня.

От скуки, что ли? И будто ему и вправду до того, на чем я сплю, было какое-то дело и касалось его самого. «Тоже мне, родственничек нашелся... распереживался», — ухмыльнулся на это я, а вслух ему саркастически выдал:

— А где ты видел, чтобы дураки сами постель себе заправляли?

— Точно! Об этом я как-то не подумал.

— Зато я подумал: не на администрацию ли ты, случаем, шпишишь, дружок? Ну, это я так... шучу. Не обижайся. Бомжевать, так уж бомжевать. Я уж лучше так полежу, как-никак, не на курорте.

— Полижешь? — видимо, задетый за живое моей колкостью, принялся он язвить, цепляясь за слова. — Ты уж, брат, до таких-то крайностей не доходи. А обижаются сам знаешь кто...

— Тупо. Так и малолетки по превраткам не острят уже давно, между прочим, — не смолчал я в свою очередь.

— Ну уж как могу. Так что не обессудь. Был бы умный да везучий или, помнишь, как с горькой иронией подчеркивает Юрий Корнелюк в одной своей стародавней песне, знал бы прикуп — жил бы в Сочи, вместе с Олей — дамой «Треф», — а то вот теперь с тобой тут, за компанию, «дуру гоню».

Вроде бы я тоже что-то хотел ему на это сказать, но язык у меня предательски одеревенел, и все разом поплыло перед глазами. После чего я вообще на какое-то время отключился, что зависший компьютер, и лишь ненадолго, когда нам подали «на кор-

мушку» полдник, если следовать этому образу, перезагрузился, видимо, отреагировав на призывные выкрики пытающейся разбудить нас с Димкой санитарки. Но, будучи не в силах подняться, чтобы забрать его, либо же отказаться как-нибудь от столь любезного предложения, я, подобно так и не пришедшему в себя моему остряку-однопалатнику, удалился в область полнейшей недосягаемости. Будто умер, ибо это был даже не сон, а нечто более всеобъемлющее и страшное, как для всякого то ли человека, то ли компьютера, DDoS-атака. Даже никакого света, как это любят рассказывать люди, пережившие клиническую смерть, в конце туннеля не было видно. Просто кромешная тьма, непроглядная ночь, бездна, черная всепоглощающая и невидимая дыра, в которую я был затянут мелкой песчинкой из Вселенной.

А на ужин все повторилось.

И хоть рука моя, изогнувшись в локтевом суставе, все-таки поднялась было на полметра над так называемым «мертвяком», чтобы дать отмашку принесшим его белым халатам, но тут же рухнула, как подстреленная на взлете птица, ничего путного не изобразив.

А вот Димка, в отличие от меня, и на этот раз не нашел в себе сил даже пошевелиться на их приглашение. Я это перед тем, как опять закрыть глаза, успел заметить. Надеюсь, что он переносил укол легче, чем я. Меня же вдруг начало жутко ломать и выворачивать наизнанку из собственного тела, ну, точно в момент приступа тропической лихорадки, какие, должно быть, испытывал во имя торжества науки Миклухо-Маклай, проживая в дикой ново-гвинейской деревне. Попавшее в кровь лекарство постепенно как бы превратило меня из волевой личности (пусть и только что вернувшейся из запредельных, межгалактических странствий) в половую тряпку, которую старательная уборщица то и дело выжимает и смачивает, после чего надевает на швабру и напористо трет ей по полу, не пропуская ни одной самой отдаленной соринки. Сознание мое, в то же время, вытворяло буквально чудеса, и то оно удивительным образом прояснялось так, что я как бы даже независимо от своей плоти мог воспринимать окружающий мир в полной гамме чувств и спектральном объеме, а вернее, осязать, обонять, слышать и осмысливать получаемую информацию, а то я вдруг впадал в затяжную безвременную прострацию, точно проваливался в тартарары, при этом изредка, правда, все же видя яркие цветные изображения, которые, впрочем, сразу же и забывал, не составив себе о них хоть какого-нибудь более-менее четкого представления. Что меня, кстати сказать, нескованно расстраивало, ибо я все силился и силился уловить в виртуальном далеком космосе ту тонкую, неизменно ускользающую из рук нить, ухватившись за которую я мог бы вновь вернуться протяженными невесомыми тропами в уже некогда фиксированные мозгом фантастические и, однако же, та-

кие реальные многомерные пределы. Я блуждал в бесконечном пространстве среди тысяч объединенных в галактику светил и туманностей, как только нарождающихся, так и пожирающих друг друга, и несмотря на все прилагаемые мною усилия, не мог надолго сохранить их в своей ничтожной по объему «гомосапиенской» памяти. И лишь один из этих неотвязных, насыщенных красками снов, как бы выдавив остальные, отчетливо отложился в ней, как какой-то символический, многократно прокручиваемый образ. Быть может потому, что, в отличие от других, космических, он был более прагматичен и реален; говоря по-другому, на все сто наш – земной. Хоть и по содержанию – сущий кошмар. Я раз двести выскакивал из парящего птицей над облаками самолета, стремительно приближаясь к распостертой подо мной панораме, с отчетливо различимыми, как на макете, крохотными пашнями, лесами и строениями, дергал за кольцо висящего у меня за спиной парашюта, который к моему вящему ужасу всякий раз оказывался тем самым пресловутым рюкзаком, набитым деньгами, о котором мы уже как-то упоминали в начале книги и который мне был так необходим для безоговорочного решения всех следственных и судебных проблем, но у меня его, как назло, не было. А тут он вдруг взял и появился вместо спасительного воздушного купола, взлетая вихрем миллионных купор над моей головой. «Ма-ма!» – традиционно орал я от страха на очередном витке, безуспешно пытаясь ухватиться за недосгаемое пальцам самолетное чрево.

Неизвестно, сколько бы это еще продолжалось, но утром пришедшая с уборщицей, взявшейся протереть полы, медсестра, – быть может, очень даже своевременно, за секунду до разрыва сердца, – принялась будить меня на обязательные для всех обследуемых медицинские процедуры, начинаяющиеся со сдачи анализов, как-то: крови, мочи, кала и т.д. и т.п., на которые я хоть и не отказывался идти, но как ни пытался, так и не нашел в себе мышечной энергии подняться с кровати. Я был весь гуттаперчевый, как не подключенный к системе пожарный шланг, который, конечно, можно было тянуть за собой хоть куда, но результат от этого был бы нулевой. Очевидно, поняв это, она от меня отстала, дав возможность окончательно прийти в себя. И если я видел затем какой-нибудь сон, то уж не помню его. Да и проснулся с тяжелой, плохо соображающей головой. Естественно, как и в прошлые разы, не сам, а из-за установленных здесь, как и во всяком режимном учреждении, строгих армейских порядков, так необходимых администрации, регулярно проводящей то одно, то другое мероприятие. В данном случае, это был очередной прием пищи. Разбудили, так разбудили, и, в общем-то, правильно сделали (нечего, мол, расслабляться – не дома). Не пожалев при этом и моего единственного сокамерника-однопалатника Димку, по прозвищу «Бешеный пес», который, если и был в действительности таковым, то, видимо, до подобного неуправляе-

мого состояния, заложенного в вышеуказанной характеристике, его еще следовало довести. А вот что касается свойственного всем без исключения породам собак прекрасного обоняния – этого у него было не отнять и, как только у него появились силы подняться на ноги, условно лапы, оно его как бы само собою, что лунатика с закрытыми глазами, и повело к учゅянной цели. Ибо с этим в местах лишения свободы, каковым, безусловно, являлось и восемнадцатое отделение казанской психиатрической клиники, шутить ни в коем случае нельзя. И вскоре вы узнаете, почему.

Глава 3. Любовь с первого взгляда

«Война войной, а обед по расписанию», – так, кажется, говорят бывалые вояки. И, надо заметить, вовсе даже не ошибаются, делая акцент на этом немаловажном мероприятии. Линия фронта – тюрьма и психбольница – это вам не дом родной, где можно в любой момент заглянуть в периодически пополняемый продуктами питания холодильник и выискать себе там что-нибудь вкусненькое для восстановления утраченных в процессе ежедневной, как умственной, так и физической деятельности необходимых пищевых килокалорий.

В подобных местах с этим не шутят. Тут либо ты ешь то, что подают строго по расписанию и хоть как-то поддерживаешь в себе слабо теплящуюся жизненную энергию, либо методично подыхаешь от неизбежного истощения. И тогда тебе уж точно не до боев будет. Воевать станут с тобой. Да еще похлеще, чем на бранном поле. На то она и пенитенциарная система, а с нею и психиатрическая. Вначале тебя пристегнут наручниками, парализуя всякое сопротивление, к спальному месту, а затем, запихнут в рот, пропустив через горталь, шланг и залют через него в желудок какой-нибудь распространяющей на всю камеру-палату запах застоявшихся помоев, и едва ли настолько уж питательной жижи.

Потому как куриного бульона от них, конечно же, не дождешься!

К бабке не ходи, они лучше сами его слопают. А вот навар из мясных субпродуктов будет, как минимум, обеспечен. В этом можно даже не сомневаться, ибо данную процедуру предусматривает закон, а с ним люди при должностях и погонах, если это касается какого-либо грубого подавления личности, никогда не вступят в противоречие.

В этом можно даже не сомневаться.

Этого, безусловно, у них не отнять. Вот если, допустим, нужно будет облегчить страдания подвергаемого насилию человека, тогда они еще, возможно, и закочевряжатся, заявив, что это, мол, не в их власти и т.д. и т.п., а тут без малейшего промедления выполнят все на должном уровне, да еще и от себя наверняка какую-нибудь паскудную лепту внесут – что-нибудь вгорячах отдавят или сломают своей «жертве». А то и просто для удовольствия это сделают, раз уж право на определенный элемент садизма по отношению к мирным гражданам дает им сама избранная ими профессия. А безнаказанность его только разовьет и умножит. Ведь пока у такого стражи порядка «башню окончательно не снесет», его ж никто не остановит. Вот когда он убьет кого-нибудь, да не вооруженного, да из табельного оружия, да не одного – тогда уж...

В точности как в рассказе приводимого по памяти классика: «...но иногда мне становится за кого-то страшно – уж очень он скучаст!»

Ну, как вам наше с «Бешеным писом» положение? Незавидное, правда: еду-то нам подавали медики, а вот крутили бы нас, в случае отказа от нее, по их указке, работающие с ними в паре и круглосуточно надзирающие за нами менты. Хотя, впрочем, рядить нам с ними на тот момент было нечего, ибо без объявления голодовки, как меры протеста при российском правовом произволе, все остальное совершенно бесполезно (один черт, не добьешься своего). Мы и так уже достаточно «подсушились» за время ареста, да еще и со вчерашнего дня, изъясняясь по-простому, ничего не жрамши. А потому кое-как перебарывая плохое самочувствие, вызванное перенесенным психотропным уколом, решили подчистую рас-

правиться со всем, что бы нам там не подали через «кормушку», не берусь уж точно сказать по беспамятству – на завтрак, обед, полдник или ужин. Хотя, судя по меню, все же завтрак. Который, по тюремным представлениям, надо сказать, был очень даже роскошный. А именно: тоненький, как бумага и вдобавок наполовину поделенный (с кем-нибудь из сотрудников администрации, разумеется) кусочек вареной колбасы, почти прозрачный ломтик хлеба, ложка размазанной по дну алюминиевой миски манной каши и чуть подкрашенный заваркой чайный напиток в одноразовом пластиковом стаканчике, едва ли выбрасываемом там после употребления. Не удивлюсь, если выяснится, что до этого не купленный даже, а, дабы не тратиться на посуду, взятый со стола за посетителями в близлежащих шашлычных или летних кафе. Почему я так решил? Посудите сами: ведь порядочные люди – они же, как я понимаю, красть ни у кого и ничего не будут, а если уж кто позволяет себе вышеупомянутое расплодовинивание фактически больничной пайки, то и до следующей низости ему, стало быть, один шаг. Это ж аксиома, которую ни доказывать не нужно, ни проверять. Достаточно было посмотреть на наш аскетический завтрак, чтобы прийти к соответствующим выводам. Однако, после сызранской кислой капусты и сваренной на воде, без добавления хотя бы ложки масла казанской карантинной сечки, жаловаться было грех. Пусть даже это и было, с их стороны, самое очевидное скотство. Таким образом, слегка «заморив червячка» и выставив до блеска отполированную хлебной корочкой посуду обратно на «дверной разнос», мы снова увалились спать на жесткие, с вваренным железным листом вместо панцирной сетки кровати, все еще чувствуя себя, вследствие перенесенной экзекуции, несколько вяло.

Эх, не закололи бы нас так совсем тут, вот оно что! – невидимый сверчок тренькнул возле моего уха.

При таком раскладе волей-неволей начнешь бояться появления белых халатов, которые у меня лично, после устроенной ими против нас с Димкой недавней сульфаминовой агрессии, язык уже не поворачивался врачами назвать. Как-то по-другому – пожалуйста. И то, исключительно в их отсутствие. При них же я, отрабатывая симулятивный диагноз, автоматически умолкал. Скоро испуганно вздрагивать начну, наверное. И как тут было не расшалиться нервам, когда, расстроив все мои планы на очередное погружение в полеты во сне и наяву, за мною вскоре пришли, – заранее извиняясь за несколько притянутое средневековое обозначение, – вассалы сюзеренов, чтобы еще раз за одни сутки попытаться ответить на, по всей видимости, бесчисленные медицинские процедуры. Во пилият госбюджет-то, а!

– Живой? Ну, пошли...

Это была прехорошенькая молоденькая медсестра и приставленные к ней два прыщавых милиционера. К тому же, басурмани-

на. Давно уже ничто не производило на меня такого сильного впечатления. То была игра противопоставлений. Белого и черного, солнца и непроглядной тьмы. И ничего удивительного, что я тотчас же в медсестру влюбился. Я даже кровь из вены на сей раз сдавал, не морщась и повернувшись к ней в пол-туловища, потому как, оставив «горилл», – это уже по Чайзу, – в коридоре, она вошла в светлый врачебный кабинет следом за мной и замерла несколько в отдалении, в непринужденном обворожительном ожидании. У театральных деятелей, насколько мне известно, это обозначается как эффект появления. Это когда один ничем не примечательный внешне актер вдруг неожиданно начинает как бы вытеснять со сцены всю остальную присутствующую там труппу. Причем, ничего особенного для этого не делая: не надрывая глотки, не корча гримас, не падая замертво и до седьмого пота не выплясывая. Тем не менее, привлекая к себе всеобщее внимание. Так же и она одним излучением своей таинственной ауры очаровала и загипнотизировала меня всесело. Я с удовольствием разглядывал ее грациозно, как у балерины перед танцем, отклоненную в сторону головку, восхитительным образом держащуюся на тонкой прозрачной шейке, волшебно выставленную вперед и чуть в сторону правую ножку с элегантно приподнятой ступнею и непропорционально удлиненную и невероятно легкую, как лебединое крыло, тонкую белую ручку. Горбун Квазимодо, должно быть, чувствовал то же самое, находясь рядом со своей Эсмеральдой. Это был божественный трепет перед существом высшего, сверхъестественного порядка. Розовой гламурной дымкой, к которой не то что прикоснуться, боишься лишний раз возле нее вдохнуть и выдохнуть, чтобы, случайно колыхнув, бесследно не развеять.

Признаться, я даже и не думал, что в мои неполные сорок лет меня захватит такое возвышенное чувство. Одно дело – мимолетное любование из окна сызранской тюрьмы за наливающейся соком, как яблочко «белый налив», малолеткой Олеськой, а другое – зреющее упоение этой самодостаточной, выдержанной, как дорогое вино, девушкой-женщиной. Подумать только: а я уже полагал, что все мои тайны, связанные с томительной половой романтикой, давно уже позади, и если что-то и будет когда-нибудь в недосягаемом будущем происходить между мною и понравившейся мне гризеткой, то это, при всем желании, уже не выйдет за рамки определенного возрастного схематизма. Получается, что нет – я был способен еще и на возвышенное чувство, – торжествовал я внутренне, когда меня, с завернутым рукавом рубахи и прикрываемой ватой ранкой, отводили назад в бетонный мешок, бывший некогда лошадиным стойлом. И, о, предательница-судьба, в этот немаловажный момент моей жизни, когда мне больше всего на свете хотелось бы выглядеть более-менее прилично, я совсем забыл о том, что у меня на штанах и ширинке не хватало самых обыкновенных пуговиц, и

они предательски спадали на ходу, оставленные без поддержки. Руки-то у меня тогда, как-никак, были выведены из строя: одна истыкана иголкой и кровоточила, а другая сдерживала эту самую кровь не защищенной от сил тяготения ватой. А заполнившая сознание, нахлынувшая страсть не давала мне уследить за всем происходящим. В результате чего, запутавшись в соскользнувших с меня атрибутах одежды, я на почти максимальной для пешего человека скорости грохнулся плашмя на пол, чуть не убившись при этом. Пол-то был плиточный, а это ж все равно, что каменный. И чудом не выматерился, скрежеща от боли зубами и просверкав при моей ненаглядной избраннице оголенной задницей. Ведь трусы-то мои собственные, «вольные», еще раз это для ясности подчеркну, по престранным больничным порядкам у меня изъяли, сдав на хранение, вместе с остальными вещами, в каптерку, а «хозяйские» взамен не выдали, подложив мне этим порядочную свинью. Такого позора я еще никогда не испытывал в своей жизни. В итоге брюхо у меня было отбито, локоть подран, а морально я был полностью уничтожен. Я даже не представлял, как мне теперь жить дальше! «Сволочи! – сгоряча подумал я тогда, недовольно озираясь с положения лежа. – Так и привыают мне склонность к суициду». Вдобавок ко всему, басурмане в замызганной, как обноски бомжа, форме, не имеющие, видимо, ни малейшего представления о культуре поведения, в открытую принялись надо мною смеяться. И ладно бы еще так, а то ведь как призраки обитавших там ранее коней, натурально ржали. И никакого участия, разумеется, не проявили. Руку бы хотя бы из вежливости подали, что ли... Зато моя – пусть и в одностороннем порядке пока что – любимая сразу же пришла мне на помощь. Строго взглянув на хамоватых милиционеров, она помогла мне подняться, спросила о том, не ушибся ли я, и в довершение пошла и поменяла у сестры-хозяйки имеющие «дефект» штаны на новые. После чего вежливо отвернулась, пока я приводил себя в подобающий вид, и внимательно проследила, чтобы я затем дошел до палаты без происшествий.

Я был счастлив.

Причем безгранично.

Только вот поделиться мне, как человеку общительному, своими впечатлениями от обретенного любовного увлечения, к сожалению, было не с кем, так как «Бешеный пес» к тому времени все еще не пришел в себя, продолжая, что наркоман под таблетками снотворного, «отвисать» под внутримышечным лекарством.

– А ты тут моего дружка Серегу «Платона», о котором мы с тобою вспоминали как-то раньше, слушаем не встречал? – спросил я его первым делом, как он только проснулся.

– Перед тобой увезли, – нехотя прогнусавил он, позевывая и щурясь, как китаец, отекшими со сна веками. – В третьей камере один сидел. Каждый день там лампочку бил тапочком так, что

менты замучились со стремянкой бегать – начальство велит, надо вкручивать!

– А разговаривал? В смысле, с сотрудниками.

– Разговаривал.

– Эх, ну что же он! – сразу расстроился я, услышав от Димки Молчуна такую неутешительную новость. – Теперь его точно вменяемым признают. Пару недель не смог продержаться! Жаль, конечно.

– Время покажет.

– А «Лелик» тут? – не отставал я с выяснениями.

– Тут. Сейчас «нарисуется». Здесь в полдень, палата за палатой, всех поочередно, на время шмона и мытья полов, в коридор выводят. По любому с ним не разминетесь – непременно в наш глазок заглянет. Он в первой хате со своими сидит. Во второй – красные. В остальных четырех – мужики. Правда, там, на той стороне, за кабинетами врачей, еще две камеры есть, но с ними мы редко сообщаемся – если только за чем-нибудь на их половину ходим. Ну, ты же получал там матрац – сам видел. Так вот, в них, в основном, баб держат. Короче, сам скоро во всем разберешься.

– Что-то меня с этих уковолов слегка потряхивает.

– Меня тоже. Это, по ходу, «отходняк» с них такой: по первой скручивает, а потом колотит. Ладно, давай поменьше болтать, а то я тебе говорил уже, что нас могут подслушивать. Лучше вечером – медперсонал немного «рассосется», все понадежнее будет.

Я, конечно же, с ним согласился.

А спустя час-другой сбылись Димкины предсказания, и по всей стороне продола сотрудники отделения начали закрывать на камерах дверные окошки; нетрудно было и без Димкиной подсказки догадаться – администрация предупреждала возможное общение между обследуемыми в момент плановой уборки и обыска, когда одни еще находятся взаперти, а другие вышли наружу.

– Диман, Диман, как ты там? – вскоре услышал я писклявый голосок «Лелика», доносившийся снаружи из щелей в неплотно подогнанном и временно прикрытом дверном квадрате. – А «Ветра» не к тебе посадили? Я видел, как его вчера привели… А вот и ты! Здорово! – догадался он отодвинуть с глазка прикрывавшую его резинку.

– Ну что ты разорался-то? Видишь, мы с ним тут под глухонемых косим, – сердито пояснил я ему, в считанные секунды вылезши из-под одеяла и вплотную подойдя к отделяющему нас друг от друга типичному тюремному изобретению, по ассоциативному признаку обычно ласково именуемому так называемым «пепсильтяным» поколением арестантов «роботом», к которому, соответственно, относился и разговаривавший со мною Коля, по задиристости характера порой не уступавший знаменитому литературному Гаврошу (видно, не зря говорят, что наглее колымского пидора никого нет – ну, это я так, к слову).

— Косите? Ну, косите-косите... просто я, пока из «конторы» нет никого рядом, хотел немного поболтать с вами. Ну вот, уже идут... Короче, я отваливаю... давайте, крепитесь там...

— Спасибо. И тебе того же... — чуть слышно ответил я ему, в свою очередь, покидая нашу нелегальную связную точку, чтобы от нечего делать, еще немного, за компанию с Димкой поваляться на в ряд расположенныхх и через одну пустующую кроватях, равноудаленныхх от входа, и упертых спинками во внешнюю глухую стену, пребывая в ожидании, что вот-вот и нас на время этого ответственного мероприятия попросят покинуть помещение. Мы для порядка поупираемся, делая вид, что не понимаем, что от нас хотят, ибо, по нашим представлениям, так полагается вести себя вызвавшимся играть эту идиотскую роль симулянтам. Администрация все одно настоит на своем и, если не по-хорошему, то с применением силы вынуждает нас оттуда, чтобы мы не мешались.

Это в тюрьме или лагере, при осуществлении досмотра спального места заключенного, чтобы не было потом ненужных разговоров о том, что, якобы, пропали его личные вещи, зачастую данная процедура проводится в его присутствии. Здесь же, где у нас все было временно изъято и не было в наличии даже собственного «махрового» полотенца, а только казенное, вафельное, — у сотрудников отделения на этот счет имеется, по-зоновски выражаясь, своя «постанова», — как какой-нибудь завзятый шахматист прокомментировал я мысленно предстоящую партию вперед, предвидя где-нибудь на втором ходе встречу с моей ненаглядной. И, разумеется, когда дело дошло до воплощения в реальность проигранной в голове комбинации, я, повторив ошибку многих и многих маститых гроссмейстеров, забыв о намеченном порядке передвижения фигур, сразу начал со второго хода, резвым ферзем устремившись по свободным клеткам пола в коридор, на предполагаемое свидание.

— Ба! Чуть не сшиб. Ветров у тебя что... понос? — в испуге отшатнулись от меня входившие в открывшуюся в палату дверь две пожилые санитарки. — Как же, скажет он тебе... он же у нас немой.

Только мне было не до них! И ожидания мои, к счастью, оправдались — вот она, моя сказочная царевна, вот она моя несравненная медицинская фея! Но подходить к ней вот так сразу было бы, по меньшей мере, неприлично, и потому я вначале, сбавив шаг, описал полукруг, скользя затрапезными, выданными мне дерматиновыми тапочками по свеженамытому кафелю пола, постепенно привыкая после нашего пещерного полумрака к яркому свету развесанных по стенам люминесцентных ламп, а затем, как опытный охотник, Дон Жуан, сокращая дистанцию, забрел в уже знакомую мне по утреннему выводу на процедуры умывальную комнату, где с удовольствием пополоскался, омывая над раковиной лицо и руки в горячей воде, но, так и не решившись еще приблизиться к ней, стоявшей, наблюдая за происходящим, у перекошенного стола, чуть

в стороне, в двух метрах от меня. Зашел в туалет, потом опять в граничившую с ним «умывалку», и только после, набравшись мужества, принялся обхаживать понравившуюся мне медсестру, пользуясь тем, что, дескать, я дурак и мне все позволено. А точнее, так сказать, бросив якорь поблизости от нее, начал разглядывать ее с откровенно ласковым прищуром. В конце концов, она не выдергала и поинтересовалась у меня недоуменно: «Что вам нужно?»

Ах, если бы я мог ей сказать об этом вслух, как это делают все нормальные люди! Я бы непременно так и поступил, но ведь, согласно ранее разработанному плану, изображал из себя не просто полоумного, при этом, еще и безмоловствующего. Поэтому на первоначальном этапе нашего знакомства я вынужден был ограничиваться одними лишь призывными взглядами, не подкрепленными необходимыми разъяснениями. Может быть, когда-нибудь, в дальнейшем... А пока я просто ее обхаживал, теперь уже, вместе шокирующего щуренья, грациозно пучеглазясь, как аквариумная рыбка-телескоп возле своей телескопихи и, соответственно, торопясь не упустить эту редкую возможность перед тем, как нас опять заведут и запрут на замок в отведенном нам на время экспертизы бетонном склепе. Это и было нашей короткой ежедневной прогулкой, взамен «положняковой» часовой на свежем воздухе. В тюрьме – на загаженном трехметровом дворике, а здесь – по обработанному хлоркой, с заложенными стеклянными блоками и укрепленными в три ряда стальными прутьями окнами, продолу. Гуляй – не хочу, пока тебя туберкулез не слопал.

Но тогда, чтобы, как здесь изъясняются, «не загнаться», я старался не думать об этом. Я всецело был занят мечтами о молоденькой медсестре, столь неожиданным образом сразившей мое сердце. Чем вот только? Казалось бы, внешне она была вполне обыкновенная, без яркой, бросающейся в глаза красоты и даже несколько простоватая в поведении, но, однако же, однако...

– Ты случайно не знаешь, как эту душку-медсестру звать? – с деланным безразличием полюбопытствовал я у своего соседа по палате после того, как вернулись в нее с randevu-шмона.

– Наташка. Вроде, так ее менты величают. Что, понравилась? да? – догадался он сразу. – Так она же, по-моему, мордовка... Ты разве сам не учゅял, как от нее вместо духов чесноком разит за версту...

– Да пошел ты...

– А еще говорят, что у них, у мордовок, интимная щелка не как у всех баб, вдоль ляжек располагается, а поперек... а в момент секса как центрифуга крутится, что аж от кайфа взлетаешь! И тут главное не попасть в зону турбулентности – убъешься нахрен! – явно издевался он надо мною. – Не знаю, как ты, но я на трезвую голову едва ли решусь на подобный подвиг, а вот по-пьяни, кто знает, может и... Так что зарекаться лучше не буду!

— В ближайшие лет десять — вряд ли. А потом, скорее всего, тебе это уже и не под силу станет!

— Ты что, меня спецом из себя вывести хочешь? — как черт из табакерки, выпрыгнул он из-под одеяла.

— А ты меня? — с видимым равнодушием переспросил я, не меняя положения и все так же лежа на заботливо заправленной мне санитарками, пока нас не было в палате, постели.

— Ладно, давай не будем об этом.

— Давай. Я, может, вторился по-настоящему первый раз в жизни, а ты хамить мне начал.

— Вот те на! Так я ж тебя просто не понял. Не прогони уж, приятель, — помирились мы с ним тотчас.

Воцарилось благоденствие. Правда, ненадолго. Ибо, если мы сами не трепали друг другу нервы, то внешние силы определенно не упускали такого случая. Так, ближе к вечеру, сразу по окончании полдника, нас опять потревожили сотрудники администрации. Моей симпатии, стоит оговориться, среди них не было, а то бы я, глядишь, был бы только рад такому беспокойству, подспудно готовый стерпеть от дорогого мне человека все что угодно.

Но к моему, быть может, плохо скрываемому огорчению это была какая-то новая, неизвестная мне, чернокудрая, волоокая и полногрудая медсестра, по всему, как и охранявшие ее милиционеры, татарка. Откуда их там столько? В смысле, сотрудников. Раздуют же штат на пустом месте.

— Молчун и Ветров, подставляйте задницы — будем делать уколы.

— Накось, выкуси, — ясное дело, не произнося этого, показали мы ей по кукишу и категорично отказались, спрятавшись под одеялами.

Однако этим не закончилось. «Тройка», назовем ее так, на какое-то время, конечно, удалилась, но затем, видимо, получив на этот счет распоряжение от заведующей, вскоре вернулась и без лишних разговоров, взявшись под руки, выволокла «Бешеного пса» в коридор и уложила там, у стены, на незанятую кровать с незастеленным простынью матрацем, зафиксировав его кисти наручниками к имевшимся по бокам каркаса специальным прорезям. То есть, положив на растяжку. Причем медсестра активно помогала милиционерам в этом. Я думал, сделают ему вдобавок еще и укол, как раньше, но нет, не стали. А со мной пообещали поступить точно так же завтра. Незавидная перспектива, конечно. Хоть и ничего страшного в этом, безусловно, не было — неприятно просто. Со скотиной и то иной хозяин не станет так обращаться. А вот между людьми, оказывается, пожалуйста!

И тут я почувствовал, что оптимизма у меня, с приближением часа предстоящей экзекуции, заметно поубавилось. Пусть я и не собирался сдаваться, как человек сильный, да к тому же, воспитан-

ный в лучших традициях современной поп-культуры. Помните, как в фильме «Брат» группой «Сплин» поется: «...гни свою линию!» – вот так же.

Почти целые сутки я оставался сидеть один в жутко неуютной и холодной палате, время от времени подходя к открытому дверному окошку; и наблюдал за своим терпящим муки товарищем, невольно проникаясь к нему уважением.

– Терпи, братан, мы еще им покажем, – подбадривал я его украдкой, когда был уверен, что нас никто не слышит. На что он отвечал мне многозначительной ироничной ухмылкой и не менее характерным подмаргиванием – знай, мол, наших!

И мы им устроили.

На другой же день, надолго не откладывая, когда заступила на работу новая смена врачебного и надзирающего персонала экспертизы, горемыку Димку Молчуна решено было снять с «прокрустова» ложа и отпустить назад в палату, со словами: «А Ветрову передай (соответственно, произнесенными так, чтобы я слышал), пусть готовится занять твоё место», – правда, отчего-то так и не приведенными в исполнение, но, вместе с тем, воспринятыми мною как реальная угроза.

Приходилось готовиться к отражению, опять же, коллективно.

А какой лучший способ защиты?

Правильно – нападение!

Поэтому, преисполненные благородного негодования, мы с моим, теперь уже без преувеличения можно сказать, соратником по борьбе «Бешеным псом», к приближению ночи изрисовали все стены бывшего конского стойла зубной пастой так, что сотрудники отделения, войдя на следующее утро для уборки, застыли в ужасе.

И действительно, здорово получилось! Ну, точно на детских картинках, где древние ящеры почти натурально и до самых ушей разевают на вас рычащие пасти.

Ох и крику же потом, когда они немного пришли в себя, было! Кто, да зачем это сделал? Будто и так не понятно – кто, раз там, кроме нас двоих, никого больше не было. Не заказали же мы, в самом деле, для этих нужд из художественного салона декоратора. И это еще что, им, видите ли, захотелось, чтобы мы сами все за собою смыли.

В любом другом случае – пожалуйста, но тут вопрос стоял принципиально, а потому мы этого делать не стали – не для того же, чтобы стирать, рисовали!

Конфронтация, так конфронтация – и никаких уступок, тем более, что не мы первые начали. Так и красовались со всех четырех сторон, включая относящуюся к одной из них входную дверь, полдня еще, до врачебного обхода – черепа, виселицы, гробы и сложенные крест-накрест символические кости, пока их все-таки пришедшие к нам с полным ведром воды санитарки, во избежание,

видимо, нагоняя от заведующей, начисто губками не оттерли. В отмечку изъяв у нас во время шмона валявшиеся под подушками полупустые тюбики из-под «блендамеда» и «фтородента», которые, кстати сказать, при поступлении в отделение мы взяли с собой в палату, хотя, по здешним порядкам, должны были, как выяснилось, оставить в предусмотрительно отведенных шкафчиках на продоле и забирать их оттуда только на время посещения умывальной комнаты. Но ничего, с интервалом в сутки, в другую смену, мы украдкой пронесли их опять в палату и повторили эту акцию с не меньшим, чем в первый раз, размахом. Такие вот непокорные мы с Димкой были обследуемые.

Администрация, по ходу, хватаясь за голову, уже и не знала, что с нами делать?

И тут стоит учесть, что ко всему прочему, мы еще и, будто таджики, набравшие в рот насвая, упорно молчали, непреклонно не поддаваясь на все попытки нас разговорить. На лобовые и изощренные – сколько же их было!

А потом ко мне на свидание приехала мама.

Но об этом, я полагаю, лучше будет поговорить отдельно. Ибо это, в любом другом случае сугубо личное и для окружающих ничем не примечательное мероприятие, в нашем повлекло за собой целую круговерть курьезных и необратимых происшествий, описать которые поверхностно было бы все равно, что, оторвав у ромашки или же у какого-нибудь иного цветка часть лепестков, попытаться подарить его даме.

Это будет последнее свидание с нею – точно, пусть она вам в глаза ничего и не скажет.

Короче, понапрасну не отвлекайтесь, да и я уже держу наготове ручку: все, что от вас, соответственно, требуется, уважаемый читатель, это всего-навсего перевернуть страницу. И вы уже, как говорится, в теме.

Глава 4. Бабушкин орден

Отлично понимая, что из больницы мне не удастся отправить маме ни строчки, я, как одержимый, одно за другим строчил ей письма из казанской тюрьмы. Хорошо хоть, что у меня для этого были заранее припасены необходимые в таких случаях авиаконверты. А неплохо было бы, обходясь без них, просто складывать, как во время войны, свои послания треугольничком и бросать в почтовый ящик, так нет же! – не дойдут ведь. Потому как сидишь ты или не сидишь, работаешь или не работаешь, платежеспособен или же не платежеспособен – это уже никого не волнует – хочешь, не хочешь, можешь, не можешь, а заплати! И неудивительно, что при такой постановке вопроса ценности у зэка постепенно размываются, и он уже не видит преимущества мира перед войной, как, впрочем, и внешним и внутренним врагом. Так что вынужденный противостоять всем сразу, он скорее сдастся в плен, нежели, как при Сталине, искупая перед Родиной вину кровью, возьмется за оружие и станет ее защищать.

Такие настроения преимущественны, я же это не с потолка взял. Подумать только, целая армия потенциальных предателей (по гуфсиновской статистике, аж миллион человек), и это в то время, когда вооруженные силы страны целенаправленно сокращают. Такая вот национальная политика нынешних дней. Но им там, сидящим за Кремлевской стеной государям нашим, видимо, видней – вон у них какие, по телевизионным новостям, постоянно важные и ответственные лица.

Я же, как человек, который, если уж определять по-народному, рожей не вышел, на публике никогда не появляющийся и отказывающийся что-либо понимать, лишь констатирую, что «unterпришибеевы» российских пенитенциарных учреждений повсеместно противятся обеспечивать на должном уровне предметами первой необходимости вверенных им подневольных граждан. Как это, в общем-то, положено делать по закону, тем самым сильно подрывая в них и без того шаткий патриотизм. А спросишь – еще и смеяться будут: «Где ж я, мол, тебе эту самую канцелярию возьму... была, да вся вышла... Вас-то вон тут сколько и всем дай, дай... «тяните» с воли... (а то мы этого не знали) и т. д. и т. п.»

Итак, не имея пока нужды в почтовых конвертах, первым делом я сообщил маме о том, что до Казани я добрался благополучно и указал адрес своего временного пребывания, откуда меня вскоре должны были перевезти на экспертизу, а также о том, что у меня все нормально и волноваться ей, стало быть, не о чем. А еще, как любящий сын, в каждом письме я непременноправлялся о ее здоровье и прочих житейских проблемах.

Например, о том, с кем она там теперь общается, так как все знакомые, учитывая мой особый статус неисправимого отщепенца, от нас, должно быть, давно уже отвернулись; и вообще, как ей удается выживать на нищенскую пенсию, оплачивая сумасшедшие счета за коммунальные услуги, да еще и регулярно возя мне при этом неизвестно на какие шиши купленные разорительные баулы.

Это была какая-то очевидная паранойя, но я не мог успокоиться и остановиться, а все писал и писал, будто перед вечной разлукой или неминуемой гибелью – каждый день по письму, пока у меня не кончились все до одного, взятые в дорогу, конверты.

Сейчас, когда чуть ли не в каждой камере нелегально имеется сотовый телефон, я, вероятно, смог бы даже и позвонить ей, но тогда, к сожалению, этого не было и в помине.

Так и не дождавшись от мамы ни одной ответной весточки, я неожиданно получил от нее передачу, причем за час до того, как меня назвали на этап. Вернее будет сказать, распределили в больницу. В результате чего, угостив сокамерников привезенными мне продуктами, я кое-что отложил в дорогу и, не очень-то надеясь на то, что маме удастся добиться от тюремного начальства разрешения на свидание, принялся, задействуя один из десятка только что,

как нельзя кстати, появившихся у меня, восполняя истраченные, конвертов, карябать ей очередную «петицию». Теперь уже о том, что съестное, «канцелярия» и сменные вещи до меня «дошли», премного благодаря ее за это и недоумевая над тем, как и на чем она решилась добираться в такую даль. А также обязательным и жирно подчеркнутым параграфом ставя ее в известность о том, что я, наконец-то, отбываю на экспертизу, откуда ей уже писать не буду, и она сама не хуже меня знает, почему, так как я уже посвящал ее в наши с Серегой Платоновым планы на том спонтанном свидании перед повторной «пятиминуткой», когда мы с ней, как это прежде описывалось, целый час сидели на кушетке и разговаривали в просторном холле нашего городского психиатрического стационара.

Эх, сколько же прошло уже с того неизгладимого из памяти и дорогого мне дня времени? Где-нибудь с полгода. Впрочем, предаваться воспоминаниям было особо-то некогда — время явно поджимало, а потому я, торопясь, просил ее сделать одолжение и ко мне сюда больше не ездить, так как от Тольятти до Казани, насколько я представлял себе, расстояние будет километров в пятьсот, а то и чуть больше, причем не по идеально ровному американскому фривею, а по вечно раздолбанной, как после бомбежки, российской автодороге. А это, добавлял я, не ближний свет, тем более для такой, как она, пожилой женщины; если, конечно, она отправилась в путь на междугороднем автобусе или с кем-нибудь из моих давних и еще не отказавшихся от меня знакомых на легковой машине (это ведь я как раз и не знал). Если же на поезде, по железнодорожной ветке, да еще и с поклажей, тогда вообще впору было хоть кричать от бессильного сострадания: караул! Ведь прямого сообщения с Тольятти нет, и чтобы сесть на проходящий поезд, вначале нужно на чем-то преодолеть сто километров до Сызрани. Короче, об этом даже жутко было и помыслить. Бедная, бедная моя мама! На прощание я традиционно заверил ее в том, что я сильно ее люблю и крепко целую, а чуть ниже, поставив постскриптум, мелко приписал, что за меня ей не стоит переживать, что я знаю, что делаю, и как только пройду обследование, то первым делом поставлю ее в известность.

Итак, где-то во второй половине дня я бросил письмо в почтовый ящик, смастеренный карантинными умельцами из пачки из под стирального порошка и подвешенный вязочкой на болт, выпирающий из входной двери, и уехал, зная, что утром следующего дня на проверке его отдадут вместе с другой накопившейся в нем корреспонденцией ответственному лицу из дежурной смены надзирателей следящие за этим, такие же, как и я, арестанты и, если не будет никаких непредвиденных задержек, то где-нибудь через неделю оно уже дойдет до мамы. Поэтому-то я и не ждал ее, находясь в больнице, а тут на тебе... невзирая на все мои заверения

понанапрасну не тревожиться, изложенные в письме, она все же собралась в дорогу и буквально ошеломила меня своим приездом.

Посвятить вас в подробности? Вот как это было.

Уже ближе к обеду входная дверь с привычным грохотом и бряцаньем контрольной металлической цепи отворилась и, видимо, по графику на сутки вышедшая в тот день на работу моя ненаглядная «мордовочка»-медсестра, как всегда сопровождаемая неотлучно присутствующим рядом милиционером, до обидного беспастранным голоском назвала меня по фамилии и попросила выйти из палаты. Да и кто я ей, в самом деле, чтобы относиться ко мне по-другому? Очередной «подопытный» урка, который, может быть, еще и сумасшедший. Ведь с уголовным делом-то ее, разумеется, не знакомят. Она же, в конце-то концов, медсестра, а не психиатр, – оправдывал я ее про себя, как хороший солдат не более сорока пяти секунд потратив на сборы. У меня и мысли не было, что я иду на свидание, все что угодно, только не это! Очередное какое-нибудь врачебное мероприятие, которое мне, как обследуемому лицу, необходимо пройти, прежде чем меня выпишут оттуда. А что еще? Стереотип уже сформировался. Примерно за две недели моего нахождения в данном учреждении я успел побывать на приеме у десятка врачей, среди которых были такие, как терапевт, ухо-горлоднос, невропатолог, дерматолог, уролог, окулист и какие-то еще неизвестные мне специалисты в белых халатах, которые, должно быть, будучи задействованными в программе полного медицинского обследования каждого пациента экспертизы, поочередно вызывались в восемнадцатое отделение из головного корпуса больницы, потому что больше я уже их там ни в одной из процедурных ни разу не видел, хотя никогда не упускал случая заглянуть в приоткрытую дверь, когда меня проводили мимо. Просто из любопытства, конечно. А вдруг, мол, что-нибудь новое еще для себя открою.

Не из-за меня же они, и вправду, отказались от практики, надолго позабыв сюда дорогу, – так было думать, по меньшей мере, глупо, – ведь на своем веку, включающем продолжительный профессиональный стаж, они, по ходу, повидали не мало всяких чудиков: у которых, от соприкосновения с шаловливыми женскими ручками сокровенный огран неожиданно увеличивался в размерах, или от излишнего напряжения зрения кто-нибудь из них самопроизвольно освобождался от излишних газов. Не зря же молодежь шутит, что «кто учился, тот и пукнул». Или, как еще выражаются на этот счет сами медики, «Что естественно, то не безобразно!» – тем самым наилучшим образом подтверждая правильность моих умозаключений.

И тут уже пора рассказать, что никакого специально оборудованного помещения для проведения свиданий между обследуемыми и их родственниками на экспертизе не имеется. И это даже хорошо, потому что в противном случае нам с мамой пришлось бы общаться по телефону через разделяющую нас двойную стеклян-

ную перегородку, как это давно практикуется во всех отечественных тюрьмах и лагерях. А там мы с ней, предварительно обнявшись и поцеловав друг друга, хоть и под присмотром сотрудников администрации, но все же, так сказать, вживую, общались, сидя на стульчиках за столом в головном продоле, представляющем собою по отношению к двум смежным, периферийным, эдакую верхнюю планку у буквы П. Естественно, что я, дабы не разоблачить себя, продолжал придерживаться заявленного диагноза и только моргал глазами, отвечая на мамины вопросы, а если уж что-то хотел сказать ей сам, то незаметно выводил пальцем начальные буквы слова, а то и все полностью, на полировке стола, пока не был ею понят.

— Как же ты похудел-то... Ручки-то вон какие тонкие стали. Вас здесь хоть кормят?

Я утвердительно киваю головой и с секунду, если не больше, не поднимаю ресниц, но и это едва ли убеждает маму.

— Я привезла тебе все необходимое, кроме сигарет. Ты же не куришь у меня. Пришлось бабушкин орден Ленина продать. В скупку не берут, так я с цыганами за десять тысяч сторговалась... Жаль, конечно, но куда деваться-то, если, кроме пенсии, никаких иных доходов нет.

(И тут опять, как в прошлый раз, при воспоминании о первой «пятиминутке», у меня в голове, будто по одному щелчку тумблера на машине времени, происходит нечто такое, из-за чего я, всем своим существом, как бы отсутствуя в настоящем, погружаюсь в прошлое, невольно подменяя одну реальность другой, так как она и является для меня на данный момент самой что ни на есть доподлинной, и о которой рука не поворачивается писать как об уже минувшей. Знакомое состояние? То-то же.)

Этим печальным известием она моментально выводит меня из равновесия. Отчего я покрываюсь холодным потом, желваки у меня ходят ходуном, и ком гранитным камнем встает в горле — я и сам теперь уже не в состоянии вымолвить и слова. Мне и косить теперь не нужно.

Это была самая ценная вещь в доме. «Бабушкин орден, Бог ты мой, — чуть не плача, думаю я. — Как же так-то, а?»

И дело даже не в том, что он был отлит из дорого сплава и имел весомую коллекционную стоимость — это было единственным, чем ее отблагодарила Родина за то, что она всю жизнь гнула спину на колхозном поле, вырастила пятерых детей, потеряла на войне мужа и никуда дальше своей деревни не ездила, а состарившись, получала двадцать рублей пенсии до последнего своего часа. После ее смерти родственники решили, что бесценная реликвия должна храниться у меня, как у любимейшего внука. И тут вот — пожалуйста! — какая же я получаюсь после этого скотина! Хотя прямой вины моей в этом, в общем-то, нет, — подспудно заключаю я и слушаю маму.

Она не спеша рассказывает мне о том, что приехала сюда одна на поезде, и сама не знает, как донесла, без помощников, собранную мне передачу – все руки надорвала! Что ночевать ей, видимо, придется на вокзале, так как проходящий поезд, на котором она сможет добраться обратно до Сызрани, прибывает обычно по утрам. Она, мол, уже успела ознакомиться с расписанием, когда посещала Казань в первый раз, и когда я еще не был переведен в отделение, а содержался на первом, «екатерининских» времен, Централ! А из этого непреложно вытекает, что, повидавшись со мной, потом ей еще предстоит тащиться назад до Тольятти, с многочисленными пересадками – с железнодорожного на автовокзал, где опять же надо будет умудриться приобрести билет на редко ходящий междугородний автобус, так как они не всегда там, по ее словам, имеются в наличии, а на такси у нее нет денег.

Другими словами, маршрут ее был заранее известен, и за все перенесенные ею тяготы, будь у меня «развязан» язык, я бы даже и не знал, что мне делать – ругать ее или благодарить?

Наше время истекло, о чем нам строго напоминает внимательно следящая за всеми нашими полунемыми взаимоотношениями с мамой почему-то внезапно разонравившаяся мне медсестра (бесцветная она какая-то, и глаза у нее рыбьи, – скоропалительно подмечая я, веря и не веря данной переоценке).

– Еще минуточку, – просит мама и тотчас, будто только что вспомнив, нервно интересуется у меня, – ты передачку тогда в тюрьме получил? Впрочем, ты же мне писал перед отъездом в стационар, что да. Совсем, видно, старая стала – голова ничего не соображает, что это я? – виновато добавляет она, тяжело вздыхая.

Мы поднимаемся со стульев и, чтобы попрощаться, выходим из-за стола. Я обнимаю и целую маму в щеку. После уличного холода она у нее все еще не согрелась и, как позднее яблоко, свежа и ароматна. И тут я не без грусти подмечая для себя, что в прошлом ее прически были всегда безупречны, а теперь освещленные жесткие волосы отрасли длиннее обычного и примяты от серого вязаного берета. Она держит его в руке и пока не надевает. На плечи накинута старая короткая шубка, сшитая из клочков неизвестного мне, в тон берету, меха, скорее всего, песца, которую она успела купить себе на сбережения в лучшие времена.

Как же она, помнится, радовалась тогда, и как же давно это было, будто даже и не с нами!

Неужели вся жизнь вот так, один лишь туман, возникающий и рассеивающийся над водной гладью и земною твердью, под дуновением первого же набежавшего откуда ни возьмись ветерка... Невольно призадумаешься тут, на волне нахлынувших чувств, а заодно и покаешься во всех своих грехах.

Не в силах расстаться, мы так и стоим с ней еще какое-то время, тесно прижавшись друг к другу, и я чувствую, как она

тайно от окружающих вкладывает мне в приоткрытую кармашком ладошку сложенный плоским квадратиком кусочек плотной бумаги, которую, даже не видя ее, наощупь, не составляет труда по какой-то особой, только ей одной присущей шероховатости, безошибочно отличить от любого другого материала – несомненно, это денежная купюра.

– Пригодится. Посмотришь потом, – перед разлукой еле слышно роняет мама.

Напоследок я еще раз целую ее в глаза и щеки.

Маму провожают за решетку отсекателя на выход, а меня, как какого-нибудь сверхопасного преступника или же неукротимого хищника, под неусыпным контролем проводят к размещенному чуть дальше, в направлении палаты, и заваленному роскошными яствами столу, где я по требованию медперсонала, вместо ожидающей подпись, ставлю крестик на заполненном старательным маминым почерком списке передаваемых от нее продуктов питания и туалетных принадлежностей, с которым я, в силу известных причин, не изъявляю желания подробно ознакомиться, а так, лишь, что называется, навскидку проглязываю и, осторожно убрав в карман штанов всученную мне родительницей спрессованную ценную бумажку, к неудовольствию «обслужги» начинаю сгребать со стола предназначенные мне гостинцы – яблоки, печенье и колбасу.

– Все с собой заберешь?

– Да, – всем своим видом показываю я, намереваясь идти – мол, не вам же оставлять. Только доверь таким!

– Тут тебе мама шампунь, станки для бритья и мыло привезла. Ты их у сестры-хозяйки в банный день спросишь. Понял? – видимо, так и не разобравшись еще в моих умственных способностях, не в тон другим грубоватым сотрудникам, вежливо поясняет мне вдруг опять начинаящая вызывать к себе любовную симпатию молодка-медсестра. И что это я вообще незаслуженно ополчился на нее не так давно? Нервы, нервы все...

Я ей томно улыбаюсь и, не дожидаясь особого распоряжения, медленно удаляюсь в сторону палаты, где меня уже поджидают мои привычные спутники последних дней – это Димка Молчун и с неделю уже как подселенный к нам Андрюха Пупков, сорокалетний сероглазый блондин, которого, по его словам, из больницы закрытого типа, после года пребывания, перевели сюда для повторного освидетельствования, и о котором все как-то не находилось повода упомянуть.

Он – наш, самарский и, как знаток здешней специфики, много чего полезного успел разъяснить нам – новичкам. Вначале, правда, мы остерегались его и, как и с официальными лицами, не разговаривали, а потом, приглядевшись, открылись перед ним, сообщив о своих намерениях. Опять же, украдкой, так, чтобы соглядатаи от администрации не услышали, и которые, как мы неоднократно уже

замечали, специально подкрадывались к большую часть суток не закрывающемуся дверному окошку, чтобы в этом, двойственном поведении, нас уличить.

Я складываю продукты на свободную, не занятую никем койку, так как обеденный стол (как видно, изначально не предусмотренная для психов роскошь) в отведенном нам для скученного проживания помещении камерного типа просто-напросто отсутствует, и предлагаю ребятам угощаться. А сам, отойдя в сторонку, выуживаю из кармана заветный комочек бумаги и, развернув его, обнаруживаю, что это самая настоящая тысяча рублей. Только зачем она мне нужна в тутовых-то, не во многом отличимых от тюремных условиях, где, согласно исполнительному кодексу, наличность относится к запрещенным предметам и, соответственно, кроме проблем, ничего другого на нее, при всем старании, заключенному не удастся себе ни приобрести, ни нажить.

«Ах, мама, мама...» — негодую я про себя и принимаюсь усиленно размышлять о том, куда бы мне этот проблемный подарочек получше спрятать от детального ежедневного обыска, проводимого обычно под видом санитарной уборки палаты, чтобы у меня его не смогли изъять, скорее всего, безвозвратно: глупо было даже надеяться на то, что тут кто-то станет, руководствуясь существующими правилами, эту, обнаруженную у меня, на их языке, материальную ценность приобщать к моему личному делу, когда гораздо проще заявить, что вообще ничего не было, будучи уверенными в том, что мне обратного не доказать.

Голова-то у меня, слава богу, хоть немного, да соображала еще. Мол, будут выписывать с экспертизы, тогда я эту злосчастную «тысячонку», достав из укромного места, с собою и заберу. А пока, дескать, что ее при себе-то, рискуя, держать.

Только не подумай, пожалуйста, мой разлюбезный читатель, что это и есть то самое, хрестоматийное чеховское ружье, которое, если уж таковое показано в начале пьесы, то в конце оно обязательно выстрелит, а иначе зачем бы я стал распространяться-то так подробно на этот счет. Ручаюсь, что нет. Ибо это огнестрельное оружие, оказавшись в поле зрения русского человека, имеет свойство когда-нибудь непременно начать палить, а уж целая тысяча так долго ждать себя не заставит, и вполне вероятно, что, как «калашников», режет без задержки, очередями, уже прямо сейчас. Слышиште? Нет? Правильно. Даже перед бурей, как известно, непременно наступает временное, пугающее бывальных людей, затишье, которое, если это действительно так, тоже требует отдельного описания. И лучше в следующей главе...

Хотя, минуточку. Вспомнил! Стремясь как можно полнее передать произошедшие со мной события, я чуть было не упустил того существенного момента, что программа полного медицинского обследования, о которой мы уже упоминали в нашем рассказе ранее,

в одном восемнадцатом отделении отнюдь не ограничивалась, и меня дважды водили под конвоем на рентген головы и компьютерное обследование мозга через все отделения вольного психдиспансера в расположенные на втором этаже здания старой дореволюционной постройки врачебные кабинеты.

Так вот, как и в день прибытия туда, я в очередной раз с интересом оглядывал содержащихся в проходных помещениях пациентов – молодых, средних лет и совсем уж древних, с ярко выраженными признаками психических отклонений, или же не очень заметными. В основном, все они вели себя адекватно, если не считать того, что при нашем приближении настоятельно требовали у моих надзирателей оставить им «арестантика», то есть меня, причем бросая при этом все свои дела, как-то: игру в шахматы, «вылупление» в телевизор или же галдеж перед раздаточным окошком кухни (зачем это я им был так нужен, невольно возникнал вопрос?), и только один больной никогда не поддерживал их ни в одном из этих начинаний: по всему, это и был конкретный шизик. Сколько меня ни проводили мимо него, он все сидел особняком от остальных своих товарищей по несчастью на кровати в спальном помещении, либо же на кушетке в холле и был бы, в общем-то неприметен, если бы носил, как и все цивилизованные люди, одежду, а не был абсолютно голый. А точнее, постоянно во что-нибудь кутался, то в матрац, то в одеяло, решительно отвергая больничную робу. Все время непрерывно дрожа, будто от холода. Вероятно, ему казалось, что он находится не в средней полосе, в хорошо отапливаемом больничном помещении, а где-нибудь на краю Земли, под открытым небом, при минусовой температуре и шквальном ветре. Ну, что тропический попугай среди арктических пингвинов на льдине, вот-вот откинет лапы кверху, а все одно – дескать, не мое! – наотрез отказывается надевать предлагаемые ему теплые вещи.

Почему так? – естественно недоумевал я, взирая на эту гнетущую картину. Понять его было трудно, а подражать даже из симулятивных соображений как-то не хотелось. «Уж лучше я поразыгрываю какое-нибудь другое, не столь экстравагантное, но, однако же, не менее специфичное заболевание», – безмолвно увергался я в своей во многом импровизированной, но, как хотелось бы надеяться, спасительной затее.

Ведь читал же я в какой-то из центральных газет про синдром Кандинского-Клерамбо, вдруг чудеснейшим образом признанный профессорами московской клиники им. Сербского у одного из обвиняемых, обманувших на миллион рублей пивную компанию, и которому за это, как мошеннику, несомненно грозил бы немалый лагерный срок, а так фактически ничего не было.

В статье – не помню уж, какого автора – так и писалось: мол, судмедэксперты пришли к выводу, что, заключив с дирекцией зна-

менитой пивной марки договор и получив с нее перечисленную на подставную фирму вышеозначенную крупную денежную сумму, за счет которой предполагалось организовать ее сотрудникам ознакомительно-деловую поездку по Соединенным Штатам Америки, обследуемый К. в это безраздельно верил и в дальнейшем на этом основании, избавленный от уголовной ответственности, он будет проходить лечение в клинике закрытого типа, а по завершении, где-нибудь через полгода, скорее всего, взятый на попечение родственниками, выйдет оттуда на свободу. Ну чем не показательный случай! Обычная шизофрения. Тем более что, как я слышал от кого-то, у этой болезни аж триста разновидностей, а потому, вполне вероятно, что разыгрываемый мною и Димкой синдром (не знаю уж, как по-научному обозначающийся, а по-нашему – затворнического молчания) тоже мог иметь место.

Кстати, к нему же, если немного поднапрячь память, прибегал, защищаясь от преследования предвзятого правосудия, великан-негр в культовом американском фильме «Полет над гнездом кукушки», помнится, произведшим на меня ошеломляющее впечатление в далекой юности. А значит, и у нас с «Бешеным псом» был шанс на успех, единственно, как я полагал, нам с ним не надо было в своем поведении копировать друг друга полностью, стараясь хоть отчасти выделяться в самостоятельный отдельный «типаж» безнадежно больного человека. Так, не выходя из этой роли и, видимо, делая это не так уж и плохо, я непослушно, как щенок, в первый раз посаженный на привязь, вертел шеей, когда врачи укладывали меня на рентген головы на специально предназначенный стол и возводили над виском какой-то запрятанный в белый ящик интенсивно гудящий прибор, за что, кстати сказать, они меня очень уж «благодарили», говоря, что тем самым я им постоянно сбиваю фокус. А когда через пару дней меня усадили на схожее с гагаринским предстартовое кресло и всего с ног до головы облепили датчиками, особый упор сделав на свод черепа, то я нарочно не выполнял их команды «дыши, не дыши», делая вид, что я их не понимаю и только поэтому не могу всецело включиться в проводимое надо мною обследование.

Думал, как и до этого, ругаться будут, но ошибся: «Ну, не хо-
чешь – не надо. Тебе же хуже...» – заключили они и велели мне убираться восвояси, отдав соответствующее распоряжение приведшим меня сопровождающим – медсестре и двум милиционерам.

И что я, естественно, выдержав для проформы небольшую паузу и подчинившись им, с радостью и исполнил, – опять же, не выказывая своих эмоций.

И это-то ладно.

Как меня просветил уже под занавес Димка Молчун, некоторые из симулянтов, из числа нашего спецконтингента, заблаговременно от кого-то прослышивав о том, что их поведут на «шлем», а

именно так они иронично именовали между собой этот высокоточный, подключенный к компьютеру «организм», клали под язык предварительно раздобытый где-то маленький кусочек магнита (допустим, от разбитого динамика), и вот тогда-то и начиналась самая настоящая паника. Прибор, что называется, «глючил». Врачи психовали, а их подопечный только и делал, что, сверкая глазками, прысал со смеху.

— Молодец. Как раз вовремя поделился. Раньше нельзя, что ли, было сказать? — пылко возмутился я, вернувшись в палату и только узнав от него об этой гениальной проделке своих предшественников.

— Забыл.

— И это правильно. Нечего всякой ерундой забивать себе голову. Я тоже в следующий раз забуду поделиться с тобой чем-нибудь из эдаким, предельно важным.

— Да не кипятись ты. Ничего страшного. Может, для них это уже не новость! Представь, как бы ты влип тогда с этим «прибамбасом». Лучше давай что-нибудь свое, оригинальное насообразяем, чтобы не вызывало у них никаких сомнений, а наоборот, только убедило в том, что, как говорится, «фляга у нас и вправду подбрызгивает», а то, похоже, они до сих пор еще сомневаются, не решаясь признать нас невменяемыми по уголовному делу. К тому же магнита-то у нас с тобой все одно нету... Эврика! — осенило его внезапно, — может, лучше гранату из хлеба слепим и в кого-нибудь из ментов через «кормушку» бросим. Я даже знаю, как сделать так, чтобы она загремела, катясь, как железная.

— Сам придумал?

— А кто же...

— Ты и в самом деле дурак, — не удержался я от грубости, все еще мечась по палате и не желая, подобно ему, принять положение лежа. — Я прям удивлюсь, если тебя таковым не признают.

— Почему?

— Объяснять долго. Вот настоящую я бы не задумываясь бросил... А лучше сразу связку!

— Я тоже удивлюсь, если тебя не признают.

— Спасибо. Только я это заливаю, конечно. Никогда бы я на такое не отважился.

— Ну-у, рассказывай мне басни. Слово не воробей, вылетело, не поймаешь. Доведут, еще не такое сделаешь. По себе знаю!

Безусловно, у каждого из нас было припасено друг для друга по карманам с десятка два таких же добрых словечек, но так как мы приехали сюда не для того, чтобы доставать их все сразу, то, как люди вполне разумные, решили пока что повременить с этим и, образно говоря, не сцепляться в бультьерьерской схватке, а продолжить симулятивные поиски в гордом одиночестве, тотчас свои находки не оглашая — пусть отлежится, как рукопись, мол.

А что, между прочим, неплохой метод работы в соавторстве.

А к чему оно привело, это самое, удивительно как еще не закончившееся кровавой дракой дружественное творческое объединение, будет описано несколько ниже, ибо на этом, как вы, наверное, и сами уже поняли, теперь уж точно прерывается данная глава.

Глава 5. Перед бурей

В восемнадцатом отделении казанской психиатрической клиники не так-то и много светлых минут. Одни из них выпадают на банный день, который проводится раз в неделю, точно уже не припомню когда, то ли по вторникам, то ли по средам. Впрочем, это не так уж и важно. Тогда же обследуемым предлагается сменить постельные принадлежности (которые, как вы помните, за неимением кухонного стола дополнительно несут на себе нагрузку скатерти-самобранки) на не удаленные еще супом и кашей, свежевыстиранные, чтобы они уже были под стать подвергнувшейся подобной манипуляции больничной робе. И если бритье с помощью выданных на этот короткий временной отрезок стандартных атрибутов – одноразового станка, помазка, ну и, конечно, мыла с зеркальцем, «пижамами» осуществляется самостоятельно, то для подстрижки они прибегают к услугам замечательной девушки-мастера, видимо, как ночная фея, работающей строго по вызову, и так лихо лишая их волос, маневрирующей своей электромашинкой, что иной индеец, как мне думается, едва ли успел бы в аналогичном темпе снять скалы со своей жертвы. Впрочем, что это я о них вспомнил, сейчас же совсем иные времена... Можно было, правда, от всего этого набора бесплатных услуг запросто отказаться, предпочтя отсидеться на месте, как это делал, придерживаясь собственной и не во многом, кстати, отличной от нашей с Димкой линии поведения, в доказательство признания все той же невменяемости, еще один наш сокамерник – Андрюха Пупков, которому, безусловно, было только на руку то, что медперсонал не проявлял к этому особого рвения. Но для этого надо иметь несгибаемый характер, чтобы лишить себя сразу стольких удовольствий, покрываясь, слой за слоем, что какой-нибудь бродяга, грязью. Когда можно, не в ущерб диагнозу, почувствовать себя как бы заново родившимся, пройдя целый комплекс гигиенических процедур, среди которых я принципиально противился только бритью, так как считал, что ни один дурак, которых, если вдруг кто забыл, наш дружественный коллектив палаты номер пять из себя между тем и разыгрывал, самостоятельно этого совершать над собою не станет. Ему это ни к чему – растет и растет борода, а там, глядишь, и укоротит ее в ближайший помывочный день по личной

инициативе вверенными ему подручными средствами какой-нибудь сжалившийся над ним парикмахер.

Зато уж в чем я действительно никогда не мог себе отказать, так это наконец-то всласть понежиться, купаясь в со дня ареста не встречаемой нигде ванной. Тогда как всем нам поочередно рекомендовалось лишь, забравшись в нее, постоять под душем. Как же, фиг вы угадали, под лейкой я и в тюрьме с таким же успехом помоюсь, не соглашался я внутренне, затыкая сливное отверстие, за неимением в наличии явно убранной куда-нибудь подальше от наших глаз пробки, подвернувшейся под руку губкой, перед этим отвернув оба крана – на полную.

– Ветров, выходи. А то милицию позовем, она тебя мигом оттуда выволочет. Дельфин ты наш. Больше предупреждать не будем.

Однако, зная, что у медсестер слова никогда не расходятся с делом, я все одно неизменно отвоевывал у режима минут пятьдесят лишнего времени, принципиально стоя на своем.

И вот в один из таких чуть ли не праздничных на общем будничном фоне дней, Димку Молчуна, как прибывшего туда раньше нас с Андрюхой Пупковым приблизительно на полмесяца, неожиданно начало одолевать предвидение, иначе мандраж, что ему,

видимо, предстоит скорая выписка, и он в связи с этим принялся подбивать меня на возобновление дискуссии о том, чтобы ему еще такое, с прицелом на последующее внимание консилиума профессоров отчебучить, дабы те окончательно утвердились во мнении, что кто-то, а он-то как раз и есть на все сто их клиент.

Ведь как он уже успел к тому моменту у кого-то выяснить, процедура стационарного психиатрического освидетельствования пусть и варьируется по УПК от месяца до трех, но, тем не менее, редко кому продляется больше, чем на считающийся вполне достаточным четырехнедельный цикл. В общем, было ему о чём переживать. И тогда, войдя в его положение и немного подумав, я посоветовал ему в таком случае не тратить понапрасну времени и проявить себя надлежащим образом сегодня же, как только его поведут мыться, а именно: залезть под душ прямо в пижаме, — медсестры, мол, непременно доложат об этом психиатрам и те, в свою очередь, сделают из этого определенные выводы, которые, не исключено, в конце концов и послужат основанием для принятия желательного для него решения. А почему бы, собственно, и нет. Надежда-то, по поговорке, всегда умирает последней.

Не будь дураком, Димка так и поступил и, вернувшись с означенной водной процедуры, с упоением повествовал нам с Андрюхой Пупковым (естественно, попеременно поглядывая на открытое дверное окошко: не подслушивают ли нас?) о том, как вся сегодняшняя смена отделения сбежалась поглязеть на него, при этом по переменно восклицая: «во даёт, во даёт!» — Дикири, одним словом. Кто их, интересно, на работу только в дурку взял, не подготовленных таких. Я-то полагал, что их не удивишь уже ничем...

Выходит, ошибался.

И если бы только в этом, а то ведь целыми сутками валяться на койке, таращась в потолок (даже если он, как там, впечатляющий — шестиметровый), оказывается, не столь уж это и простое занятие. Постепенно у тебя скапливается в голове такой ворох мыслей, переживаний и воспоминаний, который ты, как старый полуумный архивариус, не в состоянии уже систематизировать и разобрать по отдельным ящичкам и полочкам, а только и делаешь, что сваливаешь все в одну кучу. Надо бы, придерживаясь образа, бросить все и уйти, вот только как это осуществить, если ты даже не располагаешь ключами от пленившей тебя нерушимой крепости, в которой день и ночь напролет пытаочно брезжит единственная лампочка под потолком и в которую не проникает даже слабый лучик солнечного света, так как окошко в ней укреплено многочисленным рядом неразгибаемых и встающих сплошной стеной прутьев, а вдобавок оно еще и заложено толстыми — мутного стекла — непроглядными блоками, с одним-единственным промежутком размером с детскую головку, в который лишь иногда задувает чахлый свежий ветерок, каким-то загадочным образом пробиваю-

щийся сквозь сплошную завесу, устроенную снаружи из массивного железного щита, так называемого намордника. Я пробовал, скинув тапочки и забравшись на спинку никем не занятой пока и перегораживающей по центру проход кровати, подтянуться и хоть что-нибудь разглядеть в эту микро форточку из того, полуза забытого, запредельного вольного вида. Но увы! – сплошная мгла, устоявшийся запах многолетней пыли и бьющая по мозгам, как удар милиционского электрошока, неизбывная тоска – вот и все разнообразие, которое я получал, вопреки моему ностальгическому желанию. А еще нет-нет, в тон ей, напоминал о себе бегающий возле самой стены нашего вынужденного аскетического пристанища и, очевидно, в пределах специально обустроенного для него вольера немолодой уже, как мне почему-то представлялось, служебный пес, призванный отсекать нам всякое сношение со свободой, но которому, похоже, давно уже был не в радость его однообразный, неблагодарный труд. Я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь ласково называл его по имени, допустим, Гиппократом или как-нибудь еще, после чего погладил бы по шерстке или выпустил на время погулять. Придут какие-то неизвестные, наложат ему в миску поесть и уйдут, будто он не живое существо, а бездушный робот, которому кроме программной и энергетической подпитки и не требуется ничего больше. Поразительная черствость, конечно. И это еще полбеды: мы-то уедем оттуда, а вот Гиппократ, – раз уж эта кличка вдруг ни с того ни с сего пришла в голову, – так там горевать один и останется, гремя своей наскоро опорожненной миской и ограничивающей его перемещения цепью, либо, как потерявший покой волк, протяжно подывая на плывущую по ночному небу луну – жутко, страшно!

– Куть, куть, – порою жалостливо подзывал я его к себе, будто между нами не существовало стеновой преграды. А как уж он радовался, скуля в ответ и скребя мерзлую землю лапой – не описать словами.

В каптерке в моих личных вещах хранились, как уже отмечалось ранее, две взятые в библиотеке и привезенные из тюрьмы книги – последний том из собрания сочинений Джека Лондона и какого-то тоже иностранного, но впервые встречаемого мною автора, так что я даже фамилию его с насекома запомнить не смог. Вместо нее перед глазами стояла красочно оформленная обложка со сценами насилия и любви. Эх, если не читать сам этот бесценный «фолиант», так поглазеть бы хоть на картинки от скуки! – приходило нередко в голову мне. Проблема заключалась в другом: как мне было забрать все это «хозяйство» оттуда, когда я с планомерной настойчивостью разыгрывал из себя перед закрепленными для этих целей за нами медсестрами безмолвствующего идиота, единственno только с помощью мимики лица, ну и, по-зэковски, на пальцах, мог изъявить им свое желание, в то время как они – прошу обратить внимание! – наверняка настропаленные

психиатрами, делая вид, что меня не понимают, требовали, чтобы я изложил им свою просьбу в форме пояснительной записи. На что я, естественно, пойти ни в какую не соглашался, так как не исключал, что это с их стороны элементарная провокация, имеющая смысл, скажем так, вывести меня на чистую воду, получив конкретное подтверждение того, что я вменяю – вот, мол, и пишет, и книги читает, а то, что не разговаривает, так это ж он просто, стало быть, симулирует или, выражаясь по-простому, дурака валяет, потому как, если судить по материалам уголовного дела, вон он как бойко вину свою отрицал.

Противостояние не прекращалось.

Белые халаты не уступали.

И в результате, никакого культурного досуга, вот ведь что – хоть вместе с псом Гиппократом начинай для моральной разрядки подвывать на луну – хорошенъкий бы получился дуэт! Опять же, в стиле учреждения – определенно, волей-неволей придешь к такому заключению: а почему бы, собственно, и нет? Для достижения цели, как говорится, все средства хороши. Надо будет как-нибудь выбрать время и посеребренее подумать над этим.

В общем, состояние у меня было, как у наполненной нитроглицерином колбы, чрезвычайно взрывоопасное – стоит колыхнуть только, и... – шандец! А тут еще полюбившаяся мне медсестра вторую смену (с интервалом в трое суток) меня откровенно игнорировала, а в придачу к тому, ближе ко второй половине дня с нами пришел попрощаться «Лелик», которого, как выяснилось, по прошествии положенного срока уже выписывали из отделения. И это ведь все, гремучей смесью накладывавшееся одно на другое, не так-то и просто было пережить, чтобы в какой-то момент не сорваться и не удариться в чисто русскую буйствующую грусть, для пробуждения которой, в иных случаях, как известно, даже не требуется стакана водки или вина.

Нагнетаю напряжение? Едва ли.

Все было именно так!

– Значит, скоро и меня на комиссию потянут, – оторопелым грудным голоском выдал «Бешеный пес» и, тотчас уйдя в себя, уставил невидящим взглядом то ли на меня, то ли вскользь – на обезображенную облупившейся штукатуркой поверхность противоположной стены, будто ему в ближайшее время предстояло идти на расстрел, а не всего лишь, ради отстаивания собственных интересов, перед врачами в бесконечный раз глухонемого произнажать. Пять минут – и все! А затем скручивай матрац и готовься тем же днем отправиться на этап – давно известная схема. И это не говоря уже о том, что может и с диагнозом повезет еще, а там и до дома, в смысле до освобождения, возможно, недалеко. Радоваться нужно, а он ударился в необоснованный пессимизм, тогда как, по-моему, было намного хуже тем, кто оставался на неопреде-

ленное время, дожидаясь того же самого, под наблюдением психиатров в отделении. То есть я его решительно не понимал.

— Эй, друган, мы тебя теряем, — энергично пощелкав перед его носом пальцами, устремился я, поднявшись с кровати, к все еще топчущемуся возле открытого дверного окошка «Лелику», которому, мало того, что не вежливо, так еще и не разумно было в нашем положении, да еще и при тамошнем эхе, прощаясь, орать через всю палату напутственные пожелания, сводящиеся в основном к дежурным зэковским фразам, типа: «Давай, не болей», «держитесь там», «фарту тебе», и т. д. и т. п.

— Ну, я пошел?

— Погоди, — остановил я его. — Ну что, признали они шизиком тебя?

— А кто ж его знает, может да, а может и нет, — витиевато принял он объяснить. — По любому, в курс они меня об этом не поставили, так порасспросили о том, о сем: где родился, как звать? — и затем уже вспомнил: — Ах, да... выясняли еще: не экстремист ли я?

— Ебнулись они, что ли, совсем? — невольно вырвалось у меня.

— Похоже. Только я все равно не жалею, что съездил сюда. Хоть по стране прокатился... пусть даже и под конвоем... я же, кроме нашей Самарской области, считай, что и не был больше нигде... и это в мои-то двадцать с хвостиком лет... вначале школа, потом лагеря.

— Ты что, меня разжалобить хочешь? Дать мне тебе нечего все равно. Откинешься, поездишь еще. А вот нюни не надо распускать.

— Сколько тебя знаю, «Ветер», вечно ты так. Мне можно, ты-то мужик, а я та же девка, пидаres.

— Ну-ну, как говорил один «полосатик» в харизматичном анекдоте, это еще надо обосновать. Короче, дело к ночи, ты поглядывай там лучше — конторы-то поблизости нет? — соблюдая предосторожность, оживленно беседовал я с ним, стоя сбоку от дверного окошка и вплотную прижавшись спиной к косяку, в то время как мои однопалатники Димка с Андрюхой, как я исcosa заметил, все больше оживлялись, слушая нас — и то правда, что болванами-то было лежать. Человек уезжает, попрощались бы хоть...

— Медсестры куда-то свалили, только легавые на кушетке сидят. А вы все косите, да?

— Ты еще на весь коридор заори.

— Да не боись, они не слушают нас. Как бабки старые, о чем-то своем трещат. У тебя кто психиатр: завотделением, или «Губа»?

— Скорее всего, последняя. С заячьей губой такая...

— Несчастная женщина, ей бы «пластику» сделать, писаная красавица бы была. А-а, чуть не забыл рассказать, она научила меня заниматься аутотренингом, — немного воспрянув духом, продолжал горемыка Коля. — Она мне так и говорила: «Ты, мол,

каждый день, как молитву, повторяй по несколько раз: «Я не возмутитель спокойствия, я живу в прекрасной стране, у меня все хорошо, я всем доволен». И вдруг, совсем уже не в лад, навзрыд, добавил, — «Твою мать!»

— Ну-ну, малек, не плачь. Все еще наладится. Ты же знаешь, что перевернется и на нашей улице когда-нибудь «Камаз» с пряниками. И отчизна у нас, вроде бы, не такая уж пропаща, только правят ей в последние годы, к сожалению, одни лишь временщики. Но ничего, глядишь, когда-нибудь народу это надоест, и он погонит их поганую метлой, — потеряв уже всякую осторожность и, сам чуть не рыдая, начал успокаивать его я. — Ты, главное, нос не вешай ни при каких обстоятельствах, уяснил? Да?

— Ага. Все, меня зовут, — нараспив промолвил «Лелик», исчезая из виду. Что звездочка, падающая с ночного неба, скорее всего, навсегда. — Удачи вам.

— И тебе тоже... Крепись давай... — видимо, растроганные нашим с ним диалогом, приподнявшись с кроватей, в один голос завопили, как вы поняли, двое других, солидарно противостоящих правовому произволу, симулянтов.

— Пока, пока...

Настроение установилось в палате предельно драматичное и одновременно безысходное. От чрезмерного наплыва не имеющих выхода эмоций я принялся, уже по привычке, бесцельно слоняться на двухметровом участке зажатого со всех сторон койками «периметра»: туда-сюда, туда-сюда, так как не в состоянии был ни сидеть, ни лежать. Надо было как-то успокоиться, вот и приходилось, фактически на одном месте крутиться волчком.

Но я-то ладно, а вот мои соседи по палате, должно быть, добиваясь аналогичного результата и, судя по дергающимся ногам, осуществляли пробежку в положении лежа. Так и напрашивалось сказать: «Ну-ка, кто быстрее, а?!»

Не знаю, как им, но мне пространства явно не хватало, из-за чего я со злости взял и поставил перегораживающую добрую половину прохода и явно излишне втиснутую туда койку «на попа», вплотную прижав ее к наружной стене. Бесила она не меньше пуда, и оттого, что легко поддалась на мои усилия, вызвав приятное напряжение в мышцах и прилив крови во всем организме, заодно чуть-чуть подстегнула и мою предельно заниженную в последнее время самооценку, в кои-то веки заставив поверить в то, что моло-децкая удаль во мне еще жива. Надо бы почаше проделывать такое упражнение, чтобы совсем уж от вынужденного безделья не обес-силеть и не одряхлеть, самодовольно подметил, помнится, я, шаркая тапочками по вдвое увеличившейся из-за освободившейся площади и выложенной темно-коричневой плиткой дорожке, и в том же не-примиримом настроении, не прекращая себе под нос бурчать: «А то взяли моду до предела камеры «шконками» забивать, что аж про-

тиснуться между ними нельзя, не то что «тусануться», обязательно кто-нибудь должен при этом сидеть или лежать!»

— Эх, сейчас бы водочки для поднятия тонуса на грудь принять, — «поволокло» тут «Бешеного пса», — по стаканчику — и харэ!

— Что ж так-то? Пить, так уж пить, заказывал бы сразу ящик, как раз бы нам всем хватило до комиссии как следует погулять, — не удержался я, чтобы не высмеять его и, посчитав, что разговор на эту иллюзорную тему закончен, собрался было подумать уже о чем-то другом, однако Андрюха Пупков не дал мне этого сделать, вмешавшись в разговор, да так, что сразу даже было не понятно, хохмил он, или говорил всерьез.

— Зря вы, между прочим, иронизируете. Тут за «бабки» все можно: и не то что водки купить, а вплоть до того, что хоть девок себе из массажного или интим-салона заказать. Единственно, надо дождаться, когда начальство по домам «свинтит», и с их подчиненными все эти щекотливые вопросыки и порешать.

— Ну, это ты заливаешь, — недоверчиво возразил ему я.

— Нисколько. Тут у одного паренька, когда я тем разом здесь лежал, деньжата водились, так мало того, что нам «пойло» менты каждый вечер носили, так этот «фрукт» еще и пару раз к дурочкам в соседнее крыло в гости ходил и, сами понимаете, ни в чем отказа у них не знал.

— По любви?

— А как же. Не насиловал же он их там. Отпускать его не хотели, нарасхват у них был...

— Ничего себе! — с напускным удивлением и скорее из вежливости, нежели до конца поверив ему, отозвался я, все еще своей разминочной ходьбой гоняя по камере-палате воздух и одновременно вспомнив о переданной мне мамой и спрятанной в надрыве ветхого матраса тысячелобовой ассигнации. О которой, «за неимением надобности», я едва уже не начал забывать, в то время как мои, в общем-то, по большому счету, случайные собеседники даже и не подозревали о ее существовании, ибо им, как я считал, было это тем более ни к чему. Пусть не донесут, куда следует, так начнут же каночить — дескать, давай на нее возьмем то или се, если уж выясняется, что это вполне реально, так что сам еще пожалеешь о том, что язык за зубами не держал — а то я первый день живу на земле и людей не знаю. Конечно, как говорится, всех под одну гребенку нельзя грести, но эти двое, при всем моем хорошем отношении к ним, определенно доверия мне не внушали. Интеллигенцией тут, по-моему, и не пахло. К тому же, не для того же моя бедная родительница, отказывая себе во всем, берегла для меня эту несчастную тысячу, чтобы я ее потом бездарно, по-хамски, потратил на баб или водку. «Если только на одну бутылочку, ну, максимум, на две...» — невольно одолевал меня бес сомнения, —

ну еще и, чтобы заодно уж эту, на тот момент, эквивалентную минимальной оплате труда и не так давно введенную в обращение купюру, для удобства траты, взять и на более мелкие разменять, а то ведь окажись я, допустим, на следующей ступени своих арестантских передвижений, в психбольнице или же в лагере, и соберись там, за неимением наличности на лицевом счету, нелегально у «барыги» на нее купить себе что-нибудь жизненно-необходимое – чай, конфеты, сменные вещи, перегоревший вдруг кипятильник или те же конверты, чтобы маме письма писать и прочее, прочее, так ведь кто же мне найдет там на нее сдачу, если и на свободе, и той, вероятно, бегая по розничным торговым точкам, семь потов с тебя сойдет, прежде чем где-нибудь пристроишь ее: за товар – пожалуйста, а так, ну ни в какую – и все!

Мне-то этого рассказывать было не нужно...

Короче, логика моих размышлений была безупречна, только в глубине души я как-то не был пока еще готов к тому, чтобы вплотную заняться разрешением данного, можно сказать, технического неудобства. Видимо, мне как всегда для этого необходим был какой-то дополнительный толчок. Так, легкое касание маятника у остановившихся, казалось бы, навеки антикварных прабабушкиных часов приводит в движение целую систему мастерски подогнанных друг к другу механизмов, а посторонний непроизвольный хлопок может вызвать в горах сход неудержимой лавины. А иначе все так и будет пребывать в состоянии видимого равновесия, и до поры до времени выжидать, как бы при этом накапливая энергию и потихонечку бубня: «Вот-вот, вот-вот, вот-вот»!

– Ты уже сколько тут не был-то, год? За это время, сам понимаешь, все могло и перемениться, так что не исключено, что сейчас здесь и за наличные ни у кого и ничего уже не возьмешь? – все еще, что называется, находясь в теме, раззадоривал я завсегдатая этих мест.

– Не похоже. На манеже-то как-никак все те же. Вот если начальство сменится, тогда еще станется, что закрутят гайки, а при этом, я тебе как доктор говорю, так все и будет идти. И чтобы это застойное болото взбодрилось, прямо и не знаю, какой мощности бомбой надо в него угодить. Атомной если только?

– Так-то да. Только это ж тогда всю Казань, как пушинку, с лица Земли в открытый космос сметет.

– Пофигу вообще. Я думаю, что человечество от этого много не потеряет. Они же, эти татары, как тараканы, пачками плодятся, так что через какой-нибудь десяток лет восстановят все – и численность населения, и «карточные домики» свои. У них тут пороховой завод вон (я по «телеку» видел) каждый год взрывается – и ничего, – встрял в разговор, попутно потеснив меня и на «беговой дорожке», «Бешеный пес».

— Ты вот что лучше, Андрюх, расскажи: как там в «интенсивке» (так, кажется, как я слышал, та психушка закрытого типа, откуда ты приехал, в обиходе обозначается) нашему брату, зэка, живется, а то вдруг меня в ближайшее время возьмут, да и «пропедалят» отсюда туда. Чем черт не шутит! И что я выиграю от этого для себя? Может, овчинка и не стоит выделки-то вовсе...

— Это кому как, — не стал доказывать он ему ничего, а, видимо, посчитав, что каждый должен разобраться в этом самостоятельно, всего лишь навсего взял и как бы с нейтральной позиции, разминная выуженную из лежащей под рукою пачки сигарету, поделился впечатлениями от пережитого там. Естественно, как с ним, так и со мною (ведь уши-то я же не закладывал себе, а напротив, как бы даже навострил их), так что в скором времени я, как человек, обладающий бурным воображением, был нафарширован, что гусь гречневой кашей, этими сведениями, будто сам, вместе с Андрюхой, не меньше года пролежал в «интенсивке» и имел уже твердое представление о том, что уколы там колют только первые двадцать восемь дней. Причем, исключительно аминазин, который на поверку оказывается не так уж и болезнен и страшен, хотя температура от него все-таки по всему организму поднимается, а задница горит и опухает, становясь огненно-красной, как у бабуина, в результате чего присесть на нее какое-то время становится едва ли возможно. Галоперидол же применяется только к откровенно буйным и в самых крайних случаях. И опять же, обнадеживает другое — это то, что больница — это все-таки не зона и не тюрьма, а, по заверениям видавшего виды пациента, которые, еще раз повторюсь, смело можно было приравнивать к моим собственным, уже, вроде как, полуvolya, где безраздельно правят и успешно разрешают все основные проблемы не вертухай и опера, а врачи и медсестры, с которыми, при желании, всегда и обо всем можно договориться. К примеру, о том, чтобы, оказывая тебе покровительство, они как бы и не замечали тебя, а через полгода, как в лагере, предоставили на выписку, по сути, то же самое УДО. В общем, из всего этого следовало, что тем, кто дружит с головой, жить там все-таки можно, ибо под шумок, за надежными стенами психиатрии, все идет «по зеленой», и на любую ценную вещь, дошедшу до тебя от родственников с передачей, либо отправленную посылкой, аж вплоть до трусов, всегда, пожалуйста, есть вариант приобрести себе у медсестер запрещенный в больнице чай, кофе и ту же водку. Так сказать, ченч навести.

— Нормально. Меня вот что еще интересует: а как ведут себя там натуральные дураки? Не набрасываются, случаем, на тебя? — не отставал от него ближайший кандидат на выписку, который, собственно, и затеял весь этот разговор.

— Редко. Топчутся, в основном.

— Это еще как?

— Как, как... Ждут, когда ты им окурок бросишь. Так и летят всем скопом потом за ним. Они же не понимают, что одним «бычком» все одно все не накурятся, вот и дерутся постоянно из-за него. Да и со жратвой у них обстоит ничем не лучше, — без особого энтузиазма просвещал нас с Димкой Молчуном Андрюха Пупков, — все они, как один, страдают, скажем так, вкусовым идиотизмом, и поэтому им глубоко безразлично, что употреблять в пищу — главное, чтобы было много. Например, предложи им на выбор кусок колбасы и кастрюлю каши, так они, ни на секунду не задумываясь, предпочтут второе, потому что ее больше. Некоторые хитрецы из здравомыслящего контингента психушки этим бессовестно пользуются, и каждый раз, когда умственно отсталым «заходит» передачка, без длительных уговоров меняют с ними мамкины пельмени на окурки или слитые в одну миску с лапшой обеденные щи.

— Офигеть!

— Главное, что все довольны и поэтому врачам до этого нет никакого дела. Короче, не переживайте. «Прогребете» там как-нибудь. А уж если близкие со свободы будут за вас хлопотать, да еще и с администрацией общий язык найдут, так вообще все у вас там без сопротивления, как по накатанной дорожке, пойдет. А так, по большому счету, те, кто от работы не отказываются, и без посторонней помощи чувствуют себя в той, так называемой, «принудиловке» вполне комфортно и от прочей откровенно чудящей, большой публики отдельно живут. Что еще? Палаты у этого, скажем так, «здравого» контингента не закрываются, чайники, кипятильники, телевизоры, радио и все остальные бытовые приборы и принадлежности им не запрещены — хоть че из дома тяни! Главное, не быкуй только, в смысле, с врачами не конфликтуй и от работы не отказывайся, а по мере возможности, если они попросят, сантехнику чини, лампочки перегоревшие меняй, подстучи или покрась что-нибудь... Вот тебе, считай, и занятие на весь лечебный курс, а там переведут на вольную больницу — пару месяцев, и ты уже дома, так, кстати, и делают многие уже давно. Помните, в 2001 году вора в законе, на всю страну известного, «Савоську», вся Москва хоронила, так он этим тоже не брезговал, и как его только «на кармане» брали, так он сразу же добивался освидетельствования и перевода в «крытую» дурку. Полечиться, мол. Да и один из братьев Квантришвили, насколько мне известно, тоже использовал этот же прием. Да мало ли кто еще... А там уж, стало быть, от общественных работ (если они кому-то по понятиям не приемлемы) отмазывался кто мог.

— А как же некоторым, допустим, вечную койку выписывают?

— Это тем, кто с вольной больнички сбегает. Их переведут туда через какое-то время, как бы на адаптацию, а они возьмут, свиньи неблагодарные, грубо говоря, да и копыта нарежут — с понтом, им есть куда бежать! В основном же бомжи одни... Их поймают и, без

лишних проволочек, «возвратом» определяют в «интенсивку», и так бесконечное число раз. Сами виноваты, нет бы до окончательной выписки два месяца себе спокойно, не дергаясь, полежать.

— Ясно теперь все, — находившись и упав опять на койку, самонадеянно зевнул «Бешеный пес».

— Вот и славно. Я среди здешних «пижам» встречал таких лихих парняг, которые с пятью трупами по делюге, спустя год-другой уже преспокойно дома, отпущеные под опеку родственников, пивко попиваю и девок смазливых имеют, — между тем, все продолжал инструктировать меня и Димку наш многоопытный товарищ и земляк. — Плохо вот только, что у нас там в области такой «больнички» «крытой» нет, а всех самарских либо сюда, в Казань, либо в Камышин, под Волгоград, на курс лечения считай что за тридевять земель везут. Не к каждому еще близкие поедут-то туда...

— Ну и так, для сведения, — прикуривая, продолжил он. — В санитары только, если уж добьетесь своего и вас вместо зоны все-таки направят в «дурку» (а я надеюсь, что так оно и будет) ни в коем случае не соглашайтесь идти, а то еще вдруг, как новичков, возьмут да приболтают вас на это, если не активисты, так сами врачи — будете потом, что проклятые, весь лечебный курс буйных крутить, да говно за ними убирать. Тише, там, кажется, по нашу душу кто-то идет. Про пятую палату говорят...

Таким образом, внимательно выслушав Андрюху Пупкова, я еще раз убедился в правильности выбранного мною и моими идеальными и «заблудшими» соратниками способа ухода от грозящего нам лагерного срока. И только, приняв во внимание его предупреждение, успелпротянуть ему ответное «Мерси», как с поворотом ключа и ненадолго прикрываемой «кормушкой» дверь отворилась, и Димку Молчуна стоящая за спиной верзилы-мента моя красавица-медсестра попросила на выход, что, вероятнее всего, означало на комиссию. Как видно, не зря он, расспрашивая завязанного симулянта, так перед этим «температурил», — еще один его залихватский термин, — будучи к этому давно уже морально готовым.

«Хоть бы краешком глаза взглянула на меня», — невольно подметил я, — нет же! Так и увела его, преисполненная холодного и величавого достоинства, что самовлюбленная Феодора, олицетворяющая собою общество в известном романе Бальзака.

«Ну, погоди! — в душе негодовал я. — Вот выберусь отсюда, возьму кредит в банке (лучше на какого-нибудь дядю Васю, соответственно), куплю себе джип и приеду в Казань за тобою. Тогда и посмотрим, как ты после этого ко мне относиться станешь!»

ЗА всеми этими наивными мыслями я даже не заметил, сколько, препровожденный на контрольную «диагностику», отсутствовал в палате «Бешеный пес» — десять минут, двадцать, полчаса или больше? А когда он вернулся, то мы с «Пупком» даже не сообразили,

перво-наперво подробно расспросить его о том, кто из профессоров присутствовал на грозном консилиуме и как вообще все происходило, так как ему тут же, буквально через несколько минут, велели сдавать постельное белье и собираться на этап (впрочем, Андрюху, похоже, это мало интересовало, а мне вот не мешало бы знать!)

В итоге, мы и попрощаться-то толком не успели, ну хотя бы в противовес тому, что уже невероятно к тому времени ухитрились друг другу надоесть. Шутка.

Продолжение следует.

Глава 6. Роковая страсть

Копни поглубже, и неизбежно выяснилось бы, что под воздействием не предполагающей какую-либо умственную нагрузку обстановки я уже прилично отупел и не помню многое из того, в чем прежде ориентировался более-менее прилично. Но то, что санкция на арест, выписанная мне судом на полгода, заканчивалась именно восьмого октября, накрепко засело у меня в мозгу. А потому как тяга к свободе во мне еще окончательно не умерла, то я втайне надеялся на чудо, которое заключалось бы в том, что мне, как бы оторванному от Родины и находящемуся в подвешенном состоянии, по каким-то форс-мажорным обстоятельствам отвечающие за это сотрудники отделения возьмут, да и не смогут ее продлить – забудут, или же судью не застанут на рабочем месте и прочее, прочее – отчего, стало быть, они автоматически лишатся законного права дальше держать меня взаперти. Ведь были же такие случаи, как поговаривали, и не раз, когда обвиняемого на этом основании отпускали под напором адвокатов растяянные тюремные начальники, которым, как говорится, быть – плыть, а букву закона, как бы там ни давили на них следственные и судебные органы, а надо неукоснительно соблюдать. Вот я и рассчитывал на то, что и без вмешательства взявшихся бы, допустим, постоять за меня защитников, оказавшись перед выбором, никто из белых халатов не станет брать на себя такую ответственность (а вдруг, мол, со мной что случится!), и как только истечет определенное судебным постановлением время, то они мне непременно укажут на дверь – давай, дескать, вали отсюда, дружок! А что, была бы на то моя воля, так я бы и в чем мать родила оттуда домой пешком пошел – ну или хотя бы до первого угла, а там, надо думать, я бы уж не растерялся и быстренько сообразил, где мне приодеться и во что. Только не подумайте, пожалуйста, ничего плохого – без рукоприкладства, конечно. А язык-то тогда на что? Есть же такая реклама на одной из марок шоколада: «Россия – щедрая душа!», которая, разумеется, распространяется и на входящую в состав Империи Татарию, за это я

николько не беспокоился. А как человек последовательный, ломал пока голову над тем, как бы мне узнать, какой нынче день недели, ибо давно уже потерял им счет, а справиться мне, получалось, пока что негде, да и не у кого. С администрацией я по-прежнему не разговаривал, а мой единственный оставшийся там на тот момент сокамерник Андрюха Пупков, будучи отнюдь не в лучшем, чем я сам, положении, едва ли имел об этом представление. И все же, не рассчитывая что-нибудь путное на этот счет от него услышать, я зачем-то все-таки поинтересовался у него:

— Ты там, слушаешь, зарубок, как Робинзон Крузо, нигде не делаешь? Не подскажешь мне по-дружески, какое сегодня число? Да и месяц уж заодно.

— А зачем тебе? — по-еврейски (вопросом на вопрос) попытался выяснить он у меня, продолжая, лежа на койке, почесывать под одеялом низ живота.

— Долго объяснять.

— Тогда восьмое.

— Ты уверен? — я прямо-таки подпрыгнул на месте, получив такой ответ. И если при сильном столкновении с автомобилем люди обычно вылетают из обуви, то я, тотчас приземлившись и опершись об отбитый о жесткое ложе копчик, моментально влез в нее, собираясь уже выработать выплеснувшийся в кровь адреналин давно отработанным методом — на ходу.

— Абсолютно. Как дважды два. Ты что, не заметил, я, пока ты спал, восстановил календарик, сорванный санитарками с косяка. Там же и висит опять. Не забывай только ниточку каждый день передвигать, вот флагожок и будет указывать на числовую разметку. Чисто тюремный вариант. Можно подумать, сам не делал такие никогда.

— И правда, — подивился я, отметив это для себя. И куда я только раньше глядел?

— Короче, не чуди давай. Ты так и не сказал, с чем связан у тебя столь повышенный интерес и именно, как я понял, к восьмому числу? — позевывая и как бы с трудом разлепляя веки, не отставал он от меня.

И я ему вкратце, как единственному близкому мне на отшибе цивилизации существу, поведал, почему я вдруг заговорил с ним именно об этом, а не о чем-нибудь другом.

— Гениально! Ляг лучше поспи и все пройдет, — сразу осадил он меня. — Я что-то не помню таких случаев, чтобы здесь кого-то отпускали. Разве что на тот свет... С судом у них здесь, поверь мне, как бывалому человеку, на слово, настолько четко все натянуто, что, если им это нужно будет, то они тебе и задним числом эту самую санкцию — «в пять сек» — продлят. А вот то, что они тебя с ней, как это, в общем-то, должно бы быть по правилам, до сих пор еще не ознакомили, это уже говорит о многом... и все в твою

пользу... значит, не видят в том необходимости, так как принимают тебя за умственно отсталого, вот и все! – теперь уже, выходит, позволил он по новой воспарить мне.

И то правда, не может же человека абсолютно во всем преследовать сплошная полоса неудач. Обязательно должно повезти – не в одном, так в другом, не по-мелкому, так по-крупному, вняв его совету, успокаивал я себя, ложась отдохать. Тем более что времени на это у меня уже было в обрез. Сейчас расскажу, почему.

Тот, кто думает, что за высоченными потолками бывшей «монаршей» конюшни уже ничего не располагалось, бесспорно, очень даже ошибается: здесь, по словам все того же незабвенного «Бешеного пса», приутилось, со всеми своими многочисленными издергками, буйное отделение и, всякий раз, ровнехонько среди ночи, дурачки, похоже, пользуясь тем, что медсестры уже притомились неотлучно за ними следить на протяжении всего дня и, куда-нибудь отлучившись, и в итоге сморились глубоким и беспробудным сном, как по команде, в тот же самый миг выбирались из-под одеял и запрыгивали как на ретивых коней на свои тяжеловесные металлические кровати и, подталкиваемые одни другими, начинали с неимоверным, режущим слух скрежетом и грохотом туда-сюда гонять на них, врезаясь в стены. Для чего? Зачем? Видимо, такая у них была игра – штурм крепости с использованием бронетехники, вместе с которой они, только чудом, всей гурьбой не повылетали, потревожив кладку, из здания вниз, на больничный дворик. А по всему, давно бы уже пора, как бы ни хорошо она укреплена. И это с шестиметровой-то высоты! Меня аж пот холодный прошибал, когда я это себе представлял – поубиваются же! Хотя дуракам везет, так что, возможно, даже и нет, – вероятно, этим и руководствовалась администрация, не принимая никаких мер, чтобы предотвратить подобное.

– Андрюх, ты спиши, что ли? – послышалось со стороны дверного окошка, едва мы успели сомкнуть зенки. – А я к тебе по старой памяти. Прикол есть. Подъ-ка сюда. Что я, орать буду? Да шевелись же... смотри-ка, развалился как фон-барон.

– И че? И не надейся даже, вставать не буду. «Чистых»¹⁰ все равно нету. А то я сразу не догадался, зачем ты пришел, – впервые услышал я, чтобы мой однопалатник шел с кем-то, как я уже успел краем глаза подглядеть, из сотрудников отделения на контакт. По всей видимости, они и в самом деле не болтали, делая в разговоре акцент на том, что хорошо знают друг друга, и раз уж при всей своей осторожности мой однопалатник позволял себе такое.

Ну вот, а я еще хотел поспать...

– У Наташки, медсестры, сегодня день рождения, – напирал незваный визитер, с неретушируемой даже строгой милицейской

формой легкомысленной тусовочной наружностью, на него дальше, и не думая уходить. – Неплохо бы по такому поводу водочки по-взрослому лупануть. Я мафон с собой на смену привез, кислуху на полную включим. Короче, такое тут устроим… пусть только заведующая уйдет. В общем, размозловывайтесь пока, а я к вам попозже наведаюсь еще. Только не вздумайте мне, что у вас денег нет втиратъ, а то я к вашим «куркам» лично клизму бранспойтом подведу. Я серьезно!

От этого неожиданного известия и связанной с ним суэты в моем сознании, нисколько не преувеличивая, можно сказать, вспыхнул праздничный салют. У моей симпатии был сегодня знаменательный день, и что я был бы за ухажер, если бы, располагая вполне достаточными для этого финансовыми возможностями, отказался от (как я понял, относящегося и ко мне тоже) предложения, в числе других, ее поздравить. Действуй, да и только! Бессспорно, я бы никогда не простили себе такой промашки. Да и моя дорогая, и будто предвидевшая, что мне понадобится в скором времени энная сумма денег, мама, я так думаю, что за такую «возвышенную» растрату не стала бы очень уж строго ругать меня, посвяти я ее, например, когда-нибудь в свои тайны.

– Пусть розочку от меня dame купит, – едва этот воистину дьявол-искуситель, а не надзиратель, ушел, порывшись в матрасе и делая акцент на личной просьбе, передал я своему посреднику и однопалатнику заветную тысячу. – А сдачу пусть вернет на Родину…

– И все? – перебил он меня, выкатив зрачки. – А пить, что, не будем, да? Нет, так он, даже можешь не надеяться, ни за каким цветком тебе не пойдет, да и я тоже не согласен, вот если в альянсе с пузырем, тогда конечно.

– А я что, не сказал, да? Вот ведь, самое важное-то, оказывается, и упустил из виду. Ладно, ладно, а то сейчас заплачешь… Одну бутылку им, одну нам, но не больше. Заметано?

– Базар тебе нужен. А что ж ты раньше-то не сказал, что мы с тобой такие богатые, а? А я уж ему, считай, «отмашку» дал. Ну, ничего, я его сейчас сам позову: вроде как хочу в туалет сходить, а то еще вдруг найдет кого посговорчивей из другой палаты, а мы с тобой, значит, в пролете останемся, – неизвестно оживившись, тарабанил Андрюха по дверному окошку, принявшийся за дело.

На этом мы и порешили.

Я ему и мешать не стал.

Пусть, мол, сам договаривается обо всем.

Время ожидания тянулось так медленно, что я даже не заметил, как провалился в глубокий, бесчувственный сон, опять приняв положение лежа и очнувшись не сам, а от грубого Андрюхиного толчка в плечо и показавшегося мне вначале несусветным вопроса: «Пить будешь?» – ну, что в былую бытность, в студенческомечно пьяном общежитии, а не в долженствующей быть исключи-

тельно стерильной судмедэкспертизе. Странно, как я его еще спросонья не послал куда подальше, не поверив и продолжив, как говорится, упорно давить на массу.

Впрочем, я полагаю, он бы не очень огорчился, пропустив, как ушлый урка, оскорблений мимо ушей и уговорив бутылку водки, что называется, в одного – я, дескать, будил тебя! А так, исключительно в силу моей универсальной легкости на подъем, мы пили ее на пару, небольшими порциями, в шутку характеризуемыми нами как «по полтинничку», разливая в описываемые уже как-то в книге пластмассовые стаканчики и закусывая остатками от некогда внушительной мамкиной передачки – по-братски разломленной на два равных кусочка «жопкой» сервелата, хлебными корками и проржавленным яблочным огрызком, правда, весьма внушительных размеров – с детский кулечок!

И ничего удивительного, что после первой бутылки последовала вторая, и после одной, принесенной мне с тысячи сдачи, по проторенной из все тех же липких рук дорожке, уже ожидалась другая, а мы с Андрюхой, как бы само собою разумеющимся образом присоединившись к гуляющей компании официальных лиц, из отведенной нам палаты переместились на нейтральную территорию – больничный холл, где и обещанная роза стояла в хрустальной вазе на столе, и пир, так сказать, шел горой. Замысловатые и яркие, как павлиний хвост, тосты веером звучали из разных уст, услаждая слух моей несравненной избранницы, и единственный, кто не произносил их, как несложно догадатьсяся, это был автор этих записок. Даже второй из присутствовавших там «пижам», матерый симулянт Андрюха «Пупок», не в пример мне, и тот не удержался от внесения в столь приятную инициативу своей скромной лепты торжественным заявлением о том, что из нее получилась бы блестящая фотомодель. После чего со всей (свойственной только слегка чокнутым людям) серьезностью спросил: не участвовала ли она, к примеру, в конкурсе «Мисс Психиатрия», – должно быть, как это принято нынче повсеместно, проводимом и в их системе тоже. И чем, естественно, вызвал всеобщий гомерический смех. В котором, как это ни стыдно признать, принял участие и я – дважды подленко прыснув в кулечок. А он-то, видимо, так и не понял: что это мы так бурно отреагировали на его слова? Наташа (а именно так, как вы помните, звали мою раскрасавицу) оказалась совсем не обидчивой девушкой и только мило на это потупила взор, восхищая меня при этом пурпуром своих щек и роскошным черным бархатом, по-моему, даже не подведенных тушью ресниц. Тем более что, храня молчание, я не отводил от нее влюбленного взгляда, как известно, говорящего порою красноречивее любых слов.

— Что ты хочешь? — как и в прошлый раз, когда я только пытался «подкатывать» к ней «на прогулке», не выдержав, еле слышно попробовала выяснить она это у меня, будто не видела этого сама.

— Только тебя! — понеслось миллионом ответных импульсов и чуть не расплавило ее на моих глазах, как золото подвергшееся воздействию высокой температуры пышущего жаром огня. Что бы я делал без нее тогда? Подумать страшно. Приходилось впредь быть осторожнее.

И если существует на свете поэзия, то это, несомненно, была она!

А где-нибудь еще через час все двери палат были открыты, и обследуемые, когда им надо, по желанию, свободно могли из них выходить, а иначе это создавало для подзагулявших представителей власти столько неудобств: «прижамы» без конца стучали по распахнутым «кормушкам» и просили выпустить их в туалет — то одного своди, то другого. Размякшие и подобревшие от количества употребленного спиртного милиционеры и решили это излишнее, по их мнению, ужесточение режима содержания самолично, не согласовывая с непосредственным — давно уже попивающим чаи по домам — начальством, хотя бы только на сегодня отменить. При этом, видимо, удивлялись еще, почему им это только сейчас пришло на ум, а раньше они, подчиняясь каким-то глупым служебным распоряжениям, только и делали, что постоянно напрягали себя. «Тоже мне, ферзи парламентские», — с высокомерием взирая

на весь наш мельтешящий по коридору и чуть ли не снивелированный в один общий контур спецконтингент, должно быть, подспудно размышили они. «Что мы им, швейцары, что ли? Бегай к ним, понимаешь ли, по первому зову — выводи, заводи. Чать, не маленькие, сами куда им надо сходят, а мы пока лучше немного передохнем и на расстоянии за ними приглядим». А то, в натуре, только присядешь — «бабки» тащат, за водкой им, видите ли, иди. Ведь у некоторых из рассчитывающих на милость судебной психиатрии обвиняемых по уголовным делам тоже обнаружились припрятанные в укромных уголках дензнаки, и они, по нашему с Андрюхой Пупковым примеру, сговорившись с ними, вызвались употребить лавэ на благое дело, дабы не упустить шанс слегка расслабиться, а заодно и поздравить со столь знаменательной датой всеми любимую медсестру.

Даже пес Гиппократ — и тот вскоре присоединился к нам и, каким-то таинственным образом выбравшись из вольера и найдя дорогу в отделение, весело поскучивал, выпрашивая себе что-нибудь вкусненькое, сидя у нашего, как скатерть-самобранка непереводаемо изобилующего яствами стола. Соответственно, сдачи мне больше уже никто не приносил и денег у меня не осталось, как это произносится по-простецки, «ни шиша».

Тем не менее, ощущение счастья не покидало меня.

И если бы только меня одного...

Догадались уже, о ком пойдет речь?

Вот именно! Мы были с моей ненаглядной Наташой как два влюбленных воркующих голубка на карнизе воздушного совмещенного строения, по типу тех, что издревле возводятся по всем городам в северных европейских странах.

Русскому же человеку, как водится, нужен простор.

Однако тоже не всегда... или, точнее будет сказать, до определенных пределов.

Так, придерживаясь меры в выпитом и осознавая себя там лишними, мы с ней, понимая уже друг друга с одного взгляда, незаметно для окружающих удалились в кабинет к заведующей, где моя психиатрическая богиня вроде бы что-то забыла... и кто бы сомневался, что это было именно так, а не подсказанный главным инстинктом повод, чтобы устранив ту, последнюю телесную преграду, которая еще существовала между нами, дать тому восхитительному светлому чувству, что сверх всякой меры переполняло замкнутые сосуды наших сердец, выход, дабы оно, как вырвавшаяся наружу раскаленная лава, не испепелило нас. Ибо, так уж повелось со времен Адама и Евы, Ромео и Джульетты, Мастера и Маргариты и прочих настоящих и будущих романтических имен, влюбленным свойственно уединяться для того, чтобы, пока хладнокровные прагматики выясняют, кто же все-таки красит под землей морковку, мечтательно предаться вздохам и ахам под загадоч-

ным мерцанием, разумеется, зажигаемых только для них одних звезд. Вот и я, оставшись наедине с Наташей и последовав за ней к белой раме разлинованного решеткой окна, первым делом, выдержав необходимую паузу, объяснился ей в своей сердечной привязанности, а потом, закрыв дверь на невольно выроненный ею из руки ключ и погасив свет, полночи рассказывал ей о себе и читал по памяти все подряд, какие только срывались с языка, лирические стихи. Причем некоторые из них были моего собственного сочинения. Как из прошлых, так и выданные экспромтом, конечно же, чередующиеся с поглаживаниями и поцелуями, так что теперь уж, по прошествии времени, не разберешь, чего там было больше, того или этого. Главное, что ей это очевидно нравилось, и она лишь условно, в чисто девичьей манере, сопротивлялась моему пылкому, прямо-таки юношескому натиску.

— А почему ты с другими не разговариваешь, а только со мною? — конечно же, все прекрасно понимая и как бы напрашиваясь на комплимент, стоило мне на минуту прерваться, попыталась выяснить она у меня.

И немудрено, что услышала то, что хотела:

- Да потому что мне никто больше не нужен, кроме тебя!
- А-а-а...

Это привело к тому, что мы с ней даже и не заметили как плавное притяжение нежностью, постепенно, при сближении, переросло во всепоглощающую и головокружительную страсть. Только я и она, в единий миг, против миллионов лет, мертвящего галактического ожидания — мы просто не имели права этого по достоинству не оценить! И вот ведь напасть, увлекшись, не рассчитали того, что под утро нас может сморить сон. По-домашнему сладкий-пресладкий, единственno вот только где — в натуральной тюрьме!

Отчего и пробуждение было внезапным, а заодно и ужасным. Дверь в кабинет, в котором мы с ней остались на ночь и которую, как оказалось, я так и не смог как следует закрыть в момент нашего полного беспамятства, вдруг с шумом распахнулась, щелкнул выключатель и зажегся свет. И заведующая отделением Роза Зульфировна, видимо, как обычно, придя в тот ранний, по-зимнему предрасветный час на работу, застала нас врасплох, мирно спящими, в голом виде, на предназначеннном, видимо, исключительно для ее индивидуального отдыха в обеденные часы раскладывающемся диване, занимавшем полкабинета и приставленном к стене напротив письменного стола. Она аж задохнулась поначалу от злости, а потом как начала на нас, что Салтычиха на крепостную дворню, благим матом орать. Даже не дала нам секунд десять на то, чтобы прийти в себя и одеться. Хоть бы из приличия вышла. Нет же, так и продолжала до последней минуты, пока мы оттуда не убрались, вытаращив зенки и тряся двойным подбородком, наскакивать на нас обезумевшей индюшкой, будто на забредших на ее территорию чужаков. Короче,

тот самый случай, о котором Чехов некогда с горечью заключал, что «жив еще в нем (а тут, соответственно, в ней) татарин», — я полагаю, так это надо понимать!

До смерти перепуганная Наташа накинула на плечи белый больничный халат, сунула босые ноги в шлепанцы и, подхватив сложенные в один комок предметы нижнего белья — трусики, лифчик и колготки — пристыженно выскочила в дверной проем. Как и подобает вести себя истинному мачо, на грани раздолбайства и самообладания, я направился в тот же контур, при этом, правда, долго не попадая ступней в зловредно уворачивающийся тапочек, а затем, по ходу движения влезая прямо в обувь в штаны и уже разобравшись с ними, следом путаясь в рукавах наполовину вывернутой наизнанку рубашки. Состояние невиданной эйфории, пе-режитой мною в ту ночь, не давало мне еще толком осмыслить всю необретимую, чудовищную суть постигшего меня несчастья. Но механизм уже был заведен: вот-вот, вот-вот...

Никем не сопровождаемый, я машинально забрел в умывальную комнату и, пользуясь тем, что меня никто не торопил, открав кран, предельно испытал на себе живительную силу бьющей над ванной струи холодной воды, и только после этого отправился в палату, точно даже не помня, заходил ли я еще и в туалет.

Вскользь я успел заметить, как помято выглядели будто повылезавшие на свет белый после ночевки в каком-нибудь разлихом борделе сдающие смену менты, и какой там творился безошибочно выдающий развеселую продолжительную гулянку бардак — повсюду валялись окурки, закатившиеся под кушетки пустые бутылки и, очевидно, смятые в пьяном угаре неизменные пластмассовые стаканчики, словно призванные олицетворять чьи-то поломанные судьбы — раз, два, три...

Мне представлялось, что заведующая отделением осталась в своем кабинете, а она, как выяснилось, потеряв меня из виду, пока я полоскался в «умывалке», пошла на опережение и, войдя в палату, где, как ей думалось, я уже успел, добравшись до кровати, накрыться одеялом, по каким-то своим, лишь ей одной ведомым мотивам, о которых можно было только догадываться: «возможно, надеялась меня разговорить»? — с диким воплем: «Ветров, встать!» — сдернула с ошибочно предполагаемого меня это ночное убранство, вызывав, тем самым, целый ураган эмоций у каким-то хмельным шутником уложенного под него и безмятежно, по-барски, почивающего пса Гиппократа, который так злобно тявкнул на нее в ответ, будто собирался по-серезному искушать. Отпрянув в испуге назад, Роза Зульферовна в точном смысле — о, игра слов — на него и приземлилась.

То есть на свои массивные ягодицы.

И без дополнительной помощи рук и ног сумела-таки, пятясь спиной вперед и на выход из палаты, удалиться от собаки на безопасное расстояние.

Честно говоря, я впервые в жизни видел подобное ловкое передвижение.

Как на воздушной подушке, она буквально по воздуху проплыла! Ни один цирк в мире, наверняка, не обзавелся еще подобным номером. Оставалось только порадоваться за человека, что лишился она, предположим, по каким-то побочным и независящим от нее причинам своей психиатрической практики, то талант ее, несомненно, не пропал бы зря.

— Корвалола, — закатив глаза, в предобмороочном состоянии успела прошептать опершася спиной на мои коленки высокочтимая заведующая отделением, как будто я знал, где ей его взять, или мог себе позволить в моем положении ее просьбу передать медсестрам. Пусть это было жестокосердно с моей стороны, но я не собирался из-за этой обделавшейся со страху хамоватой особы ставить под угрозу результат с таким трудом реализовываемого в жизнь симулятивного проекта, иначе выражаясь, терять здравый смысл. Все, на что я был ради нее способен тогда, это только, чтобы она, вдруг начав терять сознание, не упала и не ударилась головой об пол, попридержать ее в сидячем положении, сколько потребовалось до прихода подмоги.

Благо, ее долго ждать не пришлось. А исходила она, эта самая экстренная помощь, от кого, вы думаете? Ни за что не догадаетесь! От того же виновника происшествия, пса Гиппократа, в одном прыжке подскочившего к нам и парочку раз примирительно лизнувшего ее в оплывшее, как квашня, лицико, а так же развернувшись, что платком, дополнительно обмахнувшего ее виляющим во все стороны хвостом.

— Пшел, противный, — вот и все, что она в благодарность за самоотверженное реаниматорство пожелала сказать служебной собаке, перед тем как, собравшись с силами, поднялась и покинула помещение. А уж я так не удостоился и этой чести, что, в свете моих амурных подвигов, в общем-то, было вполне предсказуемо — отличился так отличился!

Непредсказуемо было поведение другого человека, а именно — до сего события довольно-таки покладистого обследуемого Андриюхи Пупкова, которого, мало того, что не наблюдалось на спальном месте, так еще и, как выяснилось позже от шептавшихся между собою во время очередной уборки-шмона санитарок, обнаруженного не где-нибудь, а в соседнем крыле у дурочек, с которыми он буквально «до упора» предавался сладострастной оргии, а те ни в какую не хотели расставаться с ним — ну, в точности, как это было, по его рассказам, с его однопалатником в прошлый раз. Проторенной стезей, так сказать, шел! Ну, где с такой сложной задачей было справиться местной (пусть и свежими силами взявшейся надзирать за нами) милиции, и она неоднократно просила заведующую вызвать ей в подкрепление «вольный» ОМОН. Ко-

торый, вероятно, подоспел бы вовремя, не будь он занят на тот момент, вместе со всеми другими, поднятыми по тревоге многочисленными силовыми подразделениями, поисками беглых преступников. Да еще откуда! Аккурат из восемнадцатого отделения казанской психиатрической клиники. Так что одним пришлось, «вызволяя» Андрюху, рассчитывать только на самих себя, а другим войти в подчинение экстренно созданного оперативного штаба, который и держал их наготове, пока поднимались личные дела каждого из « побегушников » и выяснялись все родственные и дружеские связи, по адресам которых и предполагалось их искать, затем, чтобы там же, на месте и арестовать. По наработанному ранее немалому опыту знали уже, что большинство из них отправится по домам – выражаясь официальным языком, восстанавливать социальные связи. Так оно и вышло. И только меньшая часть из отсутствующих « пижам » как бы бесследно исчезла, и только по чистой случайности первого из них сняли с международного туристического автобуса по дороге в Скандинавию, потому как вместо паспорта, одетый в больничную робу, он начал, по требованию пограничников, вынимать из карманов осенние листики – кленовый, осиновый, дубовый и т. д. и т. п. правда, все под цвет – золотисто-красные. И так-то возможно и обошлось бы, если бы один из зеленопolygonников, чувашин по национальности, на последней секунде поражен-но не заявил: «Фотографии нет!»

Второй, как тот чукча из старого доброго советского анекдота, попросил политическое убежище в супермаркете.

А третий наговорил референту управляющего делами администрации Президента Татарстана что-то такое, что тот, одарив его своим костюмчиком с отливом и оставшись в одних « стрингах », ко всему прочему, пытался у нотариуса переписать на него все свое движимое и недвижимое имущество. Это-то и вызвало подозрение: уж очень экстравагантный вид!

Соответственно, огласки избежать не удалось и, видимо, больничному начальству потребовалось задействовать фантастические материальные и административно-клановые ресурсы, дабы удержаться в своих креслах (а то и на диванах, как у Розы Зульфировны) на этих, надо думать, « тепленъских » должностях, потому как массовый побег особо опасных преступников из судмедэкспертизы – это, что ни говори, а ЧП.

Но и без крайних, разумеется, не обошлось, и если психиатрическим боссам данное происшествие, прибегая к штампу, сошло с рук, то подчиненных, как лиц, не задействованных в столь мощных коррупционных схемах а, стало быть, бесправных, спешно начали менять. В результате, вместе с фактически виновными во всем случившемся милиционерами пострадала и моя тихоня-медсестра, которой, как я опять же слышал от посторонних, всезнающих и без

умолку балаболящих уст, напоследок заведующая так и сказала: «Нечего мне тут разврат плодить».

Бедная девочка, как мне было жалко ее! Справила День рождения, называется – и горько, и смешно. Я-то мужик, а потому и пережить мне такое было гораздо проще, к тому же зэк, которому и терять-то как бы нечего – ну, в худшем случае, пораньше выпишут оттуда, а вот ей, учтивая злые бабы языки, без преувеличения опозоренной на весь город и, вероятно, не имевшей ни моральной, ни финансовой поддержки, не так-то просто будет, превозмогая душевную боль и обиду, подыскать себе работу по профилю. Эх, что же я не сообразил, когда мы уже стали с ней так близки, как бы между прочим, адресок или телефончик у нее спросить – а ведь обещал, что освобожусь и найду ее. Болван, одним словом. И она еще поверила такому...

И вот ведь, что забавнее всего: мне, чтобы доказать этот очевиднейший факт, приходилось симулировать или, как еще говорится, косить. Причем, было неизвестно, добьюсь ли я своего и признают ли меня таковым вообще? А ведь от этого по-прежнему зависело все мое будущее, как на тонкой ниточке зависшее над пропастью, только с глубиною, измерявшийся не в метрах, а в интервале от года до нескольких лет. Но все одно – над пропастью. Даже при удачном стечении обстоятельств, трезво оценивая ситуацию, я едва ли смогу отыскать, поэтически выражаясь, упавшую в нее жемчужину, ибо к тому времени, как это пишется в священном писании – Библии, много воды утечет.

В общем, натворил я дел.

Чисто по житейскому правилу: хочешь как лучше, а получается как всегда.

Вот такой вот, значит, я – фольклорный персонаж, с горьким сарказмом, не сотрясая воздуха, выговаривал я себе. Это еще мягко сказано – были и покрепче словечки, конечно, которые, из этических соображений, я предлагаю не озвучивать. С тем же успехом их можно прочесть и на любом заборе, да и глава эта уже как бы закончилась – читаем следующую.

Глава 7. Патетическая

Если кто-то думает, что сразу после произошедшего мы с Андриюхой Пупковым успокоились и легли спать, а полуబессонная и бурная ночь, выжав нас, как апельсин, сделала тихими и покорными, то, выходит, что он ничегошеньки не понимает. Напротив, мы с ним, испытав такое!!! были воодушевлены теперь и ни в какую не хотели мириться с тем, что нас, как бы глотнувших сладкого воздуха свободы, опять заключают в жесткие арестантские рамки, будто погрузят в формалин и заживо мумифицируют.

— Спаси дерево, убей бобра! — в знак протesta вопили мы во весь голос неизвестно кому первому пришедшую на ум фразу (давно известно: мысли в воздухе витают), доводя себя до полного исступления. Это был эмоциональный взрыв, это был откровенный вызов всему, будто выписавшему нам приглашение на казнь, тоталитарному режиму, пусть и выражаемый в такой дикой форме.

В любой другой мирно тянувшийся календарный день мы, безусловно, сразу же привлекли бы к себе всеобщее внимание, но в тот, выходящий за привычные рамки и максимально напряженный, когда вся администрация экспертизы, что называется, «стояла на ушах», обеспокоенная ночным ЧП и долгими поисками трех, покинувших пределы строго охраняемого учреждения, обследуемых, до таких незначительных казусов, как отчаянные вопли находящихся в радиусе отделения и запертых в одной из его палат пижам, вовсе не было никакого дела. Вот если бы, допустим, воспользовавшись ситуацией и подобно тем, только что упомянутым «аналогам», мы выбрались оттуда и устроили наш, скажем так, марш несогласных подле стен больничного комплекса или же где-нибудь в отдалении, в любом ином месте густонаселенного татарского города, тогда бы, конечно, мы бы незамедлительно попали в поле зрения властных структур. И нам тотчас, как миленьkim, скрутили бы ручки, но в том изолированном от внешней среды фактически государстве в государстве, и в тот предельно обостренный час поисков пропавших заключенных, как на ответственных лицах, в первую очередь отражавшийся на всем коллективе сотрудников судмедэкспертизы, то на нас, по их мнению, двух недогулявших обормотов, презирно не обращали никакого внимания. Дожили, как говорится! Хоть сколько себе надрывай глотки! Хоть спасай дерево, хоть вали его вместе с бобром — это их как-то не трогало и, получается, понапрасну мы только так изгаялись, желая в кои-то веки устроить протестную бучу. Даже обидно было — ведь ни одна припудренная и «надухаренная» скворечница в накрахмаленном белоснежном медицинском колпаке, либо же простодушная деревенская рожа с примятой «канадкой» от ментовской фуражки, так и не приблизилась к нашему дверному окошку, чтобы попытаться выяснить:

«Что это, дескать, так разволновались психи?» Пока мы сами уже не выдохлись и не вознамерились спать, укрывшись с головой одеялами. Кто бы нам дал еще это сделать! Ибо, по закону подлости, как только мы с ним притихли, нас тотчас начали по одному вызывать на допрос к примчавшимся отовсюду разбираться в случившемся дознавателям «при погонах» и в гражданке. Правда, толку от этого не было никакого, ибо в ответ, вернувшись к прежнему симулятивному поведению, мы только упорно молчали, не усматривая особой разницы между ними и белыми халатами.

— Недавно же, вроде, в палате орали? Или это, скажете, были не вы? — недоуменно разводили они руками, вынужденные ни с чем убраться восьмояси. — А что сами-то не побежали? А, слушаем, они вас никуда с собою не звали? Понятно.

После чего, оставленные в покое, примерно до середины ночи мы отсыпались, а потом потянулся нескончаемый День Сурка, когда события, будто в одноименном американском фильме, идут сплошной чередой по замкнутому циклу.

Санкцию на арест мне, скорее всего, каким-то хитроумным способом в бесчисленный раз продлили, потому как на свободу меня, как читатель уже понял, так и не отпустили. Я все ждал, что меня, как это положено по закону, ознакомят с судебным постановлением, но администрации, видимо, тогда, в силу известных причин, не до подобных формальностей было. Более того, ко мне потеряли всякий интерес, и я, как безликая чурка в поленнице, целыми сутками неподвижно валялся на койке, поднимаясь с нее лишь в случаях крайней необходимости, как-то: плановый шмон, прием пищи или оправка. Психиатр «Губа», видимо, на нервной почве, покрылась какой-то подозрительной сыпью и ушла на больничный, о чем мы опять же узнали, невольно подслушав разговоры санитарок в час ежедневной уборки (которые, естественно, величали ее не по погоняжу, но я, к сожалению, экзотические национальные имена, да и фамилии с отчествами тоже, на слух плохо воспринимаю).

К нам в палату подселили двоих новичков — самарца «Кузю» и казанца Равиля. Оба они обвинялись в убийстве на бытовой почве, но в связи с возникшими у следствия и суда сомнениями относительно их вменяемости на момент совершения преступления были направлены в восемнадцатое отделение для установления истины по делу. В общем, все как у всех, отметившихся там фигурантов уголовных дел: что у меня самого, что у еще кого-то.

«Кузя», прикидывающийся старичком, довольно крепкий пятидесятилетний мужичок с голубыми выпуклыми глазами, имевшими наивно-добросердечное, как у ангелоподобного младенца, выражение, носил седую, то и дело приглаживаемую бородку и, в контрасте с ней, неизменно взлохмаченную, без намека на пleshь, шевелюру. Любил поразглагольствовать на всевозможные темы и постоянно искал себе для этого какого-нибудь непривередливого

слушателя. Пусть даже глухонемого. Ведь чужое мнение егоoso-
бо-то не интересовало, и он вполне мог бы и обходиться, разгова-
ривая сам с собою. Тоже, наверное, одна из разновидностей ши-
зофрении или неосознанная реакция на перенесенный стресс. И
если бы таковой у него был только один. По его рассказам, ранее
он уже был неоднократно судим по «мокрой» статье и, в после-
дний раз, ему это даже сошло с рук, так как он зарезал человека в
своей квартире, якобы в целях самообороны.

На этот же раз аналогичная история приключилась в гостях у любовницы, где он порешил во время пьяной ссоры кухонным ножом своего, ненароком оказавшегося там и превосходящего его в силе и весе, соперника. Так, во всяком случае, он обрисовывал нам в азарте своего нескончаемого откровения фабулу учиненной им трагедии. Которой он, вроде как, отчасти даже гордился, и в содеянном, похоже что, нимало не раскаивался. Когда же его пару раз для ознакомительно-методической беседы вызывала стоически перенесшая массовое неповинование начальница отделения Роза Зульф (забыл как дальше), то он, по его словам, уверял ее в том, что ничего не помнит из произошедшего и вообще, дескать, не понимает, за что его арестовали, тем самым выводя ее из равновесия и принуждая к крику, от которого другие обследуемые, веро-

ятно, в страхе нередко мочились под себя, тогда как его самого это, скорее всего, только забавляло, премного улучшая и без того прекрасное настроение. По-народному, то была кося, которая нашла на камень. Не все же ей, этой самой кося, врезаться в чужую психику без сопротивления, а у него, соответственно, была на то своя непреклонная выверенная позиция, в правильности которой он, вероятно, нисколько не сомневался.

С Равилем все обстояло по-иному.

А уж как непросто удавалось вытянуть из него хоть слово.

Это было первое в его жизни жестокое деяние, от которого он сам еще толком не пришел в себя, а потому и старался все больше отмалчиваться, предаваясь самоуглубленным размышлением. Простоватый тридцатилетний татарин с европейскими чертами лица, большими темно-карими глазами, без какого-либо намека на типичный азиатский прищур и старательно зачесываемыми набок пятерней черными, как крыло грача, волосами. Он обо всем говорил открыто и ничего не скрывал как перед нами, так, видимо, и перед врачами. Да те его, собственно, поначалу по этому поводу в свои кабинеты на аудиенции и не вызывали – заведующая отчего-то не бралась, а самоустранившаяся «Губе» пока что никак не подыскивалась временная замена.

Будучи в подпитии, в порыве любовной ссоры, «Грач», как я прозвал его про себя, полоснул по горлу подвернувшимся под руку ножом свою сожительницу. Он все отлично помнил и совсем уж неясно тогда, по каким-таким объективным причинам был направлен на стационарное освидетельствование (ладно бы на одну «пятиминутку»). Причем, сам он, по его заверениям, к достижению этой цели никаких усилий не прилагал, юлить не собирался, а на-против, жаждал даже для себя за содеянное как можно более строгого приговора, и единственno, на чье участие мог предположительно сослаться в этом неожиданном для него повороте в следственных действиях – это на помочь своего старшего брата, влиятельного бизнесмена, нанявшего ему дорогого адвоката, всеми силами пытавшегося свести все на состояние аффекта и, в итоге, добиться для него минимального срока наказания.

Две истории, а какие занятные обе!

Так что скучать нам не приходилось, а вот веселее едва ли стало.

Да и о каком веселье могла идти речь, когда у каждого из нас было предостаточно оснований для помрачения рассудка, а если уж говорить обо мне отдельно, то вполне хватало и того, что судьба-проруха поместила меня вначале, как безобразнейшее из явленных миру чудовищ, на самое дно общества, дабы оградить разлюбезное от столь опасного контакта и шокирующего зрелища, а потом вдруг ни с того, ни с сего, взяла, да и подарила мне, как прообразу из незабываемой детской сказки, аленъкий цветочек! Да

и то, лишь затем, чтобы тут же его отобрать, причинив таким образом сильнейшее душевное страдание и нанеся незаживающую сердечную рану. И хорошо, если только мне одному, а то ведь может и ей тоже?!

Моей красавицы-медсестры не было со мной и, тем не менее, она всегда была рядом. Я миллион раз воскрешал в своей памяти ту несравненную ночь, когда, по стечению самых что ни на есть курьезных обстоятельств, мы вдруг оказались близки с нею. Я невероятно доподлинно помнил будто раскрашенные, как радуга в цветовую гамму, запахи ее волос и тела, как бы до сих пор ощущал на себе невыразимую нежность кончиков ее пальцев, ответную упругость губ и пугливую оторопь, молниеносно пробегающую от моих ласк по ее гладкой, как шелк, коже. Всеми фибрами трепещущего, как свеча на ветру, и расплосованного, как под скальпелем хирурга, организма я хотел бы быть снова с нею и не думал мириться с этой безвозвратной потерей. «Наташа», — машинально карябал я ногтем напротив своих глаз на стене ее волшебное имя, не поднимая головы от подушки и едва шевеля согнутой в локте рукою, хотя, в это же самое время, мне хотелось от отчаяния грызть себе вены. Слезы сами наворачивались на мои веки и бежали по щекам не тронутыми. Я даже не пытался их вытереть. В тридцать с лишним лет я сделался сентиментальным, как романтический юноша, и не желал никому из то и дело обновляемого контингента палаты показывать своих слабостей. Был, правда, момент, когда я попытался хоть как-то отвлечься и, быть может, совершая ошибку по отношению к своим симулятивным принципам, попросил чрезмерно сердобольную медсестру Татьяну, обычно дежурившую в следующую после моей несравненной Наташи, в пору ее работы там, смену, принести мне из каптерки (так как обследуемых туда не водили) прихваченные с собою в дорогу книги, написав ей об этом, как это требовалось от меня, краткую записку. Только все было не на пользу: я вроде бы вникал в содержание вскоре оказавшихся у меня на руках произведений, переворачивал, как и положено, страницы, но при этом тотчас все забывал, ибо параллельно, зацикленно, грезил о своем алеинском цветочке, о своей дорогой медсестре, с которой, вот ведь что ужасно, пожалуй, мне никогда больше не придется свидеться.

И тут, безусловно, было не до повторения подвигов Юлия Цезаря, по утверждению историков, способного одновременно делать три дела, а, по сути, как мне сдается, ни одного, потому как я имел возможность убедиться в этом на собственном примере, пытаясь как бы обманув себя, удержать в голове сразу две книги, где одна была внутри меня, а другая снаружи — сосредоточенности ноль, зато сколько понтов!

«Я бы, изъясняясь обиходными словами, хоть щас женился на Наташе и наплодил с нею кучу сопливых детишек. Я же не как

там некоторые – «поматросил и бросил». Я же с серьезными намерениями, не без важности осмысливал я, так сказать, «день вчерашний», опять же, ни единым словом не обмолвившись о своих переживаниях с вновь поступившими соседями по палате.

Неплохо хоть мой, в одном лице, давний друг, товарищ и напарник по всей этой кутерьме, Андрюха Пупков, своевременно объяснил им, что я, мол, далеко не мирный, как это может сперва показаться, а самый что ни на есть опасный бессловесный «шизик». «В тихом омуте черти водятся», – в точности по поговорке. И нечего, стало быть, даже пытаться со мною заговаривать, дабы понапрасну меня не раздражать и не беспокоить, а то ведь, ни разу не моргнув, вразумлял он их, сижу я, якобы, за то, что убил контролера, потребовавшего у меня в автобусе билет, а заодно и пришедшего ему на помощь водителя, который, в свою очередь, был близким родственником замначальника милиции, поплатившегося, до кучи, на первом же допросе правым ухом и кончиком носа. Ладно хоть, по его фантасмагорическим утверждениям, подоспевшие вовремя опера меня от него оттащили и наручниками к батарее приковали, а то бы я и не то еще там понавытворял – представить страшно. Все новостные порталы, якобы, только об этом, будто никаких других событий в это время не происходило в мире, без умолку и трезвонили. Да и сейчас, мол, еще нет-нет упоминают – «по телеку», в криминальной хронике, как одно из курьезнейших событий года.

Такие вот вокруг моей прескромной, презаурядной личности творились тогда нешуточные страсти-мордасти.

Причем, «Кузя» с Равилем во всю эту очевидную ахинею, на лету придуманную Андрюхой «Пупком», безоговорочно верили и, не взирая на то, что сами были доставлены туда за схожее, с приводимым им «острастки ради» пустословии, насилие над личностью – убийство, все-таки старались меня лишний раз без надобности не касаться. И заметно сторонились, насколько это, конечно, возможно в масштабах предельно уплотненной камеры-палаты, в которой пока еще пустовала только одна койка, между прочим, давненько уже, назло администрации не запрокидываемая мною «на попа» и, в связи с этим, ровнехонько перегораживающая половину прохода и позволяющая притиснуться мне и «Кузе» к нашим спальным местам только строго в определенном положении – боком, боком, как где-нибудь на массовом мероприятии под давлением толпы, вдоль контрольного турнicketa. «А уж если к нам в ближайшее время еще кого-нибудь подселят туда, – волей-неволей мысленно подметил я, – то ему, скорее всего, придется, дабы не сталкиваться с нами лбами, добираться до своей постели еще более экстремальным, нежели нам с моим ближайшим соседом и новоявленным земляком «Кузей», способом. – Это будет десантный кувырок – бросок через дугообразную спинку, а дальше все вперед и по собственному усмотрению, либо «по-собачьи», на четверень-

ках, либо по-змеиному, что означает «по-пластунски». Это было явным унижением человеческого достоинства и издевательством над личностью, но кого, реально, кроме нас, изгоев, это еще волновало? Да никого! Всем было, грубо говоря, «по х...!»

(Может, кто-нибудь подумал, что проверяющих комиссий там не было. Да что вы! Чуть ли не по две в неделю. Только палаты они принципиально не осматривали, ограничиваясь глубокомысленным и важным, как карусельные лошадки, выездом по намытому к их приходу до зеркального отражения коридору. То есть по одной-единственной проторенной круговой дорожке. В общем, все как везде на территории нашего славного государства и по четко наработанной коррупционной схеме, очень уж характерной для всех стран третьего мира. Где под вывеской демократического правления, по тюремно-баландному методу, будто чай-вторяк, подкрашенный жженкой, подается бесправному гражданскому сословию жуткая смесь, состоящая из диктаторского и марионеточного режимов, и где повязанным между собой многочисленными циркулярами и вечно дрожащими за свое чудом отвоеванное под солнцем теплое местечко лицемерам-чиновникам иначе нельзя – свои же «поджуют», ибо только так «рука руку и моет!»)

Видимо, все это в совокупности так повлияло на меня, что я и сам уже сделался вял и инертен и даже не пытался больше, как раньше, определиться в злосчастном суточном исчислении. Тем более что самодельный настенный календарик у нас опять сорвали во время обыска, а без посторонней подсказки восстановить его было не так-то и просто. В природе все происходило своим чередом – день сменялся ночью, а ночь – днем, и это было очевидно, так как нам примерно через равные часовые интервалы подавали пищу и неукоснительно, в отрезок самого глубокого сна, буйно помешанные, проживающие «этажом» выше и непосредственно над нашими палатами, начинали свои интенсивные телодвижения, вкупе с громоздкой передвижной техникой, которую уже даже условно нельзя было охарактеризовать таким скромным и неточным понятием, как койка, ибо это, вне всякого сомнения, было орудие, тяжелая артиллерия, причем исправно служившая целому расчету бесстрашных воинов.

Подсели к ним туда Чингисхана, и «писец» придет – захватят полмира.

Спроси у таких, какое сегодня число, заранее ясно, что они тебе ответят.

Да и мои ближайшие соседи, насколько я мог понять из их каждодневных неурочных разговоров, подобными незначительными нюансами цивилизованного сосуществования вообще не забивали себе голову. И, если все-таки невзначай вспоминали о бесцельно уходящих днях жизни, то лишь в связи с тем, что дело неизбежно шло к выписке, ориентируясь в верном приближении

столь умозрительной временной категории, как какая-то там точная цифровая дата, на уровне мировоззрения помещенной в зоопарк гориллы, изъясняясь точнее, по конкретным визуальным раздражителям, а именно: по раз в трое суток обновляющемуся составу сотрудников отделения; что мне, стоит сказать, после того, как я по воле немилосердного рока утратил свой единственный предмет более чем повышенного внимания – благоверную избранницу, совсем перестало удаваться. Так что продолжительность моего пребывания на этом архипелаге сумрачной надежды, в отличие от робинзоновского, измерялась не от часа заточения туда ежесуточными продольными надрезами на специально присмотренном для этой цели срубе дерева, а от головокружительной ночи сближения с нею и разлуки, по мере углубления от в кровь стирающегося ногтя большого пальца правой руки на облупившейся под вековой краской штукатурке. Каждый день по частице плоти вувековечении ее священного имени: Наташа, безраздельно вбирающего в себя миллиарды лет, предельно сконцентрированных, спрессованных, скатых, как в атоме, в мучительно долгие секунды и минуты. О, нескончаемая круговерть земная, положа руку на сердце – мне ведь и календаря тогда уже было не нужно. Разве он мог помочь мне в моем безутешном горе?

По-прежнему, для самоуспокоения я иногда пытался читать книги. Правда, как обнаружилось, «верх тормашкой», на что не преминул указать примерно по прошествии месяца моего нервного анабиоза (если, опять же, можно так определить мое тогдашнее состояние) приступивший к обязанностям в подмену бессрочно покинувшей нас «Губы» молодой психиатр.

Кстати, тоже татарской национальности.

– Вот те на! Это кто это у нас тут так с текстом-то оригинально знакомится? Случайно, не мой подопечный? Как в невесомости... хоть сейчас прям выпирай направление в отряд космонавтов. Похвально, похвально...

«И как он только умудрился это разглядеть на таком значительном расстоянии?» – недоумевал потом я, пораженный его бесшумным приближением к дверному окошку во время моего «виденья в книге фиги».

Как впоследствии выяснилось, его интересовали только я и Равиль, а Андрюху с «Кузей» (у которого, кажется, вовсе не было имени, а только фамилия Кузнецов, и то лишь звучавшая из уст администрации) все так же «курировала» заведующая отделением, как ее теперь все обследуемые между собой за глаза звали – «Коза Ностровна».

Раза два новый судмедэксперт вызывал меня для беседы в «конфиденциальной» обстановке в какой-нибудь из, видимо, оказавшихся на тот момент свободным служебных кабинетов, которые располагались за одинаково оббитыми черным дерматином то ли

тремя, то ли четырьмя, включая процедурную, дверями, все того же белоснежно-кафельного, соединяющего две секции отделения, исхоженного мною вдоль и поперек коридора. Усаживал напротив себя на стул и пытался разговорить наводящими вопросами.

— Хочешь, чтобы тебя в растение превратили? Так и будешь молчать? А оно тебе надо? — и т.д. и т.п.

По складу характера или, как еще говорится, по натуре своей, человек скорей мягкий и отзывчивый, он и в профессиональной деятельности не упивался предоставленной ему властью. Никогда не переводил разговор на крик, как это делают некоторые из его коллег, таким образом пытаясь компенсировать поражения, претерпеваемые ими от контактов с более жестким и зачастую не зависящим от их личных амбиций вольным миром, а держался в общении с нами так же естественно, как с равными, не изыскивая каких-либо иных способов для оказания на нас морального давления.

И если наши с ним аудиенции, благодаря его, как я уже подчеркивал, личностным качествам, обходились без эксцессов, то с пригласившей меня «нежданчиком», скорее всего, в параметрах многочасовой программы тестирования, женщиной бальзаковского возраста, у меня все обернулось в этом плане совсем иначе, и взаимоуважительного расставания не получилось.

Вначале она, приняв меня за немого, разговаривала со мной с жалеющими нотками в голосе. Как бы даже по-матерински. Но потом, полистав лежащую перед ней на столе довольно внушительную по объему папку и, очевидно, что-то там про меня в ней вычитав, резко перешла на крик:

— Ах ты, значит, дурить вздумал! На Молчуна насмотрелся?! И поэтому так себя вести начал?!

«Вот те на! Оказывается, не он на меня, а я на него...» — не показывая виду, между тем, очень даже поразился я.

Такого беспардонного с ее стороны поведения я, естественно, терпеть не мог и, и не спрашивая у нее разрешения и не комментируя свои действия, энергично поднялся и вышел из кабинета, удаляясь по направлению палаты.

— Что там, что? — встревоженно повскакивав на ноги, вопрошали меня доселе в расслабленных позах восседавшие на кушетках охранники-милиционеры, ибо за моей спиной раздавался уже не крик — это был дикий вопль, способный перекрыть любую из имеющихся у служб гражданской обороны, для оповещения населения о начале массированного авианалета, сирену.

— Чокнутая, мол! — покрутил я, показывая им, у своего виска пальцем.

На что они отреагировали дружным хохотом и не стали задерживать и водворять меня обратно в это, в моем понимании, логово «подрасчувствовавшейся» истерички, а наоборот, как бы проявив участие, позволили укрыться в пределах отведенной мне палаты.

Событие, само по себе, безусловно, мелкое, но и оно внесло в общую картину наметившегося-таки застоя хоть какое-то маломальски ощутимое разнообразие – посмеялись хоты! Опровергать это даже заядлые спорщики, я надеюсь, не будут и признают priori, позволив рассказать читателю об еще одном умопомрачительном эпизоде в этой, несколько затянувшейся истории. Настроены? Внимательно!

Глава 8. Национальная рознь?

Начнем с того, что был у нас на экспертизе один обследуемый по фамилии Майоров, из соседней шестой палаты, который, не чета некоторым (не будем конкретизировать) жалким симулянтам, по всему, был настоящим шизиком, представлявшим себя паровозом и раз пятнадцать на дню, как во время плановой уборки, так и отпросившись на оправку, напоминал о себе, «на всех парах» «подъезжа» к нашему дверному окошку. На секунду притормаживал, издавая затяжной гудок, сопровождаемый выбросом газов, и следовал дальше.

И вот ведь что: мы никак не могли отучить его от этого прямо таки отравляющего нам жизнь действия. Зловоние от него потом с час еще стояло на всю палату невыносимое. Поговаривали, что это явное несварение желудка происходило у него из-за того, что он любил полакомиться на досуге мылом, а в редкие дни подаваемые на завтрак сваренные вкрутую яйца поедал вместе со скорлупой, должно быть, не имея терпения на обшелушку.

– Давай, вали отсюда, – первыми обычно, как лежащие ближе от входа, спохватывались Андрюха с Равилем. А затем уж и мы с «Кузей», как находящиеся в зоне меньшего поражения, поддерживающая их, отпускали ему пару-тройку едких замечаний.

Поскорей бы его выписали что ли!

О себе уж не говорю, раз уж сам на эту «экскурсию» напротисся. Мало мне, выходит, было знакомств, у нас там, в самарских изоляторах, со своими земляками-уголовничками, так нет же, надо было мне еще и туда, в отделение, на ихних, казанских посмотреть приехать. И только я подумал об этом, как к нам в камеру-палату на общих правах и, соответственно, не спрашивая насчет этого наше коллективное мнение – нате, мол, получайте, что американские небоскребы «Боинг» – подселили еще одного довольно-таки примечательного во всех отношениях типчика, ужиться с которым было не так-то и просто. Руководствуясь, очевидно, тем, что, дескать, у нас там одна свободная койка имеется, – а то, что ей, уже пятой, на приблизительно десяти-двенадцати квадратных метрах, было, даже дураку понятно, не место – на это, как следовало понимать, администрация судмедэкспертизы, выходит, закрывала глаза,

не иначе как не очень-то переживая за чистоту устанавливаемых ею диагнозов. Впрочем, я уже, видимо, повторяюсь.

Итак, его звали Линаром.

— Как-как, Лемуром? — переспросил, когда мы с ним знакомились, «Кузя», очевидно, издеваясь.

— Орангутангом, — резко парировал он, вероятно, привыкший уже к подобным тупым выходкам, и, остановив взгляд на Равиле, с которым, будучи оба казанцами, они, как выяснилось, были, если не по воле, то «по тюрьме» уж точно знакомы.

А затем уже, когда «Лемуро-орангутанг», расстилая постель, сделал вполне прогнозируемый кувырок-бросок на свою, стоящую впритык между моей и «Кузиной» кровать, слово за слово и выплыла та очевидная мерзость, за которую он был подвергнут уголовному преследованию и, в рамках его, направлен на психиатрическое освидетельствование.

Так вот, открыв частную стоматологическую клинику, он продолжал практиковать, да так, что нередко злоупотреблял возможностями своей профессии, усыпляя и насилия понравившихся ему пациенток. Нам же начал доказывать, что, якобы, они сами этого хотели, и весь сыр-бор произошел из-за того, что одна из них, забеременев, стала требовать, чтобы он на ней женился. А он сам, хоть был и не против, но так вот сразу, с бухты-бахромы, не мог пока этого сделать, так как тридцать лет уже как состоял в браке с одной, по его словам, ну откровенной ведьмой, которая обещала его кастрировать, если он вздумает ее бросить. Отчего он, по ходу, несколько тронулся умом, начав заговариваться на первых же допросах.

— Короче, та еще Санта-Барбара, — склонились мы к такому мнению, не исключая того, что в его рассказе все-таки присутствовала изрядная доля правды.

А «Кузя» даже обозвал его по новому: «половым маэстром», — пожелав при этом держать «смычок» пистолетом, после чего еще добавил, что, дабы, мол, не облажаться во время проведения следственного эксперимента, вину-то он все одно уже, как все поняли, признал частично и, стало быть, таковой теперь неизбежен, как только его тут освидетельствуют.

— Можешь потренироваться пока на дужке кровати, видишь, какая под ней в металле имеется широкая прорезь. Все условия тебе тут созданы — только развивайся. Но, опять же, поаккуратней, потому как у одного «гаврика», который до тебя тут лежал — тоже насильника, между прочим — яйца в момент очередного неосторожного десантирования так там висеть и остались, и пришибать ему их назад, соответственно, никто уже не взялся. И если это, конечно, не заранее запланированная акция врачей по выхолощиванию таких как ты гиперосеменителей. Сам посуди, у наших шконок почему-то не предусмотрена столь примечательная и, вероятно, острая, что нож гильотины, «замануха». Одному тебе с

ней ложе выделили, – без умолку дурагоня, как это будет означать по-нашему, надевал ему «колпак», оно же: высаживал «на фазу», как мне думается, глубоко презирающий в душе подобную уголовную статью, – а сам, кстати, так до сих пор и неизвестно за что преследуемый властью, бывалый симулянт Андрюха.

– А давай поменяемся, а? – с искоркой надежды в глазах предложил ему, всерьез озабоченный его веской аргументацией, теперь уже получается, не «лемуро-орангутанг», а свеженареченный «половой маэстро». – Ты сюда ляжешь, а я, значит, переберусь на твое место.

– Хм, придумал тоже. Я еще за девками планирую по освобождении ухаживать... это тебе уже на этом деле смело можно ставить точку. К тому времени, когда ты освободишься, твой «смычок» и стоять не будет. Так что можешь смело расставаться с этим не нужным обременением. Полезай, полезай, голубчик!

Он так и сделал. К счастью, без последствий. И вот ведь что удивительно, сразу же захрапел, едва прилег, не раздеваясь, поверх одеяла и уронив свою какую-то воронкообразную, что оркестровая труба, голову на подушку. Мы пробовали его будить – перевернись-ка, браток, на другой бок – но это было бесполезно: через секунду он уже оглушал нас храпом по новой, пропуская, как казалось, за один раз целые кубометры воздуха через свои легкие.

– Я его убью когда-нибудь! – до предела измучившись, в сердцах заявил на вторые сутки «Кузя», живший, как и я, у самой «оркестровой ямы».

С одной стороны, «Майор», – как мы его, переводя в погоняло фамилию, между собою звали, – со своим круглосуточным методичным пердением, а с другой – эта однообразная оглушающая тональность. Нет, уже слишком!

В первого, отгоняя, я бросал тапки, а на втором, пытаясь его вразумить, я оттачивал каратистские удары с ноги, целясь ему в мягкую выпуклую промежность. И все это в положении лежа, на дальнее и близкое расстояние, так как на полноценный сон у меня времени не оставалось, а «тусоваться» не было никакой возможности, ибо пятая койка теперь уже намертво перегораживала большую часть прохода. Хоть бы на шмон почаше выводили что ли...

– Ты что же это не подстригаешься и в банные дни не моешься, Пупков, а? Как это вы говорите: чем чуханистей, тем жиганистей, так что ли? – обратилась как-то к сидящему, понутив голову, на койке в коридоре, в час дневной уборки, проходившая мимо санитарка. А потом вдруг взяла и от простоты душевной (которая, как известно, хуже воровства) разоблачила перед нами нашу «Темную лошадку», не то чтобы скрывавшую историю своих, приведших туда, злоключений, а как-то все не изъявлявшую желания пооткровенничать на эту тему. – Ты давай, за ум берись, понял? И когда тебя отпустят, христа ради, не вздумай опять баллотировать-

ся в мэры. Это же, по нынешним временам, сам же видишь — должность-то «расстрельная». А ты, небось, думал, что баба Клава не знает, за что ты такую муку терпишь. Кабы не так, вы ведь для меня тут все как детки родные. Мои-то в Афганистане полегли: Федя и Коля... Ну не грусти, касатик.

Передышка закончилась, и нас опять завели в палату. Именно: передышка, потому как продолжился нескончаемый бой с обладающим редкой сонливостью и примеривающимся уже к койке Линаром, и, судя по своему неизменному, железнодорожному «чух-чух-чух», находящемуся где-то на подъезде к нашему, почему-то оставшемуся незакрытым, хотя еще шла уборка, дверному окошку «Майором». Что, безусловно, и вынудило меня действовать на опережение: одному, со сменившейся последовательностью, я зарядил увесистый пинок под зад прямо с прохода, тем самым ускорив его вялотекущее на сей раз перелезание через спинку, а другому в развороте отвесил хлесткий удар приготовленным уже заранее тапочком, плашмя по заглянувшей в нашу палату наглой паровозной морде.

— За что? — дико завопили они, с разных сторон, оба.

— Было бы за что, вообще бы убил, — поддержал меня в этом благом деле «Кузя».

И что вы думаете, они без зазрения совести сразу нажаловались на меня сбежавшейся на шум администрации. А еще мужики, называется, и как будто сами в том, что вынудили меня, не были виноваты!

— Это все Ветров, Ветров, — докладывал белым халатам «Майор» снаружи, — он и мыло меня заставляет есть.

— Это как же? — переспрашивали они пораженно, — вы же с ними живете в разных палатах.

— Телепатически. Он умеет, я знаю!

— А-а-а. Тогда все ясно.

— А мне спать не дает, — вторил ему изнутри хрюпун-насильник, — вот-вот сердце остановится.

— Так у тебя же их два. Ты же у нас «эксклюзив», если верить больничной карте.

— Значит оба.

— О-о-о. Это уже серьезно. Обязательно примем меры. Ветров, ну ты нас достал, сколько тебе предупреждения делать можно!

Это меня так разозлило, что как только заступники вместе с человеком-паровозом удалились, а успокоенный Линар по новой захрапел, видимо и во сне продолжая чувствовать себя победителем, я, воспользовавшись тем, что он улегся, не скажу из каких уж соображений, на свое ложе головой к выходу, а не как всегда, что покойник на вынос, к нему ногами, запеленал его по кругу не хуже, чем новорожденную ляльку, собранными по палате (у оценивших мою инициативу жертв его непрекращающегося храта) простынями, обеспечив таким образом прекрасную звукоизоляцию, а затем еще и

«для шика» поставил койку впритык к стене «на попа», при этом, даже не сомневаясь в том, что тихо гудящая «лялька», пока ее как следует не пнешь, и не подумает выйти из нирваны.

Все по достоинству оценили мое новаторство!

Впрочем, вру! За исключением Равиля, который, видимо, все-таки сопереживая за своего конфессионального собрата, обреченно покачивал головой, что-то там по-своему причитая.

— Да брось ты, не убивайся, — успокаивал его Андрюха, — ничего ему не будет. Выспится — да и мы все в кои-то веки заодно с ним — вот тогда и отвяжем. Он и не заметит даже.

Что тут сказать, проделка удалась на славу!

«Чудовище» о двух сердцах так и продолжало, ничего не подозревая, уверенно, — по определению, видимо, происходившего из простолюдинов бывшего мэра, — «давить на массу»!

Сутки напролет скоро!

— Ну вертикально-то ладно, а вот вниз головой, интересно, сможет? — это уже пробудилось нездоровое любопытство в «Кузе», — ай да «Лемур», ай да «Половой Маэстро»! Надо будет обязательно завтра попробовать.

— Не порть машину, пусть работает! — вступился за него, не уточнив уж кто из нас конкретно.

Одно плохо — то, что мы его, вот ведь напасть, исключительно по недоразумению, заспавшись перед следующей утренней санитарной уборкой и плановым врачебным обходом, забыли своеvre-

менно оттуда вызволить, дабы вернуть все на прежние позиции, или, как это еще исстари молвится, «на круги своя».

Ох и крику было! Ох и возмущались же по этому поводу все подряд ответственные лица, вплоть до извлекавших его оттуда и только заступивших, вместе с белыми халатами на смену милиционеров, которым, по идее, и дела-то до этого никакого не было — в драку бы при них никто не кинулся и сбежать не вздумал, вот и все!

В результате, во избежание подобных инцидентов, выражаясь по-тюремному, хату частично «раскидали», а конкретнее: Линара с Равилем (к сожалению, не запомнил их фамилий) перевели в соседнюю, шестую камеру-палату к обследуемому, считающему себя паровозом, или, если кто вдруг забыл, «Майору», который, опять же таки, до этого обитал там — на пять коек — один, ибо кто ж уживается с таким-то, грубо говоря, уродом.

И точно! Где-нибудь ближе к полудню они уже начали присыпаться к нам обратно!

Так он, вероятно, безжалостно их там «загазовал».

А «Майор», в свою очередь, жаловался всем, попадавшим в поле его зрения, сотрудникам учреждения на то, что, якобы, татары заставляли его есть мыло.

— Ты же утверждал, что это Ветров зомбирует тебя на это импульсами, — обыкновенно отмахивались от него.

— И эти тоже, — не моргнув глазом, выкручивался находчивый враль.

А говорят, что судмедэкспертиза, это не дурдом — куда там! — самый настоящий. Эта мелкая поросль, корни которой идут на волю, так что, по утверждению бывшего мэра, без разницы, выходить оттуда или подольше оставаться. Неужели, правда? Нет, определенно, в этой главе нам в этом не разобраться! Так что, до скорой встречи.

Глава 9. Пластилиновые люди

— Привет, татары! — на следующий же день после описываемых ранее событий, привстав с кровати и наклонившись к дверному окошку, помахал нашим прежним однопалатникам Андрюхой Пупковым высунутой в него кистью, — куда это вас водили?

— На выборы.

— И кого же вы выбрали?

— Калыбердыева.

— И кто он такой?

— Депутат, кто, кто... — ожидая, пока перед ними откроется проход в палату, раздраженно отнекивались они от столь навязчивого собеседника.

— Во как! Я гляжу, вы там нанервничались, да? А что же настолько, в таком случае, не повели, а?

— Это только местных. У кого прописка казанская есть...

— Все ясно. Тогда колитесь, во что у нас нынче оценивается избирательный округ? Я никому не скажу, не бойтесь.

Однако, ответа не последовало, а если он и был, то, произнесенный на ходу, остался не услышанным, так как его заглушили дверное хлопанье и замочный скрежет, а дежурный конвойный, мелькнув в нашем наблюдательном проеме тонким красным кантом серой милиционской формы, повел на административную половину очередную пижаму, в которой без труда нами был узнан полуумок «Майор». Да нечего тоже к красной урне?

— Вот те на... — не удержался я, заинтересовавшись происходящим и, стало быть, оставшись наедине со своими земляками, посчитав пока возможным снять свое симулятивное табу молчания. Не подслушал бы нас со стороны только кто-то!

— С понтом им разница какая есть, шизик он или нет, — угадав мои мысли, принял умничать всезнающий «Кузя». — Избирательных прав он (как лицо еще не осужденное) пока что не лишен, а значит, все происходит по закону, а, опосля, уже никто и разбираться не будет, от кого и каким путем был выморочен этот голос. К тому же не факт, что его официально признают паровозом. В смысле, невменяемым, конечно.

— Это уж точно. И безынициативный народ в который раз получит того правителя, которого ему навязнут, а точнее будет сказать, заслуживает.

— Вот именно, — расправив спину и на какое-то время, отвлекшись от отслеживания коридорных передвижений через дверную нишу, поддержал разговор выведенный недавно «на чистую воду» добродетельной санитаркой бывший народный избранник. — Сталин когда-то со свойственной ему прямолинейностью и цинизмом так и говорил, что не важно, кто голосует, важно, кто эти голоса считает. А с этим у нынешней вертикали власти, насколько я знаю, все обстоит наилучшим образом — на всех ключевых постах одни назначены. Словом, те еще прохиндеи. А по сути, такие же, как и мы, симулянты. С той лишь разницей, что мы для того, чтобы от срока отвертеться, под ненормальных косим, а они для того, чтобы им в цивилизованный мир, как Ким Чен Иру или батьке Лукашенко дорогу не закрыли, либералов из себя изображают.

— Тебе бы только политологом работать.

— Спасибо. Образование-то высшее, да и опыт руководящей деятельности кое-какой имеется. Кстати, даже если не брать во внимание это, то там у одного диссидента, что со мной в дурке лежал, приемничек был. Так мы с ним от нечего делать целыми сутками радиостанцию «Эхо Москвы» слушали. По ней, кто не знает, музыка не транслируется, а только, как по телепрограмме «Куль-

тура», одни общеобразовательные передачи. Врачи нам не запрещали, вот я и развивался. А то, конечно, неминуемо отупел бы.

— А теперь что с ним?

— С кем?

— Ну, не с приемником же. С диссидентом?

— Я уезжал, он еще там был. Так что не берусь сказать точно.

— А фамилию-то хоть его помнишь?

— А на кой она мне? Он что, мой избиратель... — недоуменно оглядывал он нас, тараща глаза и натягивая в переносье кожу. — Его там все, включая психиатров, Эйнштейном звали, а уж фамилия это или кличка, откуда ж я знаю?

— Нормально.

Беседа зашла в тупик. И, в общем-то, вовремя, так как у нашей камеры-палаты «притормозил», должно быть, вернувшийся с выборов человек-паровоз, при котором мне, по многим, не единожды уже оговоренным соображениям, впадать в болтливость не следовало, а вот интеллектуал-убийца «Кузя», который в расчете на нужный диагноз делал акцент только на провалы в памяти и не подавлял в себе заложенной в характере игривой коммуникабельности, сразу же и, как обычно, не вставая с постели, нашелся, что у него спросить:

— Ты что, мил человек, на избирательный участок ходил?

— Ага.

— А за кого, если не секрет, свой голос отдал?

— За Медведева, — не задумываясь отчеканил он.

— Да ну... Это же не Президентские выборы были.

— Много вы понимаете, — презрительно ухмыльнувшись, горячо возмутился полноправный избиратель, — еще какие Президентские. Вот пряники дали, — в доказательство просунул он в «корпушку» два сугубо мрачных предмета, неотличимых по виду от придорожных голышей.

— Чух, чух...

— Эх и скунс... Все, давай, газуй, отсюда, — брезгливо затыкая пальцами ноздри, не выдержал его присутствия Андрюха Пупков.

— А обзываешься, между прочим, нехорошо. А у вас мыла, случайно, нет?

— Нет! Вон, по «общаковым» шкафчикам в коридоре «пошу-шарь», — уже поднявшись с койки и приблизившись к дверному окошку, мимикой лица и обильной жестикуляцией, из баловства подсказал ему я.

И надо же, он меня прекрасно понял. Хотя удивляться тут, впрочем, было нечему. Он никогда и не выказывал себя как полный кретин, а скорее, как личность, имевшая определенные умственные, а может и психические отклонения, так называемый «прибах».

— Точно! На обратном пути обязательно туда заеду, — видимо, не в силах изменить маршрут, «поколесил» он в строгом соответствии с техническими параметрами.

— Первый раз вижу, чтобы паровозы тонули мылом, — убедившись, что его уже рядом нет, с ироничной усмешкой заметил я, рассчитывая на взаимопонимание окружающих, с которыми у меня на тот момент установились неплохие приятельские отношения.

Все грустно улынулись.

Думал ли кто-нибудь из нас, что окажется здесь? Эх, судьбы, судьбы...

Только недавно вроде маленькими были и на «первый звонок» ходили...

И тут уже хочется сказать, что школьная программа времен развитого социализма, с ее строящимися узкоколейками и поднятыми целинами, безусловно, оказала на меня свое тлетворное воздействие. Даже последние переломные десятилетия рыночного анархизма — и те не воспрепятствовали этой неуклонной тенденции. Поэтому остаток дня я провел в грустных размышлениях о бесцельно прожитых годах, правда, по привычке пытаясь подметшать в них хоть толику развлекательного чтива. И что, стоит заметить, давалось мне, как всегда, очень непросто, пусть и причины были теперь на то несколько иные. А именно: технические. Единственная лампочка-«сотка», до того дня едва мерцавшая в двух метрах по высоте над входной дверью, этой ночью неожиданно перегорела и ее поменяли на «шестидесятку», от которой проку было, если не как от козла молока, то как от зажженной спички, уж точно — тонкая спираль, облаченная в прозрачный корпус, накалялась еле-еле и почти не светила. Что и побудило меня, вспомнив о некогда рассказанных мне Димкой Молчуном проделках Сереги Платонова и взяв их за основу, как заслуживающие подражания, попробовать сбивать этого жалкого светлячка, завишающего на месте былого путеводного маяка над непроглядной камерной пустотой, единственным своим, неоднократно опробованным в деле (если кто непомнит, на «майоровской» морде) орудием — тупоносым одубелым тапочком, в смутной надежде на то, что, когда этот светлячок погаснет, — нам ее тотчас поменяют на новую и более яркую. Однако проку от этого, надо сказать, не было никакого — заслышиавшие глухой шлепок и печальный звон, стражи порядка, приди на шум и высказав все, что они о нас на этот счет думают, поменяли ее на точно такую же, идентичную прежней по мощности. Получается, зря только приволакивая откуда-то и раздвигая, рискуя нанести нам и себе весьма серьезныеувечья, массивную, как средневековый стенобитный таран, лестницу.

— Все равно других лампочек нет, так что лучше больше их не бейте, а то еще вдруг до заведующей эта ваша необдуманная выходка дойдет, тогда она точно вам по старой памяти какой-нибудь сильнодействующей гадости в «булки» вколет и хорошо, если шприцем, а то ведь может и чем-нибудь еще и посеръезнее, потому как осведомленные люди нам по секрету рассказывали, что ей на день

рождения недавно такой массивный фаллоимитатор подарили — модель а-ля Тайсон, слышали? — Так она с ним вообще никогда не расстается, и даже на работу с собою берет — ей, видите ли, очень уж нравится, что он в считанные секунды, в процессе взаимодействия с плотью, до двухметровых размеров раздвигается. Короче, с этим лучше не шутите, — «подбодрили» они нас в последний раз перед уходом.

Желание «ставить на карту» собственную судьбу и дальше экспериментировать со светом после таких угроз, естественно, у меня сразу пропало. И не то что бы я в них поверил или испугался, просто что уж, как говорится, воду-то в ступе толочь, если других лампочек у них все одно нет. Но и чтения я не бросил, а все одно нет-нет, пока уж совсем не устанут глаза, сопереживал замечательным похождениям дедушки Торуотера в изящно прописанном оптимистичном рассказе Джека Лондона и попутно воскрешая в памяти всякие забавные истории из собственной жизни. И ничего, что при этом одно накладывалось на другое, а вернее, чередовалось. Это мне совсем не мешало. Так, напевая излюбленную песенку без продолжения про Аргонавтов, которые тоже что-то там тарам-пам-пам, калифорнийский авантюрист, не поставив в известность своих многочисленных отпрывков, отправился с некоторой преуспевающей и постепенно приходящей в упадок фермы на поиски золотых приисков на Аляску. А я, эдак на целое столетие позже и в другом конце света, раскошелившись — по случаю успешной защиты диплома в литературном институте — на две поллитровые алюминиевые банки заграничного пива «Gosser», сидел со своим коллегой по выпуску и приятелем Лешей Мысливчиком на покореженных лавочках захудалого стадиончика измайловского острова и, прощаясь, беседовал о перспективах предстоящей зрелой жизни. Зная, что я собираюсь отправиться на поиски счастья в свой легендарный Автоград, он говорил мне тогда, на-пугнувшись в далеких девяностых: «Смотри, чтобы тебя там не засосали эти тлетворные миазмы», — разумеется, произнося это не без примеси запанибратского ерничества и, будучи давно уже посвященным (кстати, мною же самим) в ту малокомфортную и отнюдь не тепличную ментальность, ожидающую всякого, кто вздумает, как библейская роза Иерихона, пустить корни в этом пекле жизни. В итоге, дедушка Торуотер, мужественно преодолев все выпавшие на его долю испытания, в конце концов набрел на желанные несметные сокровища, буквально сыплющиеся сверкающими на солнце самородками из земных недр и вернулся, в назидание потомкам, богатым и счастливым человеком в семейное гнездышко.

А я, как Иванушка-дурачок, не расстающийся с мечтой ухватить за хвост свою птицу-удачу, в который раз уже был застигнут и взят в плен недремлющими сторожами на «царском поле». И ладно, если бы, не вдаваясь в подробности, я действительно, промышляя

этим, нарушал закон, так нет же! «Буква» его всегда чтилась и соблюдалась, просто у нас так уж заведено, что если ты регулярно не «даешь на лапу» со своих доходов власть предержащим, а только платишь налоги, то этого неизменно оказывается чудовищно мало, и они в два счета найдут до чего докопаться. А «сверни» бизнес, так они, в отместку, чуть ли не за уши притянут тебя к какому-нибудь совершенно постороннему уголовному делу, но все одно посадят! (Я бы и не лез в такие дебри, но жить-то на что-то было нужно, да к тому же хотелось красиво! А в пору обвального обесценивания денег и не в меру взвинченных на все цен, одной литературой семью не прокормишь, а она у меня, не помню, упоминал ли я уже об этом в нашем рассказе ранее, на тот момент уже имелась. Ну да ладно, что я оправдываюсь-то, собственно).

Весь день я пил этот горький коктейль из своих и чужих, вымышленных и реальных, прошлых и настоящих (из-за полной их бесперспективности не моделируя лишь будущие) событий, чем-то напомнивших мне прозу пару десятилетий тому назад считавшихся современными латиноамериканских писателей, видимо, теперь уже ставших почетными, то ли еще прижизненными, то ли уже посмертными классиками, фамилии которых широко известны. Так что и приводить их не стоит, и чьи книги, что характерно, все как одна, в тонких и цветных глянцевых обложках, на заре «разморозивших» до этого застойную державу девяностых годов теперь уже того, прошлого века, буквально наводнили прилавки

книжных магазинов, и на покупку которых никогда не скучился все тот же трогательно воскресший из забытья мой тишийший институтский приятель, из-за вечного безденежья, помнится, и переведшийся на третьем курсе на заочное отделение, но, однако, так и не изменивший своим литературным пристрастиям. И не было случая, чтобы не похваставшийся ими при встрече. Как же жестоко и безвозвратно мы разминулись с ним, как выяснилось, перед самым началом развода представлявшегося нам и вправду нерушимым «Союза республик свободных», как пелось в государственном гимне. Оставалось только надеяться, что судьба была ко всем Лешинным начинаниям более милостива, чем к моим, и жизнь у него сложилась благополучно.

А потом, все так же не позволяя себе впасть в уныние, которое я считал непростительной для любого мужчины (а тем более, подвергшемуся данному в общей цепи, в общем-то, мелкому испытанию) роскошью, я как какой-нибудь чудо-процессор начал прорабатывать обходной путь, чтобы отыскать-таки, помимо экспертизы, ту, мысля с оглядкой на мифологию, заветную нить, которая бы помогла мне выбраться из лабиринта судебного Минотавра на волю. Для этого у меня теперь была вполне конкретная, а не высокая, как может кто-то подумать, причина – это моя любовь к невинно пострадавшей из-за моих безудержных сексуальных притязаний медсестре Наташе, с которой я, к своему непомерному горю, после тех воспроизведенных выше беспрецедентных событий, потерял всякую связь и не имел ни малейшего представления о том, где она теперь и что с нею стало. Непрестанно скучая по ней, я, к своему великому стыду, даже перестал думать о маме, вспоминая о ней лишь изредка, и то как бы вскользь, мимолетно, почти не задерживая в воображении ее светлый образ (ах, мама, мама, прости меня, непутевого!). В то время как она, в отличие от меня, конечно же не допускала подобной опрометчивости и всецело посвятила себя заботам обо мне, о своем единственном чаде.

Так в те, не поддающиеся строгому подсчету (из-за отсутствия сорванного у нас опять календаря) сутки, у которых налиствовал лишь побочный, событийный ориентир, как-то: после переселения татар в соседнюю камеру и спустя день после их совместного участия с полуумным «Майором» в выборах, она снова привезла мне из дома передачу. И, несомненно, хотела пробиться на свидание. Только вот встретиться нам, по злонамеренной прихоти совсем уж некстати объявившейся на работе экспертизы «Губы», так и не дали.

Примерно во второй половине дня (так как обед и досмотр уже прошли, а полдника, кстати сказать после тюрьмы воспринимавшегося нами как чисто больничное баловство, еще не было), она вызвала меня к себе в кабинет и лишенным живой окраски холодным змеиным шипением заявила:

– Попроси меня, и я позволю тебе увидеться с мамой.

В ответ я с очаровательной улыбкой исполнил ей чечетку. Но это, как я втайне надеялся, ничуть не задобрило ее и даже не рассмешило.

— Мы что, на танцах? Не так. Речью, речью попроси, чтобы я наконец-то как ты можешь говорить услышала. Ну же, голосом!

Что я ей, в самом деле, собака, что ли, чтобы голос подавать? Придумала тоже! Это меня так сильно возмутило, что я едва сдержал себя, чтобы не показать ей «фак ю», и только неимоверной концентрацией воли с трудом подавил в себе это клокочущее тысячью атмосфер желание, при этом предусмотрительно опуская веки ниц, дабы не испепелить ее сверкающими, как у демона, из зрачков молниями.

— Иди, получишь только передачу.

Что ни говори, а взялась она за меня, стало быть, круто. И приходится признать, я не раз еще пожалел о том, что не сумел выбраться оттуда за период сменявшего ее на время отсутствия психиатра — того самого добряка, что, как это уже в повествовании, помнится, разъяснялось, был одного с ней восточного рода, но мужского пола и который (заранее извиняясь за для связки слов употребляемый мат), «бля буду», относился ко всем нам, своим пациентам, по-человечески и с пониманием, нежели эта, без преувеличения можно заключить, пышущая ненавистью фурия.

Мамулька (как я ее ласково называл в обиходе) так и уехала обратно в наш далекий город, не добившись от администрации отделения разрешения на свидание со мною и, похоже, порядком наревевшись, как я мог судить, отталкиваясь от ее не понаслышке известного мне темперамента.

А где-то дня через три, ко всему прочему, у меня еще и невыносимо разболелся зуб, от чего я буквально готов был лезть на стены. Помогло бы еще это! Так и пришлось, в надежде на избавление, обращаться к неотличающимся отзывчивостью — если судить хотя бы по тому, как они в последний раз обошлись с мамой — белым халатам. Для чего, подобно полуумному «Майору», надоедливо стучал ребром кисти о створку дверного окошка, я, с перекошенной физиономией, другой рукой показывал на него обеспокоенным моим неистовым поведением медсестрам, требуя приема у стоматолога. И что же? Меня опять направили к этой гадюке в женском обличье, и она, несмотря на мою отчаянную «сурдоманипуляцию», из которой и без всяких словесных разъяснений и так все было досконально ясно, принципиально сохранила прежнюю изуверскую позицию, с бесчувственной издевкой промолвив, что она меня, стало быть, не понимает и, как и прежде, в случае со свиданием, потребовала от меня эту жалобу озвучить. Что, понятное дело, я выполнить не согласился и, прикрывая ладошкой опухшую, величиной с переспелую грушу, щеку, гордый и несломленный, измученно поплелся назад в палату.

А где-нибудь к вечеру, сразу же после полдника, вызвали на комиссию «Кузю» и в течение десяти-пятнадцати минут выписали, почти не дав ему времени на сборы, пусть и сводящиеся для нашего брата обследуемого лишь к так называемому сливу впечатлений и, в некотором роде, психологической подготовке к длительному этапу через казанскую и сызранскую тюрьмы до Самары. На что его как бы по всем бросающимся в глаза признакам, а конкретно, бодруму и подвижному облику, и настраивать-то специально и не надо было – бывалый урка и не рассчитывал осесть где-нибудь надолго, как моряк или дальнобойщик, которые, даже имея семью и дом, в действительности, до конца дней своих живут морем или дорогой – а от такого уже, как известно, не излечивают, и тот же галоперидол тут едва ли поможет!

– Чифирнешь хоть на тюряжке.

– И фильтровых покуришь.

– И вы давайте не задерживайтесь тут надолго. Следом подгребайте, – обменивались мы любезностями перед тем, как за ним пришел и позвал на выход милиционер-надзиратель.

– А теперь присядем-ка, по традиции, на дорожку. Эх, человек как пластилин, хоть ангела можно вылепить, хоть дьявола, – брякнул он к чему-то, без перехода. – Ну, бывайте!

Дверь закрылась, и мы опять остались с бывшим мэром одни. Как когда-то после отъезда «Бешеного пса», сейчас уже, должно быть, рассказывающего кому-нибудь байки о своих похождениях на сызранском Централе, или же, как хотелось бы надеяться, добившись своего, держащего путь «на лечение» в стационарную «дурку».

«Тусоваться» как белка в колесе, по горизонтальному кругу, не хотелось, и, добрались, минуя препятствие из пустующих коеч, до своей, я уже было собрался упасть на нее «мертвым грузом», и не для того, чтобы раздеться и уснуть, а так, лишь чтобы от отсутствия альтернативы пристроить куда-нибудь свое, не находящее занятие, бренное тело. Но тому не суждено было сбыться. К нашему, как назло, большую часть суток остающемуся открытым дверному окошку, приблизился «выехавший», вероятно, под предлогом оправки на свой издевательский, периодически повторяющийся променад, человек-паровоз Майоров. А чем это для меня и бывшего мэра могло обернуться, опыт предыдущих конфронтаций подсказывал моментально. Поэтому я решил не терять времени даром и принять срочные защитительные меры. На этот раз вот какие: насилиu выбравшись оттуда в проход и не обращаясь к своему однопалатнику за помощью (ибо упущенное время, как некогда говорил знаменитый пролетарский идеолог: «смерти подобно!»), единолично дотолкал ту самую, впритык стоящую к другим, «центральную» и, не занятую пока никем, после позорного бегства от нас в соседнюю, шестую палату Линара, койку к грязящей газовой атакой сквозной двери и, путем ряда перелезаний и

обходных маневров, выбрав удобную точку, сходу приподнял снизу за спинку эту громоздкую металлическую конструкцию и запрокинул ее вертикально вверх, так, как это делал раньше, что и позволило мне, одновременно, соорудить спасительный щит и водрузить боевое победное знамя. Это уже, безусловно, была не баррикада, это был целый символ несокрушимого и мужественного противостояния люто надвигающейся на нас внешней агрессии.

И как результат: нападение было отражено!

Враг был ошеломлен и отринут!

А поверх оставшихся по бокам, вследствие выпирающих дужек, щелей, мы с охотно откликнувшись на мою инициативу Андрюхой повесили свои одеяла, так как все одно пока не укрывались ими.

— А потом, когда понадобится выйти, вот здесь пролезать можно будет, — явно шутя, с восторгом отгибал он краешек завесы. — Голова-то, гляди-ка, как свободно туда-сюда лезет.

— Не надо, зловония напустишь. Да и уши у тебя торчат, как локаторы, смотри, чтобы не оторвались, а то еще зацепятся за острые углы ненароком, — блеснул и я ответным юмором.

Только, как говорится, «недолго музыка играла». Противный «Майор» нам все испортил.

— Идите сюда, идите. Полюбуйтесь-ка, что они там понаворили, — подзывая администрацию, «публиканил» он, кружа по коридору, будто по кольцевой рельсовой дороге, как говорят дети, «всамделишный» паровоз. — Это все Ветров, Ветров...

Первыми подошли поглазеть на наше чудо-сооружение его нынешние однопалатники Линар и Равиль, за компанию с ним, как два прицепленных к локомотиву вагона, возвращавшиеся из туалета, а потом, следом, с контрмерами, со всех сторон подоспели откликнувшиеся на его призыв сотрудники отделения. Забаррикадированная дверь резко растворилась, увлекая за собою поставленную «стояком» кровать. Какой закон физики в данном случае сработал, сказать было трудно, но факт оставился фактом — груда железа на четырех ножках с двумя спинками и промежуточной массивной пластиной, приваренной к раме, потеряв равновесие, немедленно устремилась вовне, словно ее подтолкнула к этому какая-то неведомая, до предела скжатая пружина. Тем, кто успел отскочить, повезло, а вот замешкавшиеся, естественно, пострадали, как мутанты-грызуны, прихлопнутые гигантской мышевкой. Сильнее всего досталось «Майору», он был распластан по полу и, судя по всему, сильно оглушен, ибо не подавал больше признаков функционирования своей многосложной биотехнической системы. Но как раз его-то, если уж не кривить душой и быть до конца откровенным, в общем-то, было и не жалко. Отработал свой ресурс — и ладно! «Поделом ему», — даже торжественно провозгласить хотелось, а вот к бабушке-санитарке, в суматохе разлившей

ведро воды и стремительно сбитой с ног ватагой спасающихся милиционеров, невольно пришлось проникнуться состраданием.

«Руки убери. Ты зачем это мне под юбку-то лезешь, ирод?!» – истошно вопила она, по-самбистски скидывая с себя потерявшего ориентацию и стремительно влетевшего башкой, как в рыцарский шлем, в ее хозяйственную принадлежность молодчика, как и она, в итоге промоченного до нитки.

Но и это еще не все! На шум прибежала, кто бы вы думали, собственной персоной, ненавистная мне «Губа» и, поскользнувшись на охватившей чуть ли не весь холл луже, мигом села на шпагат. Причем, как мне показалось, достаточно профессионально, хоть и поговаривали после, что это она сделала впервые в жизни.

Убереглись одни лишь вовремя «откатившиеся» на безопасное расстояние «майоровские» «вагоны» – Линар и Равиль, да, пожалуй, еще два-три инертно реагирующих на все, – к их же счастью, – белых халата.

А то бы и они, возможно, не отделались одной моральной травмой, а рисковали бы попасть в число жертв, подвергнувшихся серьезным физическимувечьям.

Но, слава Богу, – за вычетом тех, на кого наплевать, – все обошлось.

Все да не все... Внутренне я уже ждал возмездия.

И не ошибся.

А началось оно с того, что чудом оклемавшийся и вернувшийся от докторов с перебинтованной головой «Майор», первым делом заглянув в нашу дверную нишу, обозвал меня кретином, а вторым, традиционно испортив воздух, заявил, что знать меня больше не хочет, будто до этого мы с ним были «не разлей вода», закадычными корешами. Представляю, что он там понаплел обо мне здешнему начальству! Во всяком случае, медлить оно не стало и тем же вечером для чего-то перевело меня в другую камеру-палату, как, должно быть, по сложившемуся мнению, единственного виновника данного происшествия. Может, отомстить таким образом хотел?

А вот в какую и на какой период, в этой главе вы хотите этого или не хотите, но все равно не узнаете – она уже кончилась. И все это, значит, будет описано в следующей.

Глава 10. **Финита ля комедия**

Камера номер три, в которую меня экстренно перевели после описываемых в предыдущей главе событий, почти ничем не отличалась от пятой – та же рассчитанная на одну взрослую лошадь, но никак не приравниваемая к потребностям нескольких зрелых мужиков, малометражная площадь, батутная высота потолков, при визуальном отсутствии оных, и пещерный полумрак, в котором удивительно, как еще не завелись летучие мыши. А то ведь как удобно было бы им, полетав, цепляться лапами за края сплошь и рядом облупившейся штукатурки и, не боясь испачкаться о давно, если еще совсем не ссыпавшуюся, то, во всяком случае, хорошенько прокоптившуюся и пожелтевшую побелку. Администрация и здесь не пожелала тратиться на ремонт. Видимо, откупаться от проверяющих комиссий ей все-таки обходилось дешевле, чем время от времени закупать стройматериалы и нанимать рабочих, чтобы красить и белить.

А может, во всем этом был какой-то свой особый дальновидный умысел, только начинавший понемногу доходить до меня? Предположим, чтобы как в прибалтийских республиках таким вот образом донести до подрастающего поколения всю правду о большевистском режиме. А то еще скажут, что, дескать, врут историки, утверждая, что в застойные годы карательная психиатрия во всю мощь применялась в отношении инакомыслящих в нашей «повернутой» на коммунистической идее державе. А тут вот – нате вам,

пожалуйста, наглядный пример! Мало того, что все как было, так сказать, в первозданном виде сохранено, так еще и узники натуральные, а не какие-нибудь там манекены, в тех же нечеловеческих условиях в палатах и по сей день лежат. Билеты на такие экскурсии нарасхват пойдут и отбоя от посетителей наверняка не будет, прямо толпами у входа, с ночи, как в свое время в Мавзолей, очередь станут занимать. Двух зайцев одним выстрелом убить можно: и от позорного прошлого «отмыться», и денег «поднять». Ну да ладно, это больничному начальству, а не нам, обследуемым, было решать.

Попав в другую камеру-палату, я сразу же почувствовал, что, при, казалось бы, полной идентичности антуража и почти неотличимого внешне, с былым, состава дополняющих его пижам, подмена была разительна. Даже воздух в камере – и тот, невзирая на схожую прокуренность и затхлость, отдавал какой-то чужеродной кислотой и был воспринят мною с величайшей терпимостью. «Странное дело», – подумалось мне невзначай, вроде бы не к чему было там привыкать, в уже оставленном мною пристанище, ан нет, все-таки образовалась за те долгие дни и ночи, что я провел в нем, какая-то незримая, непонятная связь с окружающей, сопутствующей мрачной повседневности, обстановкой.

Так, должно быть, человек непроизвольно, сам не стремясь к этому, привыкает к носимым на руке часам или подвешенному на шее религиозному символу, если даже ежедневно не соотносится с ними, в силу интеллектуальной потребности или же неукоснительной веры. Так зверь сродняется со своей норой, хозяин с домом, а солдат с окопом. При этом, как бы это ни звучало парадоксально, везде оставляя частицу своей души.

Вот и я, как молвится, не будучи исключением из правил, вопреки своей воле, прикинул душою к той, пятой по нумерации камере-палате, со всем царящим в ней убожеством. А потому, принуждаемый администрацией к переводу в новую, пусть и соседствующую через одну по коридору с бывшей и, стоит отметить, ничем не худшую, естественно, испытывал определенный дискомфорт, который я не замедлил обратить на своих мучителей в рамках дозволенного мне неповиновения. Сами посудите: мало того, что они похамски, не спрятавшись с моим к этому отношением, фактически в приказной форме заставили меня поменять место жительства, в противном случае угрожая пристегнуть меня, положив на растяжку, к пустующей вблизи туалета «усмирительной» койке. Так они по своей «перезрелой» инфантильности (если не сказать грубее) ждали от меня, невыясненного придурука, еще и взаимопонимания, настоятельно требуя, чтобы перенос полагающейся и закрепленной за мною постели я проделал самостоительно и без чьей бы то ни было посторонней помощи. «Раскатали губенку тоже...». В палату-то я, конечно же (дабы не напрашиваться на экзекцию),

как они и повелели, нехотя удалился, а вот со всем остальным приличная заминочка вышла, потешно сопровождаемая звонкими возгласами надзирателя по прозвищу «Собака», который был так возмущен моим безразличным ко всему происходящему отношением, что до звона в ушах комментировал «отборным лаем» порученную ему пертурбацию похлеще пса Гиппократа, не на шутку встревожившегося, кстати, от, видимо, доходящего до его слуха из-за стен судмедэкспертного каземата шума и устроившего с «летехой» «Собакой» подобострастную перекличку.

Забавное, надо сказать, получилось представление – хоть на видео снимай и на телевидение потом, в передачу «Сам себе режиссер», посытай и на всю страну показывай.

Так и пришлось, ввиду моей непреклонности, горлопану-менту самому тащить все эти свернутые в рулон хозяйские «причиндалы» до места моей новой «приписки».

А я ему еще, при появлении в палате и на подступах к цели, с издевкой показал рукой с вытянутым указательным пальцем на свободную кровать, придвинутую к «лицевой» стене посреди прохода, и, посторонившись, чтобы не мешаться: «Вот, мол, здесь положь...». Его реакция на мою выходку была незамедлительна. Он аж покраснел от вскипавшей в нем злости и, мигом отделавшись от предназначеннной мне ноши, под всеобщий смех, вскинув и чуть

вытянув, как у волка, воющего на луну, морду-голову, принялся протяжно отбрехиваться, перемещаясь задом и как бы отступая в направлении оставленной незакрытой двери. Несомненно, это очень уж походило на раболепствующее оправдание, и сохранить свое достоинство, как бы он ни старался, у него не получилось.

— Тут одни бабушки санитарками работают, а вы постель для себя же из палаты в палату не хотите перенести. Куда это годится? Совсем охамели! Может, еще и психиатры будут их вам таскать (а? почему бы, собственно, и нет, хотелось мне возразить ему, в качестве аргумента указав на то, что не сами же мы, по собственному капризу, осуществляли эти злополучные переводы. Но я, разумеется, как всегда, благоразумно сдержался.) Я с вами тоже теперь буду себя так же вести. Попробуйте только разбудить меня, в туалет вас сводить среди ночи. Я вас свожу. Сразу узнаете о себе много нового. Учтите, — и все в том же духе.

Чуть косяк не разворотил, хлопая многоглуповой дверью, отчего еще долго стоял в ушах неприятный звон.

Короче, я и сам уже был не рад, что устроил администрации эту проволочку с переселением, и с облегчением вздохнул лишь тогда, когда он, все так же продолжая недовольно потякивать, покинул помещение, провернув в замке ключ, и, по всему, достаточно далеко удалился вглубь отделения.

— Гав, гав — передразнил его подскочивший к дверному окошку мой новый однопалатник, должно быть, как и я, тот еще юморист.

Общее приподнятое настроение было отмечено мною сразу и одновременно вселило в меня надежду на то, что коллектив, с которым мне придется с того самого дня находиться в круглосуточном соседстве, не страдает помрачениями рассудка и, значит, вполне психически здоров.

— Салют! — поприветствовал я всех сразу вскинутой на уровень плеча кистью и сделал шаг к своему очередному месту преткновения, до которого, между прочим, не так-то еще и просто было добраться, — кровати, как и пятом по нумерации бывшем конюшенном стойле, располагались там впритык друг к дружке, как сплошной и непреодолимый противотанковый редут, который, если и можно было взять, то только штурмом, совершая прыжок и на приличной скорости.

— Тебя откуда к нам перевели? — попытался выяснить у меня лысоватый сорокалетний мужик крепкой бандитской наружности, «с мордой», — вернее не выразиться, — «кирпичом», которого я, войдя туда, не раз уже успел оглядеть.

— Это немой с пятой палаты. Он там постоянно какие-нибудь «корки мочил», — охотно вызвался пояснить ему за меня, как будто я его об этом просил, прыщавый и лопоухий парень с ежиком отрастающих вокруг головы волос, который мог бы ему в сыновья годиться, и сидящий, свесив ноги, на своей топорщащейся склад-

ками постели. — Вы что, его забыли? Это же он сегодня переполох на все отделение устроил, когда «легавым» на головы — спецом, конечно, как я думаю — койку уронил. Вы же сами выглядывали, по очереди, в «кормушку» поглязеть на это натуральное макет-шоу. Забыли, что ли? Да и медсестру Наташку в кабинете у заведующей «Коза Ностровны» он же в прошлом месяце соблазнил. Это когда менты тут на наши деньги грандиозную пьянку устроили. Ладно, может, он еще сам вам об этом как-нибудь расскажет, а то еще кинется вдруг... — поправился он, опасливо покосившись на меня. — Смотрите-ка, вон как кулаки сжал, зря я, наверное, коснулся его сердечной тайны.

И, стоит заметить, правильно сделал, что, почувствовав неладное, вовремя осекся, потому как, позволь он себе сказать еще хоть что-нибудь выходящее за рамки приличия, то я, вероятно, не сдержался бы и надавал ему подзатыльников, а так только посопел, как молодой бык, опустив голову и насупив брови, и постепенно успокоился, продолжая следить за течением их уходящего в сторону от болезненной для меня темы разговора.

— Месяц назад, говоришь? Так меня тогда еще тут не было.

— И меня, и меня, — стереоэффектом раздалось с соседних коек молодое разноголосье.

— Забавно, по всей видимости, получилось, — заметно оживившись, продолжили они начатое обсуждение, — рассказал бы подробннее, что ль?!

Я уже к этому времени, раскрутив и поправив постельный «рубероид», улегся поверх него, делая вид, что меня это нисколько не занимает. Эти болтуны не внушали мне доверия, и я не спешил пока перед ними раскрываться, держась обособленно. «Болтун — находка для шпиона», — так, кажется, учили нас коммунисты, вот и пригодилось, значит.

— Так это он, выходит, тогда из-за этой самой красотки в побег со всеми вместе не ушел.

— А кто ж еще...

— Роскошная, видать, девица. А где она, кстати, теперь? Взглянуть бы на нее хоть краешком глаза.

Складывалось такое впечатление, что они преднамеренно играли мне на нервах, без конца затрагивая столь болезненный для меня предмет.

— Не получится. Выгнали... за это самое... с работы ее, — перекрестно балаболили они. — Жаль, конечно. Красивая была...

— Почему была? Она что же, еще и прибралась?

— Нет... так, к слову сказал... теперь-то ее все одно здесь больше не увидишь. Заместо нее вон Артурика медбротом взяли.

— Это тот, что нам тут «колпачки» с решением вопроса по диагнозу за пятерку «зелени» намедни крутил? И даже «сотик»,

вроде как, если кому из нас надо будет «приколоться» об этом с близкими с воли, вызвался принести. Как думаете, не надует?

— Да не похоже.

— Что ж, придется рискнуть... надеюсь, не забудет подойти к нам... как-никак, на сутки заступил... его смена, — узнаваемой хрипящей рассуждал тот, что был приблизительно одного со мною возраста, но значительно старше других, — к тому же, мне уже край как нужно кое-кому из старых знакомых по свободе звякнуть. Будь ты хоть трижды авторитет, не напомни о себе — черта с два кто двигаться, хлопоча за тебя, начнет. Оно и понятно: у всех свои дела, свои заботы, так что нужно, как говорится, ковать железо пока оно горячо, и по экспертизе, в том числе, тем более.

Обо мне они как бы даже и не вспоминали, но я все равно испытывал чувство некоторой неловкости от того, что впрямую незадействованный в их разговоре, все-таки невольно становился посвященным во все его подробности. Таковы уж особенности камерной системы. Я же не мог, в конце-то концов, собраться и куда-нибудь оттуда выйти, чтобы предоставить им возможность вдосталь наговориться. А так-то, в общем-то, что было об этом переживать, изображая из себя инкогнито попавшего на оргию нецелованного юношу — скромного и совестливого, тогда как оказываться в подобном положении мне, как арестанту, было уже не впервой.

«Засланным казачком» я не был, и вреда им, стало быть, от моего присутствия не могло быть никакого, вот это-то мою болезненную самооценку и успокаивало.

Они, видимо, это понимали не хуже меня и, сделав уже при приблизительном наблюдении определенный вывод обо мне как о вполне порядочной личности, говорили в открытую, не сбавляя тон и не прибегая к рыбьему иносказательному языку. «А то, может, и в самом деле приняли меня за глухонемого или дурака? Там видно будет. Только бы мнительных и легкоранимых среди них не обнаружилось», — машинально оценивал я ситуацию. А то ведь больше всего не хотелось бы никого из своих новых однопалатников довести вдруг до сердечного приступа. Приди я, допустим, в дальнейшем к заключению, что и мне уже можно, не опасаясь нажить себе этим неприятности, вступить с ними в откровенные доверительные отношения, пользуясь услугами собственной речи.

Соблюдая приличия и ориентируясь на двух соседствующих со мною юнцов, я сразу же, как и у них, бросил поверх одеяла свою подушку, прижал ее к спинке, в положении к выходу, чтобы не обмениваться невзначай с ними во сне пинками в лицо. По икрам-то, или по голеням — еще куда ни шло! С учетом того, что тюрьма — пусть и, в данном случае, судмедэкспертиза, при всегдаш-

ней ее загруженности, как ни выгораживай ее, по сути своей является местом повышенной опасности, поэтому никогда не следует пренебрегать такими вот, казалось бы, незначительными нюансами совместного сосуществования. Это уже не только правила хорошего тона, но и применяемая на практике точная теория выживания там, где, вероятнее всего, спастись уже было бы решительно нельзя.

«Футболисты-то – хрен с ними! Кикбоксеров бы рядом не оказалось, вот это уже воистину была бы со стороны администрации заподлянка так заподлянка – отбивайся тогда от них «по ночухе, помимо всего прочего, еще и в рукопашном бою», – заранее откращивался я мысленно от подобной незавидной перспективы.

Лампочка там, как и следовало ожидать, ничем не отличалась от той, с помощью которой я заполучил себе «вывих ума» и приобрел «кровью болезнь», еще содержась в предыдущей камере – ватт этак на сорок, если не меньше. И тут прослеживалась, как и во всей пенитенциарной системе, беспardonная, идущая вразрез, а точнее, во вред нашему здоровью экономия. Видимо, начальство отделения давно уже просчитало, что чем мощнее лампочки, тем дороже они стоят, больше потребляют энергии и чаще горят, вот и закупало туда не те, которые положены по очевидным нормам и наверняка проходящие по отчетности, а те, которые позволяли выкраивать из бюджетных средств на собственные нужды лишнюю копейку, иначе, прикарманивать ее. Причем, у себя-то в кабинетах они нормальные вворачивали, я бы не говорил об этом, если бы сам туда не заходил. Значит, мы были для них людьми второго сорта, интересами и благополучием которых можно было с легкостью пренебречь.

А все почему? Да потому, что некому было за нас постоять. «Общественников» вовнутрь не допускали, наши разрозненные акции протesta не помогали, а чиновники, стало быть, всегда между собой договарятся, дабы не создавать прецедент, не привлекать постороннего внимания и тянуть, и тянуть «под шумок», как крысы со складов и амбаров, все, что ни подвернется, пока хозяин не спохватился. Если он, разумеется, не связан с ними круговою по рукой и не в доле.

Снаружи, вероятно, догадавшийся о моем переводе, трогательно карябал лапой стену, фыркал носом и гремел цепью волей-неволей привязавшийся ко мне из-за искреннего к нему расположения (что животные, безусловно, чувствуют) все тот же старый сторожевой пес Гиппократ (замечательное я ему дал прозвище, правда?), которого я, в силу сложившихся обстоятельств, не мог пока окликнуть и приветливо успокоить: «Нечего, мол, тебе, друзья, без нужды переживать!»

Эх, куда деваться! Следовало, набравшись терпения, какое-то время, благоразумия ради, помолчать.

Все слышать, а виду не подавать.

Я и старался, как мог, к тому же завязавшийся позади меня треп двух разновозрастных индивидов продолжался и принимал самый что ни на есть интригующий характер и облегчал мне эту задачу; они пытались выяснить для себя то, что давно интересовало и меня самого, а точнее, какое сегодня число? И, как я понял, это им не составило труда.

— Мы календарик, кстати, сегодня переводили? — спросил «пахан» у своего неизменного собеседника — не то чтобы малолетки, а скорее, недоросли.

— Броде нет...

— Мы, мы перевели, — дружно откликнулись мои, на удивление похожие между собой, как братья-близнецы, соседи, — сегодня двадцать третье декабря. Скоро Новый год. Мы следим за этим.

— Пять вам с плюсом. Не бойтесь, не как в школе, не на двоих, конечно.

Это все тот же непререкаемый хрип так отреагировал на их объяснения, а я, даже не успев как следует оценить его утонченный юмор, чуть не выдал себя, как наткнувшийся на что-то неожиданное оступившийся при игре в жмурки ребенок, непроизвольным восклицанием: «Ой», — настолько сильно поразило меня эта новость. Ведь, согласно ей, я уже содержался там без малого три месяца. А это мысля на фольклоре — «не хухры-мухры!»

— Ну, немой-то ладно, у него любовь была, а ты чего, «по тихой грусти», со всеми отсюда не дрискнул, что-то я не пойму никак, — возвращались они к прежнему разговору, причем строго вдвоем, потому как «сиамские близнецы», как я их для себя прозвал, в обсуждении не участвовали, предпочитая по десятому кругу полировать восхищенными, бархатными взглядами глянцевые страницы новомодных изданий, видимо, переданные им с воли и разложенные по правую и левую руку от меня, на своих, в бушующую волну изъеложенных, постелях.

— Напился в хлам. Сам себе, дело прошлое, до сих пор локти кусаю, что опростоволосился так. Я же способный, меня бы, не бось, не поймали, как других... — видимо, задетый за живое, горячился в ответ недоросль, в то время как доведший его до такого состояния более ушлый собеседник сохранял олимпийское спокойствие, и если слушал его, то уже без особого интереса, как судья подсудимого перед вынесением заранее заготовленного приговора.

— А так бы теперь уж куда-нибудь на Чукотку к Абрамовичу «отвинтил» и, глядишь, заодно с ним и себе тоже миллиардик-другой — на яхту и футбольный клуб — деньжат урвал с природных ресурсиков-то, которые, между прочим, мне, как гражданину России и так по праву принадлежат, — по-глупому баxвалился он.

— Твое тут только говно... и то, пока оно летит! Ты просто, видно, еще не понимаешь, в каком бесправном обществе мы живем. А потом ты так говоришь — «заодно с ним» — как будто вы с этим олигархом знакомы.

— Нет, конечно. Это я так, к примеру.

— Плохой у тебя пример. Я бы вот ни за какие коврижки туда не поехал. Что я, черт, что ли?

— Почему же сразу черт-то?

— Да потому же, почему и жабы квакают в пруду, — зашевелился он где-то там, у меня в головах, видимо, устраиваясь для продолжительной дискуссии поудобнее. — В переносном смысле, разумеется, в переносном...

— У него, как-никак, вон сколько «лавэ».

— Ну и что, что много. Ты вот мне скажи, если черту рожки позолотить и бриллиантами инкрустовать, а самого его посадить на мешок с деньгами, то кто он после этого будет, а? Молчишь. Чертом он и останется. Так-то. Ибо все, на мой взгляд, должно быть в жизни в удовольствие, а если уж человек сознательно, а тем более корысти ради на подобные по отношению к себе идет издержки, лезя туда, где, как говорится, Макар телят не пас (я имею ввиду крайний север), то, поверь мне, не было еще такого случая, чтобы это впоследствии не отрыгнулось ему и не вышло боком. Да так, что никакой роскоши потом уже не захочется и больше горечи на сердце, чем удовлетворения будет. И он это, по

ходу, сам чувствует. Мне как-то попалась на глаза его фотография в одной популярной газетенке (в «Комсомолке», вроде бы), а к ней прилагалась статья, в которой писалось, как он регулярно летает на эту самую Чукотку на собственном «Боинге», оборудованном по первому шику, да еще и с бассейном. Так вот, к чему я все это: сидит, значит, наш «Абрамка» на этом фото в кожаном кресле, рядом ваза хрустальная стоит на полированном столике, наполненная всевозможными диковинными фруктами, а выражение лица у него, вместе с тем, как у висельника. И это, прошу заметить, при его-то миллиардах, при одной мысли о которых, казалось бы, мина прямо-таки обязана круглосуточно лучиться благодушием и самодовольством. Знать, все не так-то просто у него в жизни, и дается ему это самое богатство ой какой дорогой ценой – не иначе, как он душу за него темным силам продал! Так что я предлагаю хорошенько призадуматься, прежде чем загонять себя из полымя да в пламя (или наоборот, что, в общем-то, не важно – ну да ты меня понял) и по собственному недомыслию ударяясь в бега, не равняться Север с Югом.

Это был типичный прием блатного оратора, поднаторевшего в «общаковых» разборках и поднабравшегося в свое время от более старших товарищей расхожих тюремных образов и умевшего удачно оперировать ими в любом споре. Взгляды у него сформировавшиеся, истины прописные, а во главе угла всегда стоит желание верховодить. Триумф был полный. Возражений от собеседни-

ка не поступало, и он знай себе, ворочая во всю прыть отнюдь не обремененным костной конструкцией языком, продолжал развивать дальше эту безупречную логику своих банальнейших по сути суждений. Даже я, тот еще «тертый калач», и то в какой-то момент поддался бесспорному обаянию этой велеречивой тирады и, неизначай отвлекшись от нее, подспудно выискал в памяти один забавный эпизод, только упрочивший его демагогическую теорию относительно важности правильного выбора, при побеге, направления, согласно которой следует отдавать предпочтение хорошо обжитым регионам над мало освоенными, к тому же, разбросанными вдоль полярного круга.

Это был эксперимент иностранных журналистов, почертнувший мною не скажу уже точно где и при каких обстоятельствах (кажется, из какой-то юмористической телепередачи), но все ж таки блестяще подтверждающий, что в городской среде, среди снуящих тут и там секьюрити, хомо сапиенсу порой бывает даже проще затеряться, чем в удаленной деревне или где-нибудь в окружении диких зверей в таежной глухомани. И что же: там основному участнику этого смехотворного вояжа, поверх фотографии его собственного, а значит, человеческого лица, в водительское удостоверение была вклеена обычная порослячья харя, должно быть, вырезанная с наклейки какой-нибудь первой же попавшейся им в магазине банки тушенки, так, чтобы в случае обнаружения накладки, всегда можно было бы сослаться на невинную шалость детей, как бы оставшихся дожидаться любимого папаню дома. В результате чего этот господин хороший, все передвижения которого были отсняты на «скрытую камеру», неотступно следующими за ним и держащимися на дистанции участниками заговора, так и проехал без каких бы то ни было осложнений по всем странам западной Европы. И хоть бы где эта подмена была обнаружена не раз останавливавшими его для проверки документов работниками если не таможни, то патрульной полиции! Ничего подобного! Так и отдавали ему под козырек, позволяя проезжать вперед, перед этим ответственно сличив полумесец фейса подателя с полнолунием тупо улыбающегося на них с прав изображения, будто между ними не было никакого видимого отличия.

Только живо представив себе все это, я и очнулся от временного забытья, тогда как мои неумолкающие соседи постепенно перешли уже от отвлеченных разглагольствований к обусловленной строгой изоляцией конкретике.

— У нас с тобой, как я погляжу, ситуации-то одинаковые, — не упускал инициативу непререкаемый авторитет, — что у тебя труппа, что у меня. Хорошего, короче, мало. А потому на волю надо не откладывая звонить, чтобы близкие за нас подсуетились, а врачи в своем заключении на состояние аффекта все списали. Собственны-

ми силами, нечего даже и надеяться, едва ли мы чего добьемся. Тебе же батя, как я понял, помогать не отказывается? Что скажешь?

— Да вроде нет. Беспокоится, еще как...

— А мне пацаны обещают «движуху» навести. Альберт бы еще со связью не подвел. Надо будет шумануть его вечерком.

— А что нам даст этот аффект?

— Ты что, вообще ничего не соображаешь, что ли? Так нам от десяти до пятнадцати срока «корячаться», а так ни тебе, ни мне больше «трешки» не дадут. Мозгами-то шевели. А то ты все про какой-то побег, как попугай, заладил. Из реального исходить, а не тешить себя сиюминутными фантазиями, надо. Понял? Тем более что у тебя был шанс, и тот, как ты сам признаешь, по собственной глупости упущен, а другой такой, кто его знает, когда еще представится. Это же как падение кометы, может, только раз на миллионы лет и повезет кому увидеть, — ударился он в лирику.

После этого они на какое-то время замолчали, чиркнув кремнем зажигалки и наполнив камеру, вдобавок к устоявшемуся, еще и свежим табачным дымом, не очень-то, стоит заметить, приятным для некурящего человека.

И тут вдруг, без всякой связи, чувство постоянного легкого голода (мамкина передачка-то кончила давно), обыкновенно до этого терпимо подсасывавшее под ложечкой, неожиданно активизировалось и чем-то когтистым и зубастым принялось вгрызаться изнутри в мой крохотный, вечно подтянутый и приросший к позвоночнику желудок. Скорей бы, что ли, ужин! Потому как поданный до него полдник я, признаться, даже и не заметил. Да и что там для взрослого, здорового мужика было особо и предложеното? Так, «червячка заморить» — компот в стопятидесятиграммовом пластмассовом стаканчике и прилагающаяся к нему, величиной с горошину, едва заметная на глаз булочка. А на вкус ее уж точно распробовать не получилось бы — голода ей не утолишь, а вот из равновесия вывести, даже человека с устойчивой психикой, запросто можно! Оттого-то я в чистоту проводимого обследования, прямо скажу, не верил. Это был скорее какой-то провокационный эксперимент: озвеरеет, не озвеरеет, тронется умом или нет?! Своего рода проверка на прочность, как в перетягивании каната: кто кого? Они тебя, или ты их?

И это ладно, я еще не чифирю. Так, лишь иногда поддерживаю традицию. А вот тем, кто уже успел пристраститься на тюрьме к этому мощному энергетическому стимулятору, представляю, каково было переносить полный запрет на чай от администрации: ни в камеру-палату с собой не возьмешь, не подваришь нигде... Короче, хоть караул кричи!

Словом, политика старшего экспертного персонала восемнадцатого отделения казанской психбольницы была крайне противоречивой — ведь с одной стороны, для объективности заключения,

они, заботясь о сдержанном состоянии психики пациентов, лишили их привычных допингов, а с другой, чрезмерно умеренным питанием методично доводили их до шокового состояния, чем, несомненно, подвергали абсолютно всех задействованных в освидетельствовании – что вольных, что подневольных граждан – смертельной опасности. Я безошибочно чувствовал всеми фибрами своего дистрофичного организма, что обстановка накаляется и до массового канниализма нам уже недалеко!

Тем не доплачивали, тех недокармливали, так что у всех нас без разбора вид был одинаково злой и голодный, ну, все равно, что в чаплинской «Золотой лихорадке», когда уже галлюцинации начинали брать верх над сознанием, и в любом приблишившемся к тебе объекте можно было невзначай увидеть свежесваренную аппетитно парящую курицу. Вы думаете, я преувеличиваю? Да ни в жизнь! Да никогда!

Отчасти выправить положение (хотя бы для нас – эзака) могло только одно – это своевременно организованная кормежка, немного, но насыщающая желудок и сбивающая это безумство.

К счастью, вскоре так оно и произошло.

Меню, правда, разнообразием не отличалось и воображения, соответственно, не поражало, как на том же шведском столе. Это были, не считая отдельно подданного киселя, от силы две-три сиротские ложки картофельного пюре, жалко теплящиеся на дне объемной алюминиевой миски и тщедушное крыльышко какой-то мелкой птички, которое ни на взрослого бролера, ни на цыпленка по размеру даже с натяжкой не тянуло. Может, синички или воробья? Плохо, что до ареста я не занимался орнитологией или хотя бы птицеводством, тогда мне это определить не составило бы труда. Хотя, если уж рассуждать здраво, то какой от этого был прок – бесполезное умничанье одно! Есть-то все равно приходилось – физиология брала свое, и наука с практическим опытом мне бы в этом точно ничем бы не помогла. Опять же, если рассуждать логически, я же не пытался выяснить сорт картофеля, из которого было приготовлено поданное мне в альянсе с «дичью» пюре. А до «птички» вот докопался же... Хорошо хоть до тонюсенького, нарезанного как в ресторане диагональю ломтика хлеба и киселя дело не дошло. У других-то однопалатников вон как просто все решалось: зажмурился, раскрыл рот – и уже нет ничего! – неоднократно раньше замечал я, при этом, вероятно, даже нисколько не удивившись бы и тому, если бы у них «по запарке» и посуда в ход поочередно пошла. Следует подчеркнуть, что сколько раз уже бывало такое, что ищет, ищет хозобслужба по окончании сеанса кормления какую-нибудь бесследно пропавшую ложку или «шуллюмку», а ее, как нарочно, нет – и все тут! Куда же она подевалась? Ясно же. Хоть на рентген всю камерупалату веди! Только и это, мне сдается, бесполезно, потому как

брюху заключенного (и это не пустые слова!) успеет к тому времени переварить ее! Такие вот, стало быть, дела.

Но и переоценивать его возможности, безусловно, тоже не следовало. Вот я и старался быть предельно внимательным. Не отвлекали бы еще!

Только я для удобства принял позу «лотоса» и взял в руки миску с пластмассовым стаканчиком, заботливо переданные мне в постель моими однопалатниками, как мой ровесник и новоявленный сосед по сменившемуся жилищу, пользуясь случаем, заговорил в дверное окошко с задействованным при раздаче молодым черноволосым парнем в белом больничном халате, который, очевидно, и был тем самым, ранее упоминаемым в их разговорах медбратьем Артурчиком, после недавних известных событий заступившим в отделении на эту должность на место моей безвинноуволенной возлюбленной и фактически являвшимся на фоне женского коллектива «белой вороной». Так что ошибиться с этим было трудно. А дальнейшее только подтвердило и упрочило мои импульсивно возникшие или, как еще можно сказать, интуитивные предположения.

— Помнишь, что обещал?!

— Что ж не помню-то... «трубу», что ли? — видимо, на всякий случай переспросил он.

— Ну да. Так неси, — не зная, кому бы передать в палате занимавший его руки ужин, склонившись, настаивал арестант-ровесник. — Только одну ее... «симка» у нас есть. На полчасика, не более. Так подпинуть кое-кого со свободы... чтобы все у нас в елочку вышло... ну, ты понял.

— А-а-а. Попозже. Сейчас начальство домой уйдет. Совсем-то уж не надо хаметь!

— Сам смотри. Тебе видней, — напоследок благожелательно напутствовал он его, и тотчас сменив елейную личину на недовольную, принялся повышать голос на толпящуюся рядом и, в общем-то, и не думавшую ему перечить молодежь. — Что, не могли у меня тарелку забрать? Стою с нею как дурак!

— А куда?

— Куда-куда? Матрац бы завернули, как всегда, и поставили ее на кровать. Нет, вам, как я погляжу, не терпится кишку себе побыстрее набить! Куда вы торопитесь-то, а? Один черт, с баланды этой сытым не будешь, да и никуда она не денется от вас!

Этот зрелый, что называется, прошедший крым-рым уголовник определенно умел подчинять своей воле «случайно оступившихся» маменькиных сынков. Потому как хватило и того легкого, едва подкрепленного мотивированной частью окрика, чтобы через мгновение постель на одной из кроватей как бы сама собою подвернулась, часть удерживаемой на весу посуды составилась на освободившуюся площадку, а часть была унесена бесценным гру-

зом решившими, видимо, от беды и с глаз долой ретироваться или, как это формулируется по-тамошнему, «рассосаться» моими ближайшими, если ориентироваться по впритык стоящим койкам, соседями по палате, «сиамскими близнецами».

Хотя и тут без эксцесса не обошлось. Успев уже подглядеть, как я вышел из затруднительного положения с мешающимся в руках пластмассовым стаканчиком, до краев наполненным киселем, и в подражание мне поставив свои разовые «емкости» в наружные карманы рубашек, они к тому времени, залезая на кровати, видимо, уже напрочь забыли о них и не взяли во внимание тот факт, что с таким неустойчивым и жидким грузом равновесие все-таки не стоило бы терять. В итоге пооблизались все, навыслушивались множество нелицеприятных замечаний по своему адресу от старшего товарища и вернулись в исходную позицию, кажется, вовсе потеряв аппетит. Но чем, надо отметить, подняли общее камерное настроение, как-то незаметно сходившее на нет.

Под влиянием всего случившегося я даже невольно проникся некоторой симпатией ко всей копошащейся там, как головастики в луже, и безмерно уплотненной однотипной публике, если не сказать, что начал ей в какой-то мере и, ввиду родственности если не душ, то бесправного положения, проникаться доверием. Во всяком случае, существовавшая между нами невидимая преграда была снята и в случае необходимости я мог бы перейти с языка головоломных жестов на нормальную человеческую речь. Другое дело, что я не торопился с этим и решил пока, на успокоенный желудок, если уж придерживаться жаргона, «поваляться на спине» и подремать.

Первое-то далось мне без труда, а вот со вторым уже обстояло сложнее: нервозность какая-то, что ли, мешала уснуть? Зато одинокого скрипача, заведшегося как сверчок в щели за печкой в моей измаявшейся душе, я наслышался-таки всласть, согласованно помогая ему подобрать получше репертуар – мурка, мурочка, муреночка моя!.. Впрочем, это я уже шучу.

И отошел я от этого порядком затянувшегося транса лишь когда в камере началось нешуточное волнение. А связано оно было, как вскоре выяснилось, с тем, что медбрать принес и передал, видимо, неплохо уже скорешившимся с ним просителям категорически запрещенный сотовый телефон и в двух словах предупредил о том, что оставляет его ненадолго, а перед уходом поплотнее закрыл дверное окошко. Что, надо признать, было сделано им отнюдь не излишне, так как акустика в абы как перестроенной из лошадиных апартаментов палате была хоть куда! И малейший издаваемый внутри звук, многократно усиливаясь, легко преодолевал массивные железные и кирпичные преграды, моментально распространяясь за ее пределы.

Ничего нового и удивительного во всей этой теневой возне для меня, конечно же, не было. Раз уж сами врачи приемного

покоя, с порога, встречали меня откровенным вымогательством взятки за нужный диагноз, то что уж было ожидать впоследствии от, похоже, не очень-то дорожащей своей репутацией и рабочим местом такой мелкой сошки, как медбратья. Понятно, что и ему тоже хотелось и для себя в этой мутной водице урвать на пропитание какую-нибудь мелкую рыбешку.

— Да это я, Санька «Фигура», по номеру что ли не узнал, — по-звериному порыкивая, представлялся в трубку бессменный лидер и мой однопалатник, быстро обеспечивший себе связь. — Выходит, ты там, пес смердячий, начал меня уже забывать, так? А как это еще понимать?

Все еще находясь, как это считается у зеков, «на ушном», я невольно узнал, как его зовут, а то ведь до этого, в ходе их беседы, такая возможность не представилась.

Обзвонив несколько абонентов и поговорив с ними накоротке о своих, касающихся больничной истории делах, он добился, судя по обрывочным, доходящим до моего слуха фразам, обещания от них всемерного содействия в улаживании этого неотложного вопроса, основополагающим фактором которого должна была быть скорая встреча с всесильным по этой части Артуриком, после чего облегченно вздохнув и пробубнив себе под нос: «Ну вот, пожалуй, и все», — передал несомненно дорогого стоящее в нашем строго ограниченном в правах положении средство связи ерзающему в ожидании парню со стрижкой «ежиком», который с первых минут моего водворения сюда, пожалуй, являлся его единственным собеседником. И как я, между прочим, уяснил для себя, был из обеспеченной семьи: его отец являлся каким-то «крутым» полублатным «мэном», входившим во многие социальные круги и чуть ли не снимающим рукою звезды с неба.

— Недолго только... говори по существу!

— Пап, привет... Это я, — эксцентрично воскликнул тот после соединения и не раскрывая пока передо мною своего имени, как это сделал предыдущий пользователь нелегального «хайтека», что и навело меня на мысль о том, что у его отца, видимо, было не так уж много детей, раз он без уточняющего представления сумел определить по каким-то скрытым в голосе характерным особенностям, кто именно его беспокоит.

«Да, Татария все же не Азия, где люди продолжают воспроизводиться ускоренными темпами и зачастую воспитывают в своих семьях «по запарке» перепутанных в песочнице чужих соседских детей. Знать, и здесь уже сказалось урбанистическое влияние Запада», — вполне обоснованно сделал я геополитическую оценку темпов развития братской республики, не покидая палаты и по одному их сбивчивому разговору, по существу не выходящему за область все тех же животрепещущих для всех нас проблем — курить, сладкое, пресса т. д. и т. п.

— Подъедет к медбррату батя. Я ему «курсанул», что тот завтра с утра с суток снимается. Найдутся как-нибудь, чать не маленькие... Он ведь теперь знает, как его звать. Да и передачку заодно нам «закинет», — почтительно докладывал он своему старшему покровителю, возвращая раздобытый, а изъясняясь по-здашнему, «затянутый», телефон.

— Да я слышал. Надо было заодно объяснить ему, что чай нельзя передавать, а то он по незнанке припрут завтра и его тоже. Придется назад везти. Впрочем, ничего страшного — не пропадет. В тюрьму его потом тебе «загонит». Главное, чтобы он с медбрратом общий язык нашел, вот это да! Но он-то сможет, я в нем уверен — я ведь с ним не один день уже знаком! Как-никак по одной земле ходим, да и люди, что он, что я, что уж тут скромничать-то, в нашем городе не последние были.

Я все это время не оборачивался и не поднимал головы с подушки, дабы позволить им, не отвлекаясь на меня понапрасну, спокойно сделать свои дела, и только сейчас обратил на себя внимание легким шевелением всего к тому моменту уже несколько затекшего тела. Однако заговаривать с ними пока не стал.

— «Близнецы», звонить будете, — иронично-вежливо обратился Саня «Фигура» к моим непосредственным соседям по едва ли не совместному спальному месту.

Но сноситься «сиамским близнецам», вероятно, было не с кем, так как на его предложение они, как китайские болванчики, не сговариваясь, одновременно отрицательно закачали головами, а я прямо-таки ушами это увидел.

— А ты немой?

Всеобщий смех последовал незамедлительно.

Но это меня не смущило и, чуть повыше забравшись на подушку, я в развороте протянул руку за предлагаемым мне телефоном.

— А сможешь? — блестя глазами, подыгрывал он колективу.

Ага, мол, — в знак подтверждения моргнул я веками, прижимая к груди подбородок.

— Поглядим, поглядим...

Это была простенькая «Моторолка» модели Т-190, которой мне доводилось пользоваться еще на свободе и, как я сразу отметил, подключенная к сотовой компании МТС. Четыре твердо стоящие с левого верхнего бока черно-белого экрана стрелочки показывали отличную, в «четыре антенны», связь. У меня еще не изгладился из памяти код моего родного города и номер маминого домашнего телефона, поэтому, упираясь ногтем большого пальца в мягкие пружинящие кнопки, я быстро набрал его. На экране неоправданно мелькнула надпись «переадресации», хотя соединение устанавливалось напрямую, но об этом уже никогда было размышлять, так как даже неприложенному к мембране уху стали слышны доносиившиеся оттуда гудки. Я изголовился и, с замиранием сердца,

стал ждать, когда находившаяся от меня за пятьсот километров божественная первопричина всей моей жизни возьмет трубку. Дома она или нет? Не ушла ли куда? Но мне повезло, и через несколько секунд, на удивление только что поднимавшему меня на смех окружению, я, нарушив долгое молчание, произносил первые слова.

– Привет, мамульк, это я!

– Ба-а-а. Ты откуда? – безмерно удивилась теперь уже и она, и как обычно, не имея терпения выслушать меня и приняв желаемое за действительное, перешла к наставлениям. – Вася, тебя уже отпустили? Никуда не заходи, давай сразу иди домой. Я ведь как чувствовала, пирожков твоих любимых, с луком и яйцами напекла... пока горячие еще...

– О-о-о. Да я из больницы звоню.

– Тебя еще не выписали?

– Нет пока.

– А когда? – теперь уже все поняв, начала с неуемным волнением допытываться она у меня.

– Еще неизвестно, – преисполненный, от одной возможности пообщаться с ней радостного чувства и потеряв представление о том, что происходит вокруг, продолжал я.

Но мне уже начинали мешать.

Первым пришел в себя Саня «Фигура», чьи деньги с вставленной в телефон «сим-карты» по межгороду (да еще и на домашний номер) так бесшабашно проговаривались на сей раз.

— Эй, ты куда звонишь-то, а? Не за границу случайно? «Симку» мне, смотри, в «минуса» не загони.

— Постараюсь. Сейчас.

— Вот так немой, — как последних лохов развел всех, а!

Расспросив родительницу о ее здоровье и, в свою очередь, уверив ее в том, что у меня все обстоит хорошо, я пообещал ей, что как только меня выпишут из отделения и привезут в СИЗО, то я первым же делом сообщу ей об этом по почте. После чего вынужденно рас прощался, объяснив ей, что это не мой телефон и что он был лишь чисто случайно (а на самом деле необдуманно) на один лишь звонок предоставлен в мое пользование добрыми людьми.

— Ну ты даешь, — кривил губы, никак не желая успокаиваться, бандит в пижаме, забирая аппарат из моей руки. — А мы думали, что ты разговаривать не умеешь.

— Когда надо — могу.

— Ясно. Что орать-то, — едко хохмил он, снимая с телефона заднюю крышку для того, чтобы изъять оттуда «сим-карту».

Дело было сделано. Крышка-батарея поставлена на место, а немаловажная связующая принадлежность, предварительно завернутая в кусочек оторванной от угла валявшейся на полу газеты, убрана в надорванный изнутри пояс его штанов.

— Не забыть бы только, когда буду белье менять, ее отсюда достать, — как страдающий очевидным расстройством психики человек, разговаривал он сам с собой.

— Я напомню тебе, если что, — заискивающе уверил его словоохотливый юноша, на моей памяти недавно только сожалевший о том, что он упустил редкостную возможность, вместе с половиной отделения уйдя в бега, добраться на Чукотке до Абрамовича и убедить его поделиться с ним своими капиталами.

— Ты себя-то где-нибудь по дороге в туалет не забудь.

— Ну что, Артура будем звать? — невозмутимо парировал он.

— Не надо. Сам подойдет, — убрав под свою подушку лежащую на виду «моторолку», обратился, судя по всему, авторитетный «браток» уже персонально ко мне, протянув навстречу для рукопожатия увесистую, как медвежья лапа, ладонь. — Ну, давай знакомиться. Тебя как дразнят?

— «Ветром».

— А звать?

— Вася.

— А меня Санек «Фигура». Я тут в Казани за первой тюрьмой смотрю. Вот на обследование приехал пока. Может, слышал раньше от кого-нибудь про меня?

— А как же? Слыхал (о положенце полагается, как только «заезжаешь» на Централ, первым делом интересоваться у братвы).

— Так вот, это я.

— Эльдар, Костя, Петя, — следом за ним откликнулись и все остальные мои, разместившиеся вкруговую, однопалатники.

— Ты откуда?

— Из Тольятти.

— Я как чувствовал. А говоришь, что не бог весть куда матери звонил? Это ж, наверное, в Прибалтике или в Италии где-нибудь.

— Да нет. Здесь, поблизости, в Поволжье, под Самарой.

— Ну это еще ладно. А че с врачами тогда не разговариваешь, «косиши», да?

— Вроде как...

И раз уж я перед ними раскрылся и счел, что впредь их можно не опасаться, то еще до прихода Артурика, забравшего телефон и оставившего открытым дверное окошко, я ухитрился в общих чертах «накидать» им, из каких соображений была затеяна мною данная симуляция. Я-то втайне надеялся, что это их ничуть не заинтересует и, подкинув им информацию к размышлению, мне уже не придется впоследствии консультировать всю эту «толпу». Если бы так! Вопросы посыпались со всех сторон буквально градом, рот у меня не закрывался в течение нескольких часов, и я чуть было не охрип, будучи вынужденным на них отвечать.

Этим-то я, между прочим, все себе и испортил. Моя идея им настолько сильно понравилась, что на следующее утро в нашей палате, состоящей из пяти человек, был уже не один неразговаривающий обследуемый, а, вместе со мною, целых четыре, и только тюремный «смотряга», как личность вполне сформировавшаяся и менее подверженная посторонним влияниям, чем все остальные присутствующие, решил не впадать в крайность, а дождаться результата переговоров между медбратьем и его влиятельными знакомыми, которые с помощью сотового телефона он им только что так удачно организовал, а там, мол, поглядим...

Слов нет, в отличие от меня, он, конечно, мог себе это позволить. Да и не только он один, но и кое-кто еще из представителей случайно затесавшейся не в свой круг «золотой молодежи», которым, конкретнее говоря, и был разговаривавший по сотику со своим крутым отцом некто назвавшийся после Эльдаром и котому, видите ли, тоже, наравне с другими, захотелось, подражая мне, сделать администрации, что называется, «козу» — да еще какую достойную!

Так, наслушавшись моих рассказов, они не только, тотчас категорически исключив из него сотрудников учреждения, перешли на строго избирательное, скажем так, внутреннее общение, но вдобавок еще и за ночь все стены по периметру украсили там загробной живописью — не изъятой пока что у нас зубной пастой, как мы это когда-то делали в пятой палате с Димкой Молчуном.

Это и было последней каплей, переполнившей «флягу» терпения в голове моего злосчастного психиатра «Губы», ибо после

этого случая, вызвавшего массовый переполох всей следующей смены, чуть ли не всем скопом оттиравшей помещение и пытавшейся всеми силами разговорить моих последователей, она не стала больше упорствовать, добиваясь не знаю уж какой цели в плане выяснения моей вменяемости, а наконец-то, в спешном порядке организовала ставящую точки над и, экспертную комиссию, на которую одним из первых был приглашен и я.

Причем, где-то приблизительно перед все тем же, будто заговоренным на события полдником, во второй половине дня. Вызванный дежурным милиционером и заведенный через центральный холл для обследования в ее кабинете, я, после последовательного пятиминутного отмалчивания перед сидящей на диванах парочкой очкастых старух строгого и почтенного профессорского вида и чисто по-аспирантски лебезящей перед ними зоркой молодокой с врожденным и почему-то, при современных-то достижениях пластической хирургии, не исправленным еще дефектом — «заячьей губой», чудовищно портящей ее по-гречески утонченные черты лица, был выписан и приготовлен на этап, в группе с двумя обследуемыми из других палат. Я и не предполагал, что в конечном итоге администрация может настолько сильно обеспокоиться моим неуклонно растущим влиянием на спецконтингент, который, как она, вероятно, полагала, в подражание мне мог увлечься игрой в молчанку, ничего хорошего ей не сулящую.

Легкое чувство омерзения, сродни тому, какое испытывал в первые годы от нечистоплотной скрытности своих отношений с Карениной Вронский, удушливым спазмом нахлынуло на меня. От всех этих деланно-доброжелательных вопросов: как меня зовут? где я учился? за что сижу? и т. д. и т. п., выслушиваемых от трех злобных маразматичек с неприкрытыми колпаками и крашенными какой-то химической дрянью неестественных цветов шевелюрами. Да и бог бы, как говорится, с ними! Не происходит это, по иронии судьбы, в соседствующем с тем, в котором мы некогда провели ночь с моей восхитительной медсестрой, кабинете. Мои переживания были еще сильны...

А затем последовало торопливое прощание с остающимися обитателями третьей и пятой палаты, в первую из которых, после комиссии, я был ненадолго заведен, а ко второй, перед отправкой, воспользовавшись замешательством надзирателей, изловчился на секундочку подойти, чтобы, как Че Гевара перед своим последним бесславным походом в Колумбию, многозначительно выразить бывшему мэру свое почтение жестом «Но пассаран».

— Тебя что, выписывают? — догадался он.

— По ходу, да, — в знак подтверждения не нашел я ничего лучшего, как важно надуть щеки. С моей стороны было бы глупо, если уж я столько гнул свою линию, взять в последний момент и, расчувствовавшись, выдать себя, начав задвигать душепитатель-

ные речи. Пусть даже местные «секьюрити» и на время отвлеклись, унося и сдавая на склад постель, оставленную мною нетронутой на кровати. И не потому, что мне самому было это трудно сделать, а исключительно из убеждения в том, что какой же я тогда в их понимании буду дурак, если начну все их требования послушно и отзывчиво выполнять. Сами же и доложат об этом, да еще и, как водится, с личностными оценками, психиатрам. Грубо говоря, сдадут. Так что на войне как на войне – и нечего было от этого проверенного правила отходить. Хватит и того, что я как-то, поддавшись на вкрадчивые уговоры, в депрессивном состоянии написал медсестре записку с просьбой принести мне из каптерки книги – ну, не глупец ли? До сих пор корю себя за это.

Кстати, о книгах... Я ведь напрочь забыл о них и не забрал с собой.

Конвой уже ждал меня в коридоре.

Там же стояли два пропиленовых мешка с ранее изъятыми у меня вольными вещами. Кто-то из белых халатов показал мне на них, и я под наблюдением десятка внимательных глаз, опустошив их от содержимого, поочередно переоделся и, подождав, когда с этим закончат два выписываемых в один день со мною чудаковатых, по первому впечатлению, паренька, с натянуто-счастливой улыбкой и защелкнувшимися на руках наручниками изобразил воздушный поцелуй всем тем простодушным медработницам, что, побрав свои дела, собирались проводить меня в путь-дорогу.

– Эх, увозят от нас «жениха». Ха-ха. Может, скажешь нам на прощание что-нибудь?

– Ну сейчас, – как всегда, внешне держась спокойно, внутренне возмущался я. И, продолжая ломать комедию, невежливо повернулся к ним спиной, собравшись уходить.

– Сумку-то свою забери.

Просто сказать, но как это воплотить в реальность с застегнутыми руками? Они явно не подумали... Хоть бросай ее там и «до воронка» налегке иди.

Но я вышел из этого, казалось бы, неразрешимого положения. Догадайтесь с трех раз, как... Не можете? Так и быть, я сам расскажу об этом в следующей главе. Наберитесь терпения – останется только прочитать...

Глава 11. Предэпилоговая – раз...

Быть может, я и не оригинален, и всего лишь повторяюсь, но судебная и исполнительная системы – это, в поэтическом видении, безудержный водоворот, который влечет и захватывает человека, и уносит его своим стремительным течением, независимо от того, умеет он плавать или нет, сопротивляется или безропотно отдается во власть поглотившей его стихии.

А потому возьми я тогда свою поклажу с собою, или же оставь ее в коридоре отделения, по той простой причине, что с засстегнутыми на кистях браслетами и не разводимыми в стороны руками, как бы я ее смог нести? Или же сойди я в тот момент с ума на самом деле и не отдавай отчет своим действиям, то мое перемещение от пункта А до пункта Б неизменно состоялось бы, ибо оно уже было заранее согласовано между подведомственными инстанциями и закреплено распорядительными документами и осуществлялось вне зависимости от моего желания специально предназначенными для выполнения этой рутинной задачи должностными лицами, которые сами уже по сути требуемой от них безотлагательной и необсуждаемой обязанности, носящей форму приказа, сделались рабами системы, не способными на яркое и открытое проявление индивидуальности в выражении мысли и чувства, этакими сомнамбулами или зомби, чьи поступки и передвижения заведомо предрешены. Это был, в некотором смысле, товарообмен: государство методом трудоустройства подвело их под определенную стоимость и они, вероятно, сочтя ее вполне приемлемой, в большинстве своем даже не задумались о том, что в нее, вкупе с физическими ресурсами, включены и духовные, а вернее, их полное упразднение, так как при данном роде деятельности не предполагается наличие у человека собственного я.

И хотя освободить меня было выше их сил, даже если бы неприятие насилия и голос сердца подсказывали им это, все же непосильную (по их же, кстати, вине – кто как не они привел меня в такое беспомощное состояние наручниками-то) ношу, видимо, сжалившись надо мной, они до автозака все-таки донесли. Что тут сказать? Спасибо им уже за одно это! Да и, если подумать хорошенько, то разве же можно требовать большего проявления гуманности от палача, в общем-то, мало чем отличающегося от них и намеревающегося отрубить тебе голову, или же целящегося из пистолета в темечко – «ты хоть не промахнись, пожалуйста, мил человек!» – вот и весь параметр реально дозволенного, на который тебе, как бесправной жертве, стоит уповать. На этот счет, конечно, я себе иллюзий не строил, а, мысленно отметив, целиком сосредоточился на другом.

Так как даже переезд из темницы в темницу для узника – это событие, вызывающее в его душе бурю разнообразнейших чувств

и оставляющее в его сознании целый сонм неизгладимейших впечатлений. Привыкший к темному, зачумленному, холодному мирку, он вдруг в считанные секунды раскрывается, как весенний бутон, и тянется всем своим неожиданно ожившим существом к этому бурлящему живительной энергией потоку тепла и света. Ведь в суровом, будто вымершем, заполярном круге его жизни это и есть то короткое, стремительно проходящее лето, и нужно успеть как бы заново родиться, произрасти (единственно, только не размножиться) и впасть в очередную безвременную спячку, либо же закончить биологический цикл и умереть. Медлить тут ни в коем случае нельзя! Каждая клеточка твоего внезапно пробудившегося организма должна в этот краткий миг работать в усиленном режиме и черпать для себя из воздуха и грунта все полезные свойства, какие только мать и мачеха природа, по милости своей, источает в нежности и ласке, как для сына, так и для пасынка. Это какой-нибудь там изнеженный тропический цветок, не испытывающий недостатка во влаге и ультрафиолете, может покапризничать еще, как какая-нибудь царственная недотрога, прежде чем соизволит присоединиться к этому безмерному обжорству на нескончаемом ширу жизни – сегодня, завтра или же вообще отложить до поры до времени свое участие в нем, дав, таким образом, отдохнуть корням и стеблям. Это любимый первенец от материнских молочных щедрот может позволить себе отстраниться от лакомой сиськи и, сладко рыгнув, часик-другой безмятежно подремать. Это до не-приличия разбалованный турист, развалившись на мягкому сиденье у обширного окна экскурсионного автобуса, имеет право отказаться от непрерывно мелькающих мимо него разноплановых видов и, отвернувшись, попросту на них не глядеть. В общем, так способен вести себя кто угодно, только не зэк. Для него это звездный час, редкостный случай, в который он обязан, как верблюд у колодца после длительного изнурительного перехода, восполнить утраченный водный запас, воспрянутый духом и затем только продолжить свой затяжной путь. В противном случае, если он не способен на это непримиримое рвение, приходится с грустью констатировать, что это уже не полноценное существо, а смертельно изнуренный иноходец, на последнем издыхании бредущий из переменчивого дня в вечную ночь, то есть живой труп.

Острота моего мировосприятия и жажда до новых впечатлений явно указывали на то, что карательная система не до конца доделала свое черное дело. Правда, меня слегка мучило и пошатывало при ходьбе, как космонавта, выбравшегося из капсулы и выдержавшего длительный перелет и неимоверные нагрузки. Тем не менее, я передвигался собственными силами. Меня не вели под руки, как бывает зачастую с иными, я не был аморфен и потерян, и настроился, как и в день приезда, еще раз одолеть неисчислимую череду больничных коридоров, с интересом оглядывая все вок-

руг. Но вот незадача: на этот раз по выписке меня проконвоировали по какому-то новому маршруту, значительно короче прежнего и, в результате, не дав как следует разгуляться, через какой-нибудь жалкий десяток шагов уже вывели из здания наружу, подведя к подогнанному вплотную к явно не парадному, а торцевому крыльцу автозаку, тому самому типичному российскому бункеру на колесах, глядя на который со стороны мирному вольному человеку никогда и в голову не придет, что в такой очевиднейшей душегубке, вместо, как полагалось бы, технических грузов, без притока кислорода и света, перевозятся живые существа. Это в «штатовских» фильмах заключенных, правда, закованными в кандалы, но зато в хорошо проветриваемых, просматриваемых и не препятствующих взору автобусах этапируют по стране, так что они могут отвести себе душу и хоть в кои-то веки налюбоваться окрестными видами, до сего дня лишь манившими их воображение, как великолепнейшие миражи пустынь. И где, однако же, все натурально, без какой-нибудь там иллюзорной подмены, — гляди себе, если уж выпал шанс, и гляди... Где-то, но не у нас!

Эх, об этом приходилось только мечтать! И, следовательно, когда мы тронулись, я, не рассчитывая на подобное, приученный довольноствоваться малым, безмерно радовался каждомуциальному звуку, в общем городском шуме доходящему до моего слуха сквозь дребезжащую обшивку скачущего на рытвинах «воронка», будь то чайто уличный разговор, смех, скрежет тормозов проезжающего рядом автомобиля или предупредительно раздающийся клаксон.

Я будто возвращался с необитаемого острова, только в трюме тонущего корабля.

Где-то поблизости, не исключено, что проходила моя несравненная возлюбленная, бывшая медсестра Наташа, но при этом изза уготованной мне обстоятельствами полной изоляции, мы с ней не имели возможности ни увидеть, ни окликнуть друг друга. Из-за чего я, конечно же, сильно расстроился, и как ни старался отвлечь себя какими-нибудь другими, не касающимися сердечной тайны мыслями, мне это уже не удавалось. Я сумел-таки, задев нерв, разбередить незаживающую рану, которая с переменной устойчивостью напоминала теперь о себе нестерпимой, пронзительной душевной болью. Так что мне, человеку, давно не державшему в руках сигарету, вдруг непреодолимо захотелось закурить.

И уберегло меня от этой минутной слабости лишь то, что конвой не разрешал нам этого делать. А так-то, естественно, было и у кого стрельнуть, и от чего прикурить. Да и не исполненная еще до конца роль безмолвствующего придурика отнюдь не помешала бы мне в осуществлении данного импульсивного желания. Ведь я за это время на одном энтузиазме научился, не издавая звуков и активно жестикулируя, объясняться с внимающими мне людьми. Ну, а так как в силу выше указанных побочных факторов повода

у меня на то тогда не было, а чувство предосторожности пока что не изменило мне, то, пристроившись на жесткой лавке в уголке и прикрыв глаза, я сделал вид, что меня, мол, вообще ничто не волнует, а усталость, дескать, берет свое. Так было проще всего.

Забравшие нас из отделения и кинувшие задницы на отстегивающуюся «сидушку» менты сквозь решетку отсекателя пристально наблюдали за нами и могли обо всем происходящем впоследствии доложить психиатрам, а ютившиеся рядом в узком «кармане» автозака бывшие обследуемые отделения, которых это, в отличие от меня, похоже, никак не беспокоило, принялись поочередно, под еле брезжакшим светом вкрученного в потолок фонаря, рассматривать личные фотоальбомы, бахвалясь друг перед другом, какая у кого на воле была девчонка и автомобиль, явно сожалея о том, что в этом не принял за компанию участие и я. Вот бы и мне научиться жить одним днем. Невольно позавидуешь таким. Но, видно, с самого рождения я устроен как-то не так.

Внешне я был аморфен. А вместе с тем, любимая не выходила у меня из головы – надо же было втюриться так по-серъезному! Да еще далеко не в юношеском возрасте. Прямо по поговорке: седина в бороду – бес в ребро!

Вот так, в сплошном сумбуре из мыслей и наблюдений, меня с двумя моими выписанными не докучливыми попутчиками незаметно довезли до тюрьмы, прежде чем ее прожорливое, как у хищной рептилии, чрево взялось, отщелкивая зубастым многорядьем ворот и дверей, одного за другим поглощать нас.

И вполне объяснимо, что эти два, как еще можно их охарактеризовать, невыразительных персонажа, вскоре рассаженные по разным превраткам, навсегда изгладились из моего сознания, так что спустя пару дней я, сколь ни напрягай мозги, вряд ли смог бы их отчетливо себе представить. Да и к чему. Нужное запомнилось бы само, а раз уж не сработала избирательная память, знать, так тому и быть. Ведь мозг же не видеокамера, чтобы фиксировать и сохранять все подряд...

После быстрого, где-нибудь с час проведенного в одиночке в ожидании распределения, три дня меня продержали в уже знакомом мне по прошлому пребыванию «карантине» для строгого режима (то есть для тех, кто ранее был судим), числящимся, как и прежде, по порядковой нумерации многокамерного строения за номером семь, и где те же самые бесстыдно отожравшиеся и расплодившиеся за время моего отсутствия клопы, потеряв всякий страх и, очевидно, деля меня между собой, как добычу, пытались оставить там навсегда: из ночи в ночь, таская и переворачивая на нарах, как будто я вовсе не царь природы и не человек вообще, а всего лишь навсего объект их ненасытных вожделений. Ну, что у вампиров на пиру. Или же у адвокатов, как в том анекдоте, когда отец вампир, уже насытившись кровью жертвы, предлагает своему сыну, такому же как и он сам чудовищу: «Пошли, мол, хватит», — а тот ему пораженно отвечает: «Так мы же еще не допили все?» «Сынок, — поясняет ему на это умудренный жизненным опытом отец, — мы же вампиры, а не адвокаты». Но это я так, к слову.

Однако мне еще повезло и я, выходит, из карантина вовремя смылся, причем своим ходом, и меня не пришлось оттуда, как с гестаповского донорского пункта, на носилках выносить.

«Этап, как много в этом звуке для сердца русского слилось, как много в нем отзывалось», — на бодрячке пришел мне на ум переиницентный классик. Ну чем, если положить на музыку, не ремикс, а?!

Перед погрузкой в «воронок» хозобслужка выдала мне «на одного» на сутки: булку белого хлеба (что, хотелось бы пояснить, было несравненной роскошью для этой тюрьмы, ибо там всем, кроме диетчиков, неизменно распределялся только сырой, как размоченная в воде глина, и плохо пропеченный черный) и, в придачу еще, как спецтайковая норма, величиной с наперсток куличек сахара. А вот положенную «консервую» «зажали», ничего при этом не пояснив. По дороге завезли во второй Централ, без задержки высадили, для чего-то препроводив на еще один в течение часа детальный досмотр, будто того, что производился по месту первоначального пребывания, было недостаточно, а по дороге в «стерильном», как операционная, автозаке я мог себе что-нибудь запретное приобрести. Где тут логика-то, скажите мне? После чего, присоединив к приготовленному к отправке этапу едущих с Севера

транзитчиков, в тот же день, через пару часов и другим четырехколесным бункером доставили к железнодорожной ветке и пересадили в приготовленный к принятию нашей партии «Столыпин».

За редким исключением, это были отказавшиеся от принудительного труда в Кировской области поселенцы, которым за данный вид нарушения, собственно, и был сменен судебным порядком этот, считающийся более мягким режим содержания на более строгий – хоть и общий, но все ж таки лагерный.

И почему, как я понял, они были только рады, охотно делясь как со мною, так и с другими вместе с нами оказавшимися в «столыпинском обезьяннике» «перемещенцами», теми ужасами, которые им довелось пережить, мытарствую по забытым Богом местам.

– И пока добьешься своего, чтобы тебя оттуда вывезли, не один дубинал об тебя «мусора» обломают... У меня вон до сих пор рука сохнет, а у Кольки нога.

– Короче, пришлось вам там страдануть.

– Не без этого. Зато дома у себя, по месту жительства, в Краснодарском kraе будем сидеть – пельмени с передачек есть, а не кору с деревьев гладить.

– А из Владикавказа, случаем, на вашем поселении никого не было? – не отставал от них я, так как симуляцией было покончено и, оказавшись вдалеке от экспертизы, опасаться было некого. – А то со мной в прошлый раз их аж целый вагон туда ехало.

– «Пиковых», что ли? – на секунду призадумался, прежде чем ответить, сидящий напротив меня ушастый паренек. – Не-не, такие точно не нарисовывались. Буряты, эвенки, ханты, калмыки, чукчи, евреи, мордва, чуваши, ну и русские, естественно, были, а вот этих нет. Должно быть, просто на какую-нибудь соседнюю с нашей параллель «пропедалили». Там, по тайге, знаешь, сколько таких, как наша, ссыльных бригад разбросано – тьма! Что муравейников. Короче, не счастье!

– Представляю. Э-хе-хе.

На этом вскоре, к счастью, весь этот умопомрачительный курс закончился. Ведь при всей его познавательной полезности он, однако же, оставлял тяжелый осадок на душе. И не я один, похоже, почувствовал облегчение, когда поездной конвой в какой-то момент, перестав обеспокоенно бегать туда-сюда по коридору, вернулся с нашими, запечатанными в плотные бумажные конверты, личными делами в руках, чтобы устроить по имеющимся на документах сопроводительным надписям поименную сверку, завершившуюся тем, что нас в повышенном темпе и за какие-нибудь пятнадцать-двадцать минут, опять же таки, через проводимый в тамбуре обыск, одного за другим позакрывали по другим «клетушкам» – следственных со следственными, а осужденных с осужденными. В общем все как всегда, согласно наверняка имеющемуся на этот счет особому предписанию, упреждающему путаницу в наших ря-

дах, а также прочие, как это в армии называется, «неуставные отношения» между здешними «дедами» и «новобранцами».

Таким образом, я был единственным, кого, изолировав от всех, вернули после шмона в тот же самый, первый от входа «обезьянник». В котором все было сносно, за исключением того, что как ближайший от туалета, он как губка впитывал в себя все смрадные запахи, доходящие оттуда.

Куда деваться, приходилось терпеть.

Я полагал, что так и доеду до Сызрани один, да только прямо посреди ночи, в минуту самого глубокого сна, ко мне в «купе» (как я уже выяснил позже, в Ульяновске) «нежданчиком» подсадили двух неугомонных «фруктов» – молодого и старика. Как человек воспитанный, я поздоровался с ними, для этого прямотаки заставив себя выглянуть из-под одеяла, до того мне это было, выражаясь по-молодежному, в «лом». Да и «столыпинская» камера, если уж на то пошло, не тюремная, чтобы в любое время суток надо «подрываться» с места и из чувства арестантской солидарности и традиционного гостеприимства каждому встречному-попеченному если не чифир варить, то, опять-таки, полагающиеся в таких ситуациях, «по нашей жизни» вежливо-наводящие вопросы задавать, типа: «Как погоняло? За что «закрыли»? «Мурку свистиши», оно же: «Пальцы гнешь» или нет?! – и т. д. и т. п. Придет время, сами расскажут. Сон в тюрьме, да еще и по этапу, по установившимся в подневольном мире понятиям, «святое», и его, тем паче, следовало «уважать». Вот, стало быть, как в свое оправдание, по новой укрывшись с головой одеялом, рассудил я.

И уснул бы, если бы они, в свою очередь, вели себя потише и не мешали мне.

А то ведь им, по ходу, до моего присутствия там – хоть я и, обратив на себя внимание, поприветствовал их – как до какого-нибудь не принадлежащего им чужого дорожного сидора, либо мелькнувшего в чуть приоткрытом окне напротив станционного фонаря, не было никакого дела. Почему, спрашивается? И ладно, если бы они были полуикарями, только недавно спустившимися с гор и не знающими, как подобает вести себя в приличном обществе. Нет! Это были истые дети цивилизации, порождение больших городов, этакие откровенные хамы, которые, к сожалению, пока хорошенько не одернешь («осадишь»), так и будут руководствоваться в своемзывающим поведении исключительно собственными сумбурными настроениями и потребностями, и которые, ко всему прочему, как правило, еще и не стоят разбившегося (причем, мимо сковородки) яйца.

Ведь я же, в конце-то концов, не нянька, да и они, судя по их небритым зрелым рожам, давно уже вышли из малолетнего возраста, чтобы требовалось нет-нет, да прикрикивать на них, отвлекая от чрезмерных шалостей. Я был такой же, как и они, никому и ничем не обязанный арестант, которого, чтобы вынудить на ответную реакцию, надо было все-таки немножко посильнее достать. Нужели они не понимали этого совсем?

А нервы, как я чувствовал, могли у меня сдать в любой (и, в первую очередь, неподходящий для них же самих) момент: ибо фактор внезапности, известно же, тот же численный перевес! Один-единственный человек в состоянии целую толпу разогнать. У страха то, как и прежде, глаза велики!

По первой они, обустраиваясь на свободных, жестких, как в плацкарте, ложах, просто галдели, что, кстати, почти не выводило меня из себя. К подобной неутихающей камерной суматохе за свою немалую «уркаганскую» бытность я давно уже, хочешь не хочешь, а постепенно привык. А вот когда они как нарочно и будто зная, что я толком сегодня ничего не ел, принялись, истребовав у конвоира открывалку, консервированную кашу, заправленную тушеною, чавкая, прямо у меня под носом уминать – это уже, понятно, было выше моих сил.

Им-то, видимо, перед отправкой выдали спецпаек, а мне-то нет.

Так и пришлось, чтобы случайно не захлебнуться слюной, крошка хлеба, солидарно с ними, вылезши из-под одеяла, с аппетитом погрызть.

– А ты что, свою банку слопал уже?

– Ага. Как только получил... – не желая напрашиваться на угощение, не стал разубеждять их я.

– Нормально. Чав-чав, – такие вот дела.

Вот так, кто как усмирил голод и учитывая позднее время суток, я рассчитывал, что потом они, глядя на меня, потихоньку утихомирятся и теперь уж точно отдадутся во власть Морфея.

Нормальные люди, безусловно, так бы себя и повели, но эти два разновозрастных и не знаю уж, когда и на какой почве успевших «скентоваться» пассажира, что накурившися изоленты малолетки, нашли себе на ночь глядя, видимо, как они посчитали, не менее достойное и уж конечно, не терпящее отлагательств занятие, потюремному ернически обозначаемое как «в гости друг к дружке в сумки ходить» – хвастай, мол, что у тебя хорошего есть! Этакий лохотрон для простаков. А конкретно для тех, кому своя ноша стала в тягость. Смех один. Как в той достопамятной сказке про вершки и корешки. Или же, как в незабываемом советском комедийном фильме «Свадьба в Малиновке», когда при дележе разбойничьей добычи одному участнику доставалось все, а другому практически ничего – ну разве что старенький бабушкин чепчик, повязанный под носом поверх роскошных усов.

Так и тут, хоть и заинтересованность вроде бы была обоюдная, но лидировал – прошу заметить! – в щедрости, как этого, впрочем, и следовало ожидать, только молодой. Да и вещи-то у старика, которого, кстати сказать, звали Василием Петровичем, были все далеко не новые, стиранные-перестиранные и, вероятнее всего, еще и не единожды перештопанные. А у юнца, которого именовали Стасиком, противоположно – только идеальные, неизмызганные и ненадеванные, с запахом домашней свежести, шуршащие упаковкой а-ля магазин – это мне, не принимая участие в их «добросовестном» «ченче», с моей нейтральной позиции и, так сказать, с закрытыми глазами не составило труда определить.

По неискоренимой своей наивности, где-нибудь через час я уже было подумал, что на столь бурном и, несомненно, взаимовыгодном распределении их личного имущества вся эта безудержная «колготня» само собою разумеющимся образом и прервется, так как заострить внимание им будет больше не на чем. Однако же нет! После того, как они освободили от своих огромных, как океанские лайнера, баулов проход, покидав их, за ненадобностью, один за другим на третью, верхнюю полку, старик вдруг поведал молодому о том, что, дескать, ему поменяли «по поправкам» особый режим на строгий и он теперь, в связи с этим, добирается с Пермского «Белого лебедя» в родной Самарлаг (вон оно, оказывается, что! А как же тогда инструкция, предписывающая конвою содержать осужденных отдельно от подследственных? Выходит, дала сбой, – моментально промелькнуло у меня в голове). Молодой ему, в свой черед, сообщил, что он был задержан оперативниками у родной бабки в Ульяновской области, так как скрывался у нее от федерального розыска, и теперь его везут на следствие в город Октябрьск Самарской области, где ему, скорее всего, по суду, потом, как участнику лютой банды, грозит чуть ли не пожизненный срок. Вот и славно! И тут как бы само собою напрашивалась в их запанибратских отношениях жирная-прежирная точка, но увы, к

моему вящему ужасу, товарообмен у них опять продолжился: да-да, я не оговорился. В ход пошли носильные вещи. Вовремя сориентировавшись, «продуманный» «полосатик» довел до сведения легковерного «первохода», что тому, якобы, просто необходимо именно сейчас и в этот ответственный момент в его жизни всем своим видом поддержать свой крутой арестантский вид, чтобы, мол, не выглядеть перед зловещим лицом необратимо надвигающихся на него испытаний, что (по его словам) «последний поц» и жалкий юнец. Затем, со всей серьезностью и ни разу не сорвавшись на смех, предложил ему в этом немаловажном деле пойти навстречу, любезно предоставив свою отличительную серую в черную полоску форму – курточку, брючки и шапочку, – соответственно, с условием замены ее на ничем не примечательную и теперь уже, в общем-то, не нужную тому «гражданку» – джинсы, свитер, кожанку, ну и, если, конечно, не жалко, что-нибудь там «доворском» еще... Понятное дело, нет! Ведь для укрепления собственного авторитета у настоящего парня, как известно, все в ход идет. И тут уж ни о каком скупердействии и речи быть не может. Тем более что, как дополнительно объяснил ему старый пройдоха и ченчевый компаньон, в лагерях и «крылках» сейчас выдача спецодежды продвигается с большой задержкой и нередки случаи, когда зэки годами даже не могут ее себе в пользование с чизовского склада получить, а так как вольную одежду, мол, по прибытии туда у него все одно изымут, то в чем же он тогда станет на виду у всех там ходить: в трусах, что ли? Или в «рублевом» трико? «А так «поднимешься» с карантина, а у тебя уже все свое будет, – переодеваясь, уже почти откровенно подсмеивался над ним бесвестный урка, однако при этом не меняя отеческий тон.

– И к следователю на допрос и на все судебные разбирательства так являйся... поугорашь хоть, глядя, как это будет шокировать их... если уж ты и вправду собрался на ПЖ, а не «чешешь» мне тут?!

– А штаны не коротки мне будут? – неуверенно спрашивал у него Стасик, видимо, с сомнением оглядывая, как они по-клоунски потешно на нем сидят.

– С понтом че-то! Или ты ими полы собрался подметать?

Ну, что тут возразишь? Веский, прямо скажем, был аргумент...

Впрочем, это было их дело, я же, принципиально решивший не вмешиваться, не представлял уже, как мне лучше реагировать на происходящее – плакать или смеяться (а может и то, и то?), да и сон у меня к тому часу как «рукой сняло».

Хотел я было им обоим в качестве мести за мой так по-идиотски испоганенный досуг что-нибудь эдакое скабрезное сказать, но тут вдруг выяснилось, что мы уже приехали и стало не до этого – неспешно собираясь, помнится, я только молча хмурил брови и, кривя недовольную харю, что-то неопределенное бормо-

тал себе под нос. Хотя вместе с тем приходится заметить и то, что, вероятно, в предчувствии предстоящих перемен, настроение у меня само собою быстро начинало улучшаться. Все-таки, как-никак, после затяжного вояжа по чужбине я, как блудный сын, наконец-то возвращался к себе на Родину (пусть даже и уродину, как поет Шевчук из группы ДДТ).

Не устали? Ну, так приступим к следующей главе.

Глава 12. Предэпилоговая – два...

«О, Сызрань-город, как не узнать тебя! Ты, как загнанная и издыхающая кляча, брошенная нерадивым наездником во время групповой эстафетной скачки, у которого даже не нашлось лишнего патрона, чтобы пристрелить и не мучить понапрасну тебя. Ты, как затерянный мир на перепутье всех финансовых потоков и индустриальных новшеств, так и стоишь, дремучая и неопознанная, будто не существует на географической карте места для твоей первозданной индивидуальности. Ты, как поднадоевшая и саженная дальнобойщиками посреди оживленной трассы непривлекательная «плечевая», так и голосуешь в ожидании, когда же кто-нибудь подберет тебя. Привет, я безмерно люблю тебя! Такую как есть... пусть даже от одного твоего нелицеприятного вида тошнота и изжога подкатывают к горлу и, доводя до слез, нещадно одолевают и изводят меня. Ну, где там твои жалкие деревянные лачуги и неунывающие торгашки-колясочницы, не бросающие свой нелегкий бизнес даже по ночам? Так вот же они, вот же...», – на радостях выпрыгнув из вагона на разъезжающуюся под ногами щебенку, с претензией на аналитико-поэтическую наблюдательность, сразу же выдал я для себя.

– Ком, бэби... ну, что вы растерялись там... продали бы и нам тогда уж что-нибудь, – сверкая в слабоосвещенном фонарями полумраке рондолевыми зубами и не спрашивая разрешения у конвоя, выкрикнул им один из моих случайных попутчиков, лет двадцати пяти, сутулый, с типично по-зэковски изможденным и бледным лицом, уже очутившийся там раньше меня.

– Так у вас же денег нет, – не менее задорно, чем он, ответствовали они, стоя невдалеке.

– Авансом. Я же здешний, с Мангары, Вальки «Косой» сын – Федька, неужели не слышали про меня? Я же, как освобожусь, сразу вернусь сюда.

– Так, рот закрыл быстро... нечего тут орать, – для порядка начал одергивать его усатый, чуть постарше его самого, тучного телосложения автоматчик, стоявший в группе со своими коллегами милиционерами и военными в оцеплении и принимавший одного за другим появлявшихся из «столыпинского» тамбура зэков.

Но если общительный этапник по причине своего зависимого положения послушно замолчал, то задорных торговок, как лиц гражданских, было уже не унять, и они, как на массовом гулянье, на лету переключились с серой, будто требуемой официальной частью повседневности, чуть ли не на по-свадебному раскованный кураж.

— Авансон? Это как? Бесплатно, что ли? Нет, так мы не согласны... вот если бы ты, допустим, жениться на какой-нибудь из нас пообещал, тогда другое дело. Прям хоть все забирай.

— Как пионер — всегда готов. Вот, например, на тебе. А ты будешь ждать-то меня? — все же, ослушавшись конвоира, продолжил он.

— А сидеть-то тебе сколько еще? — язвительно выясняла, втотря первой, другая, с осипшим прокуренным голосом, но, по виду, ровесница.

— Всего-ничего: двадцать пять. Со свиданками и не заметишь, как пролетят.

— Ого! Ты только, милок, когда освободишься, не брось меня. А то еще скажешь потом, что, мол, стара... и неверна была... Ха-ха.

Высадка была закончена.

Со всего вагона, рассчитанного человек на пятьдесят и вмещавшего не менее ста, нас собралось там, между путями, около десяти-пятнадцати разных по возрасту и одеянию мужиков с приблизительным метрическим интервалом в сорок лет, начиная от двадцати и кончая шестьдесятю годами, в основном, в классических русских телогрейках, какими кто-то в принудительном порядке на зоне, а кто-то, как я, заведомо готовый к самому худшему, на «Централе», проявив находчивость, успели обзавестись. И только некоторые, пребывая в наивной надежде на то, что все еще образуется и скоро они выйдут на свободу, не расставались с модной «иностраницей»: всевозможными куртками на клепках и замках, да дублеными, на костяных пуговицах, полушибками, только вот, по известным причинам, имевшими довольно заношенный вид (или кто-то думает, что в российских пенитенциарных учреждениях химчистки есть?).

Минутная сверка, и через пути, так и не обретшие за время моего отсутствия подобающих стремительному прогрессу удобных перронов и переходов, нас все так же, как и в прошлый раз, когда я в составе другого этапа направлялся в Казань, как баранов, под овчарками, гуртом повели к стоявшему в стороне от облезлого одноэтажного вокзала серому старенькому автозаку, глядя на низкую и перекошенную посадку которого даже не верилось, что у него получится благополучно и без поломок дотянуть до конечного пункта – ворот тюрьмы.

Знакомый с предыдущими главами книги читатель догадался уже, наверное, что из-за вписанной оперативниками в сопроводительные бумаги и указывающей на склонность к побегу специальной отметки – «красной полосы», на моих руках незамедлительно появились железные браслеты, и в связи с этим сумку за меня несли такие же, как и я, «фуфайки», а гораздо справедливее было бы, конечно, если бы это делали «казенные формы» – ну как при выписке из восемнадцатого отделения, не далее как дня четыре тому назад.

Я все выглядывал в толпе обещавшего мне уволиться из органов к моему возвращению с экспертизы мента, но так и не обнаружил такового нигде. Неужели и в самом деле он сдержал свое слово и нашел другой, более спокойный и приличествующий уважающему себя человеку источник дохода? Вполне возможно.

Пока я крутил головой, мы незаметно уперлись всей нашей несколько растянувшейся колонной в финальную точку – распахнутую сбоку дверь «фуры». Воздух был морозный, но снега нигде не было видно, и это, надо заметить, почти в середине зимы. Что, впрочем, из-за глобального потепления, о котором теперь талдычат все кому не лень, давно уже стало нормой для средней полосы.

«Глядишь, пока до «Централа» доедем, и выпадет еще?!» – мысленно иронизировал я, наблюдая, как у одного из этапников во

время посадки отвалилась под ногой откидывающаяся ступенька, да еще и остался поручень в руке, так что он чуть не уился, вывалившись обратно. Между прочим, прямо передо мной, что, безусловно, указывало на то, что Бог меня все-таки бережет! Хотя и не характеризовало с лучшей стороны – я не то чтобы не сумел вовремя среагировать, дабы попытаться поддержать хотя бы плечом падающего товарища, а как бы даже напротив, слегка отклонился в сторону, что привело к тому, что один из конвоиров остался с разбитым носом, а другой без зубов.

Сам же урка-«чебурашкин», правда, не пострадал. «Кость, она и есть кость», – что уж тут говорить.

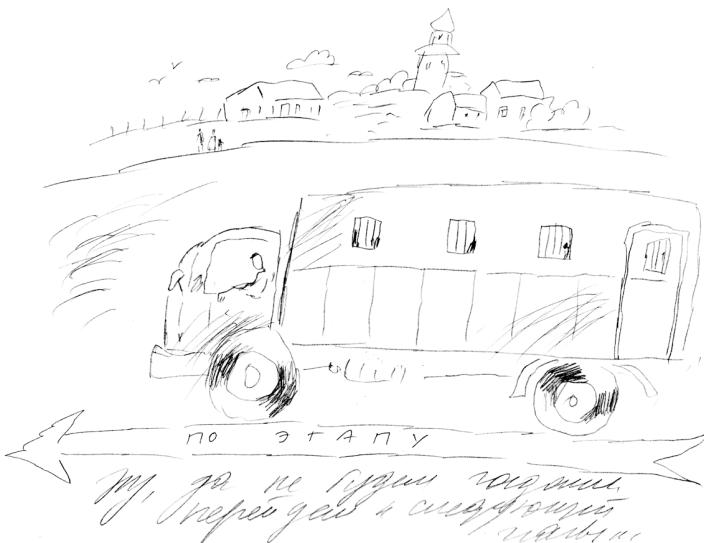
Из чего невольно проистекало, что прозорлив оказался тот оставивший службу и решивший не дожидаться моего приезда мент. Ох, как прозорлив.

– Че смешного-то? – выговаривали жертвы неудачного сопровождения друг другу, косо поглядывая на меня. И чтобы не нарваться на неприятности, я в темпе полез в «вороноч». Причем прямо в наручниках, и чуть было при этом не утянул за собой придерживавшего меня за рукав конвоира.

– Стой, куда?! – аж взмолился он.

Я повиновался.

– Глянь-ка, едва меня под статью не подвел. Ты бы еще автомат до кучи уволок. Давай сюда быстрее запястья свои. Погодика, я вначале в сторонку отойду. Вот теперь «газуй».

– Фу-у, – забравшись вовнутрь и приняв передаваемую мне поклажу, с облегчением вздохнул я. Не рановато ли? И словно по

принципу, если беда приходит, то не одна, на старте, подобравший нас оттуда «сарай на колесах», долго не хотел заводиться, да на маршруте без конца глох, вынуждая по этой причине служивых каждый раз неохотно вылезать из кабины, чтобы с помощью ручного стартера попытаться вызвать в моторе искру, которая, как я понял, от ключа из-за севшего аккумулятора по назначению не поступала.

Видеть происходящее вокруг мы, соответственно, не могли, так как металлическая коробка, оборудованная на месте кузова и куда весь наш этап на это время поместили, окон стандартно не предусматривала, но и звукоизоляцией тоже не располагала, поэтому вся творившаяся там возле встававшей на прикол машины свистопляска, при наличии воображения, случалась, можно сказать, у нас на глазах.

— А я тебя предупреждал, что возвратом в плечо шибануть может, а ты, как всегда, слушать не хотел, — гадели они между собой. — Федь, помоги ему из канавы вылезти, чтобы он там не говорил, а то, не дай Боже, утонет еще... Только лучше за ноги, а не за руки его оттуда тяни, потому как правая «клешня» у него, вроде как, сломана, а левая вывихнута. Он одной из них кролем, а другой по-собачьи гребет — ну, точно вусмерть бухой пловец. Да торопись же, гляди-ка, он уже корчится в судорогах в грязи... вот-вот захлебываться начнет.

— Придумал тоже... чтобы и я, как свинья, извалься в ней. Чать, не маленький, захочет, так сам оттуда выберется... у меня вчераас десятки на бутылку не хватало, ты думаешь, он дал — куда там! — а теперь, видишь ли, спасай его. Нужен он больно мне — скупердяй этот!

— Так он же покалеченный.

— И что ж теперь? Обделаться вместе с ним и не жить...

— Находишь? Ну, тады ладно, в таком случае, возьми-ка пока автомат его подержи, а я, чтобы время зря не терять, все-таки попытаюсь-ка этот долбаный рыдван завести. Так, в какую тут сторону-то надо ручку крутить, а? Подскажет мне кто-нибудь или нет, или так и будете, разинув рты, на этого калеку до утра без толку, глазеть...

— Ма-ма, тону! Люди добрые, помогите же...

Впору было хоть делать ставки на этот предмет — дотянет он «до берега» или нет?

И мне уже не верилось, когда мы опять тронулись с места, что это так оно и есть, и этапный «цирк» если еще не закончился совсем, то, во всяком случае, устроил себе временный перерыв.

У тюремных ворот автозак еще раз повторил тот же самый фортель, с той лишь разницей, что, как упрямый осел, встав на одном месте, ни в какую не желал подчиниться своим механикам-поводырям и послушно преодолеть остаток пути. Поэтому нам

пришлось вылезать и под конвоем последние метров сто до приемных дверей (к которым, не мешает пояснить, его обычно подготняют почти вплотную) идти самим.

— Может, помочь вам его дотолкать, — пошутил кто-то из нашей толпы.

— Иди, иди давай, — рассерженно огрызнулись на него, видимо, не расположенные к шуткам, охранники.

Наручники мне уже не мешали — их сняли еще у вокзала, перед началом посадки в «воронок», а по приезду надеть не удосужились, поэтому я хоть и нес самостоятельно свою поклажу, но, тем не менее, ощущал себя так независимо и одухотворенно, будто передвигался без постороннего понукания и как бы даже налегке. Да еще и дивясь тому, что какой-то жалкий отдаленный глоток свободы, со встречным ветерком попав в легкие, сильно и в короткий миг, похлеще свежевыгнанного лагерного самогона, может опьянить и, одновременно, приободрить любого из нас.

Настроение-то было общим — это чувствовалось сразу. И хоть впереди, насколько я представлял себе из личного опыта, мне предстояла утомительная многочасовая маэста со шмоном и неисчислимymi переводами из «превратки» в «превратку», пока, наконец, какой-нибудь заступивший на службу неповоротливый опер не соизволит, поверхностно ознакомившись с нашими личными делами, принять скоропалительные решения о том, в какую все же камеру каждого из нас по отдельности, или с кем-нибудь вкупе на первое время поместить. Это ничуть не угнетало меня. А затем и сами, хоть и казенные, но все же таки находящиеся поблизости от моего родного дома стены, как бы исподволь, начали поддерживать и подбадривать мой, вдобавок, теперь еще и до помутнения рассудка обчищенный организм. Потому как, при первой же возможности, непременно в нашем стихийно подбивающем коллективе объявлялся какой-нибудь доброхот, который на костерке, или же с помощью кипятильника поднимал, заваривал и пускал по кругу эту попутно ароматизирующую спертый воздух закрытого помещения и нестерпимо обжигающую пальцы кружку-«трехсотку» (перелитую из «пяти» или «семисотки»). И как тут было не поддержать этот почти священный ритуал и хоть на парочку «хапчиков» за компанию из нее не пригубить. Ведь это же была давняя, тянувшаяся из поколения в поколение традиция, сплачивающая между собою зэков, прибавляющая сил и завязывающая дружеский непринужденный разговор. Да и когда еще «раскидают» по хатам-то!

Так, не имея в рядах оперативников («кумовьев») ни друзей, ни врагов, чтобы как-то ускорить весь процесс, я, по приезде, в едином потоке и только вечером (но, несомненно, хорошо, что хоть того же самого дня) был наконец-таки распределен («поднят»), по им одним ведомым соображениям, на старый корпус, в так называ-

емые «спецы». Где низкие, как в монашьих кельях, потолки были возведены в несколько непривычной для восприятия современного человека сферической сводчатой форме, а сами выстроенные в три этажа малометражные камеры, изначально, когда тюрьма еще только проектировалась и вводилась в эксплуатацию лет сто тому назад, вероятнее всего, задумывались как одиночки, и никому из сотворивших это сугубо стандартное сооружение архитекторов, безусловно, и в голову не могло прийти, что в скором времени захватившие революционным путем власть в стране и чудесно высмеянные Булгаковым в «Собачьем сердце» Шариковы и Швондеры, со свойственным им человеконенавистническим подходом и дурной тягой к переустройствам, быстренько решат, что эти жалкие клетушки вполне сойдут и за четырехместки, стоит в них понаварить дополнительно нар. А там уж, как это нередко происходит у нас, «по необходимости» можно и до пяти, и до шестиместной каждую из них уплотнить.

На моей памяти так было всегда.

Другого я и не ожидал.

Но каково же было мое удивление, когда одна из камер второго этажа, куда меня, как ни странно, после всех моих связанных с длительным переездом нервных и физических нагрузок, живого и невредимого привели и поместили уже ближе к ночи, мало того, что претерпела значительные изменения, так совсем уж неожиданно оказалось еще и совершенно пуста. В смысле, от обитателей. Это и настораживало. «Неужто история со «столыпинским» подселением найдет свое повторение и здесь?» – навскидку рассудил я, морально приготовившись встречать очередной человеческий ураган.

Не буду лгать, я от кого-то из зэка и раньше слышал, что «на спецах» ведется ремонт и их приводят в более-менее пригодное для жилья состояние, но до сего дня только умозрительно это себе представлял. А теперь воочию убедился в этом сам. Железный щит («намордник») не перегораживал больше доступ дневного света и был убран, а между тройным рядом наваренных и прикрученных на законтргаенные болты решеток вдруг появилась оконная рама с открывающейся фрамугой. И, как ни странно, с невыбитым еще кем-нибудь из предыдущих обитателей двойным стеклом. И это еще не все: двухъярусная нара, до этого всегда стоящая по левую от входа сторону и напротив прикрученного к правой стене обеденного столика, лишилась своей «близняшки»-соседки, размещавшейся прежде в перспективе прямого обзора дверного глазка, отчего, надо заметить, свободной площади в помещении ощутимо не прибавилось, ибо центр как и был до этого, так и оставался бездумно загроможденным и занятым, а на освободившейся у лицевой стены, возле окошка, двухметровой дорожке, с максимальной шириной сантиметров в пятьдесят, не то чтобы свободно походить, но и постоять-то, чтобы не удариться обо что-нибудь тупое и острое и, в результате,

не отбить себе коленки и локти, просто не представлялось возможным. Вот и все изменения к лучшему. Каково, а?

Несчастной раковины – и той не было, а из отхожего места, уж не знаю, по каким ассоциативным признакам нареченного «прописавшейся» уголовной братией «Машкой», по-прежнему, как с какого-нибудь аммиачного завода, неизвестно разило. Не помогала даже смастеренная кем-то из моих предшественников из целлофановых пакетов, обычно наполняемых за неимением ничего другого «хозяйской» кашей, затыкающая ее «груша», ибо вода, как и раньше, из выведенного прямо над нею крана, вероятно, поступала только строго по ночам и не чаще, чем раз в сутки. Вот и попробуй в таких условиях канализацию промой! И это, обратите внимание, в конце декабря, перед самым Новым годом, когда вечные стрелочки-огородники, на которых чаще всего в устных прениятиях администрация СИЗО валит всю вину за спад водяного давления, никаким орошением своих приусадебных участков, естественно, не занимаются, а скорее, прячась от морозов по теплым домам, чаи с вареньями, наваренными впрок из собранных за лето на них фруктов и ягод, с удовольствием попиваются.

«Жалобу что ли на нереагирующих на это вопиющее сантехническое безобразие должностных лиц Деду Морозу написать? А то ведь в прокуратуру, или же в какую-нибудь еще из контролирующих инстанций, спецотдел, разумеется, ее не отправят, да и, озлобившись, ко всему прочему, мстить мне – пользуясь своим служебным положением и цепляясь за каждую мелочь – тюремные начальники начнут. А так, через юмор, до них, авось, хоть что-то да дойдет?!» – потихоньку обустраиваясь на новом месте ища выход из создавшегося положения, наедине с самим собою посмеивался я. Но это был плохой смех, ибо в этой лишенной элементарных удобств и пронизываемой, как я уже успел бегло оценить, ни на минуту не ослабевающими сквозняками так называемой аэродинамической трубе мне предстояло, пока еще меня соберутся повезти на суд, просидеть как минимум две недели, потому как на новогодние праздники деловая жизнь в стране обычно замирает, и ни одна из чиновничих или же вспомогательных им организаций временно не функционирует, и в связи с чем, стало быть, никаких существенных перемен абсолютно ни в чем на ближайшее будущее не предвиделось. Даже известные прохиндеи, здешние оперативники, по будням энергично выколачивающие, как какие-нибудь хабалки-домоправительницы, из заключенных «на квартирном вопросе» себе «на пропитание» щедрую дань и параллельно создающие для старших чинов видимость работы – и те, как правило, на праздники ленятся лишний раз пальцем пошевелить. Так что, как говорится, приходилось потуже затягивать на поясе ремень (который, кстати, лицам еще не осужденным, по все тем же многочисленным внутриведомственным предписаниям, в целях предотвраще-

ния предполагаемого суицида, категорически запрещалось носить, а заменяющие их самосплетенные из расщепленных носков вязочки при каждом досмотре безоговорочно изымались) и терпеливо и безропотно довольствоваться тем, что есть. А там, глядишь, «воровской общак», в хорошие времена неизменно состоящий из чая, конфет и сигарет (от которого, пребывая не в столь по-нищенски плачевном положении, я бы, само собою, отказался), по ухищренным тюремным дорогам в камеру «загонят». Или же мама мне передачу с кем-нибудь из моих давних и неушедших еще, как лягушки в тину, по факту наступления жизненных холодов, знакомых заботливо привезет, — ведь я же, как только поступил в Казани с экспертизы на «Централ», и когда уже уезжал этапом из него, не ленясь, отправил ей в Тольятти, уведомляя об этом длинным-предлинным письмечком, в котором ничего, как водится, не прося, однако же как-то ухитрился вписать между строк требовательно звучавший международный позывной: SOS! — соответственно, моментально уловленный ее чуткой пеленгующей станцией — родительской душою и сердцем!

Не спорю, негодяй, конечно же, я за это, да еще какой, отпетый!

«Но что поделаешь», — трезво глядя на вещи и не занимаясь тупым самоистязанием, я частенько приходил к такому выводу, что разве же, кроме наших благоверных мамок, мы кому-нибудь еще, неисправимые и пропащие, на этом белом свете нужны! Безусловно, нет! А без их всесторонней поддержки попробуй-ка выжить тут! Тем более «на спецах», в этом типичном карцере, только — в свете нынешней гуманизации — рассчитанном на двоих.

И если, опять же таки, в преддверии грядущих новогодних праздников тюремные «оборотни в погонах» (ибо честных и порядочных на тот момент я что-то не встречал пока среди них) окончательно еще не наплевали на закон, который у нас всегда, что дышло, как повернешь, так и вышло — так что неизвестно еще... вполне могли оставить меня там и одного... Ну, да не будем гадать и перейдем-ка лучше побыстрее к следующей главе, потому как предчувствие все же подсказывало мне, что долго мне не придется там одному скучать.

Глава 13. Предэпилоговая — три

Как я и предполагал, в одиночестве меня там надолго не оставили.

Несмотря на приближение новогодних праздников, тюремный конвейер работал пока что безупречно, и вскоре в отведенную мне на спецкорпусе и явно не рассчитанную, в связи с малой площадью, даже на двух человек камеру подселили давно уже ожидающего соседа, который, к счастью, оказался вполне приличным и уравновешенным парнем, совершенно не обременявшим меня своим присутствием. А то ведь, нельзя не оговориться, что есть же такие безвозрастные, прямо-таки о генриевские «Вожди краснокожих», которые до обильных седин не выходят из игривой поры предполового созревания, которое проявляется обычно в какой-нибудь бесконечной суете и непременно оборачивается целой чередой несчастий как для них самих, так и для окружающих.

То он единственный кипятильник взорвет, по каким-то необъяснимым причинам позабыв о том, что во включенном в розетку состоянии он обязательно должен находиться в наполненной водой емкости, то вдруг ни с того ни с сего утопит в канализационном отверстии «напольной чаши» все наличествующие в камере — без разбора, как свои, так и чужие — бритвенные принадлежности: станки, помазки и гели, а так же зубные щетки и пасты. Да и, чего доброго, с дури за одну ночь употребит разом все имеющиеся там запасы вольных продуктов, которые полагалось бы из разумных соображений и в целях необходимой экономии растянуть, хотя бы на неделю, так, что проснешься утром, а в доме «нашем общем», что

называется, «голь-моль» или, иначе изъясняясь, не закурить тебе и не заварить. А сам этот выдающийся лиходей и непревзойденный уникум в одном лице, страдая от переедания, весь день потом интенсивно портит атмосферу на каких-нибудь жалких двух-трех метрах жилой площади, буквально не слезая с туалетного гнездышка, либо «втихаря» пуская «шептунов».

Чтобы хоть как-нибудь спастись от этой омерзительной напассти, ты должен все время держать свой нос спрятанным под ворот свитера, альтернативно заменяющего противоинфекционную марлевую повязку, или голову просунутой в распахнутую настежь форточку, до которой, между прочим, сквозь предельно узкие клетки стальной внутренней решетки, она, не у каждой кошки еще, чтобы не оставить в ней уши, пролезет – что уж говорить тогда о взрослом и полноценно развитом в физическом плане человеке, для которого это будет равносильно, что фаршем пройти через мясорубку. Задача, конечно, не из легких, и попробуй-ка ее без последствий, да еще и без ста грамм, разреши?!

Да и мало ли каких разнообразнейших в своей бредовой немыслности бед стоит ожидать от такого вот, будто движимого по воле дьявола подселенца, с которым тебе, на основании порою поспешного и плохо обдуманного оперативного решения, приходится до остатка, прибегая к поэтическим «красивостям», эту горькую чашу испить. И хорошо бы «залпом», так нет же! – это «застолье»

может оказаться очень даже затяжным, а вместе с тем и невыносимым. Что, кстати, вероятнее всего... Пока еще тебя в силу каких-то тенденциозных и непредвиденных обстоятельств переведут в другую по составу обитателей и порядковой нумерации «клетушку». Или же по запросу следствия и суда отправят на этап. А до этого самого поворотного в твоей арестантской жизни часа, хочешь не хочешь, а приходится всеми силами противостоять и, в то же время, скрипя зубами, мириться с чужими человеческими слабостями, стараясь как бы и не замечать их. Ведь тюремная камера, если уж на то пошло, это же, в самом деле, не гостиничный номер, чтобы в нее по собственному усмотрению и согласно личным симпатиям и антипатиям соседа по «кукованию» каждый раз себе подбирать.

(Опять же, при желании и в обход косых взглядов со стороны, все можно, но для этого, говоря начистоту, нужно либо большой кошелек, либо непомерные «рога» иметь. То бишь, заслуженным осведомителем, доносчиком у «охранки» быть. А когда в одном ты полный финансовый ноль, а в другом порядочный фраер, то самое лучшее, в моем понимании, это по-христиански смиренно нести свой крест, дабы «не искать себе на жопу ненужных приключений», как учила нас с малых лет ее величество – улица, и «честь смолоду беречь», как преподавала нам с тех же пор, приобщая к литературной классике, простолюдинка – школа.)

Так что мне ли, как человеку, проведшему не один год в зас tenках и не по книжкам знакомому с тем, как дорого порою обходится круглосуточное соседство с такого вот сорта психически неуравновешенными, умственно отсталыми и зачастую не всегда хорошо воспитанными людьми, было не оценить и искренне не возрадоваться этому очевидному подарку судьбы, ниспосланному мне провидением в час затянувшейся душевной невзгоды в лице покладистого, доброжелательного паренька, который сразу расположил меня к себе, вселив надежду, что на протяжении ближайших и, вероятнее всего, не ограничивающихся одной-двумя неделами застойных праздничных дней мне не придется мотать себе нервы, занимаясь окультуриванием какого-нибудь выросшего в звериной стае найденыша, а наоборот, удачно выпал случай в бесконфликтной добропорядочной обстановке собраться с мыслями перед неминуемо предстоящим мне в ближайшем будущем судебным процессом, который, получи я, допустим, отрицательный диагноз по казанской экспертизе, заранее ясно, что не предвещает быть легким и потребует предельной концентрации всех моих умственных, моральных и физических сил. По правде сказать, я даже не представлял себе, откуда их только набраться? Не из астрала же черпать, подобно тибетским Далай-ламам или индийским кришнитам, к чему у меня и душа-то никогда не лежала, ибо по натуре своей я всегда был более приземленный, прагматичный и сориентированный на земную пищу индивид.

Впрочем, это мы с тобою, читатель уже немного забежали вперед, а до появления в камере того щустрого и довольно сообразительного молодого человека я обессилено сидел и, как находящийся в бреду после убийства старухи-процентщицы Раскольников, не помышлял даже о том, где бы мне взять на первое время для заварки чая и прочих хозяйственных нужд (так и не пожелавшую, вопреки моим чаяниям и оставленному в открытом положении крану, политься из него) драгоценную питьевую воду. При этом неотрывно глядя на стоящий на обеденном столике, прямо напротив меня на уровне глаз, объемом с десятилитровое ведро алюминиевый бачок с выведенной на боку красными жирными трафаретными буквами надписью: «питьевая вода», красноречивее некуда обо всем говорящей.

Кому-кому, но только не мне.

Я, как это ни печально будет отметить, но к тому промежуточному аккорду своей тюремной жизни, похоже, что уже достигшему нижнего предела методичного нивелирования моей безвременно приканчиваемой личности, если даже не сообразил поднять на нем крышку, чтобы удостовериться в содержимом, тогда как это не мешало бы сделать даже из чистого любопытства. А вдруг, мол, кто-нибудь из прежних обитателей этого бетонного стакана, воспользовавшись шансом и дождавшись, когда давление в водопроводных трубах повысится, запасливо его наполнил. Даже и не предполагая о том, что сам тем же днем будет стронут с обжигото места оперативной частью на этап или, например, переведен в другую камеру и, в итоге, не сможет ею воспользоваться. А для вновь заселенной туда не бог весть откуда прибывшей шатии-братии окажется прекраснейшим сюрпризом, как для изнуренных жаждой последователей Моисея вдруг обнаруженный ими в испепеленных солнцем дюнах бескрайней пустыни и каким-то чудом не пересохший колодец, глядя на который от переизбытка чувств сразу и не поймешь даже, что тебе с ним делать – утолять жажду или молиться на него.

– О, да тут нам на все про все хватит: и «купца» попить, и с дороги умыться, – восторженно провозгласил мой новый знакомый, незадолго до этого представившийся мне «Дэном» и успевший уже, внеся свои нехитрые пожитки, а с ними и «казенные» спальные принадлежности (по сто раз перечислять которые, я полагаю, просто не имеет смысла), с ходу крутануть вентиль водяного крана и после сунуть свой длинный бурациий нос в питьевой бачок, правда, в отличие от внешне и поведением походившего на него и только что указанного в нашем сравнении легендарного сказочного героя, все-таки сообразивший перед этим поднять над ним широкую, как оркестровая тарелка, крышку, чем, стало быть, только подтвердил мои запоздалые догадки относительно сделанных предшественниками не менее известных как H^2O по менделеевской таблице запасов, а заодно и хоть немного вывел меня из

состояния отупелой полудремы своей безудержной болтовней, которая, получалось, и была на тот случай и в тех условиях, от вызванного ночной бессонницей и затяжным переездом и распределением недуга, самым лучшим и эффективным лекарственным средством.

— И что тут, всегда с водой такие проблемы, да? — продолжал он, обустраиваясь, обращаться ко мне и в тоже время разговаривая сам с собой. — Хотя, что я спрашиваю... Я же год назад проезжал через эту тюрьму, когда еще только направлялся из нашего пензенского лагеря в саратовскую наркомзону. Теперь вот обратно. Помню, помню... А тебя, что, тоже только недавно сюда подняли? Я смотрю, у тебя еще матрац не развернут. Как вошел, наверное, так и бросил его, да? Откуда чалишь?

— Из Казани.

— А куда?

— Сюда. На экспертизу туда ездил, — нехотя отвечал ему я, сидя на нижнем ярусе и оперевшись спиной о стену, тогда как он, застелив постель на верхней наре, встал от меня напротив.

— «Косил», значит?

— Было дело.

— Ну что, может, для бодрячка чайку сварганим?

— Сам смотри. А так-то, честно говоря, я сегодня, по «превраткам» за день под завязку обпился его уже.

— Да и я тоже. Тогда «трехсоточку» на двоих и хватит. А то, вроде как, спать-то еще рано ложиться, а истуканом как-то не хо-

чется сидеть. Меня вон братва на этап «подушечками» «подогре-ла»... какие-никакие, а конфеты... с ними и «погоняем», раз уж других нет. Так, где у меня тут на верхах кипятильник-то был? – присев на карточки и роясь в дорожной сумке, бубнил он себе под нос. – Ты, кстати, книг не читаешь? Могу предложить тебе на выбор штук несколько. Я как чувствовал, что где-нибудь, да зависну на праздники на пару недель, поэтому и прихватил их с собой в дорогу..

Это ударило меня как молнией, и я уже чисто машинально взял из его рук протянутые мне три или четыре брошюры, так как вдруг, к своему великому ужасу, теперь только вспомнил, что забыл свои, а точнее, прихваченные перед отъездом здешние библиотечные книги в восемнадцатом отделении казанской психиатрической клиники, где меня – напоминаю, если кто вдруг забыл – без предупреждения вначале перевели из палаты в палату, и откуда затем на другой же день выписали, не дав толком собраться с мыслями и всякую мелочь отследить.

– Е-п-р-с-т, – хлопнул я себя ими от огорчения по лбу.

– Что такое? – испуганно всполошился мой юный друг.

И я ему вкратце поведал эту приключившуюся со мною не- приятную историю, искренне сокрушаясь по поводу того, что теперь, дескать, я и ума не приложу, как буду отчитываться за них перед старушкой библиотекаршей.

– Хм-м. Нашел, о чем переживать. Возьми, да отдай ей взамен мои. Когда она теперь за ними придет?

– Кто ж ее знает? До Старого Нового года вряд ли.

– Тем более. Мы их и прочитать к тому дню наверняка успеем, так что и сожалеть даже потом будет не о чем. Сам подумай, не таскать же мне их дальше с собою по «столыпину» и «воронкам». Ну, одну, куда ни шло, «на дровины» – чифир поднимать, еще можно оставить, а другие так и придется отправить в долгое «плавание» под лозунгом: «Книге – вторую жизнь!» Короче, не то чтобы переживать, но на ближайшие две недели, по-моему, стоит вообще об этом забыть. О-о, вода уже вскипела, – вынужденно отвлекся он от разговора, – пора заварку засыпать. Где она, кстати, тут у меня? Вот она, родненькая...

Рассуждал он, как взрослый, умудренный жизненным опытом мужчина, и это настолько сильно не вязалось с его хилой нескладной фигуркой не успевшего возмужать подростка, что я только диву давался, глядя со стороны на то, как он прытким журавлем скакет по камере мимо меня, размахивая руками-крыльями, в своей основательной и четко отлаженной самостоятельной деятельности. Всегда зная, как ему поступить, чтобы не затеряться и не погибнуть в лишениях: холоде, голоде и тоске, будучи изолированным не только от вольного, но и от всего остального арестантского мира, в непрошибаемых ничем тюремных застенках, но которые,

опять же, скажу вам по секрету, при наличии некоторых навыков, а также целеустремленности и сноровки, совсем не сложно обойти, например, распустив для этого негодные и уже до дыр сношенные носки и сплетя потом из них вязочку, а заодно и соорудив из старых, но, однако же, на всякий случай возимых с собою газет, тонкую и длинную, как учительская указка, удочку, которые и позволяют, плюс парочка еще кое-каких несложных приспособлений, по необходимости и, как нельзя лучше, поддерживать «корреспондентскую» и «посыпочную» связь с другими камерами: по канализации, дырам в стенах («кабурам») и «по воздуху», то есть, минуя тройные ряды решеток на окнах и протягивая сквозь них до ближайших своих соседей с помощью всех этих «причиндалов» быстро устанавливаемую и в экстренных ситуациях, как здесь говорится, «при пожаре», сворачиваемую «антиблокадную» «дорогу».

Ничего сложного, в общем, в этом не было, главное, попав туда, не впадать в уныние, не предаваться отчаянию и не сидеть целыми днями сложа руки. Как известно, под лежачий камень вода не течет, а тюрьма не то место, где стоило бы пытаться эту мудрёшую из поговорок на свою беду проверять на достоверность.

И что, к счастью, не надо было объяснять моему едва объявившемуся соседу по камере и фактическому помощнику, так как я позволил себе, поселившись, сделать короткую передышку. А он пока заваривался чай, уже наскоро достучался короткими кулачными ударами до двух граничащих с нашей соседних камер и в нескольких словах переговорил, находчиво открыв для этого форточку и крича в нее, с их обитателями, обо всем первостепенном в плане предстоящего установления с ними регулярного сообщения, а попутно и познакомившись поближе и выяснив, что они являются такими же, как и он сам (а так-то и я тоже) транзитчиками.

А что касается его отчасти выпендрежного, а отчасти заурядного прозвища «Дэн», то это, как мне представлялось, была всего навсего дань моде так называемого «пепсильтонного» поколения – по паспортной метрике – восьмидесятых, к которому он бесспорно и принадлежал. И которое всецело и необдуманно было заражено этой патологической тягой к космополитизму и, скорее всего, произошло от просто-напросто перековерканного на иностранный манер и в подражание какому-нибудь не более оригинальному, чем он сам сверстнику, обыкновенного русского имени Дмитрий или же Денис, о чём я, к своему большому стыду, так и не соизволил его спросить, хотя бы лишь из вящего и праздного интереса, видимо, весьма довольный тем, что он и меня вслед за собою не вовлекал и не втягивал в эти вычурные, по моему мнению, молодежные веяния, и не именовал, заодно уж, каким-нибудь там Вольдемаром или же Велимиром, а, познакомившись, по-отечески скромно и дружелюбно, но и не без оттенка некоторой фамильярной насмешливости, величал в повседневной суете однотипно – Васьком, что в наших с ним

отношениях и на той, стоит взять во внимание, изрядно затянувшейся «встрече без галстуков» являлось вполне допустимым.

И что ко всему прочему и, пожалуй, впервые в жизни позволило вдбавок еще и осознать себя закоренелым славянофилом. Пусть после всех издевательств, которые за последние годы мне довелось претерпеть от горячо любимой Родины, это и отдавало некоторым маразмом.

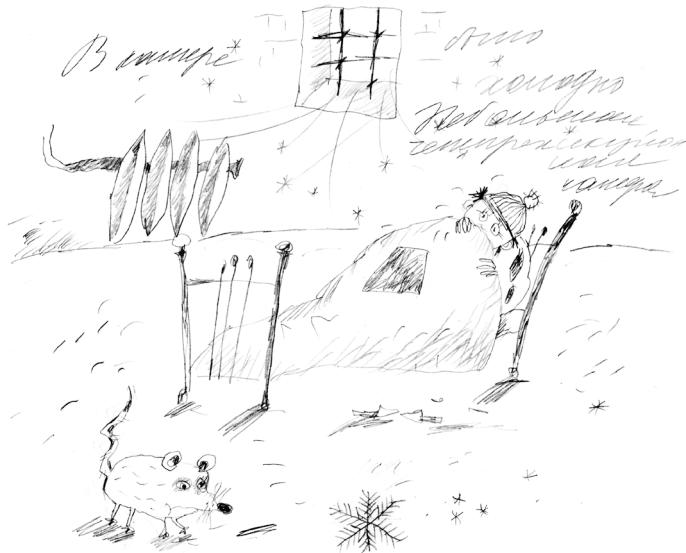
Но Отчизну, так уж выходит, не выбирают. И мне по сей день трудно себе представить, чтобы, предположим, великий русский поэт Лермонтов, которого может и не очень-то удачно, как косолапого, домочадцы нарекли Мишой и который, будучи человеком отверженным, очень недвусмысленно заметил в свое время, что любит родину какой-то «странною любовью», вдруг взял бы, к примеру, и начал именовать себя Майклом, Мигелем, а то и Мухаммедом.

Не укладывается в голове?

Вот и у меня тоже.

Однако, продолжим.

В камере было холодно. Небольшая, четырехсекционная чугунная батарея, установленная в стенной нише под оконной рамой, почти не греала.

То ли тюремная котельная как следует не топилась, то ли в обогревательной системе где-то образовалась воздушная пробка, в чем среди ночи никто бы разбираться не стал – это были те самые общеизвестные метафорические грабли, на которые бывалым эз-

кам дважды не полагается наступать, поэтому, имея уже на личном опыте представление об этом, мы и не пытались даже добиться устранения неполадок через нет-нет да заглядывавших в дверной глазок продольных, а почувствовав после первых же глотков чая, что нас начинает смаривать тяжелый, вызванный накопившейся и связанной с длительным переездом усталостью, сон, расплзлись, как тараканы по своим щелям-нарам, и увалились спать, забравшись под одеяла прямо в одежду, решив при этом, что как только проснемся, надо будет обязательно позатыкать понавыдергивающей из матрацев ватой оконные щели.

К тому же через час-другой нам надо было подниматься, чтобы наполнить питьевой бачок только по ночам льющейся из крана водой, а следом и, с небольшими временными интервалами, хлобслуга начинала разносить и раздавать сахар, хлеб, баланду, а затем уже забирать опорожненные, либо так и оставшиеся нетронутыми «шулюмки», каждый раз при этом будя тех, кто не соизволил проснуться и подойти к «кормушке», периодически звенящими ударами чем-нибудь железным: ключом, либо собственной головой (шутка юмора, конечно).

Это был далеко не весь перечень по-идиотски намечаемых администрацией учреждения спозаранок и четко проводимых в жизнь до глубоких сумерек массовых мероприятий, в которые входили две (утренняя и вечерняя) поверки, прогулка, запись и поход к врачу («лепиле»), посещение спецчасти, общение с библиотекарем, душ в помывочный день, дальнейший прием пищи и т. д. и т. п.

Расслабишься тут!

Только вольному и несведущему человеку может показаться, что в кутузке любому заточенному туда бедолаге дадут преспокойно повалиться на нарах и глубокомысленно предаться всевозможным философским и высокодуховным размышлениям, а то и «Розу мира», как Даниил Андреев в далеком прошлом, написать. Тогда как на самом деле в наши дни все обстоит совсем не так и, если военизованный персонал приходит туда на службу из дома посменно, то лицо гражданское, но лишенное почти всех прав и там круглосуточно пребывающее, не имея такой возможности хоть на время куда-либо отлучиться, практически заступает на бессменную вахту, и вынуждено то и дело, выбиваясь из последних сил, с ними контактировать, — уже выспавшимися, отдохнувшими и самоуверенными.

Эх, зэки-зэки, бедолаги, что «подопытные кролики», над которыми проводится дикий эксперимент — сколько же они продержатся без сна и отдыха?

Дает о себе знать, и героически налаживаемая как в общих, так и в личных интересах, тюремная «дорога»...

И, если уж она идет через чью-либо камеру, то, считай, пиши пропало. От нее ни на секунду нельзя отойти и оставить ее без внимания, приходится день и ночь – «сутки прочь» – в пересменку, постоянно возле нее дежурить, дабы не задерживать отправку и получение непрерывно курсирующей и переправляемой по всему «Централу» из корпуса в корпус нелегальной переписки урок. Может в других каких-нибудь тюрьмах «дорожники», как их тут обычно зовут, на световой промежуток дня с этим сворачиваются и, чтобы не злить администрацию, предпочитают «славливаться» строго по ночам. Но только не в Сызрани, где круглосуточно был наш так называемый «черный ход».

Хоть и не хорошо так говорить, но, слава Богу, нам тогда с этим повезло, и мы остались в стороне, не будучи втянутыми в это никогда не прекращающееся сообщение, выставляя «удочку» и ловя бросаемого на нее из соседней камеры «коня» только в том случае, если у нас у самих появлялась в этом необходимость. Правда, не отказываясь, если уж возникала такая нужда и требовалась наша помощь, моментально включиться в эту самую настоящую круговую поруку.

Таким образом получалось, что это мы пока отдыхали, день ото дня, постепенно вникая, или, как будет правильнее это определить, подстраиваясь под новый и несколько непривычный для нас с ним ритм жизни, который был всего-навсего продолжением давно забытого старого, – просто мы с «Дэном» успели отвыкнуть от него – я, излишне задержавшись на экспертизе, а он в очередной зоне (где приходится еще раз оговориться, если и присутствует режим, то не такой, как здесь, откровенно дебильный – вот уж действительно, не угадаешь, когда окажешься в натуральной «дурке»!).

Так, дня через два, если отсчитывать от нашего с «Дэном» водворения, мы с ним, немного пообжившись, встретили Новый 2007 год, безмерно радуясь врученным нам незадолго до этого подаркам от «всамделишного» деда Мороза и Снегурочки, в которых, выяснилось, для полноты ощущения, достаточно было, как в детстве, всего-навсего искренне верить.

А уж как я старался, как я старался!

Отчего, заглянувший в наше с грохотом отворившееся дверное окошко, уколотый каким-то сильнодействующим наркотиком (вероятнее всего, героином) арестант браток и маячащая позади него и размалеванная как дешевая шлюха девушка – продольная, вмиг обрели в моем воображении недостающие им к мешку с подарками аксессуары праздничного одеяния: он – бороду, посох, шубу и шапку, а она – косу, сапожки и укороченный вариант курточки-полушубка с белой меховой отстрочкой.

Кому-то для преобразования в мозгу черного, не проявленного негатива в такие вот живописные художественные картинки не

иначе как хорошенъко принять на грудь, либо гидропоника накуриться надо. А мне, получалось, не много, не мало – перебрать через край этого удушливого тюремного воздуха, в котором по-рой месяцами, как у плененной подо льдом рыбы, не просквозит чистого и насыщенного кислородом ветерка свободы. А отсюда, как следствие, и галлюцинации, и видения.

Бот и моего юного друга и сокамерника на тот момент они, по ходу, тоже захватили всецело.

Он, машинально принимая от братка-наркомана вынимаемые из валявшегося под ногами мешка гостинцы, во все глаза вперился в кокетливо переминающуюся в метре от него и превосходно обозримую сержантку-искусительницу, должно быть, мысленно повторяя на ней отложившиеся некогда в сознании позы камасутры – и так ее, и эдак, и вот эдак.

Аж, признаться, чуть было и меня, «старпера», не вовлек в ту по-молодецки бесстыдную, при всей своей нереальности, групповуху.

И только неистребимая верность моей красавице-медсестре уберегла меня от этого нравственного грехопадения.

Эх, гуляй «рваница», ну чем, спрашивается, не праздник? Всем торжествам торжество!

Без характерных вольных атрибутов, конечно, – шампанского, салатов и десертного торта, но и не по-зэковски «гольмольно», а с «заварушкой» чая, двумя конфетами и пачкой сигарет «Прима».

И кто еще, кроме нас, по достоинству оценит это великолепие!

Только тот, кто сам когда-то побывал в этой шкурке, либо же и сейчас в ней находится!

С Новым годом! С Новым счастьем, – ответно поздравляли мы в танцевальном ритме удаляющихся Деда Мороза и Снегурочку.

Тут бы для большего размаха торжества, как это с советских времен принято у основной массы рядовых отечественных обывателей и домоседов, которым казенный дом и в страшном сне не может присниться, нам не мешало бы, например, посмотреть по ТВ «Голубой огонек» или же, на худой конец, послушать какую-либо музыкальную передачу. Но, как говорится, не судьба: ни телевизора, ни радио, ни, тем более, магнитофона в ту камеру, к сожалению, для нас никто не принес… А все потому, что среди заботящихся о нас родственников ни у него, ни у меня, увы, крутых и щедрых буржуев не отыскалось. Ну, а администрации учреждения, по-моему, проще было весь наш, содержащийся там, под их неусыпным патронажем, спецконтингент, в один день под пулеметы к стенке поставить, нежели, в порядке заботы о нашем культурном досуге, пойти на такие, по их представлениям, неимоверные материальные затраты. И ладно бы денег у них на это не было, так нет же – сто процентов, государством из бюджета на эти нужды они регулярно

выделялись. Но тут уже, вероятнее всего, срабатывала выпестованная веками в нашем двуличном российском менталитете казнокрадная чиновничья логика: «Зачем же их так неразумно, по назначению, тратить, когда не составит труда по бухгалтерии формально провести, а на деле, «с большей пользой», присвоить.

Мои преположения совсем не голословны: просто мне как-то на глаза попался отчет тольяттинского ИВС-1 перед европейским судом по правам человека по делу Новинского. Так по нему выходило, что мы там ежедневно винегреты и бифштексы ели и чуть ли не на коврах спали. Ну, а сызранский «Централ», чем он лучше? Да ничем! Так-то вот!

Но вернемся, так сказать, к «нашим бааранам» и еще одним не лишним штрихом укажем, что для наглядной отчетности, во избежание неприятностей от каких-нибудь заезжих инспекторов, любящих поратовать за соблюдение законности, по распоряжению администрации учреждения каждая камера предусмотрительно была обеспечена громкоговорителем. Только вот, выведенный и пристроенный над входной дверью в вентиляционной отдушине, он чаще всего упорно молчал, а если и транслировал что-нибудь приблизительно по часу в сутки, то это была такая откровенная «ложка», что хоть уши затыкай и под матрац с головой залезай.

А потому находчивые ээки предпочитали проделать разяще-превентивную вылазку по адресу динамика с тем, чтобы раз и навсегда проткнуть его чем-нибудь острым, причем в самую сердцевину, дабы он, по их словам, больше уже «не мутил воду» и не зомбировал их ежедневно нелепейшими по своей противоречивости выдержками из уголовно-исполнительного кодекса, которые старательно вещал ну никак не дикторским голосом какой-то окончательно, по их представлениям, ссучившийся осужденный из оборудованной где-нибудь поблизости радиорубки.

Бывало, заведет такой вот «народный трибун» или «рупор» какую-нибудь наиболее любимую им песню из популярной вокальной группы, и только она кончится, будто назло всем и себе одному в удовольствие, он опять ее на кассете перемотает и заново включит, как бы предлагая заодно с ним, как это обыкновенно делают «чапаюта» (то есть жители однообластного с Сызранью города Чапаевска) с зажженными зажигалками, стоя, часами слушать: «Белые розы, белые розы...».

Но это только в камерах с неповрежденным еще «крикуном».

А в нашей, хоть с этим все обстояло как надо, в смысле, что самим ничего уже пропыкать и курочить не нужно было; из вентиляционной отдушины, стараниями наших предшественников – ни редкого всхлипа, ни одинокого похрипывания, ни, тем более, из музыкального репертуара – никогда на моей памяти не раздавалось. Поэтому целыми сутками мы либо спали, либо с кем-нибудь из соседей «на голосовом не сидели», либо же между собой общались.

лись, а то, как два абсолютных кретина с отрешенными лицами, развалившись на своих спальных местах, слушали тишину, и, для разнообразия, в окно из разных камерных положений без устали глазели, то подойдя к нему вплотную, то забравшись для лучшего обзора на верхний ярус шконки.

И если бы там действительно что-то интересное было видно, тогда еще куда ни шло, но тут-то всякий раз нас ждала одна и та же унылая картина: не такой уж и большой, опоясанный пятиметровым высоченным забором тюремный двор, да бегающие по нему полудикие местные коты, которых какие-то великие умы из состава вступивших в ряды хозобслужи осужденных ради развлечения под пуделей подстригали. Могли бы, с той же целью, облачить их в перешитую из матросских тельняшек полосатую «робу» – ну день над этим посмеешься, ну другой... но потом-то, опять же, становится скучно.

На другой стороне «Централа», а конкретнее, в новом корпусе, если читатель еще не забыл, всякому досужему взгляду из не закрываемых теперь железными щитами удобных «наблюдательных пунктов» открывались роскошные деревенские панорамы частного сектора неоспоримой столицы Поволжья, как ее когда-то, если помните, без тени сомнения и со скрытой иронией в голосе именовал во всеуслышание один мой шапошный знакомый по первой «отсидке» – Санька «Тит», вечно обожранный «сноторваниной», пьяный или уколотый, но при этом неизменный патриот своего родного и, похоже, что всем сердцем любимого города.

А я что? Или «Дэн»? Мы были всего лишь навсего гости, и то, приходится уточнить, по принуждению, которым, если хорошенько вдуматься, было глубоко безразлично, на что плятиться. Впрочем, в такую серую и установившуюся на долгое время промозглую и непроглядную, будто в туман, погоду, единственной отдушиной в ясные дни, радующей глаз, было мелькание бегущих вдалеке по федеральной трассе М-5 автомобилей. И все. Больше ничего нельзя было увидеть, а на некогда нравившуюся мне и по сотне раз на дню фланирующую, крутя аппетитным задом мимо наших окон, малолетку Олеську, посели меня снова «со спецов» на прежнюю сторону изолятора, на так называемую, общую половину, я зарекся глазеть, дабы даже мысленно не изменять оставшейся у меня в Казани благоверной, с которой я по освобождении непременно собирался связать свою судьбу, если смогу ее разыскать и если мне вдруг посчастливится выбраться отсюда, не успев превратиться к тому времени в дряхлого-предряхлого деда, или же вообще не отдать Богу душу.

Не слишком ли много «если»? – вот о чем я и переживал-то тогда больше всего, поскольку, глядя правде в глаза, в ближайшей перспективе надвигающийся на меня обвинительный и едва ли сулящий маленький срок приговор моментально рушил все мои широко идущие, романтические планы на будущее, не оставляя и шанса на счастливое избавление. Я нисколько не сомневался, что в нашей насквозь прогнившей коррупционной госсистеме все вопросы (если, конечно, ты не влез, как Ходорковский, в политику) решаются только одним путем, а точнее, с помощью все того же пресловутого рюкзака, набитого деньгами. И судмедэкспертиза, как я имел шанс убедиться, к сожалению, не была исключением. Так что нечего было тешить себя напрасной надеждой на благоприятное врачебное заключение, как это я в порыве внезапно нахлынувшего на меня прозрения осознал к этому часу.

Необходимо было срочно разрабатывать, готовясь к предстоящей на суде защите, какой-нибудь новый план, желательно не такой затяжной, как предыдущий, и который основывался бы на супер-конкретных юридических контрдоводах и аргументах, без натяжки подтверждающих мою абсолютную невиновность по предъявляемому мне обвинению в организации краж автомобилей. А еще лучше, чтобы они подкреплялись веским алиби, к примеру, справкой из гостиницы, указывающей на то, что на момент совершения инкриминируемого мне преступления я находился за сотни километров от Тольятти, совсем в другом городе. Тем более что так оно и было на самом деле. Но кто же привезет ее из Волгоградской области, да еще из захудалой Дубовки? А по ходатайству, моему или адвокатскому, суд, конечно же, истребовать ее оттуда не станет, ибо разностороннее рассмотрение материалов дела не в его правилах. Такая уж у нас рас прекрасная страна, такие уж

у нее добродетельные нравы и порядки – аж жить порою не хочется! Да и добудь я, предположим, каким-то чудом такой документ, то он, разумеется, все равно мне не поможет. У нашей заведомо предвзятой и, по существу, являющейся продолжением следствия Фемиды, как у того Егорки, всегда и на все есть свои отговорки – это-то мне уже, как никому другому, из собственного жизненного опыта хорошо известно. Ведь не зря же бытует мнение, что Большой брат нашим «целиком и полностью ни от кого независящим судьям» негласными предписаниями, о которых, естественно же, не найдешь упоминания в прессе, дал четкое указание сажать, причем всех подряд, без особого разбора. Чем больше, тем лучше. Так оно спокойнее управлять своим зачумленным и фактически лишенным всех прав народом. И кто ж его, спрашивается, из служителей Фемиды, без соответствующего денежного противовеса, который бы оправдывал риск, из какого-то там нелепого чувства справедливости позволит себе ослушаться, да еще при немаленькой, по отечественным меркам, зарплате. Это ж на всю голову тогда рехнуться надо!

(Хотя, один черт, ведь ни для кого не секрет, что «слуги народа» повсеместно берут «на лапу». И если бы только по-крупному, так сказать, не устояв перед соблазном, так ведь и по-мелкому тоже, такова уж скверная человеческая натура, которой все мало да мало!)

Впрочем, что толку так много говорить об этих очевидных придворных прихвостнях, когда заранее ясно, что «рыба гниет с головы» и, стало быть, если уж начинать их рубить, то, ясное дело, что перво-наперво эффективнее будет дотянуться до белого воротничка Большого брата.

Все, умолкаю! А то еще обвинят меня, грешным делом, в экстремизме. И это при том, что мне всегда, как по натуре своей человеку не жадному, и одного – тем паче, незаслуженного – приговора достаточно.

Так что лучше уж будем считать, что мы с «Дэном» были полные олухи и изо дня в день только и делали, что, погруженные в свои нехитрые, все больше связанные с воспоминаниями о счастливом прошлом мысли, за неимением выбора, слушали звенящую тишину, преследующую нас даже во сне, когда скрипя зубами и чавкая, будто жуя что-то, мы оба с ним уже заметно пухли от голода, так как малокалорийная «хозяйская» баланда была плохим дополнением к строго нормированной хлебной пайке. Да от брезысходности и скуки порою поднимали «вторяки», оставшиеся в мизерных объемах от где-нибудь раз в пару дней посыпаемого нам по горсточке по тюремной дороге «общакового» чая.

Можно было, конечно, чтобы хоть чем-то себя занять и немногого развеяться, по тому же исправно функционирующему пути отправить «поисковый прогон» и выяснить, в какой камере содержится мой неизменный соратник по нескончаемому противостоя-

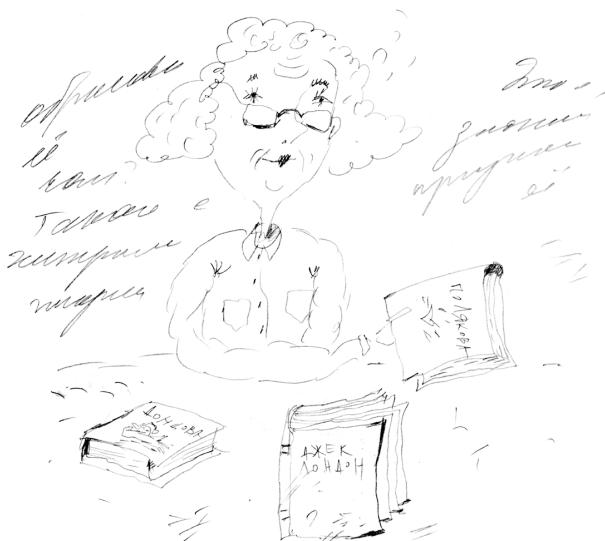
нию и просто хороший знакомый Серега Платонов, а также, «довеском», уж и Димка Молчун, плюс с десяток других добрых приятелей из этого закрытого подневольного мира, чтобы сообщить им о своем прибытии и, как это обычно водится здесь, чаще от скучки, чем «по деловью», потом поддерживать с ними регулярную переписку. Но даже это, из элементарной предосторожности, я опасался пока делать, так как отдавал себе отчет в том, что наши мальявы в любой момент могут быть перехвачены иногда все же проявляющими расторопность оперативниками и потом, предъявленные в суде, послужат доказательством якобы имевшего место сговора. Такие случаи, как я слышал, были не единичными.

Поэтому, без всякого сомнения, гораздо благоразумнее было, не поддаваясь эмоциям, немного потерпеть, отложив всю эту не столь уж срочную и способную навредить всем нам эпистолярную «болтологию» до более подходящего часа, предпочтя ей менее рискованную устную. Да и, в самом деле, что уж было с этим так спешить, если все одно со дня на день ожидался связанный с вызовом в суд этап. И там уже где-нибудь по дороге, либо же в любой из «превраток», располагающих уймой застрахованных от чьего-нибудь целенаправленного или же невольного подслушивания возможностей, мы еще успеем с тем же Серегой Платоновым сколь угодно долго и преспокойно наговориться. И то правда, отсядем в общей суматохе, как раньше, куда-нибудь в сторонку и все, что нас касается, наперед обсудим, а в дополнении еще и поделимся друг с другом, как старые добрые друзья, впечатлениями относительно уже совершенного и решим для себя: не зря ли мы вообще затевали всю эту эпохальную вылазку с симуляцией, что на поверку только затянуло судебное разбирательство, но не привело ни к какому переломному, в нашу пользу, изменению. Хотя и одно это, как я считал, было уже неплохо. При встрече я, безусловно, не утаил бы от него эту свою как-то подспудно пришедшую мне на ум мысль, как от человека, принимавшего непосредственное участие во всех моих последних авантюрных начинаниях, и у которого в связи с этим могли возникнуть насчет них серьезные сомнения, как у смыщенного от природы и склонного к анализу парня, пусть и по молодости лет слегка ветреного.

К тому времени я успел убедиться, что до принятия в 2003-04 годах поправок в Уголовном кодексе нас, бедолаг-обвиняемых, судили максимально строго и целыми толпами отправляли в какую-нибудь запредельную лубудань, в частности, в Кировскую область, в колонии со строгим и особым режимом содержания, откуда выбраться назад было не так-то и просто – когда еще дело пересмотрят!

В любом случае, получалось, что мы с ним правильно сделали, что не дали себя так быстро «околпачить» и, следовательно, из родного Самарлага туда вывезти. А так, в свете некоторой наме-

чавшись, по слухам, гуманизации, глядишь, нам еще и подфартит, и даже при наличии отрицательного результата по экспертизе и нежелательного для нас обоих обвинительного приговора мы все-таки добьемся для себя некоторого смягчения и не будем подвержены стольким, выпавшим на долю других осужденных, невзгодам и неудобствам. «Но разве же все это в нашем-то подневольно-подконтрольном положении можно позволить себе изложить в письменной форме? Нет, естественно», — молча оппонировал я сам себе, уповая на здравый смысл, который не позволит возобладать во мне первому же необдуманному душевному импульсу, как это порою со всеми нами, мелкими жалкими людышками, случается, и не навлечет на нас обоих (ну и, разумеется, на всех тех, кто еще может быть задействован в этой нелегальной переписке) дополнительные неприятности, которых и без того хватает, — нет, лучше уж я буду пока, «не высывая носа», сидеть и тихо и незаметно читать книги! Вернее, одну, так как те, которые мне из любезности, войдя в мое положение проштрафившегося перед тюремной библиотекой арестанта, предоставил мой новый камерный «кент» с иностранным погонялом «Дэн», я, по прошествии худо-бедно, а отмечаемого и нами новогоднего праздника, в качестве собственной реабилитации и по взаимозачету, без всякого сожаления, отдал появившейся, наконец, пожилой и доброжелательной библиотекарше. Обрисовать вам ее?

Прежде чем она с предупредительной официальностью замаячит в нашем, заранее открывшемся к ее приходу, дверном окошке.

Такая, с хитрыми, выглядывавшими поверх очков в тонкой золотой оправе серыми и как бы поблескивавшими живой искрой глазками. Она одна там и работала, наверное.

Были у меня, конечно, некоторые переживания насчет того, согласится ли она принять взамен постыдно утраченных и числящихся за мной поздних рассказов Джека Лондона и детектива одного начинающего американского писателя (ни имени, ни фамилии которого я даже не запомнил) три книги современных русских прозаиков, причем, почему-то, как на подбор женщин – Поляковой, Донцовой, Устиновой, которых я, признаться, и читать-то не стал (так, просмотрел – исключительно из любопытства), это же как индийское кино, которое, как известно, только на любителя!

Но нет, все вышло как нельзя лучше. Без проблем. Благожелательная бабулька, не заострив на этом внимания, забрала книги с собой, альтернативно предоставив мне для ознакомления целый арсенал из потрепанных карточек, на которых крупными печатными буквами, на каждой по отдельности, был указан подробный перечень из могущих поступить в мое распоряжение различных бессистемно перемешанных авторов.

Недолго думая, я предпочел «Воскресенье» Толстого. Тот хрестоматийный и бесспорно гениальный роман, который я, к своему великому стыду, еще не читал, хотя и – что может, безусловно, послужить мне оправданием – давно собирался это сделать. К тому же, наверняка подсознательно ждал удачного стечения обстоятельств, когда мне как бы велением свыше попадет в руки эта замечательная книга.

Короче говоря, повезло мне невероятно. И мне ли было, научившемуся довольствоваться малым, не оценить такого счастливого совпадения желаемого с действительным!

Некоторые умники, надо признать, не без основания утверждают, что жизнь – это зебра, где одна полоса черная, а другая белая, то во все последующие дни, в связи с одним только этим приобретением, у меня наступил ощутимый просвет. И, невзирая на общую, невзрачную картину быта, я, не спеша, с превеликим удовольствием развалившись на шконке, погружался в глубокомысленную размеренность толстовского слога, не столько увлекаемый сюжетной стороной похождений главного героя князя Нехлюдова, сколько восхищаемый приводимыми в романе цитатами из древних мыслителей на как никогда близкие мне в тот час судебные и каторжные темы.

«Лучше оправдать десять виновных, чем осудить одного невиновного!»

«Любой суд против Бога!» – ну, как тут было не попасть под влияние классика. А тем более мне, как лицу до невозможности – среди окружающего меня в последнее время повального косноязычия и полоумия – истосковавшемуся по любому мало-мальски значимому проявлению яркости и свободы суждений.

Но что я, собственно, все о себе да о себе, когда читателю, должно быть, интересно знать, а чем же тем временем занимался непревзойденный непоседа «Дэн», с которым мы все это время содержались в одной камере, и он почти не выпадал из моего поля зрения, с той лишь оговоркой, что иногда-то я все же спал и сознание у меня, стало быть, отключалось. Чего нельзя было сказать о нем: этот шустрый бесенок чуть ли не круглосуточно бодрствовал и если не переговаривался с нашими ближайшими соседями через стену, то решал давно назревшую у нас продовольственную программу. И вот как: «Дэн», с помощью хлебной прикормки и выброшенной в окно через форточку петли, смастеренной из имевшихся у него шелковых ниток, ловил частенько присаживавшихся к нам дружной стайкой на подоконник наглых и неизвестно где отожравшихся до таких гигантских размеров диких голубей. А точнее будет сказать, не ловил, а охотился, так как пока поймать не удалось ни одного. Птицы были хитрые, видимо, опытные. Они то и дело обходили, либо спутывали, клюя корм, выставленную на них счасть и как бы даже над ним посмеивались. Однако узник-птицелов не унывал, а, как правило, бесменно затаившись в глубине камеры у обеденного столика за прикрепленным к стене маленьким бытовым шкафом, часами бдительно следил за их передвижениями, стоя и держа в руке хвост петли в чуть натянутом состоянии, очевидно, надеясь на то, что кто-нибудь из голубей все-таки попадется, заступив и покруться посреди ее когтистой и цокающей по бетону, лапой. Но не тут-то было. Голуби, словно заговоренные, даже и не думали так нелепо обмишуриться, а всякий раз, при решительном натяге нитки, незадерживаемые ничем, стремительно вспархивали и улетали, чтобы через время, обо всем позабыв и ни о чем не беспокоясь, тем же сплоченным составом появиться у своей кормушки снова и снова, доводя таким образом моего очередного сокамерника до полного исступления.

— Эх, как же так? — в сердцах сокрушался по этому поводу «Дэн», упорно выставляя и настраивая ловушку на прежнее место. — Я же их в детстве вон по сколько штук просто так от нечего делать ловил, а потом опять выпускал на все четыре стороны, а теперь, когда есть так хочется, как нарочно, ничего не получается.

— Так то на воле, где на них, кроме кошек (после того, конечно, как тебя посадили), считай, что никто больше и не охотится. А тут, когда чуть ли не вся тюрьма зубами клацает и, вероятно, что спасения ради занимается этим же, то, как пить дать, ясно же, что птицы, в свой черед, давно уже поднаторели и стали доками в этом деле, поэтому-то все эти детские западни, за здоровь живешь, обходят. Сам же видишь... — из чувства солидарности пояснял ему я, неохотно отрываясь от книги.

— Ничего, так даже оно интереснее. Все равно какого-нибудь ротозея да поймаю, вот увидишь.

— Не сомневаюсь, а так-то, между делом, рассказал бы мне лучше, за что тебе «десятку-то» накрутили. А то ведь, сам знаешь, спросят меня, по этапу, с кем сидел, а я и не знаю. Мое упущение — не интересовался, значит. Но это я так шучу, конечно. А если серьезно, то меня прям любопытство разбирает, за что у вас там, в Пензе, молодежь, с виду такую законопослушную и покладистую, сейчас так круто крепят?

— Да за все подряд. Только сам видишь, пока некогда... Потом лучше как-нибудь об этом поболтаем.

— Ну-ну, мешать не буду, — не настаивал я, берясь за книгу. Так и тянулось время.

Незаметно, один за другим, пролетали дни....

Однажды, мы все же разговорились, и я ему в общих чертах поведал свою историю, а он мне свою. Да так, что слова у каждого изо рта клещами вытягивать не приходилось, и при образовавшемся уже определенном доверии друг к другу они лились из наших уст без задержки. Про меня-то давно уже ясно. А вот относительно «Дэна» такого не скажешь: ведь, по его заверениям, в политику он не лез, наркоманом, как ему это вменялось, не был. Более того, даже отдаленно никогда не имел приверженности к этому дурному занятию, в смысле, по части распространения и прочее, однако же, как следовало из его рассказа, все одно не избежал сурового приговора — аж в десять лет по статье 228 УК РФ — так называемой «политической». Так в чем же дело?

— Все вы так говорите. Кого не послушаешь, так оказывается, что одни невиновные сидят, — нарочно возражал я, стараясь хоть немного его раззадорить.

Но он, будто сознавая это, упорно не спешил убедить меня в обратном. Что, приходится отдать ему должное, очень даже правильно делал. Начни он тогда, допустим, давить на мое сознание, пытаясь доказать, что он, дескать, не врет и говорит чистую правду, то это, несомненно, вызвало бы совсем противоположную реакцию и только упрочило мое мнение. А так, мало-помалу, незаметно для самого себя, я начинал убеждаться в том, что все, что он говорит мне на этот счет, далеко не беспочвенно, и лишь по инерции продолжал изображать из себя Фому неверующего.

— Как же, в таком случае, тебя в наркомзону, да еще в какую — в саратовскую, на целый год лечиться от этой самой наркозависимости отправили?

— Не знаешь, как это у нас делается. Наскоряк бумаги оформили да и сплавили, — гоношась, откровенничал он, оставив на какое-то время своих голубей в покое, — я со школы химией увлекался...

— Ты еще скажи, что с золотой медалью ее закончил?

— Зря ты смеешься. Так оно и было. В университет, между прочим, поступать собирался, да вот только госнаркоконтроль по анонимному доносу соседей все реактивы у меня «вымел», а меня самого в кутузку определил. Половина из них, как выяснилось, запрещенными для хранения были. Дело завели, срок «впаяли», якобы за то, что я из них наркотики с целью сбыта изготавлял. А все потому, что кому-то, видите ли, из жильцов нашего дома не понравилось, что из моей комнаты, как из химического магазина, чем-то подозрительным нет-нет, да попахивало. Ты думаешь, я один такой в нашей губернии? Ну-у... У меня всех друзей таким вот макаром, с кем я в Дом молодежи в детстве в химический кружок ходил, уже пересажали... а потом еще и в лагере для полноты картины, как, якобы, склонных к употреблению наркотиков, всем нам подряд опера полосы в личные дела повносили и на принудительное лечение кого куда этапировали: одних в Альметьевск, а меня вот в Саратов.

— А писать пробовал?

— Жалобы что ли?

— Ну да.

— Как не пробовал. А что толку-то, если по нынешним меркам у них полтаблицы Менделеева к наркотическим препаратам относится. Адвоката мне дорогого родители и на следствие, и на суд нанимали, да все бесполезно... разве же наших судей переубедишь в чем-то, когда они в паре со следователями работают: что хотят во внимание берут, а что не хотят — в упор не видят. Под обвинение всяк подгоняют... а как на свидетелей давят, а как их, так сказать, освежая им память, по десять раз передопрашивают... В общем, что тебе говорить, если ты и сам не хуже меня все знаешь.

— Это уж точно.

Так я и докопался до сути.

Между тем новогодние праздники подходили к концу. Вернее, завершалась их первая официальная двухнедельная декада, вслед за которой, по неискоренимому русскому обычаю, как бы по проторенной дорожке, как огненный шлейф за взмывающей ввысь ракетой, должно было присовокупиться — на встречу Старого Нового года — еще парочка-другая необозначенных в календарях красной отметкой забулдыжных денька, это мы с «Дэном» еще не успели забыть, хоть и давно уже, как люди подневольные, вели несколько иное летоисчисление, которое именовали между собой буквально и незатейливо: от бани до бани.

Непонятно?

Сейчас объясню: раз в неделю, по установленному администрации учреждения и расписанному поденоно графику, весь содержащийся спецконтингент, этаж за этажом и корпус за корпусом, поочередно водили вниз, в полуподвальное помещение, где и располагался самый что ни на есть обыкновенный и затрапезнейший

из затрапезнейших, какие только бываю на свете, душ, состоящий из отдельных – человек на двадцать – помещений со множеством выведенных под потолок проржавевших и перекошенных леек, и который, так уж повелось, все называли именно баней.

Меня порою это бесило, да и «Дэна», похоже, тоже, когда строго по четвергам, не открывая двери, надзиратель орал нам с продола: «В баню пойдете?»

– А как же, – отвечали мы первоклассным дуэтом. Но поправлять его, разумеется, не решались, прекрасно осознавая, что это было совершенно бесполезно, как, допустим, разгонять тучи руками, или же накладно, как с..ть против ветра.

Хотя это сущие мелочи, ведь до этапа, по нашим подсчетам, оставалась всего одна «баня»! Только успел обсохнуть и, считай, что неделя пролетела...

Ни выглядывать в окно, ни ходить на прогулки решительно не хотелось, так как погода по-прежнему стояла серая и пасмурная, не очень-то для середины января морозная, и настроение у нас обоих было совсем не веселое, а какое-то угрюмо-сонливое.

Казалось, что конца этому никогда не будет.

Но вот однажды с самого утра неожиданно «распогодилось». Всю нашу малометражную комнату, единственным потоком, беспрепятственно минуя замутненные от грязи окна и многочисленную «за-

ставу» решеток, залило по-весеннему яркое и горячее, как паяльная лампа, солнце. Вот это был действительно праздник так праздник! Вроде бы и радоваться-то особенно нечему, но душа как бы сама собою пела. И поданная на обед, на первое и второе, кислая и изрядно опостылевшая нам за это время капуста, щедро приправленная не проваренной и жесткой, как резина, соей, показалась вдруг не такой уж и не съедобной.

Во всяком случае, пустые желудки мы ей себе тогда с удовольствием набили.

Легко отболтавшись от намечавшейся прогулки, ибо теперь уже променять прогретую и наполненную светом камеру на заложенный со всех сторон кирпичом и затененный крышей сырой и холодный дворик было бы просто-напросто глупо, я, увалившись с книгой в руках на койку, вдруг, незаметно для себя, взял и уснул, да еще так крепко, как давно уже со мною не бывало, и очнулся только, когда мой вечно бдящий, как стойкий оловянный солдатик, сокамерник начал настойчиво тормошить меня за плечо, крикливо приговаривая:

— Вставай давай... иди «грев» получай!

— От кого?

— А я откуда ж знаю?

Поднявшись и подойдя к дверному окошку, я уже окончательно пробудился и сообразил, что это мама, видимо, получившая отправленное мною перед отъездом из Казани письмо, привезла и оформила на меня передачу, которую затем и доставили по назначению два непосредственно закрепленных за этой процедурой человека — сотрудник администрации и осужденный. Так оно и было.

И от чего у нашего с Дэном арестантского tandem'a плохо скрываемому восторгу не было предела.

Единственное, что меня во всем этом расстраивало, это то, что, как и в прошлый раз на экспертизе, мне почему-то не дали свидания с моей дорогой родительницей. Я ждал, но меня, как того хотелось, так на него и не называли, немало, надо сказать, озадачив.

«Заячья губа» здесь не заправляла, так в чем же дело?

Заявление на передачу было написано маминой рукой и, расписываясь в нем, я, безусловно, сразу же узнал ее почерк. «Значит, она приезжала сама», — машинально делился я с «Дэном» своими размышлениями, нисколько не сомневаясь в том, что перед тем как, придерживаясь тюремной лексики, «пихнуть колобуху», она наверняка пыталась выхлопотать у начальства встречу со мной.

— Может, из-за праздников разрешение у судьи не подписала, как ты думаешь? — терялся я в догадках, ища объяснения.

— Запросто.

— Кстати. А что у нас вся камера засыпана птичьими перьями, ты мне, слушаем, не скажешь? — когда уже «кормушка» захлопнулась, продукты были покиданы на стол, а я несколько

отвлекся от своих печальных мыслей, обратил я вдруг на это внимание. – И что это за «воробей» у тебя тут в питьевом бачке варится? – приподнял я пораженно крышку, постаравшись при этом случайно не задеть воткнутый туда кипятильник.

– Это голубь.

– Поймал-таки. Ведра воды для него не многовато ли будет?

– Да нет, пусть выкипает, – ответил он мне спонтанно и явно не сообразив, что наша нужда наконец-то закончилась и теперь у нас с ним вон сколько имеется съестных припасов.

– Ну вари, вари... Кошки тебе за это спасибо скажут. Шучу. Давай выбрасывай его к ебеням в форточку и ставь чай, – почувствовал я в себе неожиданный прилив энергии, избавившись от укоренившейся во мне повседневной апатии, – ведешь себя так, как будто у нас жрать нечего. А вода-то, кстати, «на купца» осталась?

– А как же... целая «пятисотка»... что ж я, не соображаю, что ли? Или ты думаешь, что я уже забыл, что тут ей постоянно запасаться нужно.

И так все это весело у нас с ним, надо сказать, заладилось, что когда наконец-то подошел некогда долгожданный этапный день, то ни у него, ни у меня, в общем-то, и ехать-то никуда уже никакого энтузиазма не обнаружилось.

Под бутерброды с колбасой и сыром, под халву и пряники, Толстой читался запоем, так что даже не хотелось из-за какой-то ерунды несусветной от него отвлекаться.

К тому-же у «Дэна» установилась с одной девушкой-арестанткой, с которой он ухитрился обменяться приветствиями, когда мы как-то брели в отведенный нам день из корпуса в корпус и с этажа на этаж, «в баню», самая настоящая межкамерная переписка. Потому-то на второй день этого randevu в малявах, узнав от него, что они собираются с нею лет этак через пять-восемь, по освобождению, пожениться, я даже не удивился: исходя из его последующего рассказа – девица была далеко не ангел и, соответственно, не рассчитывала скоро выйти из мест лишения свободы на волю. Да и ему самому, судя по всему, это в ближайшем будущем не светило.

– На этап собирайтесь. Оба.

– Как, уже? – безмерно удивился он, услышав с утра от продольного наши фамилии. – А как же Клава?

– Напиши ей. А я пока дочитаю последнюю главу «Воскресенья». Страсть как не терпится. С час-то у нас точно есть на все про все, пока тронем – я в свой распрекрасный Тольятти, а ты в свою расчудесную Пензу.

Хоть и говорят, что «перед смертью не надышишься», мы с ним (как бы не возгордиться!) сделать это все-таки успели, и на суд я поехал, преисполненным величайшей уверенности в себе – может, от почерпнутых из книги знаний – «суперменом».

Ну, а «Дэн» – не видящим ничего вокруг себя мечтательным Ромео.

И что только эта самая любовь со всеми нами делает...

Жаль, конечно, что мы с ним вряд ли уже когда-нибудь свидимся снова, а то ведь мне очень уж интересно узнать, как у него дальше жизнь сложится. Да и ему, я думаю, моя тоже. И не то чтобы из праздного любопытства, а уже с сопереживанием и по-дружески.

Так и пришлось рвать живую ткань польному...

Читайте продолжение.

Эпилог

1

Зря я, однако, перед отправкой на этап так самоуглубленно и с таким упоением читал этот старомодный нравоучительный роман! В наше жестокосердное прагматичное время до изложенных в нем добродетельных теорий никому нет (а может, никогда и не было) никакого дела.

Но убедился я в этом, к сожалению, слишком поздно, когда ничего уже исправить было нельзя.

До этого свысока и как бы аморфно взиравшая на меня судья теперь откровенно, с начала процесса, сверкала в мою сторону сквозь увеличительные линзы очков глазами, переполненными исключительно ненавистью. В общем, эффект от моего недвусмысленного, на эксцентрическом подъеме отправленного из ИВС ей послания «Любой суд против Бога!», был совсем обратный от ожидаемого – в толк она ничего не взяла, а только обозлилась на меня неимоверно (хотя, казалось бы, чего такого: безвиннейшее христианское изречение?). Но может, она восприняла его как угрозу? Как я об этом сразу не подумал? Не стоило, конечно, этого делать. К тому же я, наверняка, ошибся адресом. Подмена была разительная: вместо привычной бабы-яги «балом правил» теперь сам сатана – правда, в женском обличье. Впрочем, я уже несколько вперед забегаю...

Описание этапа, разумеется, можно было бы и опустить, ибо не было в нем ничего примечательного, за исключением одного-единственного момента, отчасти меня как позабавившего, так и поразившего. Так вот, по заведенной с недавних пор на сызранском Центrale традиции, а точнее, по административному распоряжению, благая практическая цель которого, в силу чисто раздолбайского русского менталитета, как обычно слилась у нас к пустому бессмысленному очковтирательству, а именно: все вновь прибывшие либо убывающие куда-нибудь оттуда подневольные граждане получают или же сдают на склад числящиеся на балансе учреждения матрацы, которые там никто, естественно, в порядок не приводит – не штопает, поразлезшуюся вату в них не набивает и в прожаровку для вытравления паразитов не отправляет, а так и оставляет валяться сваленными в общую кучу до появления новой партии арестантов-этапников, которым надлежит, самостоятельно выбрав себе подходящий, проделать с ним тот же путь в обратном направлении и бросить не надолго, надо заметить, остающуюся оголенной нару, не исключено, что тот же самый «мертвяк» или, вернее, то, что от него после очередной жесткой встряски осталось.

И вот в этот-то самый рутинно-обременительный для всякого заключенного час, когда ты уже, выведенный из камеры и названный на этап, тащишься по путанным тюремным переходам, как по

горным тропам навьюченный под завязку мул, я вдруг и повстречал своего давнего знакомого и бывшего оперативника УВД г. Тольятти Петра Мельника, о резком и сокрушительном падении которого, прямо-таки в тартарары с карьерного Олимпа, я кое-что слыхал... Иными словами, для меня это было уже не новостью, и я не сильно удивился, когда в тот самый день среди других, выхodивших со склада и только что — прошу заметить, не сдавших, а буквально скинувших — туда, перед отправкой, эту никудышную, но строго подконтрольную спальню принадлежность урок, по стечению обстоятельств, «был счастлив» лицезреть этого, теперь уже призванного к ответу оборотня в погонах.

Перемена в нем, как это сразу же бросилось в глаза, была разительной. Раньше на допросах, помнится, он все время франтился, как один в один вышедший из бандитской прослойки удачливый коммерсант, блестая в своем собственном кабинете многорядьем пуговиц куртуазного пиджака, подобранныго в фасон отглаженных в стрелочку брюк и слепящего белизною воротничка, опоясывающего лоснящуюся жиром туленью шею, помпезно переходящую в, как у живого небожителя, позирующего скульптору, монументальную голову. А тут ни то, ни се, все равно, что окончательно опустившийся бомж, переночевавший в первом же подвернувшемся ему подвале или же на пустующей городской лавке, и не успевший, после вчерашней, сопровождаемой дракой с собутыльниками попойки, как следует прийти в себя. Вот так перевоплощение! Впрочем, и тут как бы нечему особо-то удивляться — тюрьма, как известно, не красит никого.

— Петь, привет, — не скрывая ехидной улыбки, окликнул я его. — Ну, как ты? Жизнь не сахар, видать?

Ни испуга, ни ответной радости, как я, честно сказать, на то рассчитывал, не последовало — это был живой труп.

Ну нельзя же, в самом деле, притворяться так. Я имею ввиду — доподлинно. Тем более что к нашей встрече он заранее не готовился, и не такой уж, в общем-то, был по жизни монстр, что б самообладания было не занимать. А вот очевидная деморализованность его, как говорится, была невооруженным глазом видна.

— Осудили тебя уже? — не отставал от него тот, с кем, вероятно, ему не привиделось бы оказаться в одинаковом положении и в самом страшном сне. То есть с Графом Монте-Кристо. Простите, зарапортовался, речь, несомненно, идет обо мне.

— Угу.

— Сколько дали то?

— Семь с половиной, — каким-то утробным звуком, не останавливаясь, на ходу выдавил он нехотя. Видно, своими фамильярными атаками, балаболя, я действовал ему на нервы.

— «Касачку», наверное, будешь писать? Представляю, как, должно быть, разуверился в справедливости-то? Раньше все сам сажал, а теперь, гляди-ка, судьба-злодейка самого тебя «кантонула»! А по этапу как ездишь? Слuchaем, не пытались еще подлые зэки за «мусорское» прошлое потребовать какой-нибудь непристойной компенсации с тебя?

— Ну, че привязался-то, а? — как-то по-бабы, в конце концов, взмолился он.

До приоткрытой двери ближайшего «отстойника», куда нас с ним перед поименной погрузкой в автозак должны были в компании с другими заключенными поместить, заперев под замок, осталось не более десяти шагов, как вдруг этот самый милицейский изгой и мой архаичный враг, к которому я, в принципе, за былые его грехи и ненависти-то уже никакой не питал (переболело давно!), неожиданно для меня взял и отклонился от маршрута, так что я, продолжая идти вперед, краем уха только услышал, как он, приблизившись к стоящим в коридоре продольным, принялся настойчиво убеждать их в том, что ему, вроде как, необходимо срочно зайти в вещевую каптерку, чтобы забрать из нее свои, как их здесь называют, вшивники.

— Так ты же только что получил их! — искренне поразились они. После чего бывший мент уже перешел на панический полуслепот, явно добиваясь от людей при власти, чтобы они защитили его от меня. «Оттаял, значит. А то вон, с каким неподъемным сугробом шел на голове», — не без внутреннего ликования подметил я для себя, оставляя его позади.

Во всяком случае, «в превратку» вслед за мной его не привели, и в соседнюю, судя по всему, не отсадили тоже. Я бдительно

следил потом, на протяжение всего пути, не объявится ли впоследствии где-нибудь он – в том же «стакане», или в соседнем «кармане» автозака. Ну не в водительскую кабину же с собой его конвой посадил – нужен он больно там, как думалось мне.

Так, очевидно, и сняли не пожелавшего быть в тот день моим попутчиком оборотня с «воронка», а, вернее, с этапа. Был человек и пропал, будто и не было вовсе его, и вся эта вышеописанная сцена лишь померещилась мне. Летучий голландец на грани крушения с четким обозначением «Петр Мельник» на борту. Хорошее сравненьице, не правда ли?

– Бр-р-р, хоть крестись?

Ну, а прежде, чем перейти к подробнейшему изложению последующих событий, давайте-ка мельком коснемся пока того, как мы с Серегой Платоновым искренне друг другу обрадовались, сверкая глазами и до хруста в ребрах обнимаясь, наконец-то после стольких месяцев разлуки свидевшись в тюремном отстойнике, куда по легко угадываемым причинам изощренными стараниями не дошел только что упомянутый виновник нашего с ним уголовного преследования и к которому у моего уже со временем ставшим закадычным дружка, я полагаю, тоже нашлась бы парочка-другая резких вопросов. И я не ручаюсь, что обошлось бы без рукоприкладства.

Что, в общем-то, было ни ему, ни мне совсем не нужно.

Новые статьи, новые заявления...

Складывалось такое впечатление, что власти, поднатаревшие в провокационной деятельности, не специально сталкивают «лбами» «палача» и «жертву» на одной территории, а вот так – как бы невзначай.

Умом-то прекрасно понимаешь, что это совсем не так, и может служить еще одним дополнительным подтверждением того, насколько безалаберный подход к выполнению служебных предписаний у наших многочисленных силовых ведомств.

Но эмоции-то куда девать?

Да и меня тоже, зная вспыльчивую неуравновешенную натуру своего подельничка, спрашивается, кто за язык тянул – нет бы взять и о своей недавней встрече с этим использованным материалом системы ничего не говорить. Ведь он потом всю дорогу, пока мы ехали, только и делал в автозаке, что, совсем не слушая меня, головой крутит – ну, где там Петя, где?..

Хотя, если вдумчиво рассудить, промолчать было нельзя, это прямо касалось нашего общего дела. Поэтому я предлагаю впредь считать, что в порожденных моей спонтанной открытостью или, как точнее будет сказать, откровенностью последствиях повинен не только я один, но и фатальные непредвиденные обстоятельства, которые из неподверженного дурным наклонностям парня чуть было маxом не сделали хулигана и насильника, – ведь он, на психо-

зе от услышанного, мало того, что кулаки то и дело недвусмысленно сжимал, так еще и беспрестанно хватался за ширинку.

И моя попытка перевести разговор на другую тему успеха не имела – мономания явно брала свое!

Пока в итоге его нервозная зацикленность на той чуть было не сбывшейся мечте о расправе над, говоря начистоту, нашим общим заклятым врагом, не передалась и мне, и мы уже с ним вместе, до самого приезда, высадки и распределения по разным камерам предварительного заключения, не стали с тупой упорностью высекивать в общей безликой арестантской массе того единственного типа, который, если трезво разобраться, вовсе и не был истинной причиной всех наших бед, а всего лишь инструментом полицейской машины, которая от сбоя в программе и недопустимого перегрева, идя вразнос, способна понаделает такого... да еще и саму себя погубить. Только попробуй-ка объясни это двум самым что ни на есть закоренелым деградантам, для которых в этом мире найдено даже специальное определение – «пересидок». Это же все равно что взяться успокаивать разъяренного в рукопашном бою солдата, когда его враг не сложил оружие и все еще оказывает сопротивление. Одним словом, беда!

Однако, зря я надсмехался над этим погоревшим, если верить газетным статьям, на «крышевании» БРЭМовцем. Как он быстро сориентировался в обстановке и слинял. Живой труп, живой труп... Поди-ка, достань теперь его!

За всеми этими отвлекающими факторами я даже не успел подобающим образом воспылать дежурным восторженным чувством к своему родному городу, как на фазе приближения к нему, так и на стадии чуть ли не плотского слияния с ним. Какая-то безысходная обыденность овладела моим измученным постоянными переживаниями сердцем. А ведь раньше ностальгические воспоминания охватывала меня почти мгновенно... Только покажись на горизонте любимый город...

Интеллектуальная голограмма типовых новостроек автограда рисовалась вне зависимости от того.

Вероятно, так видят слепые, прозревая внутри себя. Секундочку, секундочку...

– Тольятти, ну, здравствуй! Что новенького? Не забыл еще про меня?

Я полагал, что Серегу Платонова и меня повезут на отложенное на время психиатрической экспертизы и спустя полгода возвращаемое заседание на следующий же день после эталного, как это, впрочем, обычно и бывает, но оказалось, что нет: доставили нас на ИВС в четверг, а процесс был перенесен с пятницы на понедельник, так как у судьи, по слухам, что-то случилось с близким родственником. И вообще, дело наше, как выяснилось, пока мы ездили по «казаниям», объединили еще с одним и, в результате, теперь нас будут судить не районным, а областным судом. Разумеется, другим судебным составом, да еще и как членов организованной преступной группировки. Это было, конечно, не очень-то приятной новостью. А донес ее до меня тем же вечером неожиданно объявившийся адвокат, которого, как я понял, заботливо наняла моя дорогая мама. Он уже представлял ранее ее интересы в какой-то незначительной гражданской тяжбе. Взялся и за мое дело, как говорится, по старой памяти.

Это был довольно живой и болтливый старичок интеллигентной наружности. В прошлом прокурорский работник, а с развалом Советского Союза беженец из Узбекистана, о чем он мне с первых же минут знакомства и поведал, запанибратски представившись Сан Санычем. Мы сидели с ним напротив друг друга в следственно-адвокатском закутке, расположенному на том же втором этаже здания, где и находилась отведенная мне на период судебного «вояжа» камера, и у меня вдруг, во время разговора, почему-то промелькнула мысль о том, что, вероятно, мама очень даже правильно поступила, попросив именно его защищать меня на процессе: речь его лилась плавно и убедительно, манеры были мягкими и вкрадчивыми, как у мурлычувшего при виде сметаны ухоженного кота... Все это закономерно подавало надежду на то, что он, быть может, сумеет найти общий язык и положительно повлиять на нашу председательствующую, которая, как мы уже заостряли на этом внимание в рассказе, была явно обделенная мужским вниманием мегера. А тут получалось, что сам Бог ей послал, родительскими стараниями, ухажера, да, к тому же: а) со схожей с ее юридической профессией и б) одного с нею преклонного возраста. Поразмышляй я чуть подольше над этим, то я бы непременно восстановил в памяти ранее сообщенное мне потенциальным дамским угодником-адвокатом известие о том, что у Сереги и у меня, по независящим от нас обстоятельствам, поменялся судья и, следовательно, мой логический ряд не состоятелен, и все мои надежды на благоприятный поворот в деле были, по меньшей мере, призрачными; но он уже, на тот момент, всецело завладел всеми моими мыслями, не дав мне как следует сосредоточиться на чем-то одном и попутно донеся не менее ошеломляющую, в числе других, информацию о том, что, перед тем, как посетить меня, он

успел заскочить в суд и ознакомиться с поступившими туда недавно из Казани судебно-медицинскими заключениями, из которых, по его заверениям, выходило, что оба мы, что я, что Серега, признаны вменяемыми, но я при этом симулянт, а он неврастеник. Ничего себе, новость! За такую, кажется, на месте прибили бы в прошлые времена. Но и в нашем, впрочем, не отличающемся особой гуманностью столетии, для чего-то же администрация изолятора постоянно держит прикрученными пепельницы – к столам, а табуретки – к полу, именно в этих, скажем так, всемерно располагающих к эмоциональной разгрузке кабинетах, где помимо встреч обвиняемых с адвокатами, их допрашивают следователи и оперативники.

– Так вы его тоже защищать будете? – поинтересовался я, не выказывая своего сильного расстройства.

– Кого?

– Серегу.

– Нет, конечно.

– А с какой же стати тогда вам в суде сообщили результат второго, то есть его обследования. За красивые глазки, что ли?

– Хороший вопрос. В этом, молодой человек, и заключается, на мой взгляд, основной талант адвоката – своевременно выведать у противной стороны как можно больше сведений, дабы попытаться потом, в дальнейшем, с максимальной пользой использовать их в интересах своего клиента. Так-то, дорогой мой...

– Неплохо шпарите. Как по книжке. Ну и какие, на основании всего этого, у вас приблизительные выводы?

– Пока, увы, не утешительные, – прямо и без обиняков заметил он, привставая, – но будем бороться, – и собирая разложенные по столу вещи: перчатки, спортивную шапочку и папку для бумаг, поспешил со мной распрощаться, – так, привет я тебе от мамы передал... чувствует она себя хорошо да и выглядит прекрасно, хотя, что это я опережаю события. В понедельник сам все уви-дишь... Короче, до процесса.

Три дня я «проваландался» в камере в ожидании. Вставать с нар без особой нужды не хотелось – ведь прохаживаться там (как, в общем-то, и везде, где я раньше сидел) было негде. Извечный дефицит квадратных метров! Да и народу в ней содержалось, по-просту говоря, «под завязку», а точнее, по одному на каждое спальное место (они там были понаставлены чуть ли не впритык). И это еще нормально, было же время, когда нам приходилось спать по очереди, в две или три смены. Но и этот раз, без преувеличения можно сказать, все мы, туда помещенные, были исключительными уникумами, заслуживающими пристального научного изучения. Жить друг у друга на головах и дышать одними человеческими испражнениями, по всему, было невозможно, но мы-то как-то умудрялись. Да еще и не день, и не два, а по месяцу и более – у кого сколько суд длился. Не феноменально ли?

Опять же, если в тюрьме «намордники» с окон давно уже сняли, то там они как висели, так и висят, насколько я знаю, по сей день – это я так, на всякий случай делаю уточнение, а то вдруг кто не сведущ.

И вот ведь что поражает: не имеющие дурных привычек, физически крепкие, нормальные люди от всего этого быстренько, в течение двух-трех дней, с лица спадали и, что снедаемые каким-нибудь тайным недугом, на глазах чахли. Зато худосочные, заморенные наркоманы, оказавшись в аналогичных с ними условиях, как выпеченные на пасху и облитые сладкой глазурью куличи, так и крепли и пыхали здоровьем. «Перекумарят» на скореньку, и в ус себе не дуют! Этую, как мне кажется, неподдающуюся логическому объяснению особенность человеческой физиологии не один я, кстати, давно заметил.

Я, конечно, не настолько оптимист, чтобы утверждать, что жизнь прекрасна и в помойной яме, но и в ней побороться за нее, по моему, все-таки стоило. Так, спасаясь от клопов и не имея в наличии шарфа и перчаток, я надевал на ночь на руки носки, а шею и лицо заматывал, как уже «донельзя» обмороженный и отступающий по смоленской дороге француз, простым вафельным полотенцем – и многим, между прочим, из моих соседей по камере этот мой мученически разработанный прием пришелся весьма и весьма по душе. И они, глядя на меня, начали поступать точно так же. О, великий народ, о, крепкие, как гвозди, люди!

К тому же, в какой-то степени меня успокаивала мысль о том, что не очень-то я и страдал, по историческим меркам, ведь было же время, пусть и в далеком прошлом, когда неугодных в два счета заковывали в кандалы и годами держали с крысами и мышами по мрачным и сырьим подземельям. А тут хоть канализация тебе, пожалуйста, вода из крана, — и ничего, что только холодная, ведь ее, при желании, можно подогреть кипятильником, а то и на «дровине», по старинке не трудно. Не хватало, безусловно, прочих удобств: для тела — матраца и подушки, а для души — самого что ни на есть «писклявого» радио (я уж не говорю о телевизоре), чтобы можно было из него если не музыку, то хотя бы какую-нибудь новостную болтовню для восполнения информационного вакуума слушать. Но и это само собой как-то устроилось: постель мне заменила свернутая и положенная под себя фуфайка, под голову зимняя шапка, а накрывался я, как кочевник, всегда возимым с собой одеялом. Что же касается культурного досуга, то его, стоит заметить, на первое время с избытком обеспечил определенный на одни со мною и прочими уголовными элементами бедовеньские квадратные метры редкостный чудик: азербайджанец по национальности, на удивление хорошо знавший мировую историю.

Это был исключительный самородок, который, по его утверждению, специально никогда и нигде не учился, а все узнавал путем самообразования по книжкам. Вот его-то заскучавшие арестанты, а, соответственно, и я в том числе, то и дело, пользуясь его безотказностью, просили: расскажи да расскажи...

Для чего он, отлично понимая, что так быстро теперь от нас не отделаешься, устроившись поудобнее, для полноты обхвата аудитории, в центре камеры, часами беспрерывно посвящал нас в эти взрослые сказки из жизни великих мира сего — кто кого на престоле сменил, какую битву выиграл и в каком столетии. А мы, вот уж действительно, ненасытные слушатели, все просили и просили его продолжить, настолько это нас, как людей, ничем не занятых, тогда захватывало, да и в массе своей, следует признать, темных. Наличие высшего образования у некоторых из нас (не будем показывать пальцем), как водится, еще ни о чем не говорило.

— Ну ты, в натуре, как Радзинский или Басовская, — преисполненные неописуемого восторга, в перерывахсыпали мы его благодарностями, и ко всему прочему, определяя как «рассухаренного» профессора.

А вот до всего остального, как это часто происходит со всеми гениями, он был полный профан, и осудили его с таким-же отношением, должно быть, сразу разглядев в нем это довольно удобное для галочки в ментовской раскрываемости качество.

Думаете, я голословен? Отнюдь. Он показывал нам свой приговор, который был до того безалаберен и надуман, что его нельзя было воспринимать без горькой улыбки любому мало-мальски

смыслящему в этом вопросе дилетанту, а уж какому-нибудь профессиональному юристу тем паче. Правда, в нем не было нижней половины первого листа, так как наш самородок, по святой простоте в тот же день, по получении письменного вердикта, додумался его кому-то пожертвовать. И знаете на что: под выпрощенную мимоходом у него же «заварушку» чая. Однако, и сохранившегося с лихвой было достаточно для того, чтобы во всем отлично разобраться. На всех оставшихся целыми страницах судья неизменно величал его по погонялу: «Федя пошел туда-то и сделал то-то...», хотя по регистрационным записям, и в миру его звали Фейзулой, и родился он, нежели это было указано в приговоре, годами десятью раньше, и не в провинциальном Таганроге, а в столице Азербайджана городе Баку. И, следовательно, не являлся, как там писалось, гражданином Российской Федерации, а был иностранцем. А что касается материалов «состряпанного» против него уголовного дела, то... Хотя что это я, в самом деле, придираюсь-то ко всему, когда и без дополнительных разъяснений ясно, что это всего-навсего мелкие неточности и незначительные опечатки. Кстати, вполне допустимые по нашему отечественному процессуальному Кодексу! Вот так-то!

Отсюда и приговор у него был, выражаясь на здешней фене, исключительно «детский», за все про все: за убийство человека с отягчающими обстоятельствами ему дали всего-то ничего – пять лет (с «хвостиком»). Любой судья прекрасно понимает, что ему (или ей) прокурорско-следственные органы подсунули «на расправу» совсем не того, кого нужно, и все доказательства вины зиждутся фактически на одних лишь бредовых домыслах, а оправдывать из-за отсидженного срока вроде как уже поздно. Это ж

надо тогда будет ему, как зазря продержанному под стражей, материальную компенсацию из госбюджета выплачивать, за что, соответственно, при установившихся правилах игры, немудрено и «по шапке» получить, да не просто, а как следует. Вот тут-то и срабатывает необоримый и кощунственный принцип нашей отечественной Фемиды, согласно которому невиновного все одно за что-нибудь, да осудят. Либо дадут (как в его случае), «меньше меньшего», или же ограничится отсиженным.

Давно известно, что Россия – страна виноватых.

Исходя из этого неутешительного вывода, признавать свои ошибки, если это еще и бьет – пусть даже и не по своему, а по государственному – карману, мало кто захочет. Шариковы или Швондеры (вернее, их не столь отдаленные потомки), что вы! Люди без принципов – да никогда!

А если так, то с таким самоваром, как судебная реформа, как мне кажется, бессмысленно заявляться в данный калашный ряд. Вот пройдет время, сменится не одно поколение – может, тогда?

3

В понедельник четвертой недели месяца января 200? года я проснулся рано. Видимо, во мне сработали биологические часы, которые я, сам того не желая, умудрился все-таки выставить, как будильник, на нужный час, так как внутренне давно уже готовился к тому, что именно в этот день мне предстояло ехать на суд, на который, как я уже имел представление по прошлому опыту, так уж принято на ИВС, что надзиратели, называя заключенных пофамильно, выводят из камеры, сразу после короткого завтрака и примерно в седьмом часу утра. И не потому, что автозак подъезжает к изолятору к этому времени – нет, конечно! – его не будет еще примерно пару-тройку часов, а только из-за того, что подуставшим за сутки и тянувшим свою, без сомнения, нелегкую трудовую лямку сотрудникам при передаче смены так удобнее. Да и что им, в самом деле, до нас?!

Подход отлаженный и весьма простой, если грубо не сказать, скотский. Заранее распределили подопечных по камерам предварительного заключения, при этом набив их впритык, так, что не прдохнуть, и сиди себе спокойно, ни о чем не беспокоясь, чай в дежурке попивай, пока они там, как оловянные солдатики в детской коробке, прижавшись друг к дружке, часами покорно дожидаешься, пока о них вспомнят, стоят и стоят. А возмущаться будут, так по инструкции можно и усмирительные средства применить: дубинки и слезоточивый газ! А если «башню», предположим, сорвет как у пресловутого майора Евсюкова у кого-то из них, то и вообще из тянувшего карман оружия можно начать по ним на поражение стрелять. А то кобура, кобура – по карманам они его носят – попробуй-ка запрети!

— Че стучите-то, че стучите?

— Фельдшера? Так она ж еще не пришла... Вентиляции нет? Так на кой х.й она тут нужна? Я вам так на это, граждане преступники, скажу: мы вас сюда не звали, да и не в вашем как бы положении к хорошему-то привыкать, — обычно умничал кто-нибудь из них.

Вот и поспорь с таким, ведь ни для кого не секрет, что как только ты попадаешь в нашем разлюбезном отечестве в изолированные от внешнего мира стены, ты, вроде как, и не человек уже. О свежем воздухе и бытовых удобствах стоит смело на долгие годы забыть. Как только на тебя заводится уголовное дело и тебе схематично через суд (а раньше через прокуратуру) избирается мера пресечения в виде заключения под стражу, то все: песенка твоя, безусловно, спета, и по статистическим данным ты уже узаконенный отброс общества и не имеешь никакого права, в случае невиновности, на скорую реабилитацию (в последующих поколениях, быть может... и то вряд ли). Большой брат, он ведь не ошибается, он-то знает. Бывают, конечно, исключения, но опять же только на 0,4 процента от общего количества признаваемых Фемидой виновными подсудимых, которые, соответственно, почти не в счет. Это же как мелкая статистическая погрешность в каком-нибудь сложном и трудоемком производстве, где расчеты производятся с точностью до миллиметра, и даже мизерные расхождения от задаваемых ни в коем разе не допустимы. Только хочу заметить, не в нашей, за что ни возьмись, делающей все спустя рукава стране (при коммунистах может и было по-другому, но только не сейчас). Скажете, вру? Куда там!

Как-то мне попалось на глаза интервью в «Аргументах недели» за 2008 год с известным российским дизайнером (фамилию, к сожалению, не помню), «раскрашивавшим» по контракту многообещающий национальный проект — пассажирский лайнер «Суперджет», а до этого обучавшийся по «закордонам» и работавший на «Тойоте». Он-то и приводит эти чудовищные цифры.

— И что, это еще и полетит? — кажется так предает он огласке свой разговор с производителями, хорошо помня о том, что расхождения в полтора миллиметра в только что в указанной нами выше заграничной фирме считались предельно возможными. А тут, как-никак, сразу в полтора метра!

— У-у-у! Запросто! — если верить газетному тексту, посмеиваясь, уверенно разубеждали его в напрасности возникающих на этот счет сомнений наниматели-оппоненты.

Но это я к чему: отталкиваясь и выплясывая, как от печки, дальше от этого не смеха ради приведенного сравнения, теперь уже самостоятельно умозаключаешь, что у нас в России только карательные органы и трудятся безупречно. Причем, во всех их неисчислимых подразделениях.

И некому, в конце-то концов, вывести их на чистую воду и призвать за все злодеяния и ошибки к ответу!

Хотите поспорить?

Напрасно!

Номинально-то, конечно, контролирующие организации существуют, вот только как примитивнейшие паровыпускалки, то есть исключительно для отвода глаз и отнюдь не выполняя возложенных на них обязанностей. Да и сами посудите: ну, какие, извиняясь за резкость, на хрен, контрольные органы или же уполномоченные по правам человека могут быть при хунте?! «Мыльные пузыри» одни, как это ни горько осознавать!

Но вернемся-ка к нашей... «превратке».

Вот и попробуй-ка потом, когда тебя наконец-то доставят в суд, предварительно продержав пару часиков в удушиливо-отравляющей атмосфере и минут сорок проморозив в «воронке» (да к тому же не сразу подняв из судебного подвала наверх) выдержать ранее разработанную линию защиты, пристально следя за процессом, если за тобой самим кому-нибудь уже присматривать нужно, чтобы ты не нареком, как бы ни боролся с сильнейшим измаждением, все ж-таки, засыпая, не грохнулся, что Чебурашка из апельсиновой коробки, на пол с лавочки во время слушания, исключительно под всеобщий смех. Верьте на слово – проверено не раз!

Такова она, чисто изуверская ново-гулаговская технология в действии, когда не мытьем, так катаньем достигается почти стопроцентный результат. С молчаливого согласия общественности, разумеется, с восторгом перечитывающей солженицынский «Архипелаг».

День-другой, и тебе уже становится абсолютно все равно, за что и на какой срок тебя обрекают решением суда. Хоть ни за что и вплоть до пожизненного – только бы все это побыстрее завершилось.

Только не надо думать, что мы только и делали, что сидели, повесив носы, как обезволенные кролики перед удавом. Нет, конечно. Мы этому пресловутому «удаву» такое задавали, что он порою, как мне казалось, сам себя чувствовал недобитым и недодеденным травоядным. И, конечно же, непрерывно, в каждый свободный момент, дискутировали друг с другом на непосредственно касающиеся всех нас темы, успев за это время, насколько это возможно, духовно сблизиться. Ведь, как я уже ранее замечал, судили-то нас не день и не два, в связи с чем, «варясь в одном котле», мы давно уже составили друг о друге определенное представление.

Я не имею ввиду те пустые разговоры, которые как бы невольно происходят во всяком насилистроенно сплачиваемом коллективе, – что, мол, председательствующий тот-то берет (в смысле, деньги), а адвокат такой-то входит в «золотую пятерку». Хотя кто присутствовал при первом и кто проводил рейтинг второго? Зачем нам эти сплетни? В большинстве своем, всех нас, готовых к

худшему, занимало тогда другое – как нам обжаловать собственными силами и законными методами при такой-то, откровенно шельмоватой Фемиде, будто с обвинительного заключения списанный несправедливый приговор.

– А адресочеков-то, куда кляузы строчить, случаем ни у кого нет?

– А что толку государевым людям на государевых же жаловаться-то, когда наперед ясно, что они, как в разбойничьей шайке, все заодно и один против другого никогда не попрет!

– И то верно, как при крепостном праве, «барину» пишешь, «барин» тебе и отвечает, – изо дня в день слышалось одно и тоже со всех сторон.

4

Как бы мы этого не хотели, но факт оставался фактом, и судили нас с Серегой Платоновым теперь уже в составе «карасевской» преступной группировки, прославившейся на весь город (во многом благодаря вездесущим СМИ) своей бесчисленной наркоСетью, реализовывавшей оптом и в розницу сотни килограммов героина и собирающей с этого миллионные барыши в долларовом эквиваленте.

Возглавлял группировку Вячеслав Карасев (отсюда и название, опять-таки, по словам журналистов), бывший спецназовец, после демобилизации из армии «ушедший на вольные хлеба» и сколотивший для этого, в основном из спортсменов, без преувеличения, самую настоящую банду человек в пятьдесят, если не больше, конечно. А перед повальным арестом загадочным образом исчезнувший из поля зрения правоохранительных органов, а то и вообще из города. И, якобы даже, похищенный каким-то более мощным конкурирующим криминальным сообществом с целью вытеснения с такого доходного рынка, и, возможно, с параллельной задачей выкачать из него приличную сумму из переведенных и отложенных на счета иностранных банков в той же Швейцарии или на Кипре с расчетом на «черный» день.

Впрочем, в это мало кто верил.

Не относительно денег, конечно.

В этом-то как раз никто и не сомневался. Они у него водились в таком количестве, которое выражается кратким понятием «куры не клюют». Одних машин только в его личном пользовании насчитывалось штуку двадцать, и все больше дорогущие и престижные иномарки: Порш «Кайен», Мерседес «Брабус», Хаммер, БМВ седьмой модели и т.д. и т.п. А дачи, а коттеджи, да что там! А вот в то, что он по своей неосмотрительности мог угодить в лапы похитителей, было более чем сомнительно, во всяком случае, для тех, кто хоть отдаленно, но знал его. «Не тот это человек, не тот...», – видимо, имея в виду его всегдашнюю подозрительность и чуть ли не бесовскую хитрость, как сговорившись, категорично утверждали подряд все любители попремывать чужие косточки, и скорее сходились на мысли о том, что он, дескать, заблаговременно предупрежденный тесно сотрудничавшими с ним на этой почве деятельности «двуручничающими» ментами, не откладывая предпринял необходимые в подобный ситуации меры и скрылся по поддельным документам куда-нибудь подальше за границу – в теплую страну, где и по сей день, должно быть, попивает в каком-нибудь там солнечном Таити в свое удовольствие ведрами ананасовый или какой- другой сок.

Так с какого же тогда бока-припека никогда не входившие в его банду и, более того, как от триперной девки шарахавшиеся всю

жизнь от любого, пусть даже самого поверхностного соприкоснения с наркотиками, вдруг очутились притянутыми к этой сомнительной компании мы с Серегой Платоновым, невольно возникнет вопрос?

Я не могу этого понять до сих пор.

Ну, не вяжется одно с другим – и все тут! Да только нашим шибкоумным крючкотворам из органов, как видно, «завсегда» видней, раз они каким-то невероятным изломом ума, взяв во внимание явно нестыкующееся никоими пазами обстоятельство, что вмененные нам в качестве обвинения в краже два автомобиля ВАЗ-21010 принадлежали именно этому лихому междусобойчику, и расценили одно это как вполне достаточное и весомое основание для объединения таких разных по мотивированной части и степени вины уголовных дел.

Я понимаю, если бы кто-нибудь из «карасевских», допустим, под давлением милиции (что, кстати, в наше время случается сплошь и рядом), извлекая какую-то непосредственную выгоду в виде героиновой дозы или же изменения меры пресечения на подписку о невыезде, вынужденно оговорил нас, – так нет же, этого не было (да и, в действительности, не знали мы с Серегой никого из них до этой самой злополучной минуты, когда оказались запертными в судебную клетку, и это уже не говоря о том, что не крали мы с ним никаких машин), а просто-напросто, как я думаю, кому-то из

зарвавшихся и бессовестных карьеристов, дабы спасти от неминуемого развала возбужденное в отношении нас абсурдное и неподкрепленное доказательствами уголовное дело, да еще и попутно заработать на этом очередные звездочки на погоны, пришла изощренная мысль: путем такого вот предосудительного объединения двух по существу ничем не связанных уголовных производств, сокрыть одно в другом, то есть наше в «карасевском».

Раз уж мелкие-то дела ни одна из последующих и вышестоящих надзорных инстанций не удосуживается с подобающим добросовестным подходом изучить, то уж про крупные нечего даже и говорить. Так уж получается, что все эти типа блодущие за соблюдением законности различные силовые ведомства на практике, как выясняется, созданы все больше для того, чтобы друг друга покрывать (Это, между прочим, у них означает «сохранять лицо». А я бы сказал мурло. Вещи-то надо своими именами называть!).

И чтобы, так сказать, не возникало лишних вопросов, в самом начале заседания председательствующий ознакомил всех присутствующих со специально вынесенным касательно этого постановлением об объединении двух, ранее находившихся в отдельном судопроизводстве, дел. Адвокат мой, понятно, поначалу для порядка и чтобы хоть как-то поддержать свою марку, взялся было что-то против этого возражать, но быстро скис, пустив все на самотек. А позже и вовсе, сделал вид, что все так изначально и было, умышленно не вспоминая при коротких беседах этот явно щекотливый для его деловой репутации момент.

После подвального помещения, где, продержав не менее двух часов, нас наконец-то доставили в здание теперь уже не Центрального, а имеющего ответвления областного Комсомольского районного суда, глаза мои постепенно привыкли к льющемуся сквозь незадернутые шторами окна дневному свету. Но так как зал был большой, вмещавший множество посетителей, то мне не сразу удалось отыскать в нем, с моим заметно ослабевшим зрением, маму. Хорошо хоть, что она, в последние годы закрашивая седину, осветляла волосы каким-то специальным раствором (видимо, перекисью водорода), а то бы при всех сложившихся условиях и побочных факторах, я бы ее и не узнал. А так хоть я ей тотчас, встретившись взглядом, улыбнулся и приветственно помахал рукой.

Да и мой не менее горемычный визави Серега Платонов времени зря не терял и вполне успешно перемигивался, прижавши смазливо-улыбчивое и какое-то неисправимо полудетское лицо к стальнym прутьям клетки, с той самой рано обабившейся и «закафстрочено»-размалеванной секретаршой, которая за полгода до этого влюбилась в него и, помниться даже, писала ему в сызранскую тюрьму признательные письма. Вот и явилась теперь в суд, чтобы наконец-то с ним там увидеться. Процесс был открытым. А

она, в связи со всеми ранее указанными в рассказе обстоятельствами, была уже отстранена от участия в нем и его стенографировала какая-то другая, работающая под юрисдикцией нового суда, секретарша.

Соскучилась, видимо...

Такая вот романтическая история...

5

— А че это, у нас судья теперь мужик, что ли? — только начинала доходить на процессе до все того же подсуропленного мне на стадии следствия подельника и второго неудачного симулянта, побочная сторона затронувших нас перемен. — Вроде, раньше же баба была...

— Операцию сделала по смене пола, — с нарочитой серьезностью объяснял я ему, отыгрываясь за то, что перед началом заседания, когда я попытался было довести до его, очевидно, отмороженных с детства мозгов суть произошедшего и известного мне уже от адвоката слияния нашего уголовного дела с другим, в разы более серьезным, он, витая где-то «в облаках», решительно пропускал все мимо ушей, а тут вдруг, видишь ли, спохватился — что да как?

— А прокурор?

— Тоже. Сейчас это модно!

— «Дырявые», то бишь. Как же они будут судить-то нас, а?

— Ну, почему же «дырявые-то» сразу, может трансвеститы просто.

— А-а-а. Так все одно, хрен редьки не слаше...

— Да тише вы... — зашикали, одергивая нас, соседи по клетке, — не слышно же...

— Родителей надо было слушать, — вдруг ни с того ни с сего разозлившись, трафаретно сумничал я на это, тем самым нарывавшись на предупреждение председательствующего, пообещавшего, что если, дескать, я буду вести себя так же, то он продолжит заседание уже без меня.

Пришлось подчиниться. Хотя бы из уважения к маме, которая, присутствуя в зале, безусловно, болезненно отреагировала бы на это, а расстраивать ее не хотелось. И так она уже, видимо, разволнившись от произошедшего, нравоучительно грозила мне пальчиком со своего места. Как в детстве: я, мол, тебя!

И если мой, теперь уже платный, в отличие от тех, что предоставляло мне прежде государство (ну, до поездки в Казань), проныра-адвокат, изредка оборачиваясь на процессе, дарил мне все более оптимистично-подбадривающие взгляды, то Серегина «дармовая» бестия как бы даже его и не замечала, угодливо поглядывая на судью, как послушная ученица на своего преподавателя. Оно и понятно, кто же без материальной заинтересованности будет рабо-

тать. Хотя результат будет нулевой в любом случае – это заранее ясно!

По идее, если бы мы с Серегой и вправду были причастны к так настойчиво инкриминируемому нам преступлению, то нам еще за кражу автомобилей у «карасевских», на которых они развозили смертоносное зелье, надо бы, по большому счету, премию дать, похвальную грамоту, а то и вообще орден. Ведь одним этим, если следовать материалам уголовного дела, они были надолго выбиты из четко отлаженной и проторенной, что грузовым потоком в сплошном бездорожье, устойчивой колеи, занятые разыскиванием этой, хоть и мелкой, но, вместе с тем, очень существенной для их непрерывного наркотрафика потерии (ведь на роскошных иномарках они же героин «по барыгам» развозить не стали бы – приметно очень! – это же тоже понимать нужно).

А все шло к тому, что нас – причем, без вины виноватых! – за это (да и еще и как заправских урок) к максимальному сроку наказания собирались приговорить в составе одной с ними банды. Вот ведь оно как!

У меня, быть может, в душе еще и закралась смутная надежда на обратное, если бы не суммарный груз многолетних наблюдений, как противозачаточное средство сводящий на нет все усилия, скажем так, на размножение. По-другому, жизненный опыт, от которого, как от поизносившейся и вышедшей из моды одежды, просто так не избавишься – пошел, дескать, и купил в магазине другую, а раз приобретя, потом подсознательно носишь с собою повсюду всю жизнь, пусть и невидимым, но весьма и весьма ощутимым грузом, как камни в почках, до гробовой доски.

Я сколько раз пытался начать жить, не гнушаясь старым добрым поэтическим штампом, «с чистого листа», да только всегда мое импульсивно-наивное новаторство терпело крах, если не из-за меня самого, то непременно из-за какого-нибудь неотвязно набивающегося в приятели попутчика, который, в силу сложившихся обстоятельств и будучи притиснут ко мне, как в общественном транспорте в час пик, на одном предельно уплотненном тюремном квадратном метре и, вероятно, увидев во мне благодарного слушателя, знал себе, без устали изливал все, что у него наболело, в мои бездонные, как омут, уши.

В данном случае, это был Сергей Минин, который то и дело буквально следовал за мною неотступной тенью. Я на судебное заседание, и он туда же. Я сижу в клетке, и он рядом. Как, по всей видимости, фигурант одного и того же уголовного преследования. А так как и внешне мы были с ним очень похожи (те же голубые глаза, два метра роста и блондинистая шевелюра – шутка!), да и приблизительно одного возраста, то меня порою начинало одолевать сомнение, реальное ли это лицо, или же безумный всплеск моего внезапно разыгравшегося на нервной почве воображения.

А почему бы, собственно, нет? В такой ситуации любой сбрендит! Я уже начинал подумывать грешным делом: «Уж не шизофрения ли у меня начала развиваться, братцы?!» А что? Вполне возможно.

Хотя насчет ее, родимой, это я преувеличиваю, конечно. А потом, если помыслить логически, то никаких весомых противоречий у меня с этим типчиком не было и в помине, более того, все его высказывания, бесспорно, в точности отражали и мою точку зрения, поэтому независимо от того, существовал ли он на самом деле, либо же мне только грезился, — мы с ним, как два равнодушных ведра, подвешенные к одному коромыслу, идеально соответствовали друг другу и являлись полными единомышленниками, что, приходится признать, не так уж и часто случается в повседневной жизни, ведь у каждого человека, с учетом преломления через призму его индивидуальности, может сложиться свой обособленный взгляд на одни и те же, вроде бы, устоявшиеся предметы. И от этого никуда не денешься, хоть убей такого «упертого», а все одно, ничего ему не докажешь.

У нас же с Сергеем Мининым, слава Богу, до этого не доходило, это была полная идиллия, да и рассуждали мы с ним все больше о вещах исключительно умозрительных и не очень-то принципиальных, но которые все же тогда сильнее всего занимали и беспокоили нас обоих. А уж мерещилось мне это, или же произошло наяву, это уже, как говорится, дело второстепенное.

Еще Свидригайлов, кажется, в «Преступлении и наказании» очень верно замечал, что добрая половина петербуржцев, выходя на улицу, бесконтрольно сама с собою начинает разговаривать. А связано это, насколько я понимаю, с тем, что эта болезнь не столько наследственная, сколько социальная!

Ну вот, теперь уже, выходит, и «косить» не нужно. Жаль вот только, что, как говорил отец писателя Ивана Бунина: «Бог обычно дает человеку штаны, когда у него уже нет зада!»

Я бы поговорил со своим былым беспрекословным и проверенным многими обоюдно-перенесенными испытаниями (и чуть ли не боевым товарищем) Серегой Платоновым, но он под воздействием внешних сил и не зависящих от нас обстоятельств как бы выпал на период судебного разбирательства из моей жизни, и вот почему: во-первых, кроме своей нежданно-негаданно объявившейся секретарши Лены, ни о ком и ни о чем больше не хотел и едва ли даже мог помышлять, а во-вторых, в изоляторе нас систематически расселяли по разным камерам; а на момент переезда, либо же в здании суда, частенько распределяли и рассаживали по разным «обезьянникам» и отсекам автозака, а то и просто стихийно оттесняли в толпе друг от друга.

И чего никогда не происходило с моим тайным собеседником Сергеем Мининым, он-то как раз, к величайшей его заслуге, каким-то непостижимым образом регулярно оказывался со мною рядом. И кто кого подбивал на бесперерывное общение, он меня или я его, сказать было трудно. Так мы и коротали с ним, беспрерывно курсируя из ИВС в суд и обратно, что проклятые, все те, преисполненные муторной суеты и почти неотличимые друг от друга дни и ночи, в нескончаемых разговорах все об одном и том же – о наболевшем...

Судили нас теперь без прежней вальяжности и ускоренным маршем, не откладывая, как раньше, заседания надолго, что позволяло сделать вывод, о том, что у судьи все сроки давно вышли или, как обычно говорят в таких случаях люди, не утружающие себя изысканием свежих сравнений и образов, «пирожки подгорали». Чему мы с Серегой Платоновым, возможно, своей затяжной поездкой на экспертизу поспособствовали. А что уж там с той же целью вытворяли наши непредвиденные и, как нули на купюрах во время инфляции, все прибавляющиеся подельнички, я и предположить не брался. А у Минина почему-то не спрашивал, видимо, и без этого хватало о чем побеседовать, не распыляясь на все эти, в общем-то, не очень-то и касающиеся нашего обособленного мирка явления. Что моряки, спасающиеся во время шторма в тихой гавани.

Мне бы надо было, раз уж я столько раз оказывался между двумя тезками – Серегами, Платоновым и Мининым, сообразуясь с народной приметой, какое-нибудь стоящее желание загадать, а я не догадался этого сделать, упустив такую замечательную возмож-

ность. Авось бы, удача и не отвернулась в самый ответственный час от меня.

Однако, я опять забегаю вперед, да и в детские приметы мне, как взрослому человеку, не пристало, конечно же, верить. Вот когда впаду под старости лет в детство, иначе – в маразм, тогда уж...

Ну да хватит об этом...

Судья, имевший больше влияния и опыта в разрешении всевозможных спорных ситуаций, попросту говоря, не давал нам и рта раскрыть, а уж как откровенно лукавил, по несколько раз передопрашивая и сбивая с мысли, а по-тюремному – «с панталыку» высказывавшихся в нашу пользу свидетелей, так, чтобы их показания слово в слово совпадали потом с теми, которые под давлением оперативных работников были выморочены у них на следствии (это уже, кстати сказать, достойно сатирического чеховского пера), и для чего зачастую по несколько раз дополнительно вызывая их в суд, единственно за тем, чтобы после интенсивного коридорного освежения им памяти все теми же не пропускавшими ни одного заседания и состоявшими в очевидном сговоре с судьбою оперативниками, они неожиданно прозревали и говорили так, как надо.

Все было шито, на языке расхожих мудростей, белыми нитками, так что даже самому простодушному и доверчивому человеку, недолго понаблюдав за происходящим, сделалось бы безошибочно ясно, что ни на какое беспристрастное судебное исследование надеяться не приходилось. Шла элементарнейшая, как в лоховской разводке, подтасовка фактов с единственной целью удержания харизматичных весов Фемиды в перетянутом и не дающем ни малейшего шанса на оправдательный вердикт положении.

Для чего не знающая разногласий наша сладкая парочка, судья с прокурором (секретарь, естественно, не в счет), еще и свидетелей защиты принципиально в суд даже повестками не вызывала. И, как доходчиво объяснил нам, отвечая на наши недоуменные возражения, прямо-таки пугающий меня своей сатанинской внешностью председательствующий, суд, якобы, по новому закону этого и не должен делать. У вас, мол, есть адвокаты, так пусть они их ищут, а мы и своих-то, то есть свидетелей обвинения, не всегда сюда доставить в состоянии, не то чтобы каких-то, идущих вразрез делу, чужих.

– Чужих? – пораженно переспросил я. И, не сбавляя голоса, добавил: «Грубая работа, Ваша Честь».

Однако он пропустил мой выпад мимо ушей.

Правда, машинально, вытирая платком со лба пот, тотчас уверенно добавил: «Но все их (в смысле свидетели защиты) ранее данные показания впоследствии обязательно зачитаем». Толк бы от этого еще соответствующий был, вот что!

Ведь тут уже и без лишних объяснений сделалось очевидным, какие показания при вынесении приговора будут взяты во внима-

ние, а какие, как нечто не заслуживающее, опущены. Раз уж было решено, абы как всех нас осудить и как можно на дольше изолировать от общества, учинив показательную порку.

То была моя точка зрения.

А вот что на это, как и я, раздосадованный происходящим, както на одном из судебных промежутков с воодушевлением говорил мне Сергей Минин:

– Хуже другое, то, что потом хоть весь срок обпишись по всем псевдо, скажем так, надзорным и правовым инстанциям – один черт, желаемого результата не добьешься; самый максимум, это по кассационной жалобе тебе годик-полтора скостят. Оно и понятно: давай они еще друг друга покрывать перестанут – глупо было бы! Чать, одна компания-то!

– А как же, по-твоему, Европейский суд? Хочешь сказать, что он им тоже «по барабану»? – едва дав ему закончить и в общемто и без него прекрасно зная это, решил я еще раз убедиться в правильности своих суждений.

– А что Европейский? Сам туда никогда не писал, что ли?

– Было дело.

– Ну, а что же спрашиваешь-то тогда, словно сомневаешься в чем? Или надеешься что-нибудь другое услышать от меня? Напрасно. Европейский суд по правам человека – это, как мне все больше сдается, всего-навсего умело раскрученный бренд, элементарнейшая афера и, не побоюсь заявить, самая гнусная, что ни на есть, из всех, когда-либо творимых на Земле. Спекулирует и зарабатывают себе как «очки», так и «мани-мани» на людских страданиях. Я туда, между прочим, два срока подряд, еще не догадываясь ни о чем, как последний поц, купившись на их по всем СМИ умело раскрученную рекламу, что называется, «до упора» писал. В общей сложности, собрав и отправив им не один чемодан документов (которые у нас в стране, приходится оговориться, после Руцкого с его компроматом, только чемоданами и меряются), и если бы за счет администрации колоний, куда там! Сам знаешь, что они на это ни копейки из своих денег не потратят. Хотя какие они, к черту, ихние – государственные, бюджетные, на это же самое, разумеется, и выделенные.

Да только, как сказать...

Наши госслужащие, в эту фактически народную копилку, давным-давно как в свой собственный карман лазят, и чем больше, соответственно, на каждом из нас сэкономят, тем капитальнее потратятся на себя.

За примером далеко ходить не надо: у нас в десятой колонии, в Самарлаге, начальница спецчасти была, некая Соколова, продвинувшаяся из буфетчиц, любовница тамошнего «царственного» лица. Все ээки это прекрасно знали.

Любка-«Буфетчица».

Может и сейчас там работает, что ей будет-то?

Так вот, она нам прямо, не скрывая, с беспардонной циничностью всегда провозглашала: «...оставляйте, только неизвестно сколько эти ваши «писульки» по столам в канцелярии проваляются... У нас конвертов-то и марок все одно нету! А будете жаловаться, так я вам тогда, как и положено, и исходящий номер дам, и расписку об отправке своевременно на подпись принесу, да только вот уйдут они, как вам того хочется, или же нет – попробуйте-ка, проверьте потом. По документам-то ведь у нас не придерешься, все как и надо оформлено будет: от кого, куда и когда».

В общем, это был классический бюрократический беспредел и сомневаться в ее словах, стало быть, не приходилось.

Поэтому я был вынужден все те годы, когда сидел, что в том, что в другом лагере (ведь ситуация-то, как понимаешь, везде одинаковая), все до копеечки на эти проклятые марки и конверты тянуть из дома, отрывая их из нищенских доходов моей несчастной матери – пенсии и зарплаты. Которая для того, чтобы не отказывать мне ни в чем, устроилась мыть, по двенадцать часов, в какой-то местной кафешке посуду. Ведь ты же знаешь, какие у нас в стране пенсии, один-то человек на нее не протянет, а тут еще и меня, оболтуса такого, обеспечивать всем необходимым надо.

Дай-то ей Бог за это, конечно, здоровья и долгих лет жизни.

И что ты думаешь, мне оттуда из Европейского суда после стольких лет переписки, когда я на одну только «канцелярию» (отчасти и для них же, этих страсбургских судей собирая весь этот всеохватный и уникальнейший материал) тысячи три евро в рублевом эквиваленте истратил, ответили... Догадался уже?

Правильно!

Лучше всего это определяется русским матерным словом, начинающимся на число ПИ. А точнее, в первом случае по досье РР № 18851 (до сих пор помню его номер) они мне вообще оттуда решения не прислали, хоть я и неоднократно посыпал им запросы из разных мест, а во втором так по-плебейски несолидно отделались от меня, — такого непутевого «гуся» вывели, — что лучше бы, по-моему, не позорились, а как в первом случае, вообще ничего не отвечали, так хоть, в утешение себе, на почту все можно было бы свалить!

— Да, вот она у меня тут с собой, эта их дешевая галиматья, — нервно покопавшись в своих бумагах, дрожащей рукой протянул он мне по-европейски втрое и (под специальный, с «окошечком», конверт) продольно сложенный листок, дотошно при этом комментируя каждую отдельно изложенную в нем мелкую подробность, будто миллиметр за миллиметром снимая бесценный археологический слой или, что безнадежно больной в предчувствии скорой и неминуемой смерти, с упоением переживающий заново всю свою долгую и некогда полноценную жизнь, — это мне его мамулька через очередного дежурного адвоката, еще на следствии и по моей просьбе, с прочей юридической литературой «до кучи» из дома передала. Хотя что тут удивляться-то... можно понять... ведь ей как-никак скоро семьдесят лет уже будет... Только напрасно я, наверное, тебе его показываю... Расстройство одно.

— Ничего, ничего... Да не переживай ты так. Я и сам, по правде сказать, точно такую же гадость когда-то от них получил, так что едва ли что-то новое, в этой, как мне думается, стандартной для всех «разводке» для себя почерпнул, — несколько выделяясь (по-зэковски, «накидывая на себя пуху»), успокаивал его я. Одновременно все-таки пытаясь сосредоточиться и вникнуть в смысл поданного мне судебного документа.

И пока я этим занимался, он, не сознавая, видимо, что отвлекает меня и, как бы боясь упустить случай наконец-то от души выговориться понимающему человеку, только и делал, что продолжал без умолку долдонить свое:

— Представляешь, я им совместил тогда в одном досье гражданское судопроизводство с уголовным, и не по-дилетантски, спустя рукава, а по-серьезному к этому подошел и все, какие имели место правонарушения, чтобы наши власти не отверглись потом, документально подтверждал. Разоблачал буквально все: как показания из нас на следствии, заставляя оговаривать друг друга, ментами выбивались, в каких жутких условиях, что я, что все остальные арестованные и проходившие по делу фигуранты, постоянно содержались, будучи, таким образом, лишенными возможности полноценно защищаться; за конвойерный обвинительный подход при осуждении, когда ни о какой презумпции невиновности,

естественно, нет и речи; за те шаблонные отписки, которые нам отовсюду присылали, ну и т.д., и т.п.

С некоторыми Уполномоченными по правам человека, как с погаными Лжедмитриями у моих отдаленных предков, у меня, без преувеличения, самое настоящее боевое сражение вышло.

Вот послушай: я им пишу жалобу на бездействие надзорных инстанций (вначале в Самару, а потом и в Москву), в которой детально указываю на то, как и что было нарушено в отношении меня и других осужденных по сфабрикованному против нас уголовному делу. Подробно расписывать все нюансы не буду, сам понимаешь, что все это долго и нудно, да и едва ли тебе будет интересно слушать это в тысячный раз: ведь куда ни посмотри, — у всех одно и то же. Что ни приговор, то какая-то трагикомедийная калька, в общем, шандец.

Так вот, я, значит, пишу, а они мне оттуда отвечают, да вежливо так, что, дескать,уважаемый господин хороший, и прочее, прочее... вы, мол, вначале пройдите по порядку все внутренние инстанции, исчерпайте, то есть, все свои резервы, а потом уже, согласно такого-то Федерального предписания, обращайтесь к нам. И что же? Я, как наивный ребенок, верю в эту детскую сказку, продолжаю проходить одну за другой те две оставшиеся у меня, выражаясь их языком, неисчерпанными судебные инстанции. А точнее будет сказать, Верховный суд, откуда, естественно, получаю очередные отписки, чем, стоит уточнить, сам еще не сознавая того, ставлю крест на всем дальнейшем обжаловании. Так как у нас теперь четко прописано в новом процессуальном Кодексе: после ответа Председателя Верховного Суда, либо же выполняющего его функции заместителя, по линии суда процедура рассмотрения заканчивается и потом уже к ним, выходит, обращаться больше нельзя, да и писать дальше, внутри страны, следовательно, бесполезно.

Эх, знай я об этом раньше... а так, как человек несведущий, я, значит, легко покупаюсь на эту дешевку, чтобы, согласно ей, вновь отправить жалобы к Уполномоченным по правам человека по Самарской области и Российской Федерации. На что у меня, в свою очередь, уходит по времени примерно чуть больше года.

И вот эти самые, если уж их правильно называть, Уполномоченные «по мыльным пузырям», естественно, не помня уже о моих первых петициях к ним, на мое новое послание, как вечному мальчику для битья или полному идиоту, издевательски «докладывают», что раз уж вы, мол, прошли все судебные и прочие инстанции и, следовательно, исчерпали все внутренние возможности, то теперь вам и обращаться к нам больше незачем.

Описанию не поддается, в каком я был шоке от такого известия! Но так как я по натуре своей человек упорный и не привык пасовать перед трудностями, то как-то пережив и это, держу марку и продолжаю доказывать свою правоту.

Только теперь по-новому. Благо, был у нас там тогда в числе осужденных один такой грамотный мужик, в прошлом юрист, не скажу уж точно в чем конкретно перед обществом провинившийся, который по-дружески и подсказал мне, как это будет лучше осуществить.

Так вот, он мне и говорит: «Подавай на них иск за бездействие, по их территориальности, в районный суд, а за ним в городской или областной и т.д. и т.п.».

И «нагретый» до чрезвычайности, я, долго не раскачиваясь, так и поступаю. По правде сказать, не представляя даже, что тем самым ввязываюсь теперь уже в двухлетнюю тяжбу, ибо в гражданском судопроизводстве господа судьи, ясное дело, как и в уголовном, те еще бюрократы: и любят, и умеют устраивать всякие проволочки. Тем паче, что, в данном случае, я «качу бочку» уже на государство, а оно у нас, как известно, никогда не бывает виноватым. Поэтому и оттуда я получаю на свои иски одни лишь вполне предсказуемые решения не в мою пользу.

Однако, не жалея для достижения поставленных целей ни собственного времени, ни моральных и физических сил, а также располагающий (спасибо дорогой мамульке) для этого необходимыми материальными средствами, я методично отправляю их с собственными комментариями и вкупе с дополнительно накапливающимися в моем личном архиве разоблачительными документами в Европейский суд для приобщения к своему делу номер такой-то, о чем они меня, надо упомянуть, регулярно в получении уведомляли. Тем самым, определенно, только психологически на продолжение этой неискончаемой тяжбы все сильнее и сильнее меня заводили.

В итоге я уже начинаю чувствовать себя всесильным Гераклом и, окрыленный столь невиданной поддержкой, с удвоенным рвением бросаюсь всеми, оговоренными Конституцией РФ и доступными мне средствами, изобличать эту многоглавую отечественную коррупционную следственно-судебную гидру, только и делающую, что калечащую людские судьбы, пользуясь своей полнейшей безнаказанностью и абсолютной властью.

И вот, ровно через четыре года, когда у меня уже собран и лежит у них там, в Страсбурге, в моем личном досье, не один том великолепнейшего компромата на всю эту, грубо говоря, узаконенную погань, Европейский суд неожиданно меня – эдакого чересчур уж воспарившего зэка – в два счета приземляет.

Я-то, что тут скрывать, «на все сто» рассчитываю на решение в свою пользу.

Да вот только взамен мне оттуда присыпают изложенную вежливо-казенным языком, но исключительно хамскую по содержанию отписку. Да что я, собственно, распинаюсь тут! Читай ее сам! Вот же она, у тебя в руках.

**COUREUROPEENNE
DES
DROITSDELHOMME**

**CONSEIL DE L'EUROPE
STRASBOURG**

**EUROPEANCOURT
O F
HUMANRIGHTS**

**COUNCIL OF EUROPE
STRASBOURG**

Г-ну МИНИНУ Сергею Михайловичу
Учреждение ИК-26, отряд 9,
п. Спиридовка, Волжский р-н,
Самарская область, 443527
РОССИЯ / RUSSIE

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ECHR-LRus11.0R (CD1)
ANS / ANS / adi
Жалоба № 40734/04
Minin v. Russia ()

Страсбург, 23 мая 2008 г.

Уважаемый господин,

Довожу до Вашего сведения, что 16 мая 2008 г. Европейский Суд по правам человека, заседая в составе Комитета из трех судей (E. Steiner, Председатель, D. Spielmaan и G. Malinvern) в соответствии со статьей 27 Конвенции, принял решение на основании статьи 28 Конвенции объявить вышеуказанную жалобу неприемлемой, поскольку она не отвечает требованиям, изложенным в статьях 34 и 35 Конвенции.

Исходя из материалов дела, имеющихся в распоряжении Суда, а также в той степени, в какой поданные жалобы входят в его компетенцию, Суд решил, что они не содержат признаков нарушения прав и свобод, закрепленных в Конвенции или в Протоколах к ней.

Это решение является окончательным и не подлежит обжалованию в Суд, включая Большую Палату, или в какой-либо иной орган. Также сообщаю Вам, что Секретариат не в состоянии предоставить дополнительную информацию, связанную с рассмотрением жалобы Комитетом, равно как и вести дальнейшую переписку в отношении данной жалобы. Суд не будет направлять Вам каких-либо дополнительных документов, относящихся к жалобе. В соответствии с указаниями Суда, досье по данной жалобе будет уничтожено по истечении одного года с даты решения Суда.

Настоящее уведомление сделано Вам в соответствии с правилом 53 2 Регламента суда.

С уважением,
От имени Комитета

A. Wampach
Заместитель Секретаря Секции

ADRESSE POSTALE / POSTAL ADDRESS: TELEPHONE: INTERNET: TELECOPIEUR / FAX:
CONSEIL DE L'EUROPE / COUNCIL OF EUROPE 00 33 (0)3 88 41 20 18 <http://www.echr.coe.int> 00 33 (0)3 88 41 27 30

F - 67075 STRASBOURG CEDEX

— Ну, что ты скажешь? — поглядывал он вопрошающе на меня в очередной из перерывов в судебном заседании, когда нас уже, переведя в подвал, удачно поместили в одном «обезьяннике».

— А ты в полугодовой-то, положенный срок с подачей жалобы после «касачки», точно уложился, может, нет? — внимательно ознакомившись, вернул я своему двойнику этот «фиговый листок».

— А как же! Ну, давай еще такой тертый калач, как я, возьми, да и «лоханись», как какой-нибудь «кушовый» первоход. Что ж ты думаешь, я не считал, что ли? И даже больше того, поясню: со дня вынесения приговора, и то я, тютерлька в тютерльку, вписывался в их шестимесячный регламент по отправке. Я же прекрасно знаю, на примере многих моих знакомых, что это является для них серьезным нарушением, позволяющим отпихнуться от твоей «кляузы» на первой же секции — что, кстати, они чаще всего и делают, не принимая на этот счет никаких, пусть даже самых уважительных, объяснений. А тут им, значит, нечего мне возразить, поэтому они такую, будто списанную у наших отечественных канцелярских крыс, типичную отписку из Франции и посылают.

Знать, чиновники везде одинаковые, что у нас тут в России, что у них там за кордоном.

А то Остап Бендер, помнишь, уверял: «Заграница нам поможет, заграница нам поможет...» Как бы не так!

Но с этим ладно, так я же в своем досье мало того, что — прошу прощения, если повторюсь — совместил гражданскую процедуру с уголовной, так еще и, сверх того, все необходимые документы в полном объеме и в оригиналах туда им отправил (ибо кто же мне копии-то с них тут, в лагерной системе, делать-то будет и, как они это указывают в своих «разъяснителях», что, мол, только оригиналы и надо посыпать, потому как собранные материалы Евросуд никому не возвращает), — похоже, они у себя, в цивилизованной цитадели, явно недопонимают, с какой беспробудной «тьму-тараканью», только кричащей со всех трибун о том, что она, якобы, «встает с колен», до сего дня имеют дело. Если, конечно, сознательно не закрывают на это глаза.

Да быть мне последней сволочью, если из того, что я им на рассмотрение отправил, не явствует, что с адвокатом мне в здании суда фактически консультироваться не давали, а это и есть прямое нарушение пункта 6 шестой статьи Европейской Конвенции прав человека, а также свидетелей защиты в суд не вызвали, а это, стало быть, совершенное игнорирование пункта 4 все той же статьи вышеобозначенного документа.

Меня бы, может, это не задело так сильно, если бы, допустим, я подошел к делу легкомысленно и не подкрепил свое обращение весомой доказательной базой. Так нет же! Наоборот, все было произведено на высшем уровне! Я им туда, в совокупности с формуляром и прочими бесценными оригиналами, отправил жалобы

всех непосредственно задействованных в процессе (как в помощь мне, так и остальным подсудимым) адвокатов, подтверждающие мои слова, а заодно и заверенную копию протокола судебного заседания, в которой, невзирая на все обычные подтасовки и пропуски, все доподлинно, выносившим обвинительный вердикт судом, расписывается, и любому дипломированному юристу (что нашему, что не нашему) невооруженным взглядом и без лишних подсказок видно – отнесись посеръезней только!

А они все это, просто-напросто, проигнорировали. И ведь не замучит же их, в связи с этим, хочу сказать, совесть... Хотя, о чём это я? В наше-то время...

Не зря же, видно, об этом отечественные журналисты давно во всех газетах пишут: что, дескать, Европейский суд в наши уголовные дела почти не вмешивается. Так на кой хрен, спрашивается, тогда они нам оттуда свои досье тысячами присылают, номера им индивидуальные присваивают... обращений-то от россиян, пострадавших от правового беспредела, вон сколько... чтобы с государства за каждое из них по 20 тысяч евро поиметь что ли?

– Выходит, что так. Я, кстати, тоже об этом читал где-то. Чисто тюремный принцип срабатывает: «Поймал мышь, имей его не спеша». А что им, собственно, из кожи-то вылезать из-за нас – незаконно осужденных, когда одних тех денег, что они получают от России за ее аккредитацию в ПАСЕ вполне хватает, чтобы даже во время мирового финансового кризиса процветать и не иметь задолженностей по зарплате. А это, как я знаю из той же прессы, – не много не мало, а четвертая часть от всех поступлений.

– А что ты хотел-то? Откровенно коммерческая организация, может и задумывавшаяся когда-то как нечто идеальное, жизненно-важное и перспективное. Только не знаю уж почему, но все это, едва организовавшись, тотчас же и закончилось или, как еще говориться, «приказало долго жить». Теперь у них, вероятно, совсем другие приоритеты. Сам посуди, ведь это же ненормально, когда почти из пятидесяти стран, ратифицировавших Конвенцию, Россия чуть ли не одна всю эту их, фигулярно выражаясь, контору «Рога и копыта» финансирует. Где это видано?

Их-то как раз понять можно: кто ж захочет отпускать такую замечательную «дойную корову»! Вот уж где действительно за державу-то обидно.

Поэтому-то они, руководствуясь практическими соображениями, и отфутболивают в большинстве своем все наши жалобы, удовлетворяя лишь малую часть из них, для того, чтобы чего доброго не отпугнуть такую, прямо скажем, страну-лохушку от столь щедрого и добросовестного спонсирования.

Тут уж им не до нас, конечно, когда речь идет о столь крупной наживе. Капитализм, одним словом, что по Марксу, что без Маркса. Отсюда и та же самая, что и у российских судов, касательно

нашего брата, несправедливо осужденного, непреодолимая в 0,4 процента планка по оправдательным приговорам. Тогда как у них у самих, не скажу уж конкретно по страсбургским определениям, но во внутреннем судопроизводстве от 30 до 50 % это точно!

Сам собою напрашивается вывод, что это у них насчет нас, россиян, такая заведомо просчитанная позиция. Или они не в курсе в своей демократически сформировавшейся Европе, что правящая верхушка у нас давно не чета той, что была при прежнем, коммунистическом режиме, а гораздо более хитрая и изворотливая. Это те в открытую своих идейных врагов гнобили, а эти, похамелеоны шифруясь под либералов, давно уже по политическим статьям никого не судят, а всем неугодным (за редким исключением, разумеется) уголовщину «лепят».

Все они там у себя в Европейском суде про это, естественно, знают, да только соответствующим образом не реагируют.

Не хотят, значит.

А на кой... когда у них и так все хорошо!

И все же, при всей моей бывалости и толстокожести, у меня, между прочим, до сих пор в голове не укладывается, как это вообще можно так беспринципно поступать, чтобы, с одной стороны провозглашать с невиданной помпой на весь мир такую прорывную Конвенцию, определив в ней постатейно элементарные нормы прав человека, которые, соответственно, для всех должны быть священны и незыблемы, а с другой стороны, самим же их использовать в корыстных целях.

Наподобие продажных гаишников, что по российским дорогам, докапываясь до водителей, напропалую взятки берут.

Уровень-то один и тот же.

Мелковато, согласитесь, для подобной инстанции...

Ну, может, чуть выше, типа бесславно блеснувших в девяностых отечественных финансовых пирамид: «МММ», «Хопер-Инвест», «Русский дом Селенга», и т. д. и т. п.

Короче, они, как это будет ни печально еще раз признать, циничнейше зашибают деньги на нашей наивности и бедах, и отнюдь при этом не стесняются и не краснеют, как «голубые воюшки», и в ус себе не дуют, как заправские фронтовые мародеры. Да и за руку их за это не поймаешь и, следовательно, к ответственности не привлечешь. Ибо во всем чувствуется навык и перо профессиональных юристов, взявших за основу принцип добровольности и предусмотрительно вписавших туда, для снятия с себя всякой ответственности, ряд четких параграфов, на которые поначалу, будучи всецело очарованным тем широким набором предлагаемых на твое обращение в их буклете правовых гарантий, не заостряешь никакого серьезного внимания, ну, как на пропечатанный мелким шрифтом банковский кредитный договор, по которому из года в год добросовестно платишь и

платишь, а потом вдруг выясняется, что из-за беспардонно накрученных тебе таким вот мошенническим способом непомерных процентов ты так и не рассчитался по нему до конца, а долг твой как «висел» на тебе, так и «висит». Либо, допустим, по страховому полису ты идешь, по сути, свое же положенное получать, а тебе на это цинично заявляют: «Да ладно – проходим! Ты, мол, вот тут не соблюдаешь то-то и то...»

В данном случае, это 34 и 35 статьи Европейской Конвенции прав человека, согласно которым, ты, оказывается, вообще непонятно что возомнившее о себе «чмо бесправное», и с которым за одно это нечего долго объясняться, а следует только смело посыпать тебя куда подальше. Причем я даже не поленюсь для большей ясности еще раз процитировать, хоть с листа, хоть по памяти, выдержки из этого их самого что ни на есть зауряднейшего лохотронного проспектика, который они высыпают по первому требованию всем жалобщикам вместе с формуляром – только, мол, заполни и отправь им обратно его. А они уж сумеют, как надо, с собственной выгодой, распорядиться им. Слушай же...

– Не надо, не напрягайся. Я и так все хорошо помню, – с неослабевающим интересом поддерживая разговор, вместе с тем, как мог унимал я своего, к тому моменту натурально начинаящего входить в раж неотлучного двойника. – Значит, рассчитывать нам не на кого. А как же правозащитники тогда?

– Правозащитники, говоришь? Да брось ты, ей-Богу чудить-то, а то сам не знаешь, что это за супчики-голубчики такие... Погорлопанить где-нибудь прилюдно с единственной целью создать видимость, что они, дескать, самоотверженно отрабатывают деньги, которые им выделяют на это дело заинтересованные и предпочитающие оставаться в тени «толстосумы», это они еще могут, а так, чтобы принять участие в чьей-то отдельно взятой судьбе (если это, опять же, не поспособствует их собственному на этом двуличном поприще позиционированию), тут уже никакого рвения не наблюдается. Простой мужик им в этом плане совершенно не интересен. Я к кому только первым сроком с этим вопросом не обращался: и к лидеру движения по правам человека Льву Пономареву, и к главе Комитета «Гражданского содействия» Светлане Поганнушкиной или Ганнушкиной, точно не помню? В общем, и в «Хельсинскую группу», и в «Пен-центр», и в «Фонд гласности», да мало ли куда еще... Так вот, все они, как сговорившись, безразлично объясняли мне, что они, мол, полные банкроты и ничем в связи с этим помочь мне не могут. И это, заметь, лица, которые, не смущаясь, называют себя новомодно legal expert и, как я понимаю, из-за своей несостоятельности не собираются отказываться от этой (по существу, «очковтирательской») деятельности. Но больше всего позабавил меня, так сказать, сквозь слезы, ответ от «Координатора Совета Европы» из МГИМО. Получается, что он, при таком пом-

пезном звании, занимается всего навсего организацией распития чаев за круглым столом (естественно, для избранных) и популяризацией литературы Европейского суда. Вот тебе и на! То есть, вместо того, чтобы оказывать реальную помощь нуждающимся, это доверенное лицо занимается только тем, что беспечно, под чаек с шоколадными конфетами, сбивает всех с толку этим откровенным фетищем. Есть у меня, правда, телефончик одного известного адвоката Генри Марковича Резника, он теперь, как я слышал, никаких стал членом Общественной палаты... Осудят, непременно позову ему и послушаю, что он мне на это, как Президентский назначенец, скажет?

— Лучше не надо.

— Почему?

— Расстраиваться лишний раз не будешь. Пройденная тема. Я ему уже звонил (не так давно, кстати, прямо из камеры, и будем считать, что «с тапочки»), узнав всеми правдами и неправдами его «сотик» и купившись на очередную «утку», услышанную из радиоэфира «Эхо Москвы» от «фантомной» журналистки Юлии Латыниной, которая своих слушателей убежденно заверяла в том, что этот пробивной господин, вроде как, помимо своей публичной профессиональной и общественной деятельности «втихую» еще и — естественно, не корысти ради, а только из благородных побуждений — простым людям, по недоразумению попавшим в милицейские застенки, помогает и, значит, одного за другим их оттуда целями партиями вызволяет.

— И что?

— Что-что? Спасибо, что не послал куда подальше... А если дословно изложить этот наш с ним телефонный разговор, то, пару месяцев поморочив голову (то он за границей, то еще где...) и, видимо, лишь бы навсегда от меня отделаться, так, в лучших традициях жестких жандармских отповедей, сказал позывая, что бедных и несчастных на Руси, дескать, много и всем все одно не поможешь, а я, мол, не политический и поэтому общественная палата за меня вступаться не будет. А берет она под свой контроль и ходатайствует перед Президентом, якобы, только тогда, когда видит откровенную расправу, опять-таки исключительно по политическим мотивам. И как они ухитряются выяснить, откровенная это расправа или нет, не читая фабрикуемых уголовных дел — убей, не понимаю. Помогают одним политическим, а политические у них, как намедни им пофамильно (а конкретно тому же Резнику, Пономареву, ну и Липскому) на брейн-ринге с корреспонденткой «Нью-Таймс» Валерией Новодворской, проводимом и транслируемом по НТВ, заявила писательница Мария Арбатова, только те, кто им миллион принесет вначале, а для неплатежеспособного просителя они, соответственно, и палец об палец не ударят.

— Все ясно, — перебив меня, тяжело вздохнул он, понурив голову и держась, как всегда, поблизости, ибо был, по сути, моей доподлинной гамлетовской тенью, пусть даже и несколько высоко-парно звучит для постороннего уха.

6

Не исключено, что мы с ним, как два мрачно следовавших друг за другом подопытных субъекта (человек и клон), давно утратившие представление о том, кто есть реальное лицо, а кто его производная, наговорили бы и не такое о столь предательски низко отринувшей все наши наивные чаяния и надежды на торжество справедливости и оказавшейся всего навсего так и не переродившейся в прекрасную царевну мерзкой лягушкой, псевдоправовой как отечественной, так и европейской системе, но тут в ходе судебного разбирательства речь зашла и о нас самих, дорогих и разлюбезных, и поэтому волей-неволей пришлось переключиться (опять же таки, под сердитое понукание адвокатов) от обсуждения последующих и все больше, к сожалению, не работающих защитительных механизмов, к обусловленной местом и действием первостепенной рутинной конкретике. Дабы иметь, на всякий случай, подлинное представление о том, каким же образом, обходя и игнорируя закон, российская Фемида в лице Бабы-Яги за какие-то полгода нашего с Серегой Платоновым отсутствия в Тольятти (а именно, связанным с назначенной нам судом психиатрической экспертизой), переродившейся в Сатану, путем ряда процессуальных уловок, поменяла юрисдикцию районного суда на областную, с заметно пополнившимся числом подсудимых. Хотелось сосредоточиться и чисто из любопытства разобраться: к каким же таким хитроумным выкрутасам прибегает современное правосудие, доказывая вину обвиняемых? И надо сказать, что делалось это весьма примитивно. Так, в основу нашего с Серегой Платоновым (ну и с клоном, соответственно, тоже) уголовного дела были положены незаконно добытые на следствии показания некоего Валерия Малоземлева, который, в довершении всего, не подтвердил их на очных ставках, сославшись на то, что, якобы, он боится морального воздействия, и написал об этом на имя начальника УВД (явно под диктовку компетентных органов) заявление. И это, хочу отдельно остановиться, человек, недавно освободившийся из мест лишения свободы, где он отбывал девятилетний срок наказания за вооруженный грабеж. Конечно, как же он с такой о многом говорящей биографией, не будет бояться морального воздействия-то, а?!

И, разумеется, что следственный отдел тотчас же пошел ему навстречу. Незамедлительно перевел его за эти особые заслуги перед Родиной отдельным постановлением из подозреваемого в свидетели. А то, что при аресте у него были изъяты в квартире выворотки для угона автомобилей и сканеры для отключения

сигнализаций, а в гараже, который он снимал, краденая машина – это, стало быть, сущие мелочи! Главное, что с детальной подачи следователя (в чем, кстати, я нисколько не сомневаюсь) он пояснил, что все это ему, дескать, не принадлежало, а было оставлено на хранение заглянувшими к нему с визитом посторонними людьми, которыми, как нетрудно будет догадаться, были мы с Серегой Платоновым.

Как же тогда быть с проблемным гаражом, числящимся за ним, а не за нами? – невольно возникает вопрос у любого хоть чуточку способного логически мыслить человека, ознакомившегося с материалами уголовного дела. Но и тут, понимаешь ли, по принципу одна голова хорошо, а две лучше, у него, соответственно, благодаря очень уж грамотным советчикам из числа курирующих его провокационную, а то и преступную деятельность оперативников, быстренько подыскалось вполне устроившее следствие объясняющице, из которого складывалось, что он, якобы, передал нам его во временное пользование. Зачем, спрашивается? Хороши же, надо заметить, случайные гости, которые с воровским инструментом к плохо знакомым людям так, от нечего делать, на чаепитие ходят, да еще и гаражи у них при этом переарендовывают. Тут уже либо он все врет, либо мы с ним соучастники.

Но и это еще не все, потому как из надиктованных ему, имевшими на нас зуб – не сочту излишним уточнить, за участие в правозащитной деятельности – силовыми структурами показаний, следовало, что мы с Серегой Платоновым, выказывая себя ярчайшими прикурками, «сердечно» делились с вышеобозначенным бдительным свидетелем, как мы изо дня в день, на протяжении недели угоняли одну за другой со дворов и улиц бедного и несчастного Тольятти (будто делать это кроме нас больше некому) плохо стоящие вазовские малолитражки, для последующей реализации Неухры-мухры, в общем!

Но хуже всего, по-моему, то, что пресечь столь вопиющее беззаконие зачастую бывает просто некому, и тот же Европейский суд, из-за своих политico-меркантильных интересов равнодушно заключает, что он в поданной вами жалобе вроде как и не усматривает «признаков нарушения прав и свобод» (рехнулись они там, что ли?), которые, стоит подчеркнуть, по его же, то есть Евросуда, приводимым в «рекламных» проспектах заверениям, обращающиеся не надо даже подробно расписывать и систематизировать в статьи Конвенции. Суд, мол, сам, в процессе изучения материалов дела, детально во всем разберется, и все нарушения профессионально установит. «Отделит зерна от плевел». Ну-ну... Имели уже возможность не раз убедиться в том, как он это делает!

Итак, председательствующему-«Сатане» по закону необходимо было, чтобы этот самый милицийский провокатор Малоземлев подтвердил те запротоколированные, как его собственные, так и

данные на следствии показания, теперь уже по процедуре суда, а он, как назло, не являлся туда – и все тут! Игнорировал, значит! А они с прокурором буквально «с ног сбились», пока судебных приставов к нему по месту жительства раз за разом посыпали, и те, не застав его на месте, повестки в дверях оставляли, да заодно уж и объяснения с соседей по этому поводу брали: «Жив, здоров, вчера еще видели, как он в стельку бухой на карачках домой возвращался. А че ж ему будет, шайтану такому», – должно быть, комментировали те.

Отсюда неизбежно вытекало, что, согласно нынешнему уголовно-процессуальному кодексу, его оговор не имел никакой юридической силы, и поэтому не мог быть взят за основу грядущего и касающегося меня и Сергея Платонова обвинительного вердикта. Вот если бы (даже креститься и сплевывать, как полагается в таких случаях, не буду) Малоземлев, к примеру, умер, судья бы их огласил и ни в чем бы уже не шел тогда вразрез с действующим законодательством, а тут у него серьезнейшая накладочка возникла, за которую ему, пожалуй, если, допустим, когда-нибудь, в отдаленном будущем, в стране сменились бы правовые приоритеты, а мы все продолжали и продолжали бы писать жалобы, едва ли поздоровилось бы, вплоть до полной дисквалификации могло бы дойти дело. Но это председательствующий, судя по всему, не испугало. Он, должно быть, отлично понимал, что Россия – то еще застойное болото, в котором до существенных преобразований ой как далеко – не одно поколение сменится, не один еще успешный менеджер в правительстве передаст власть другому! В итоге «Сатана» легко обошел это, видимо, незначительное для него затруднение (вертеть по своему усмотрению законами давно уже стало повсеместной практикой отечественной Фемиды), и с молчаливого согласия прокурора экстренно предпринял поименный опрос всех участников заседания: адвокатов и подсудимых, для того, чтобы выяснить – возражают ли они против оглашения этих самых вымороченных на следствии показаний, чтобы потом, как на чаше весов, их взвесить и незамедлительно принять как руководство к действию, в соответствии с тем, сколько из них будет за и сколько против. Что, следует разъяснить, является противоправным действием, так как одного того, что мы с Сергеем Платоновым и с нашими защитниками не согласились с таким пофамильным, по существу, являющимся дешевой отсебятиной голосованием. Этого уже было вполне достаточно, чтобы оставить данные, целиком лживые свидетельства Малоземцева, без внимания и, конечно же, не давать им дальнейшего хода.

Да только председательствующий, не считаясь ни с кем из нас по отдельности, а может и вообще даже принимая всех разом за редкостных профанов, поступил строго наоборот, и не так, как полагалось бы, следуя букве закона, а воспользовавшись числен-

ным перевесом голосов, задействованных в судебном заседании, и фактически посторонних для нас адвокатов и подсудимых, сослался на это явно неправомочное обстоятельство и тотчас зачитал их в полном объеме, дабы взять их затем за контрдовод в ближайшей перспективе грозящего нам со вторым горе-симулянтом (ну и моего двойника, конечно же) обвинительного и чрезмерно строгого приговора. Кто бы еще сомневался-то в этом!

И тут, забегая немного вперед, хотелось бы для пущей ясности и полноты картины провести на ней еще один броский и о многом говорящий штришок в ужасающе-мрачной палитре: незаконно избавленный от уголовной ответственности и под прямым патронажем следствия переложивший на нас с Сергеем Платоновым свою вину Валерий Малоземлев ровно через полгода все-таки найдет свое и будет осужден за аналогичное деяние, а именно – за кражу машин, но в отличие от нас районным судом и к гораздо меньшему, чем мы, сроку заключения. В чем же, интересно, он перед своими покровителями-то провинился так? Неужели одним тем, что пусть и не непосредственно, но фактически отказался свидетельствовать против нас в суде и, таким вот мелким шельмованием, формально подвел своих высокопоставленных покровителей. Выходит, что так! Да вот только нам самим уже, несправедливо осужденным, от этого не жарко и не холодно будет.

И куда бы мы потом ни обращались у нас в стране, да и за ее пределами, оказывалось, что для надзорно-правовых инстанций все это не является заслуживающим их авторитетного внимания и влекущим отмену приговора в связи с «вновь открывшимся обстоятельством»; а так, всего-навсего не говорящий ни о чем второстепенностью – ну, дескать, попался опять вор Малоземлев на нарушении уголовного кодекса с поличным, и что с того?!)

В общем – прошу прощения за резкость – дебилизм крепчал и выхода из этого не было никакого! И тут уж невольно напрашивается обобщение: предположим, если журналист едет с военными на одном бронетранспортере, в составе войск, отражающих нападение на Цхинвал, то он же автоматически не становится готовым к боевым действиям солдатом. Не пристрелят, так разберутся: кто есть кто? – попади он даже в плен. А вот писателю или поэту определенно так не повезет. Со временем харизматичного питерского процесса над Иосифом Бродским, когда судья, типичная русская глупая баба, как говорится, «курам на смех» выдала: «А кто вас назначил поэтом?» – по-моему, у нас в родном отечестве мало что изменилось.

И если бы скандально известный поэт прошлого века Сергей Есенин написал свои замечательные строки о том, что он «с бандитами жарил спирт» в наше реакционное лихолетье, да еще и, к примеру, в Самарской области, то тогда уж точно ему было бы не избежать тюрьмы на долгие годы. Наши далекие от литературных изысков прокурорские дубы не преминули бы истолковать это как вырвавшуюся невзначай из-под поэтического пера «яяку с повинной», а они уже, в свой черед, получается, проявили бдительность, успев вовремя пресечь намечающуюся преступную деятельность. Попили, мол, спирта, и на дело...

А телевизионщики следом сняли бы про это документальный фильм из цикла «Криминальная Россия», и наша легковерная общественность, которой попросту ни до чего нет дела (лишь бы их самих не трогали), просматривая его в своих мягких и удобных домашних креслах, удовлетворенно вздыхала: «Дописался, значит, сволочь!» – сокрушаясь лишь о том, что пива на вечер не хватило, а в ларек за ним вроде как лень бегать. Правда, сделав из этого своевременный вывод о том, что завтра футбол и, значит, надо будет предусмотрительно приобрести на две-три бутылочки побольше.

Знакомая история?

Ну и славно! Главное, чтобы утром не пришлось проснуться под надзирателей окрик: «Кипяток брать будете?» – а то ведь в полицейском государстве и такое бывает.

Сплошь и рядом!

Итак, по ходатайству моего адвоката, того самого, резвого и поджарого, как хорошая гончая, старишка, которого, наверняка влезши в долги, наняла моя мама, были оглашены показания ряда свидетелей, с которыми (после десятидневного ареста, сомнительнейшим путем, но, вероятно, весьма заслуженно, избавленный от уголовной ответственности) Валерий Малоземлев встречаясь в городе, восторженно делился тем, что он оговорил меня и Сергея Платонова на следствии, дабы переложить свою вину за содеянное на нас, так как очень уж не хотелось ему, видите ли, мотать очередной лагерный срок. А так, глядишь, мол, все еще уладится: так как он не явится на суд и нас в связи с отсутствием твердой доказательной базы, предварительно подержав какое-то время в неволе, обязательно освободят и оправдают.

Его бы слова да, как говорится, Богу в уши, но увы!

На нашего судью, к несчастью, это не распространялось. У него, определенно, было на то свое, уже заранее заготовленное решение.

Соответственно, никаких необходимых мер для установления истины по делу он не предпринял и, как уже писалось прежде, сославшись на новый процессуальный порядок, не подразумевающий, как это было раньше, вызова свидетелей защиты в суд разносимыми и рассылаемыми по их домашним адресам повестками, поручил это осуществить в частном порядке моему адвокату. Который по каким-то неизвестным мне, но, как мне думается, не таким уж неустранимым причинам, не проявил положенного профессионального рвения. Что, быть может, было и хорошо, — тем самым, он не дал суду сбить говорящих в нашу пользу очевидцев с толку и окончательно запутать, как это бывает в девяносто девяти случаях из ста, а сохранил их поясняющие суть вещей показания в материалах дела в первоначальном и неподверженном принудительному искажению виде. С истиной, так сказать, налицо. И если вдруг когда-нибудь и у кого-нибудь появится желание до нее докопаться...

В итоге, единственным свидетелем, явившимся по собственной инициативе в суд и говорившим непосредственно в мою пользу, был мой давний знакомый Санька Кириченко, по-свойски «Хохол», занимавшийся частным предпринимательством, и с которым на период предъявляемого мне обвинения полтора года назад в мае месяце я ездил за компанию на его машине, «Газельке-холодильнике», в город Волгоград за рыбой.

У меня выдались как раз свободные от основной литературной работы деньги, и я, недолго размыслия и решив немного развеяться, охотно воспользовался его предложением. Ведь кто-то, а я-то из многолетнего опыта наших с ним приятельских отношений неплохо себе представлял во что эта поездка выльется, ибо

этот человек все в своей жизни делает если и основательно, то все же с некоторой прохладцей, «не давя педаль газа до полика», говоря на расхожем лексиконе автолюбителей, и умело совмещает полезное с приятным, привнося в бизнес элемент удовольствия. Другими словами, эстафетного продолжения стахановского движения не будет. И я не не ошибся.

Видимо, по давно уже заведенному у него правилу, остановились мы в тридцати километрах от Волгограда в маленькой, чистенькой и бесспорно помнящей еще о царе Горюхе гостинице, расположенной в центре провинциального и по-деревенски уютного городишко Дубовка, и только два раза выезжали оттуда на один из рынков областного мегаполиса с целью договориться с уже знакомыми ему торговцами о подготовке крупной партии судака, чтобы загрузиться им уже в день отъезда.

По нему, этому благородному речному хищнику, как между делом объяснил мне Санька, и было с нашим, хоть и тоже волжским регионом, на тот момент почему-то наиболее заметное, по сравнению с иными разновидностями рыбы, расхождение в цене.

А в создавшееся «окно», вместившее несколько погожих и, в трогательной весенней блажи, как бы не поддающихся подсчету деньков, мы с ним, чтобы не заскучать, разнообразили себе жизнь тем, что, будучи в а-ля курортном фривольном настроении, угождали в соседствующей «кафешке» двух как-то само собой подвернувшихся нам прехорошеньких девушек разными сортами мороженого. Вполне ответственно пообещав им при этом, что как только они еще немного подрастут (вероятно, к следующему нашему

в те края приезду) непременно перейти с ними на какое-нибудь сухое и почти не кружашее голову вино. А пока, мол, ни-ни! И нечего на это, в виде возражения, так напыщенно-презрительно дуть губки!

— А то ведь домой придете, а родители вам за такие проделки, как в детстве, по задницам шпандырем а-та-та, — больно будет!

— Не, мы большие уже, — понимая, что мы шутим, невиннейше прыскали они, похихикивая в кулакоч.

Все это в единый миг проплыло в моем сознании, когда Александр Анатольевич Кириченко, к моему безмерно-радостному удивлению, собственной персоной вошел в зал суда и, остановившись в двух-трех шагах от стола председательствующего, приготовился отвечать на его вопросы.

Чисто выбритый и по-вольному, в стиле нестареющего романтика, слегка взлохмаченный, но, однако же, весь оттуюженный, он и не покосился даже в нашу сторону, а, как и подобает на таких ответственных «мероприятиях», повел себя предельно серьезно — четко и не путаясь, подтвердив свои данные ранее показания, еще и предоставил для приобщения к томам уголовного дела справку из дубровской гостиницы с конкретным указанием даты нашего с ним там пребывания, которая идеальнейше закрепляла мое алиби, предельно перевешивая и придавая положительный крен далеко не беспристрастной чаше весов отечественной Фемиды.

И что же? Суд и это счел возможным проигнорировать, в свой черед озвучив показания какого-то полоумного, то ли свидетеля, то ли подсудимого по фамилии Шамов, который, выясняется, точно помнил, что он нас с Сергеем Платоновым в те самые дни видел в городе Тольятти. Вот уж кого действительно вместо нас надо было бы отправлять на подтверждение диагноза, причем, минуя «пятиминутку», сразу в стационарное отделение казанской психиатрической больницы, — не сомневаюсь, признали бы! И я даже, помнится, заявил об этом ходатайство, но его, опять же таки, отклонили.

Вот и вся состязательность, принцип которой, как известно, в любом судопроизводстве считается основополагающим.

Ах да, чуть не забыл.

Среди прочего были оглашены и наши с Сергеем Платоновым судебно-медицинские заключения.

Но их-то как раз, под давлением навалившейся на меня в очередной раз неимоверной нервной и физической усталости, я просто не в состоянии был внимательно выслушать и, следовательно, хорошенько запомнить, чтобы теперь дословно перенести на бумагу. Глаза мои сами собой закрывались, мозг отключался, и в результате все, что у меня отложилось в голове от этих аргументированных профессорских определений — это кое-какие разрозненные выкладки, которые, впрочем, как смешавшаяся в детском калейдоскопе мо-

занка, при незначительном встряхивании все же складывается в конкретный и с симметричной замысловатостью расположенный каллиграфический узор, из которого и следовало, что психиатры с многолетним стажем работы, посредством длительного наблюдения за каждым из нас в отдельности (на что, стоит сказать, были выписаны индивидуальные и не объединенные, как какой-нибудь там следственный «объект», документы), пришли к выводу что: а) я, Ветров Василий Алибаевич, такого-то года и места рождения и обвиняемый по статье такой-то и т.д. и т.п., хоть и не разговаривал с врачами и другим медсестринским и охранным персоналом отделения, но, при этом, в себе не замыкался, вел себя артистично и даже как-то написал санитарке записку с просьбой принести мне из каптерки книги, которые, не таясь, стал читать запоем, а потом уже, позже, на заключительном собеседовании, войдя по вызову в кабинет, с умным лицом, при первом же с их стороны вопросе, сделал его глупым... На основании всего вышеперечисленного врачебная коллегия в таком-то составе постановила, что я, значит, симулянт и вменяем, и что: б) он, Платонов Сергей Александрович (тут так же, как и в первом случае, идут метрические характеристики), за время пребывания на судмедэкспертизе в восемнадцатом отделении республиканской психиатрической клиники города Казани, не проявил себя как человек организованный и уравновешенный, очевидно неспособный к четким логическим умозаключениям, а также крайне зажатый. Но, однако же, по заключению все тех же, что и у меня, научных светил, это еще не означает, что на момент совершения преступления он страдал умственным расстройством. А то, что он вел себя в стенах высокой психиатрии неадекватно, без конца бил в палатах лампочки тапочком и на все обращения к нему сотрудников учреждения неизменно посыпал их на три веселых буквы – это, якобы, является вполне допустимой, если даже не закономерной реакцией на его арест, вот так-то!

Словом, все в точности совпадало с тем, что уже успел, сработав на опережение, пересказать мне когда-то, при первой нашей с ним встрече в ИВС, нанятый мне мамой защитник, и зачитанным затем уже, спустя время, на процессе публично. Но приведенное, правда, мною в весьма и весьма произвольной форме – как уж помню, не взыщите!

В таком вот, получается, не развеивающемся, как туман, сумбуре – одно воспринял, другое нет, то помню, а то не помню – судебные слушания были закончены и процесс перешел к прениям сторон. Прокурор на основании степени вины и характера личности обвиняемых запрашивал нам срока. Адвокаты зачитывали свои сухо аргументированные защитительные речи, подсудимые произносили свое законное последнее слово, а зал, в предчувствии скорого и необратимого разрешения происходящего, поминутно вздрагивал и вздыхал, утирая слезы.

Так, по мнению обвинения, меня следовало в составе организованной группы, как личность, не вставшую на путь исправления и ранее судимую, приговорить к десяти годам колонии строгого режима, а второму фигуранту по уголовному производству, Сергею Платонову, как непосредственному исполнителю и в связи с вроде как всплывшими, какими-то другими новыми десятью эпизодами, аж пятнадцать.

Что ж не пожизненное-то сразу, а?

Зашитники, конечно, подбадривающие хлопали нам глазами, изредка разворачиваясь для этого от своего стоящего тылом к нам и боком к председательствующему длинного канцелярского стола, а подходить к пленившему нас судебному отстойнику для проведения своевременных консультаций почему-то не решались, видимо, оставив это до конца заседания, когда уже сидящий рядом на лавочках конвой точно не даст им этого сделать, немедленно начав, оттесня их, заковывать нас в наручники, готовя для вывода и спуска в недоступную уже ни для кого подвальную «превратку».

Почему? Оказывается, есть такой приказ № 41 ДСП от 1996 года для конвоя, позволяющий ему так поступать в целях воспрепятствования передачи задержанным запрещенных предметов.

А что таким образом нарушается линия защиты – это, стало быть, неважко.

Обезьяна – и та бы, вероятно, раз-другой столкнувшись с данным затруднением, научилась бы работать на опережение, а вот нашим адвокатам – людям, поднявшимся на верх интеллектуальной элиты и взявшимся отстаивать чужие права, это почему-то не пришло в голову.

Что, естественно, не вселяло в нас надежду на лучшее, а только вызывало стойкое ощущение покинутого лечащими врачами безнадежно больного.

Страсти, как нетрудно догадаться, между тем все накалялись. Выпуская партию за партией, клетка периодически открывалась, и взволнованные родственники, прощаясь со своими ненаглядными чадами и вторыми половинами, буквально как ножами масло — протянутыми для рукопожатия руками — резали стену оцепления и безудержно сметали ее по сторонам, как живую вражескую баррикаду. Это было сплошное месиво, сопровождаемое не утихающими возгласами и всхлипами.

Не удержалась тут и моя, надо подчеркнуть, никогда не пасующая перед жизненными невзгодами самоотверженная мама. Когда меня вывели из той просматриваемой заперти наружу и повели, пристегнутым к какому-то из подсудимых наручником, навстречу ей, чудом гребущей в этой бурлящей кительями и камуфляжами пene в своей старенькой и до слез знакомой шубке, что в утлой лодочке, — она пробилась поближе ко мне и чуть ли не взмолившись, с заплаканным, сморщенным лицом, выкрикнула:

— Я уже, наверное, и не дождусь тебя, сыночек!

— О, Боже, — только и смог одними губами пробормотать на это я, холода от волнения. И тут вдруг мне показалось, что рядом с нею, бережно придерживая ее за локоть, стояла моя ненаглядная казанская медсестра Наташа, а, вернее будет сказать, плыла в общем, вызванном бурными пертурбациями колыхании, как по затянутому предрассветной дымкой пруду — печальная белая лебедь, да еще и, в дополнение ко всему, какleonardovская Джоконда с обворожительной загадочностью мне улыбалась, не отводя взгляда и откровенно моля о взаимной нежности и любви.

Греза или реальность, самообман или прекрасная явь? — было, конечно, от чего такому не реабилитируемому «пересидку», как я, ошалеть и впасть в ступор.

Глаза у меня сами собою зажмурились от изумления... но это не помогало — видение не исчезало. И вот в этот самый, предельно уплотненный миг, когда я, глядя на нее, сворачивал себе шею, увлекаемый плотным потоком, произошло невероятное, и я вдруг почувствовал, что до этого крепко стягивающий мне запястье над правой кистью наручник стал сам собою ощутимо ослабевать, и я со стремительно промелькнувшей и потаенной мыслью принялся придерживать его под нависшим рукавом свитера судорожно скавшимися в кулак пальцами. Только бы не выдало меня, похлеще завибрировавшего в кармане «сотика», колотящееся о грудную клетку сердце. Вот-вот выскочит, разбив ее, наружу...

«Тише,тише», — еле шевеля пересохшими губами, успокаивал я его с каждым шагом. И уже выйдя в сопровождении надзирателей растянутым гуськом из зала заседания, покинув этаж и углу-

бившись вниз, на последнем лестничном повороте перед спуском в нулевой рубеж, моментально отметив возникший между заворачивающими с расширенным радиусом вблизи нас конвоирами световой прогал и маячашую в недалекой перспективе за снующими по просторному, выложенному пластиком и мрамором коридору гражданскими лицами, приоткрываемую кем-то массивную, со смотровым окошком, дверь главного входа, как впрочем и выхода, сбросив с одной руки оковы и освободившись от остальных своих попутчиков-подневольных, – резко рванулся вперед, стараясь не сбить при этом идущую мне навстречу женщину с ребенком, непонятно что тут делающую. Вихрем обогнул их, а следом и толстого пузатого мужика с нервно задрожавшими, при виде меня, желейными, в лопнувших капиллярах щеками и отвисшей кузовом самосвала золотозубой челюстью. Который, видимо, мгновенно все поняв, хорошо что только так сумел отреагировать на мое приближение. А то ведь мне, в моем-то крайне истощенном физическом состоянии, совсем не желательно было сталкиваться с ним в прямом ударе.

Вероятно, можно было и не форсировать события и терпеливо плестись со всеми дальше, аргументируя это тем, что нас все одно повели бы мимо парадных дверей через весь коридор до следующего параллельного спуска, потому как первый был заблокирован, насколько мне было известно, под пожарный выход, – ухитрялся я еще как-то, на бегу, взвешивать все за и против, – но тогда я мог бы упустить драгоценную возможность проскочить не задержанным, ибо, как я уже до этого заметил, приставленные на входе для регуляции безудержного потока посетителей, обычно относящиеся ко всему с ленцой, два крепко сложенных охранника, один с пистолетом, а другой с автоматом, при нашем появлении запрограммировано мобилизовывались и, резко вскочив со своих сидячих мест, обходили разделительную стойку, чтобы перегородить потенциальному « побегушнику» открывающийся перед его боковым взором соблазнительно влекущий на волю проход.

А так, я ухитрился молниеносно преодолеть какой-то там жалкий десяток метров, оставшись незамеченным для них, и когда они уже спохватились, имел очевидную фору и в скорости, и в расстоянии.

«Побегут они за мной или не побегут?» – естественно, мелькнуло у меня в голове, после того как я, уже успешно преодолев двойной ряд обитых мореной рейкой и сдерживаемых по старинке тугой пружиной, вместо современных «доводчиков», дверей, спускался по крутым бетонным ступеням, забирая вправо и убыстряя темп.

«Ясно дело, «стартанут», – старался я не вводить самого же себя в заблуждение, дабы раньше времени не расслабляться, одновременно намереваясь, воспользовавшись с детства знакомой и путано понятанной архитектурой местных дворов, пропетлять

как можно больше, ну, что матери́й заяц по валежнику, прежде чем мне повезет удалиться в ближайший лесок, и в нем уже окончательно от них скрыться.

Единственно, что меня подводило, это то, что на моих кроссовках не было шнурков. Объяснялось же это просто: блестяще вымуштрованный конвой перед каждым выводом из подвального «обезьяника» и последующим препровождением в зал судебного заседания, производя тщательный досмотр, всякий раз у нас, подсудимых, изымал эти самые шнурки до окончания слушания и водворения обратно. Если бы я, предположим, готовился к этому дерзкому шагу заранее, то я, безусловно, сплел бы себе, еще будучи на ИВС, из каких-нибудь старых, распущенных носков заветную пару вязочек, а потом бы, дождавшись, когда меня поместят в судебную клетку, незаметно, затерый в плотной арестантской маске, прошнуровал слетающую на ходу обувь, ибо на обратном пути события, как правило, начинают развиваться так стремительно, что на эту перемену никто из конвоиров не обратил бы внимания.

Но у меня-то все вышло, повторяю, импровизированно, и в итоге левый кроссовок на первых же метрах пути сразу же и слетел с левой ноги. Подбирать его времени, разумеется, не было, и я, недого думая, избавился и от второго, продолжая бежать в одних носках. Хотя и это неверно — поверх этих тонких, хлопчатобумажных фабричных изделий на мне были надеты еще и толстые, когда-то заботливо связанные мне мамой и привезенные в изолятор, шерстяные следки. Сидели они на ноге на удивление плотно и передвигаться в них было легко и удобно. Так что я даже, вроде разгоняющегося перед полетом журавля, как бы отрывался от земли, имея шанс не быть настигнутым преследователями.

И шанс-то был вполне реальный, если бы не предательски сбивающееся дыхание.

Вот оно-то, между прочим, больше всего меня тогда и подвело.

Я сразу почувствовал, что тюрьма не прошла для меня даром, и легкие, вследствие постоянного и длительного нахождения в чадной и плохо проветриваемой атмосфере, будто забитые сажей печные трубы, вовсе не давали тяги.

А останавливаться было нельзя, вот я и сопротивлялся как мог...

Но спустя несколько минут, вероятнее всего, скорее быстро шел, чем бежал.

И как еще на первых же метрах поверженно не свалился (сие есть большая загадка, на разрешение которой, понятно, я тогда не мог сосредоточиться даже мельком)! Обстоятельства вынуждали срочно задействовать второе дыхание, и я очень надеялся, что оно не подведет, в мои-то, полные смутных надежд и практических планов, молодые годы.

И вот тут-то:

— Стой, стрелять буду! — грозно прозвучало где-то поблизости за моей спиной.

Судя по всему, у моего преследователя (не то что у меня) с «дыхалкой» было все в порядке — меха так меха! А значит, и рука не дрожала, что не давало повода сомневаться в том, что если он надумает стрелять по движущейся мишени, то есть по мне, то уж точно не промажет...

Оставалось только надеяться, что и с головой у него было все в норме, и он не станет этого делать в густонаселенной городской среде.

И как тут в свое оправдание не заметить, что я-то специально не прятался ни за кого, но, однако же, люди, все это время непрерывно и, конечно же, не помышляя ни о чем плохом, шли и шли куда-то по своим, полным разнообразных житейских хлопот, делам и почти вплотную соприкасаясь со мною. Как навстречу, так и по ходу движения.

Только вот мое вечное стремление думать о своих родных соотечественниках лучше, чем они есть на самом деле, в очередной раз меня и подвело: пустившийся за мной в погоню вооруженный горлопан, сделав предупредительный выстрел в воздух, произвел его и по цели.

Но это уже потом до меня дошло, когда я неожиданно стал падать, а до этого мне даже показалось, что он промазал, и это что-то случайное и незначительное, просто безвредно царапнуло, пройдя вскользь, у меня под правой лопаткой и по спине.

Ан нет!

Я точно спотыкнулся, не успев еще обогнуть, как планировал, угол воздвигнутой величественным Колоссом по соседству с судом шестнадцатиэтажки, и по инерции проскользив, как по наждачной бумаге, по асфальтовой дорожке, при этом сильно ободрал себе колени и локти, и все так же, видимо, в горячке, не испытывая никакой боли.

Но эта, как поначалу показалось мне, незначительная оплошность, не только не успокоила, а как бы даже раззадорила мою неугомонную натуру.

И я уже собирался было снова подняться и пуститься наутек.

Да вот только силы уже определенно изменили мне. Хотя сознания я еще не потерял, и даже отчетливо сумел разглядеть кусочекцепляющегося облаками за антенны крыши безрадостного зимнего неба, невольно заключив, что, должно быть, это и есть те переменчивые в своей роскошной необозримости врата вечности, которые неизменно преодолевают человеческие души, уносясь от земли в непостижимое никуда, в котором еще неизвестно, есть ли вообще что-то?

И только когда уже налетевшие отовсюду милиционеры, заломив мне за спину руки, защелкнули на них наручники и принялись меня все разом и, однозначно, в отместку за доставленное им неудобство, остервенело избивать.

Тогда-то я, как-то разом, погрузился из белого дня в черную ночь.

— Ой, где это я?

*Исправительные колонии 10 и 26
Самарская область 2007-2009 гг.*

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. ИДЕЯ ФИКС

Глава 1. Полет откладывается.....	3
Глава 2. Город с неприличным названием.....	7
Глава 3. Город по имени Пальмиро.....	11
Глава 4. Пятиминутка.....	16
Глава 5. Лик иного рода.....	19
Глава 6. Аллегро с Ютой.....	23
Глава 7. Сердцу не прикажешь.....	29
Глава 8. Склонность к побегу.....	34
Глава 9. Первые жертвы.....	41
Глава 10. Экскурс в детство.....	48
Глава 11. Бешеный пес.....	51
Глава 12. Лелик.....	59
Глава 13. Новые знакомства.....	68
Глава 14. Владикавказские негры.....	75
Глава 15. Вечный огонь преисподней.....	86

Часть 2. АПОЖ

Глава 1. Роман с сульфазином.....	96
Глава 2. Циклический сон.....	108
Глава 3. Любовь с первого взгляда.....	114
Глава 4. Бабушкин орден.....	125
Глава 5. Перед бурей.....	136
Глава 6. Роковая страсть.....	148
Глава 7. Патетическая.....	160
Глава 8. Национальная рознь?.....	169
Глава 9. Пластилиновые люди.....	174
Глава 10. «Финита ля комедия».....	185
Глава 11. «Предэпилоговая – раз...».....	207
Глава 12. «Предэпилоговая – два...».....	217
Глава 13. «Предэпилоговая – три».....	226

ЭПИЛОГ

1.....	251
2.....	256
3.....	261
4.....	265
5.....	268
6.....	284
7.....	289

Литературное агентство В. Смирнова. Тольятти 2012
ИД № 00092 от 27.08.99.

Минин Сергей Михайлович
С И М У Л Я Н Т Ы

*Макет, верстка **В. Мисюк**
Художник **М. Шляпина***

Отпечатано в Димитровградской
типографии, ул. Юнг Северного флота, 107.
Заказ №

Подписано в печать 2.10.2012.

Формат 60x84/16.

Бумага типографская.

Гарнитура "Peterburg".

Печать офсетная. Объем печ. л. – 18,75.

Тираж 500 экз.